

ФАНТАСТИКА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

ESLI

11' 2012

ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ: 73118, 42918. ИНТЕРНЕТ: WWW.ESLI.RU

**РАДЖНАР ВАДЖРА
ДОКТОР И КОСМИЧЕСКИЙ РАЗУМ**

**ЧАРЛЗ ГЭННОН
ТОМ ПАРДОМ
ДЖЕК МАКДЕВИТТ
КРЕЙГ ДЕЛЭНСИ**

НИКОЛАЙ КАЛИНИЧЕНКО: ГОНКА ЗА ЛИДЕРОМ

16+

Вера КАМША

**синий взгляд смерти
ПОЛНОЧЬ**

Долгожданная предпоследняя книга знаменитого цикла «Отблески Этерны»!

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Александр ШАЛГАНОВ.

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ:

Евгений ХАРИТОНОВ.

КИНОФАНТАСТИКА, НОВОСТИ:

Дмитрий БАЙКАЛОВ.

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Екатерина АРОЯН.

СЕКРЕТАРЬ РЕДАКЦИИ:

Инесса ЛУГАЧЁВА.

ВЕРСТКА:

Татьяна МУРИНА.

ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:

Эдуард ГЕВОРКЯН, Александр ГРОМОВ, Олег ДИВОВ. Марина и Сергей ДЯЧЕНКО, Евгений ЛУКИН, Сергей ЛУКЪЯНЕНКО, Борис СТРУГАЦКИЙ.

ОБЛОЖКА:

Игорь ТАРАЧКОВ.

САЙТ ЖУРНАЛА:

www.esli.ru

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:

if@esli.ru

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕЛИСКИ:

МОСКВА, 119435, Б.Саввинский пер., д. 9, ИД «Любимая книга», журнал «Если».

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:

8(499)248-08-90 (доб. 201).

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:

ИД «Любимая книга», тел. 642-97-55.

ИЗДАТЕЛЬ:

IP Media (США), Издательский дом «Любимая книга».

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:

ЗАО «АРИА-АиФ», ООО «Горпечать», ЗАО «Сейлс», ЗАО «Центропечать», «АПР», ЗАО «Наша пресса», «Формула Делового мира», ООО «Метропресс» (С.-Петербург), «Урал-пресс», ООО «Желдорпресс ГП», «Деловые издания», «Артос-ГАЛ», «Интер-почта-2003».

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати.

Свидетельство ПИ № 77-7491.

Отпечатано в ООО «Красногорская типография»

143400, Московская область, г. Красногорск, Коммунальный кв., д. 2.

Зак.3083.

Тираж 10 800 экз.

Перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакция вступает в переписку только на страницах журнала.

Редакция не несет ответственности за содержание рекламных объявлений.

©«ЕСЛИ», 2012

ФАНТАСТИКА № 11 (237)
ISSN 1680-645X

ЕСЛИ

165 Раджнар ВАДЖРА

ДОКТОР И КОСМИЧЕСКИЙ РАЗУМ

Хорошо известный нашим читателям «доктор для чужаков» готов взяться за лечение нового пациента. Но на этот раз ему предстоит решить задачу поистине вселенского масштаба.

Марк НИМАНН-РОСС

ТЕХНИКА ПО-ЧЕЛОВЕЧЕСКИ

Неужели даже та, которая готовится в недрах ВПК?

35 Чарлз ГЭННОН

НЕ ДЛЯ СЕБЯ ОДНИХ

Следить за этой схваткой можно только при условии немалой технической подготовки. И знание физики тоже не помешает.

71 Том ПАРДОМ

ПРИВЯЗАННОСТИ МОРРИ

Ну, вот теперь зашла речь о правах киберграждан. А нам бы свои отстаять...

101 Дерек КЮНСКЕН

ПУТЬ ИГЛЫ

Встроить японское Средневековье с их системой ценностей в негуманоидную цивилизацию - нелегкая затея даже для писателя-фантаста.

123 Крейг ДЕЛЭНСИ

ТРИ ЛИСТИКА

Одни результаты эволюции очевидны, другие же скрыты слишком глубоко.

145 Джек МАКДЕВИТТ

СЛУШАЙТЕ, ПРИДУРКИ!

А как вы справитесь с успехом, не имеющим ничего общего с тем, что вы там себе навоображали?

257 Сергей БУЛЫГА

НЕБЕСНАЯ МЕХАНИКА

Разумные небесные тела мы встречали не раз, но ни одно из них не было альтруистом.

89 Аркадий ШУШПАНОВ

МОЖНО ВЕДЬ И БЕЗ ГОЛОВЫ...

Или так: «И даже пробуют ходить на головах: антиребята, антимамы, антипапы».

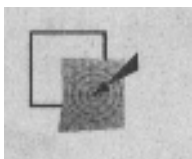
94 Сергей ЦВЕТКОВ

ШОУ НИККОЛА

Режиссер совершил кругосветное путешествие, чтобы вернуться туда, где всё знает и где никогда не бывал.

91 ВИДЕОРЕЦЕНЗИИ

Ирландский способ борьбы с инопланетными монстрами...

263 Николай КАЛИНИЧЕНКО

ОТРАЖЕНИЯ ОТРАЖЕНИЙ

Детское по звучанию словечко «фанфики» в русский язык пришло сравнительно недавно. Однако сейчас оно означает вполне взрослые забавы.

269 Сергей ШИКАРЕВ

ГОЛОВОНОГАЯ ЭСХАТОЛОГИЯ

Придумав однажды удивительный мегаполис Нью-Кробюзон, этот писатель продолжает творить городскую мифологию. Правда, теперь в декорациях обычного Лондона. Впрочем, обычного ли?

272 РЕЦЕНЗИИ

Литературный пейзаж по-прежнему не слишком радует глаз. Но кое-что обнаружить все-таки можно.

284 КУРСОР

«А если слон и вдруг на кита налезет, кто кого соберет?» Отечественные фантасты против электронных пиратов.

277 Вл. ГАКОВ

ЧЕЛОВЕК ИЗ НАШЕГО КАРАССА

А дюпрасс - это уже на двоих. И кто знает, что лучше.

286 ПЕРСОНАЛИИ

У них разные биографии, но общее дело: раскрывать тайны Страны Фантазии.

МАРК НИМАН-РОСС

ТЕХНИКА ПО-ЧЕЛОВЕЧЕСКИ

МАРК ИИМАНН - РОСС

ТЕХНИКА

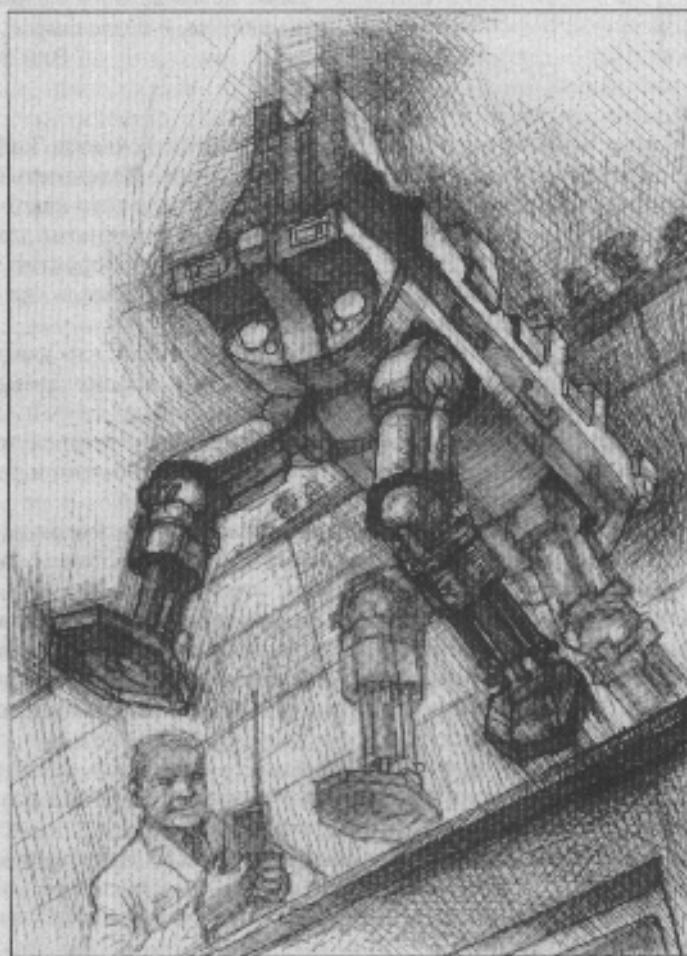

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

ПО-ЧЕЛОВЕЧЕСКИ

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

*Как много в этой жизни мы считаем само собой разумеющимся...
А между тем противоположностью любви является отнюдь не ненависть, а
безразличие.
Эли Визель*

Июнь 2114

После восьмидесяти одного года семейного счастья Тиффани Стотт радовалась избавлению от Уолтера. В тридцать лет он был совершенно очаровательным, но после того как они поженились, Уолтер начал изводить ее бесконечными придирками по каждому, даже малейшему поводу. Вероятно, ошибок и промахов у нее действительно было немало, но всему же есть предел.

Уолтер работал главным инженером проекта, что указывало на правильный выбор карьеры. Его склонность к обоснованным повторяющимся действиям была профессиональным достоинством, а не болезненным отклонением психики. Продвижение по службе зависело от быстрой реакции на незапланированные события и способности предотвращать их в будущем.

Но в обычной жизни Уолтер с трудом сдерживал свои командирские замашки, и это отражалось на семье, друзьях, а главным образом на Тиффани.

Придирчивость Уолтера заметно возросла после выхода на пенсию, когда потребность командовать наложилась на избыток свободного времени. К числу прочих раздражающих Тиффани привычек добавилась его тяга постоянно мудрить с программами домашнего компьютера.

- Уолтер! - выходила из себя Тиффани. - Будь добр, хоть на полчаса оставь электричество в покое. Мне надоело без конца размахивать руками и каждые пять минут включать свет.

Уолтер довольно легко уступал, но тут же отыскивал новый способ достать жену еще сильнее. Завывание робота-пылесоса в ее комнате во время телеконференции членов книжного клуба способно вывести из терпения даже ангела.

- Разве нельзя перенести уборку на другое время? - возмущалась Тиффани. Она была не в силах сдержать раздражение, хотя и понимала, что ее вспышка способна привести к еще одной нудной, пересыпанной техническими подробностями дискуссии.

Свой сто одиннадцатый день рождения Тиффани встречала уже вдовой - если не с радостью, то, во всяком случае, в предвкушении долгих безоблачных лет

абсолютной свободы, какую может позволить себе только незамужняя женщина.

Развитие медицины позволило победить почти все старческие болезни, даже остеопороз. И только человеческий мозг по-прежнему оставался весьма ненадежным управляющим устройством. Искаженные сигналы, накладываясь друг на друга, со временем порождали значительное количество ошибок, способных оказывать негативное воздействие на работу мозга в целом.

У Тиффани Стотт развивалась болезнь Альцгеймера, хотя по ней это не было заметно. А тут еще виртуальный Уолтер, старый дурак, заявился с утра пораньше! Он, конечно, будет только рад покомандовать, указывая ей, куда идти и что делать. Правда, она пока не давала ему такой возможности, но стоило ей только подумать о его чертовых начальственных замашках, как у нее тотчас подскакивало давление, хотя она и научилась его регулировать.

- Итак, миссис Стотт, давайте потолкуем о возможных вариантах... - Терапевт-геронтолог пансионата для престарелых консультировал Тиффани в свойственной ему профессиональной, но непринужденной манере. - У вас, к сожалению, болезнь Альцгеймера. Изменить мы это не в состоянии, но можем лечить симптомы. У вас довольно ранняя стадия, и мы можем подобрать медикаментозную терапию, чтобы восполнить недостаток необходимых организму элементов.

Врач постучал пальцами по планшету, вытянул шею и, покрутив головой, снова забарабанил пальцами.

Как раз в эту минуту Уолтер начал бесконечную череду своих бессмысленных вопросов. «Обойдусь без твоего руководства», - подумала Тиффани, обращаясь к Уолтеру, который, как представлялось ее сбиившему мозгу, парил в воздухе прямо посреди кабинета.

Доктор снова выбил пальцами дробь и строго посмотрел на Тиффани.

- В общем, я назначил вам новую добавку. Это средство дает побочные эффекты, поэтому лучше принимать его в капсулах, а не добавлять в пищу. Так мы сможем точно отрегулировать дозу, прежде чем начнем долгосрочное лечение.

- Спасибо, доктор. - Тиффани встала и направилась к двери, намереваясь сбежать еще до того, как разговор перейдет на внуков и прочие посторонние темы. Терапевт казался ей излишне словоохотливым и был не прочь поболтать о вещах, которые его совершенно не касались.

- И еще одно... - сказал он ей вдогонку.

«Что еще, черт бы тебя побрал?..»

- Я попросил, чтобы каждый раз, когда вам захочется выйти из здания, вас сопровождала кобылка. Это только временная мера: действие лекарственных средств иногда бывает непредсказуемым, и это может сбить вас с толку. Когда у

нас появится внятная история болезни, мы от этого, разумеется, откажемся, а пока - поверьте мне на слово - для вас будет только лучше.

«Черт-черт-черт!..»

Кобылками называлось вспомогательное оборудование для стариков, и Тиффани совсем не хотела, чтобы одна из этих штуковин вертелась рядом с ее персоной.

На самом деле кобылки представляли собой новейшее достижение военной промышленности, адаптированное для гражданского применения и отдаленно напоминающее механического пони. В свое время Уолтер как раз и возглавлял группу конструкторов и программистов, работавших над созданием искусственного интеллекта, способного прокладывать оптимальный курс по пересеченной местности в районе боевых действий. Кобылки были ниже, чем вьючные лошади, они не нуждались в корме, были лучше приспособлены к горным условиям, и в точности выполняли то, что от них требовали.

Выглядели они, скорее, как ожившие пыльные козлы. У них были шарнирные суставчатые ноги, поэтому в режиме ожидания машины напоминали припавшую к земле саранчу^{*1}, а в движении походили на скачущих во весь опор хакне-пони. Широкий шаг позволял кобылкам преодолевать каменистый и болотистый грунт, песок и снег, неся на себе значительный груз. К тому же эти безответные трудяги сохраняли устойчивое равновесие при движении практически в любых условиях.

Выходя из кабинета врача, Тиффани кипела от одной только мысли о том, что теперь ей придется предоставлять в регистратуру список текущих дел, который будут конвертировать в соответствующую программу и в таком виде «скармливать» кобылке.

- Уолтер преследует меня даже из могилы, - сетовала она на телеконференции членов книжного клуба. - Он работал над военной программой добрый десяток лет, а теперь она станет изводить меня по предписанию врача.

После завтрака ей полагалась розетка из гофрированной бумаги со специальными комплексными витаминами для страдающих болезнью Альцгеймера. «Похоже, принять эти лекарства будет меньшим злом, чем забыть, для чего они», - думала Тиффани, глотая лежавшую на розетке красную капсулку. Ей нравилось, что она еще способна решать: принимать или не принимать лекарства. Пожалуй, надо будет поговорить с доктором, чтобы он позволил и дальше принимать таблетки отдельно от пищи. В этом случае она сумеет сохранить хотя бы видимость свободы и самостоятельности.

---

¹ * Кобылки - различные, преимущественно мелкие виды саранчовых, ведущих одиночный (нестадный) образ жизни. (Здесь и далее прим. перев.)

Когда Тиффани закончила завтракать, у нее осталось совсем мало времени, чтобы дойти до столярной мастерской, где она регулярно работала. Учебные мастерские с роботизированными станками находились в ближайшей к пансионату средней школе.

Она уже направилась к выходу, когда ее окликнула дежурная регистраторша. В следующее мгновение к Тиффани рысцой подбежала кобылка, до этого терпеливо стоявшая у стойки регистратуры, как какой-нибудь уродливый садовый стул. Прикинув про себя, что совсем избавиться от этой железяки вряд ли удастся, Тиффани молча вышла на улицу. Кобылка припустила следом.

Спустившись с холма, на котором стоял пансионат, Тиффани свернула направо, собираясь переходить улицу.

- Миссис Стотт, это не самый безопасный маршрут к месту назначения. Проследуйте дальше на запад и через двести метров сверните на пешеходный переход, - объявила кобылка.

Тиффани в нерешительности замерла перед перекрестком, через который пролегал кратчайший путь к средней школе. «Заткнись, Уолтер!» - подумала она, потому что эта штуковина выразалась точь-в-точь как ее покойный муж.

- А я перейду здесь, черт возьми! - сказала Тиффани вслух.

Кобылка никак не отреагировала, и Тиффани шагнула на край тротуара. В тот же момент кобылка легким танцующим шагом двинулась вперед и перегородила выход на проезжую часть. Тиффани шагнула влево. То же самое сделала кобылка.

- Миссис Стотт, это не самый безопасный маршрут к месту назначения. Проследуйте дальше на запад и через двести метров сверните на пешеходный переход, - повторила кобылка.

- Заткнись, - сказала Тиффани. Она понимала, что кобылка не станет рассчитывать новый маршрут и не даст ей перейти улицу в неподобающем месте. Она позволит Тиффани лишь слегка отклониться от курса, но не допустит ничего, что посчитает представляющим опасность.

- Черт бы тебя драл, железяка... - проворчала Тиффани, отступая от края тротуара. - И вместе с ней Уолтера!

- На десять минут опоздала, - проворчала она, входя в мастерскую. - Сегодня я возьму манипулятор, вытащу со склада мебельные щиты и сделаю шкаф с закругленными дверцами.

И Тиффани энергично взялась за работу, не обремененная ничьими советами и указаниями.

Эта неделя с красной капсулой на бумажной розетке и кобылкой-проводящей оказалась ей бесконечной, но у нее было намного меньше провалов в памяти.

- Я думаю, Тифф, мы накрыли противника с первого выстрела, - сиял геронтолог.
- Я бы и дальше применял лекарство, но это слишком дорогой бренд. Зато есть непатентованные средства, которые тоже превосходно работают. Давайте немного изменим схему... Если все пойдет хорошо, мы просто начнем добавлять их вам в пищу.

- Это было бы замечательно, доктор, - ответила Тиффани. - «Ни черта хорошего», - добавила она мысленно. Ей до смерти надоела бумажная розетка: у нее были дела поважнее, чем каждый день доказывать, что она в своем уме и еще способна принимать лекарства самостоятельно. - Доктор, а нельзя ли мне отказаться от этой «пони»?

Она хотела сказать: «Могу я, наконец, закинуть эту нудную очеловеченную магазинную тележку в самый дальний угол гаража, где она будет ржаветь, пока не станет неотличима от секции заграждения? Мне уже осточертело слышать за спиной противное цоканье ее ходуль!»

- Давайте оставим все как есть еще недельки на две после того, как перейдем на лекарства общего типа. Моя страховка на случай врачебной небрежности не покроет утрату вами интеллекта в результате ошибочно назначенного лечения, поэтому я должен действовать с осторожностью, - напыщенно сказал терапевт.

Услышав эти слова, Тиффани намеренно подняла себе давление - просто так, чтобы только досадить врачу, хотя и понимала, что не сможет победить в этой стычке. Лихо повернувшись, как когда-то в сальсе, она вышла из кабинета. Еще две недели Уолтера, а потом она поменяет геронтолога, если он не уберет от нее этот болтливый ходячий шлагбаум.

* * *

Это случилось по пути в художественный класс примерно через неделю после перехода с красной капсулы на желтую таблетку. В тот день Тиффани снова отправилась в сопровождении кобылки в среднюю школу. Ей надо было, как всегда, спуститься с холма, свернуть направо, пройти два квартала до пешеходного перехода (только из уважения к настойчивости этой железяки), затем немного по улице - и всё.

Но сегодня здание школы куда-то подевалось. Тиффани стояла, не узнавая окрестностей. Кобылка ничего не говорила, выжидательно застыв у нее за спиной.

«Надо пройти чуть дальше», - решила, наконец, Тиффани и двинулась вперед. Еще один квартал остался позади, но она по-прежнему не видела никакой школы.

Нервное напряжение усиливалось, перерастая в ужас. Что-то было не так. Только железная штукovina все так же цокала за ней следом. Это было странное утешение, и тем не менее растущее замешательство Тиффани сглаживалось присутствием кобылки.

«Я просто устала, хотя обычно не устаю, когда хожу на занятия. Наверное, я прошла дальше, чем нужно. Насколько далеко я удалилась?»

Сбитой с толку Тиффани окрестности казались совершенно незнакомыми. Только кобылка была привычной. Ободренная ее присутствием, Тиффани решила еще раз попробовать отыскать школу и, дойдя до конца очередного квартала, свернула на запад, двигаясь уже практически наугад. Паника давно вытеснила из ее головы интерес к предстоящим занятиям и даже частично спутала сознание.

Стемнело, и к тревогам Тиффани добавилось глубокое чувство одиночества и потерянности. Приличные люди давно разошлись по домам, теперь ей навстречу попадались лишь какие-то подозрительные личности.

«Я заблудилась, - тихо призналась себе Тиффани, остановившись на углу еще одной незнакомой улицы. - Почему я ничего не узнаю? И где, черт побери, Уолтер?»

Сейчас Тиффани очень не хватало его знакомого, хотя и изрядно поднадоевшего присутствия - не хватало его утешений, которых она не просила, но в которых так часто нуждалась.

- Уолтер! - крикнула Тиффани, высматривая его в конце темного квартала, но Уолтер и не подумал появиться. Поблизости вообще никого не было, и только кобылка с металлическим лязгом переминалась позади нее с ноги на ногу.

И вот тут-то Тиффани испугалась всерьез. Ее лицо даже сморщилось от неверия в свои силы и дурных предчувствий. Еще никогда она не чувствовала себя такой беспомощной и несчастной. Спотыкаясь, она продолжала ковылять, не зная, куда приведут ее заплетающиеся ноги...

- Это не самый безопасный маршрут к месту назначения, миссис Стотт, - произнес вдруг совсем рядом Уолтер.

Сердце Тиффани подпрыгнуло от звука знакомого голоса. Наконец-то старый дурак догадался поспешить к ней на помощь!

- Назначенные вам занятия давно закончились. Чтобы вернуться домой, будьте добры, пройдите триста пятьдесят метров на восток и поверните направо на бульвар Аламеда.

- Уолтер, как хорошо, что ты здесь! - Тиффани шла, не разбирая дороги, забыв об осторожности. - Порой мне тебя очень не хватает. Одиночество - это так тяжело! Люди так много требуют. Им все равно, что со мной. А ты всегда заботился

обо мне, Уолтер.

- Миссис Стотт, это не самый безопасный маршрут к месту назначения, - повторила кобылка. - Вам помочь, миссис Стотт?

- Пойдем домой, Уолтер. Я устала, я боюсь, и я хочу домой. Отведи меня назад, Уолтер.

- Пожалуйста, оставайтесь на месте. - Кобылка встала, преградив Тиффани выход на проезжую часть, а затем вызвала регистратуру пансионата.

Через несколько минут к ним подлетела патрульная машина.

- Ну, вот и порядок, бабуля, - сказал полицейский Ренфро. - Давай-ка я тебя отвезу, а ЛЭССИ и сама доберется.

В молодости Ренфро был морским пехотинцем и воевал в горах Каракорума, где очень многое зависело от боевого робота ЛЭССИ, или Легкой экспедиционной самоходной системы. Подобно джипам времен Второй мировой войны, ЛЭССИ были надежными боевыми товарищами солдат во время частых столкновений с противником. Некоторым кобылкам рисовали морды, давали клички и даже хоронили с почестями, когда их подбивали во время операций.

- Спасибо, Уолтер, - прошептала Тиффани, коснувшись пальцами бус на шее. Она увидела, как кобылка бодрой рысью припустила за машиной. - Она следует за нами?.. Я очень рада, что она от нас не отстает.

В пансионате их возвращения дожидался врач.

- Ну, Тифф, вы нас очень напугали! - радостно улыбался геронтолог. - Давайте-ка откажемся от этих непатентованных препаратов. Кажется, это не совсем то, что нам нужно. Вернемся к опробованному средству известной марки. Лучшее, сами знаете, часто враг хорошего.

Врач привычно побарабанил пальцами по планшету, вытянул шею, покрутил головой и снова постучал пальцами.

Тиффани не слушала - в окно она видела, как механическая лошадка легкой иноходью направилась в хозяйственную зону. Разлука с верной кобылкой настолько ее расстроила, что Тиффани не заметила, как ей сделали укол, и вздрогнула от неожиданности, лишь когда ощутила внезапный прилив сил после инъекции.

- Доктор, а можно мне и дальше брать «пони» с собой?

- Разумеется. - Врач удивленно посмотрел на нее. - Пожалуй, я даже настаиваю на том, чтобы кобылка вас повсюду сопровождала, пока мы не будем уверены, что вы снова не отправитесь в дальний поход. Впрочем, я думаю, что через недельку-другую вы полностью придете в норму и сможете обходиться вообще без каких-либо вспомогательных устройств, но если хотите...

Уолтер любил Тиффани. Порой его любовь была чересчур властной, но в ее искренности и глубине сомневаться не приходилось. И сейчас, глядя, как кобылка скрывается в гараже, Тиффани вспоминала эту пережившую восемь десятков лет любовь.

22 июня 2092
11:00 поясного времени

В небольшой ложбине, которая еще минуту назад казалась мирным зеленым пастбищем в горах Каракорума, механическая кобылка изо всех сил старалась подняться на ноги.

«Поразительно, - подумал сержант Дэвидсон. - Взрыв оторвал ей полноги, а она все еще пытается выполнять программу».

Дэвидсон и рядовой-рекрут Ренфро шли следом за кобылкой, когда под ней рванула самодельная мина. Взрыв отбросил ЛЭССИ на край ложбины, раскидав груз по всей луговине. Броня спасла гидравлику и бортовой компьютер, и теперь кобылка пыталась подняться и продолжить движение по маршруту к назначенному месту сбора.

Дэвидсон от взрыва почти не пострадал, что в данной ситуации (при отсутствии видимого противника) означало: до смерти напуган, но старается подавить въевшийся в плоть и кровь рефлекс «бей или беги». Оглушенный взрывом, с ноющей от боли рукой, он был почти полностью забросан землей и камнями. К счастью, его наручный компьютер, который морпехи прозвали «дик-трейси» в честь великого чикагского детектива^{*2}, все еще функционировал. Бросив взгляд на запястье, сержант увидел, что взрыв произошел пять минут назад.

«Это моя вина - мы выбрали слишком легкий маршрут, - подумал Дэвидсон. - Или, возможно, мятежники вычислили слабое место в конструкции кобылки».

Как только улеглись пыль и первоначальная паника, Дэвидсон поискал глазами Ренфро. Тот находился ближе к месту взрыва, и теперь его не было видно и слышно. Это либо хорошо (съежился от страха), либо нет (разорван на куски), и сержант решил первым делом определить местоположение рядового. Строго говоря, первоочередная задача всякого военнослужащего - выполнение приказа, но

---

² * *Дик Трейси* - герой комиксов Честера Гулда. Отважный детектив носил часы со встроенной полицейской рацией и другими фантастическими для Чикаго 30-х годов XX века техническими возможностями.

у Дэвидсона хватило здравого смысла истолковать предписанные боевым уставом действия в пользу Ренфро. Фокус состоял в том, чтобы обнаружить солдата, не дав обнаружить себя противнику. Взрыв (в этом можно было не сомневаться) привлек внимание всех, кто был в состоянии сложить два и два. Следовательно, следующей по важности задачей для Ренфро, Дэвидсона и кобылки было убраться куда-нибудь подальше до того, как на шум явятся хорошо вооруженные аборигены.

«Достать... надо... пульт управления», - подумал вжавшийся в землю Дэвидсон, пытаясь из этого положения залезть в заплечный ранец. Анатомически это было невозможно, но он все же ухитрился вытянуть пульт из ранцевого кармана.

- Надо же, эта штука ничуть не пострадала, - пробормотал Дэвидсон земле, в которую уткнулся носом.

Несколько движений по дисплею, и сержант увидел переданное ЛЭССИ бортовое видео: раскачивающуюся круговую панораму, поскольку кобылка все еще пыталась подняться. Дэвидсон снова ткнул пальцем в дисплей, и кобылка прекратила выполнять прежнюю программу. Сложив суставчатые конечности, она опустилась на брюхо и замерла неподвижно, почти сливаясь с окружающим каменистым ландшафтом.

Первые ЛЭССИ были шумными, гиперактивными автоматическими устройствами. Полевые испытания быстро выявили необходимость в экономии движения. Роботы ЛЭССИ были переделаны и перепрограммированы с приоритетом устойчивости перед скоростью, тщательного позиционирования перед примитивной маневренностью. На все узлы и шарнирные сочленения были установлены устройства минимизации повреждений. Внешне кобылки - особенно в камуфляжной раскраске - были страшны как смертный грех, зато могли нести четыреста килограммов груза, то есть почти в десять раз больше полной выкладки солдата. Очень скоро роботы ЛЭССИ стали весьма популярны в войсках.

Дэвидсон сдвинул на глаза защитные очки, переведя их с ночного видения в стереорежим, и подключился к видеокамерам кобылки, заодно взяв на себя управление ее движением.

Для начала сержант заставил кобылку медленно подняться и замереть на месте. Затем он стал медленно поворачивать камеру, высматривая непрошенных гостей и рядового Ренфро.

Рука болела, поэтому Дэвидсон осторожно повернулся на бок и продолжил осмотр окрестностей в таком положении. Вскоре он разглядел небольшую воронку от маломощной мины, предназначенной, скорее всего, чтобы просто вывести противника из строя. Видимо, мятежники рассчитывали, что взрыв оповестит их о появлении диверсионной группы, а транспортировка раненого замедлит

продвижение врагов, сделав их легкой добычей. Дэвидсон отчетливо понимал, что скоро у них будут гости, и если Ренфро серьезно ранен, добраться до места сбора вовремя у них вряд ли получится.

«Поврежденная кобылка, раненый Ренфро», - подумал Дэвидсон, и саркастически добавил вслух:

- Как сказал один великий стратег двадцатого века: «Успехов вам»^{*3}.

Неожиданный удар сзади по каске был легким, но его хватило, чтобы оторвать сержанта от созерцания передаваемой видеокамерами картинки. Сдвинув очки на лоб, он, поднимая оружие, быстро обернулся и увидел до глупости счастливое лицо рядового Ренфро, готовящегося метнуть в него еще один камень.

- Сержант... что вы делаете? - прошептал Ренфро, выронив камень и опускаясь на корточки. - Я тут битый час пытаюсь привлечь ваше внимание.

- Тебя разыскиваю, болван, - прохрипел Дэвидсон. - Ну как, ты готов оставить веселье и отправиться на встречу с нашими?

- Не могу знать, сэр! - выпалил Ренфро в своей придурковатой манере, которая доставила ему немало неприятностей во время курса начальной подготовки. - Я вот о чем подумал, сержант: не построить ли нам поблизости домик отдыха? Тогда мы могли бы подождать, вдруг покажется местный риелтор. Тем более что из вашего рукава, похоже, слегка подтекает...

«Что объясняет эту идиотскую боль в руке», - подумал Дэвидсон, и мир поплыл перед его глазами.

- Успехов нам... реб-бята...

22 июня 2092

11:20 поясного времени

Ренфро сбросил походный ранец и быстро подполз к раненому сержанту. Одной порции универсального быстротвердеющего перевязочного материала из бутылочки оказалось достаточно, чтобы остановить кровотечение, продезинфицировать и наглухо заклеить рану. Правда, потом врачам придется повозиться, чтобы извлечь из-под кожи обрывки стерильного белья, но на данный

---

³ * *Намек на безответственную реплику Джорджа Буша в 2003 году, сказанную в ответ на доклад, что в Ираке участились случаи нападения на американцев. На следующий день после этих слов в Ираке были убиты десять американских военнослужащих.*

момент годилось и это. Главное, Дэвидсону больше не угрожала смерть от обильной кровопотери.

Сержант лежал без сознания и прерывисто дышал. Значит, за старшего теперь он - рядовой-рекрут Ренфро. Чтобы выполнить боевую задачу, ему нужно ухитриться как можно скорее отремонтировать кобылку и вывести группу к месту сбора. Увы, совсем не это он имел в виду, когда подписывал служебный контракт.

Весельчак Ренфро всегда старался увильнуть от ответственности, предпочитая, чтобы его считали шутком гороховым. Лучший друг его деда, которого звали Джонатан Бенелли, как-то сказал Ренфро, что ему, мол, следует задуматься об оборотной стороне юмора - о том, что люди не станут выслушивать его шутки до бесконечности и рано или поздно найдется тот, кто попытается сыграть с ним самим шутку, которая ему вряд ли понравится. Стань, наконец, серьезным - такова была незамысловатая мораль, которую пытался донести до него Бенелли. А поскольку поблизости не было никого, кто готов слушать его нервные шутки, Ренфро решил, что настал самый подходящий момент, чтобы последовать совету дедова приятеля.

Забрав из рук Дэвидсона пульт управления, Ренфро дал кобылке команду подняться. Он не видел, что происходило с роботом раньше, и пришел в некоторое замешательство, когда кобылка при первом же шаге ткнулась носом в землю. Потом она снова поднялась и снова упала, и Ренфро поскорее вернул кобылку в режим ожидания, пока в ней еще что-нибудь не сломалось.

- Запаску бы поставить, - сказал себе Ренфро, прекрасно зная, что никаких запчастей они с собой не брали.

Дэвидсон что-то забормотал, словно пытаясь ответить. Неплохой признак. Хорошо, что мать Ренфро работала медсестрой и научила сына приемам первой помощи. Жаль только, что миссис Ренфро не была еще и механиком по ремонту роботов ЛЭССИ.

Надев на себя многофункциональные очки сержанта, Ренфро запустил с пульта диагностику кобылки. Результат его не обрадовал: передняя конечность была серьезно повреждена взрывом, и давление в гидравлической системе упало. К счастью, система минимизации повреждений сработала как положено: оборванные шланги были перекрыты, блоки питания перезаряжены.

Черт возьми, ведь перед самым выходом на эту операцию он произвел замену конечностей кобылки! Теперь для нее нужно было придумать какой-то костыль.

- Твори, выдумывай, пробуй, - процитировал Ренфро. - Офигеть.

Он хотел привести в чувство Дэвидсона и спросить, нет ли в ранце сержанта чего-нибудь полезного, но решил, что лучше проверить это самому. Соображения

личного характера придется пока отбросить, а при необходимости обсудить позже.

В ранце Дэвидсона лежало немало мелких предметов: ручной фонарик, зубная щетка, несколько электронных устройств, батарейки и прочая и прочая, но ничего подходящего там не нашлось. Даже композитные рейки внутреннего каркаса, на которые Ренфро рассчитывал поначалу, вряд ли могли выдержать нагрузку в триста килограммов.

Если бы сейчас рядом оказался Джонатан Бенелли, он бы, конечно, пустился в пространные рассуждения о неимоверной работоспособности и надежности ЛЭССИ, начальником производства которых проработал много лет. Ренфро он казался отъявленным хвастуном, но дед считал, что с ним можно прекрасно провести время за дружеской беседой.

Ренфро вспомнил, как они сидели у походного костра. Бенелли подбросил в огонь веток и сказал:

- Когда приступаешь к созданию прототипа машины, основная проблема заключается в том, что в этот момент еще никто не представляет, насколько нелегко это будет осуществить на практике.

Сейчас Ренфро было наплевать, кто там и что представлял. Он знал только одно: если не сообразит, что теперь делать, беды не миновать.

И Ренфро переключил свое внимание на груз со спины кобылки, в беспорядке разбросанный по всей луговине. Он видел фляги с водой, пакеты с сухим пайком, несколько винтовок М-18 и патроны к ним, запасные аккумуляторы и много чего другого, но ни стоек и ни вообще чего-либо достаточно длинного, ради чего стоило бы носиться по полю, рискуя обнаружить свое присутствие.

Пискнула рация, на связи был командир разведотряда. Со времени взрыва прошло пятнадцать минут (15:03 согласно таймеру, вмонтированному в дик-трейси).

- Что случилось, парни? - зашелестело в коммуникаторе. - Электронная разведка показывает, что вы стоите на месте. У вас там заварушка?

Дэвидсон захрипел и потянулся к коммуникатору. Пробормотав что-то нечленораздельное, он снова потерял сознание. Ренфро переключился на передачу.

- Докладывает рядовой Ренфро. Пятнадцать минут назад на тропе сработало самодельное взрывное устройство. Сержант Дэвидсон ранен, без сознания. ЛЭССИ функционирует, но не ходячая. Прием.

- Уходите оттуда, рядовой. Пятнадцати минут вполне достаточно, чтобы у вас появились гости. Я вызову дрон для визуализации обстановки, но он появится над вами часа через два, а пока сброшу на ваш навигатор координаты места сбора...

Повторяю, уходите оттуда немедленно. Выполняйте.

- Есть уходить, сэр, - ответил Ренфро с наигранной бодростью и выключил коммуникатор.

Итак, у него есть четкий приказ командира: сваливать - и побыстрее.

Ренфро нащупал пульс сержанта Дэвидсона и задумчиво оглядел усеянную припасами луговину. Ему нужно найти замену оторванной конечности кобылки. Что сказал бы в данном случае приятель деда Джонатан Бенелли? Наверняка что-нибудь бесполезное. Например, что даже самый сложный механизм состоит на самом деле из очень простых деталей.

Простые детали. Ему нужно что-то очень простое. Что-то вроде деревянной ноги старого пирата, но только из металла. Стальной стержень, например.

Или труба. Стальная труба наподобие той, что применяется для нарезных стволов.

У него ушло минут десять, чтобы перевести колченогую кобылку в укрытие за скалой, и еще столько же, чтобы собрать раскиданный груз. Для этого Ренфро пришлось на четвереньках проползти всю луговину. При этом он истово молился, чтобы его никто не заметил, и кажется, эти молитвы были услышаны. Его никто не потревожил.

Наконец задыхающийся, мокрый от пота Ренфро юркнул за скалу, где лежала небольшая куча собранных им припасов, включая две винтовки М-18. После неполной разборки одной из них в его распоряжении имелись ружейное ложе с прикладом, ствол со ствольной коробкой и несколько деталей поменьше. Что ж, можно попытаться...

Подперев кобылку камнями, Ренфро принялся за работу. Примотав ружейный ствол к поврежденной конечности изолентой, он для верности накрутил сверху проводов разбитой электроники. Коленный шарнир получился кривым, уродливо толстым и неподвижным, но когда кобылка с трудом поднялась на все четыре, то стояла почти идеально. При ходьбе она прихрамывала, ныряя всем корпусом, однако могла двигаться!

- Как говаривал Джонатан, если глупая идея сработала, то она не такая уж и дурная, - похвалил себя Ренфро.

Если бы у него было лишних пятнадцать минут, он, наверное, вспомнил бы захватывающее видео, снятое во время полевых испытаний ЛЭССИ. Наплыв видеорекамеры выхватил в толпе ликующих инженеров его деда Уолтера Стотта и Джонатана Бенелли, которые с торжествующим видом лупили друг друга по плечам. И для радости у них были все основания. Уолтеру и Джонатану удалось тайком внести в прототип небольшое новшество - интегрировать в системную

плату ЛЭССИ дополнительные видеоадаптеры, замаскированные под резервные графические процессоры.

Обычно видеоадаптеры производят математические вычисления для поддержки комплексного трехмерного рендеринга, необходимого графическому интерфейсу пользователя. Интерфейс ЛЭССИ был относительно прост и применялся главным образом для считывания цифровых вычислений и в редких случаях для воспроизведения видеозаписей. Он никогда не выполнял трехмерный рендеринг в реальном масштабе времени, поэтому основной видеоадаптер был загружен всего на десять процентов.

Зачем же тогда понадобились еще и дополнительные видеоадаптеры? Стотт и Бенелли отвели им особую функцию - обеспечивать максимальную устойчивость при ходьбе.

Фактически ДВА-приставка занималась анализом положения конечностей при различных возможных условиях, но вместо того чтобы конвертировать результаты вычислений в изображение, видеоадаптеры преобразовывали их непосредственно в команды движения. Если сравнивать этот процесс с шахматами, то ДВА предсказывали исход целой партии по любому отдельно взятому ходу.

ДВА-приставка позволяла ЛЭССИ скакать по скалам с ловкостью горной козы.

Как-то вечером Джонатан разоткровенничался за кружкой пива:

- Черт возьми, с такой приставкой ты и сам можешь смело бросаться с крыши вниз головой. В результате, не только мягко приземлишься на ноги, но пока летишь, еще и пару уравнений решить успеешь.

О приставке решили помалкивать до первых комплексных испытаний; их с пеной у рта требовали члены Комиссии по качеству. Как говорится, семь бед - один ответ. К счастью, модификацию удалось довести до ума еще до испытаний, но об этом знала только «группа заговорщиков».

Рядовой Ренфро не имел ни малейшего представления о том, сработает ли его собранный на честном слове «кобылкин протез», поскольку он не знал о том сюрпризе, который его дед и Бенелли приготовили Комиссии во время испытаний ЛЭССИ. У Ренфро едва хватало времени, чтобы загрузить багажные отсеки спасенным имуществом да направить кобылку к новому месту сбора.

Шагая вслед за ЛЭССИ, Ренфро поддерживал сержанта Дэвидсона и вспоминал, как однажды вечером Бенелли разглагольствовал о последствиях «закона Мэрфи» или, проще говоря, «закона подлости».

- Если уж беде быть, то ее не миновать, - утверждал Бенелли, подливая пива Уолтеру Стотту.

Но хромая кобылка по-прежнему шла вперед неверным, ныряющим шагом, как

будто что-то заставляло ее держаться из последних сил. Когда Ренфро, отчаянно матерясь, втащил Дэвидсона на очередной скальный уступ, он услышал, как голос Бенелли у него в голове произнес: «Если машина не сломалась, значит, для этого еще не было подходящих условий».

Как-то раз Ренфро все же высказал деду, что он думает о Бенелли и его бесконечном хвастовстве по поводу ЛЭССИ. Выключив сверлильный станок, дед дождался, пока втянется шпиндель, потом выпрямился и, сдвинув очки на лоб, в упор посмотрел на внука.

- Джонатан - превосходный инженер, к тому же он хорошо знает, для чего мы производим ЛЭССИ. Если машины станут давать сбои, солдаты будут гибнуть чаще. Я сам видел, как Джонатан упорно, день за днем, работал над проблемой, которая считалась давно решенной, но он был уверен, что это не так. Во всяком случае, так было с его точки зрения. И теперь все, кто использует ЛЭССИ, должны благодарить судьбу за то, что в разработке этих устройств принимал участие такой человек, как Джонатан.

С этими словами дед отвернулся к сверлильному станку, а Ренфро почувствовал жгучий стыд.

Это ощущение он помнил до сих пор.

Через два часа Ренфро, Дэвидсон и кобылка все-таки вышли к месту сбора.

- Топорная работа, - заметил командир разведотряда, разглядывая обмотанную изолентой и проводами конечность кобылки. - После операции жду подробнейший рапорт - подобные действия боевым уставом не предусмотрены.

Командир еще раз покосился на «ружейную» ногу кобылки и усмехнулся.

- Есть, сэр! - козырнул Ренфро.

Он уже успел выложить в сеть свое фото рядом с механическим пони. Теперь его оставшиеся дома друзья смогут вешать этот снимок рядом с постерами Роя Роджера, ведущего под уздцы знаменитого Триггера⁴. Сходство было забавным до ужаса.

И все же рядовому Ренфро было нелегко оставить поврежденную кобылку на заряде взрывчатки, который уже совсем скоро должен был превратить ее в груды металлических осколков, обломков пластика и раздробленных микрочипов.

Август 2052

---

⁴ * *Леонард Франклин Слай (1911-1998) - американский певец и актер. Вместе с конем Триггером в 1930- 1950-х годах снялся почти в 100 вестернах.*

- Эти цифры н-не выстраиваются в логическую цепочку, как д-должны бы, - заикаясь, проговорил Монти, глядя на Джонатана Бенелли поверх шахматной доски. - А я не могу вспомнить те события от начала до конца. Наверное, я бы так не изводился, если бы вообще их не помнил, но я помню многое. И это становится н-невыносимым!

Инженер-конструктор Монти Кохон, выпускник Массачусетского технологического института, швырнул пешку в дальний угол комнаты.

Монти не был трусом, после МТИ отправился служить в Национальную гвардию, чтобы отработать свою стипендию, предоставленную армией США. Там он разрабатывал и испытывал миноискатели нового типа. После первого не слишком удачного подрыва на полигоне Монти отделался легким сотрясением, последствия второго инцидента были несколько серьезнее, а в третий раз его контузило по-настоящему. Монти отправили на медицинское обследование и комиссовали вчистую.

Небольшая квартира в Роксбери, которую занимал Монти, была ему как раз по средствам; она располагалась рядом с оранжевой веткой метро и была настолько тихой, насколько это возможно в пригороде Бостона. И тем не менее царившая в ней обстановка - куда более беспорядочная, чем в обычном холостяцком жилье, - отражала смятение в его душе.

Монти жил здесь с тех пор, как оставил службу в Национальной гвардии. Назначенная ему пенсия по инвалидности была не слишком большой, и он искал работу, но пока безуспешно. Диплом МТИ был его главным козырем, но все собеседования, на которые Монти приглашали достаточно часто, были, увы, недолгими и заканчивались одинаково. В конце концов, Джонатан взял его к себе на производство уборщиком сборочного участка, но для Монти с его незаурядными конструкторскими способностями эта должность явно не годилась.

В школе Джонатан учился старательно и упорно; он надеялся получить полную стипендию МТИ и добился своего. Таланта у него было столько же, сколько у Монти, просто ему больше повезло, да и подать себя как следует он умел.

У Монти имелось особое чутье ко всему новому, выходящему за привычные рамки. Джонатан, со своей стороны, всегда умел сделать правильный выбор, поэтому они, работая в паре, были просто обречены на успех. Их дипломные проекты стали легендой МТИ, а видео этих проектов - чуть ли не хитами рекламной кампании институтской службы общественной информации, стремившейся привлечь в МТИ как можно больше талантливых, думающих студентов. Одним словом, дела у двух друзей шли прекрасно, и они самонадеянно считали свое

будущее успешным и безоблачным.

Но потом Монти потратил пять лет жизни, совершенствуя аппаратуру для обнаружения мин, и потерпел неудачу.

Джонатан все эти годы продолжал работать по специальности и кое-чего добился как инженер.

Так разошлись их жизненные пути.

- Я наблюдал в действии аппаратуру обнаружения взрывчатки, которую вы, ребята, установили на «хаммерах», - начал Джонатан (больше для того, чтобы немного отвлечь приятеля от состояния угнетенной безысходности). В последнее время у Монти возникли подозрения, что тогда он допустил серьезную ошибку в конструкции этой аппаратуры. Он часто просил друзей помочь ему разобраться в этом вопросе, и теперь у Джонатана, кажется, было, что сказать.

- С твоей аппаратурой все в порядке, - добавил Бенелли, доставая из портфеля и бросая на стол скоросшиватель с какими-то документами. - А вот чистота эксперимента вызывает некоторые вопросы. Успех обнаружения зависит от того, где установлен прибор, и от аэродинамики автомобиля. Чувствительность датчиков меняется в зависимости от скорости машины. По большей части, установка прибора и проверка датчиков происходят в автопарке. Но во время движения скорость и температура воздушного потока постоянно воздействуют на твой датчик, значительно меняя его чувствительность. Кроме того, солдаты часто навешивают на машину дополнительную кустарную броню, которая делает воздушный поток турбулентным. Из-за этого КПД прибора снижается еще больше.

Джонатан не стал пересказывать все, что ему удалось выяснить. Три инцидента, которые погубили карьеру Монти и сделали его инвалидом, явились следствием чрезмерной уверенности последнего в совершенстве созданной им аппаратуры. Во всех трех случаях датчики были установлены некорректно. А в последний раз прихваченный точечной сваркой бронелист на машине, в которой ехал Монти, вообще закрывал датчик. Броню установили на скорую руку непосредственно перед выездом, но Монти об этом не знал и не догадывался, что прибор просто не работает.

В результате вполне работоспособная, востребованная аппаратура была принесена в жертву законам свободного рынка. Судиться и даже выплачивать Монти пенсию по инвалидности оказалось дешевле, чем производить миноискатели и правильно устанавливать датчики взрывчатки. О людях и о морали даже не вспомнили - ведь «хаммеры» такие дорогие!

По дороге домой Джонатан размышлял над провалами, которые случаются в их профессии. Наверное, инженерам тоже нужен своеобразный профессиональный

кодекс, который напоминал бы, что соображения гуманизма - это материя высшего порядка, имеющая безусловный приоритет перед нормой прибыли, сроками поставок и тому подобными «ценностями».

Врачи уже три тысячи лет дают клятву Гиппократа. Чарлз Сасскинд^{*5} пытался ввести что-то подобное и для инженеров, но был сокрушен сплоченными силами рыночников. В результате конструкторам и изобретателям приходится полагаться на собственную совесть, когда нужно сделать решительный выбор между тем, что справедливо, и тем, что выгодно.

Приехав утром на работу, Бенелли сразу понял, что у них неприятности.

- Вчерашние тесты качества прошли неважно, - сообщил ему Уолтер Стотт, его друг и главный инженер проекта. Кроме этого, Уолтер руководил группой навигации, или «пиявками», как их прозвали электронщики, которыми командовал сам Бенелли. Стотт со своими конструкторами постоянно требовали дать им как можно больше места на материнской плате робота ЛЭССИ. Проблема заключалась в том, что материйка, смонтированная в ударопрочной капсуле наряду с остальной электроникой, имела жесткие ограничения по своим размерам, и поэтому туда было очень трудно втиснуть даже самый маленький чип, не предусмотренный первоначальным проектом. Ребята Бенелли жаловались, что им приходится «размещать стадо слонов в коровнике», и хотя они довели компоновку печатных плат почти до совершенства, выполнять требования Стотта им становилось все труднее из-за тепловой нагрузки, которая так и норовила превысить тепловое рассеяние.

Соппротивление производственников напору конструкторов выливалось в столь жаркие перепалки между Бенелли и Стоттом, что в конце концов эти двое стали лучшими друзьями.

Уолтер перехватил Джонатана на полпути к офису.

- У нас интенсивность отказов - десять процентов. Загляни на стенд, когда у тебя выдастся свободная минута.

Разработка материнской платы была самым сложным процессом. Массу миниатюрных узлов и деталей нужно было расположить на малой площади, в тесном объеме, да еще с учетом множества параметров, чтобы вся система работала достаточно надежно. Для решения такой головоломки помимо квалификации инженера нужно было, наверное, иметь еще и степень магистра черной магии. Кроме того, по условиям технического задания ЛЭССИ требовался

---

⁵ * Чарлз Сасскинд (1921-2004) - американский инженер и ученый чешского происхождения, почетный профессор Университета Калифорнии. Занимался, в частности, инженерной биологией.

бронированный корпус, что ухудшало вентиляцию и еще больше ограничивало объем для монтажа комплектующих. Повышенные требования к качеству изделия делали задачу совсем не тривиальной.

- Мистер Бенелли, как я рад вас видеть! - Голос Бада Гринстона, исполнительного директора компании, звучал восторженно, но было ясно, что это он так шутит. - Надеюсь, вы примете участие в сегодняшней телеконференции совета директоров. Венчурная команда⁶ надеется на скорейшую модернизацию этого ходячего заградительного барьера, над которым вы, ребята, столь упорно трудитесь. Кстати, я слышал, вы попали в небольшое ДТП, но надеюсь, до конца дня все уладится.

Разработчики создали также облегченную модификацию для инвалидов и пожилых людей. Кобылка всегда знала, где находится, могла везти на себе невероятное количество купленных в магазине продуктов, умела выбирать наиболее безопасный маршрут движения, а в случае необходимости способна была позвать на помощь даже лучше, чем знаменитая Лесси из одноименного сериала.

Хотя Гринстон считался довольно отзывчивым малым, у Бенелли осталось странное ощущение, будто его загнали на дерево, которое совет директоров собирается поджечь.

Добравшись наконец до своего офиса - выгороженной в углу цеха клетушки, - Бенелли бросил портфель и куртку и сразу прошел на сборочный участок. В дальнем конце цеха он увидел Монти, протиравшего фрезерные станки от смазки. Прототип ЛЭССИ стоял на подпорках рядом с испытательным стендом, соединенный с ним кабельным жгутом. Уолтер с инженером по качеству находились поблизости, изучая результаты ночных тестов.

- Совершенно очевидно, что «мама» перегревается и отключает навигационные процессоры, а заодно и несколько соседних узлов. - Уолтер показал Джонатану карту распределения тепловых режимов. - Это мы определили. Сможете чуть-чуть сдвинуть здесь пару-тройку деталек?

Стотт лукавил. Он прекрасно знал, что «сдвинуть пару-тройку деталек» означает полностью переделать плату. Электронщики, конечно, имели огромный опыт решения подобных проблем, но им придется проделать колоссальную работу - по сути, создать новую архитектуру материнской платы. А служба видеонаблюдения, конечно, сразу обратит внимание на то, что инженеры взялись за какой-то новый и весьма дорогостоящий проект.

---

⁶ * *Венчурная команда - отдельная структурная единица организации, ответственная за развитие важнейших инновационных проектов.*

Пока Бенелли рассматривал карту, Гринстон терпеливо топтался рядом со стендом.

- Объясните мне, что происходит? - с искренней заинтересованностью попросил он, когда Джонатан закончил изучать графики.

Бенелли разъяснил ему технические детали, и Гринстон принялся размышлять вслух:

- С десятью процентами отказов мы не сможем начать серийное производство, к тому же столь высокий процент отказов - это уже не случайность, а закономерность. Технические условия допускают всего один процент брака, никак не больше. Совет директоров эта новость явно не обрадует, по плану мы уже на следующей неделе должны представлять изделие комиссии по государственным закупкам. Только после того как они дадут «добро», мы сможем объявить о первичном размещении акций, чтобы получить капитал, необходимый для разработки новой версии системы. Но если мы сейчас сядем в лужу, ЛЭССИ будет обречена пылиться в углу до скончания веков, так что давайте исходить из этого. Один процент брака - вот всё, что мы можем себе позволить. Работайте.

Бенелли пришлось согласиться. Им нужна была эмиссия акций, чтобы все прошло без сучка и задоринки. Один процент предсказуемых отказов действительно не стоил того, чтобы бить тревогу.

Естественно, все было задокументировано, внесено в рабочий журнал и принято как руководство к действию. Гринстон подписал протокол испытаний, наложив в верхнем углу резолюцию «До выяснения», и ушел к себе.

Телеконференция совета директоров прошла спокойно. Гринстон рассказал об успехах проекта, проиллюстрировав свой доклад показом слайдов, подготовленных Бенелли. Вопрос интенсивности отказов не поднимался: никто из членов совета не обратил внимания на одну из ячеек таблицы на слайде номер пятнадцать. Службе видеонаблюдения важно было знать: кто, в какое время и в каких помещениях будет работать. Техническая сторона интересовала их меньше всего, поэтому лишних вопросов не задавали. Остаток дня Бенелли провел на телефоне и в электронной почте.

Он сворачивал сетевой шнур, когда к нему заглянул Монти.

- Я заметил утром с-суматоху? Ситуация разрешилась?

К сожалению, находились такие, кто имел глупость насмеяться над Монти, не заботясь о том, слышит он или нет. Это усугубляло его страдания по поводу того, что после контузии он начал заикаться и у него ухудшилось абстрактное мышление. Но личные неурядицы не изменили характера Монти - он по-прежнему оставался настоящим другом.

- Я начал читать вчера вечером, но осилил только п-первый раздел. - Монти протянул Джонатану скоросшиватель со вчерашними бумагами. - Подержи п-пока у себя. Обсудим как-нибудь за кружкой пива. Мне п-пора, если хочу успеть на поезд. Ты идешь?

Джонатан сунул скоросшиватель и сетевой шнур в портфель и быстро спустился в фойе вместе с Монти. Ехали они недолго: остановка Монти была одной из первых, но беседа получилась приятной, поскольку Бенелли сознательно не говорил о технических проблемах. Студентами они могли беседовать о чем угодно. Теперь же Джонатан старался не касаться вопросов, требующих серьезного интеллектуального напряжения. Они обсуждали лишь служебные отношения и кинофильмы.

После того как Монти вышел, Джонатан полез в портфель за ноутбуком и наткнулся на скоросшиватель. Достав его, он стал набрасывать конспект, стараясь строить фразы так, чтобы Монти было легче разобраться в сути.

Он вчитывался в цифры, изучал графики и диаграммы, стараясь воссоздать события, скрытые за сухими фактами. Ему хватало жизненного опыта, чтобы понимать: перед ним подробно задокументированная человеческая трагедия. Опущены только чувства и переживания, надежды и отчаяние, колебания и решимость.

В указателе значилась одна таблица под заголовком «Интенсивность отказов технических узлов». Джонатан нашел нужную страницу и погрузился в изучение данных. Это была специфическая таблица, вероятно, хорошо понятная тому, кто ее составлял, но в ней отсутствовали пояснения, которые наверняка понадобились бы стороннему читателю. Джонатан подумал, что было бы интересно сравнить данные по отказам датчиков взрывчатки с их нынешним случаем при тестировании ЛЭССИ.

Каждая строка таблицы соответствовала одному техническому узлу или рабочей детали, в столбцах приводились вероятные причины их отказа: нагрев свыше допустимого предела, механический удар, поломка, воздействие условий окружающей среды (пыль, вода и прочее). К столбцам давались лишь минимальные примечания, поэтому Джонатану пришлось сверяться со списком рабочих условий для деталей и узлов. Оказалось, что детали, из которых состоял датчик взрывчатки, были весьма надежны, а частота отказов по всем параметрам и при любых условиях составляла в среднем не более двух процентов.

Джонатан уставился в окно вагона на темнеющий в вечерних сумерках пейзаж. Если интенсивность отказов составляет всего два процента, почему тогда его друг едва не погиб? В таблице имелись все показатели, аккуратно разнесенные по ячейкам. Он вспомнил сегодняшней совет директоров и таблицу на слайде номер

пятнадцать, отображающую частоту отказов ЛЭССИ. Джонатан еще раз заглянул в отчет, потом снова перевел взгляд за окно. И таблица в отчете, и таблица на его слайде - просто формальность, понял он. Приведенные в них цифры бессмысленны, поскольку даются без описания условий эксперимента. При движении «хаммера» со скоростью шестьдесят миль вероятность отказа датчика, безусловно, возрастет, но этих данных в таблице не было.

О результатах испытаний ЛЭССИ Джонатан размышлял весь остаток пути и с теми же мыслями проснулся утром.

Когда он пришел на работу, в цехе еще никого не было, за исключением Монти. Уборщик возился у испытательного стенда ЛЭССИ. Заметив Джонатана, Монти застенчиво улыбнулся ему.

- П-проглядел тебя в поезде, - сказал он.

Остановившись, Джонатан долго смотрел на приятеля, кивая в такт своим мыслям, потом запустил тест, который он хотел провести сегодня в первую очередь.

Беговая дорожка, по которой рысила ЛЭССИ, двигалась с повышенной скоростью. Примерно каждые пять минут приборы показывали всплеск активности всех узлов системы, потом термодатчики вспыхивали красным, и ЛЭССИ, споткнувшись, замирала, остановленная страховочным ремнем. Бенелли сохранял файлы регистрации, перезагружал компьютер и запускал цикл с начала. За час, в течение которого Джонатан терзал прототип на испытательном стенде, Монти успел подмести почти весь сборочный участок.

Джонатан с головой ушел в работу, поэтому, когда с началом рабочего дня у стенда появились инженеры по качеству, он даже разозлился. Те, впрочем, быстро поняли, что мешать ему не стоит, и поспешили заняться другими неотложными делами. Какое-то время спустя к стенду подошел Уолтер, и они перекинулись парой слов. Стотт, впрочем, вскоре ушел, а Бенелли продолжал тестирование ЛЭССИ, тщательно сохраняя системный журнал перед каждой перезагрузкой компьютера.

Перед ланчем Джонатан остановил наконец беговую дорожку. Примерно с полчаса он набирал какие-то данные на клавиатуре рабочей станции, потом повесил на монитор нацарапанное от руки объявление с просьбой не трогать компьютер и ушел. Джонатан ни секунды не сомневался, что в его отсутствие буквально у каждого найдется предлог, чтобы пройти мимо и как бы невзначай бросить взгляд на экран, на котором отображались результаты интенсивного автоматического анализа сохраненных им испытательных лог-файлов. Итоговый отчет должен был выйти в виде простого графика, и хотя издали довольно трудно рассмотреть, какие единицы отложены на обеих осях, кривая с отчетливо

выраженными зубцами хорошо просматривалась на экране уже сейчас. Следовательно, программа обнаружила в данных некую закономерность, которую ему предстояло исследовать.

Через сорок пять минут Джонатан вернулся, на ходу дожевывая чипсы из пакета, хотя приносить еду на сборочный участок категорически запрещалось. Не тратя время на болтовню с коллегами, он сразу подошел к компьютеру и принялся водить по экрану курсором. Некоторое время стоял неподвижно, внимательно рассматривая полученные результаты, потом погасил экран и решительным шагом направился в административное крыло.

Уверенно войдя в кабинет исполнительного директора, Бенелли плотно закрыл за собой дверь и объявил:

- У нас появилась проблема, которую необходимо решить.

Гринстон, оторвавшись от компьютера, за которым работал, жестом предложил Бенелли сесть за стол для совещаний.

- Я ничего не имею против решения проблем, - заметил он. - Но сами по себе они, конечно, всегда заставляют нервничать. Надеюсь, это никак не связано с изменениями в конструкции ЛЭССИ? А если связано, то не повлияют ли эти изменения на поэтапный график сдачи работ?

Сидя за столом, Бенелли вертел в руках одну из разбросанных по нему небольших игрушек. Эти забавные мелочи находились здесь неспроста: они позволяли инженерам и техникам чем-то занять руки и не чувствовать себя скованно в офисе руководства. Сейчас Бенелли с трудом сдерживал волнение, и человек на ниточках, которого он вертел в пальцах, судорожно дергался.

- У ЛЭССИ зафиксирован стабильно повторяющийся отказ. Вероятность отказов составляет десять процентов, если система работает с полной нагрузкой. В принципе, это не так уж много, но коль скоро мы собираемся использовать ЛЭССИ в зоне боевых действий, то должны снизить этот показатель: ведь каждый отказ может стать причиной ранения или гибели солдат. Фактически речь идет о снижении процента людских потерь... Дело, однако, в том, что устранение дефекта потребует доработки материнской платы и, возможно, перекомпоновки капсулы с электроникой, а также дополнительных испытаний. Это может затянуть сдачу проекта примерно на месяц.

Гринстон нашарил на столе игрушечный волчок и запустил его по столешнице.

- Я вижу, что вы уже все продумали, поэтому не стану спрашивать, уверены ли вы в необходимости подобных... усовершенствований. Мы, однако, заверили совет директоров в том, что все идет по плану, и теперь нам бы очень не хотелось сообщать комиссии по государственным закупкам, будто дело неожиданно

осложнилось. - Гринстон тоже взял со стола игрушку на ниточках и задумчиво раскачивал ее из стороны в сторону. - Поэтому подумайте как следует, посоветуйтесь с коллегами. Пусть ваше мнение будет максимально обоснованным. Если вам удастся меня убедить, я пойду в совет директоров, и мы вместе попытаемся уговорить государственную комиссию дать нам дополнительное время на доработку модели. Ну а до тех пор... думаю, мы с вами будем встречаться достаточно часто.

Бенелли вернулся к себе в офис выжатый как лимон. Задача предстояла грандиозная. И если он с ней не справится, ему следует готовиться к возможному увольнению, и тогда - прощай карьера!

Не находя себе места, он забрел в дальний конец сборочного участка, где Монти менял круг на точильном станке. Чтобы отвлечься от своих мыслей, Джонатан взял гаечный ключ и стал ему помогать.

- Ты был з-занят, - сказал Монти, не поворачивая головы. - Все хотят знать чем.

- Да уж, - ответил Джонатан. - ЛЭССИ необходима частичная переделка. Проблема не настолько серьезна, чтобы говорить о системной ошибке, но качественное улучшение необходимо.

Ему вдруг захотелось рассказать другу, что проблема с ЛЭССИ аналогична той давней проблеме с датчиками взрывчатки. Джонатан остановился и отложил ключ.

- Скажи-ка, Монти, какие у тебя планы на ближайшие пару недель?

Объяснив Монти, чего от него хочет, Бенелли отправился к Стотту. Он надеялся, что тот сумеет уговорить свою команду, которая так часто доставляла электронщикам головную боль, поработать немного сверхурочно.

- Нам необходимо убедить Гринстона и совет директоров, что решение проблемы с отказами принесет компании наибольший доход по акциям, - начал Джонатан прямо с порога, не дожидаясь, пока Уолтер обернется. - А для этого мне понадобится ваша помощь -твоя и твоей группы. Требуется творческое мышление, к тому же придется вкалывать сверхурочно. Что скажешь?

Уолтер молча слушал, пока Джонатан изложит свои соображения. Несмотря на то что основная концепция сложилась у него в голове меньше двадцати минут назад, и в ней имелись кое-какие пробелы, в целом она выглядела достаточно правдоподобно. С этим уже можно было работать, и все же предварительно следовало послушать, что скажут остальные.

Не откладывая дело в долгий ящик, Уолтер и Джонатан назначили на конец дня общее собрание обеих групп, на котором обрисовали суть проблемы и объяснили, почему это дело касается каждого. Не обошлось, конечно, без сложностей. Чтобы новые узлы были готовы к заседанию совета директоров, требовалось немало

сверхурочных часов, однако далеко не всякий мог перепланировать свои личные дела на следующую неделю. И все же никто не сомневался, что так или иначе они с этой задачей справятся или по крайней мере сделают все, что будет в их силах.

Следующие несколько дней оказались довольно насыщенными и нервными. Время от времени кто-нибудь срывался, и дело едва не доходило до ссор. Некоторых инженеров им пришлось буквально уламывать отложить текущую работу, чтобы уделить все силы и время приоритетной задаче. Проектная секция чуть не круглые сутки гоняла на испытательных стендах новенькие процессоры.

Двое инженеров привлекли своих друзей, занимавшихся вопросами живучести автомобиля в ДТП, и те предложили несколько оригинальных идей, которые автомобилестроители отвергли как слишком дорогостоящие.

Правда, необходимые для осуществления этих идей узлы собирать на месте было весьма затруднительно, но автоинженеры оказались подлинными энтузиастами своего дела. Несколько взяток, которые они дали нужным людям на автопроизводстве, помогли решить эту проблему достаточно быстро.

Работа кипела, настроение людей с каждым днем поднималось, и новая ЛЭССИ начала обретать реальные очертания. Вскоре на беговой дорожке уже стояла ее новая, более приземистая и обтекаемая модификация.

Бенелли и Стотт встретились с Гринстоном у испытательного стенда.

Новой ЛЭССИ было еще далеко до полной готовности, но необходимые доработки и испытания можно провести потом, после того как им разрешат отодвинуть сроки сдачи в производство.

Что-то привлекло внимание Бенелли, и он, вооружившись молотком, принялся стучать им по раме одной из подпорок. Люди в цехе, с интересом прислушивавшиеся к разговору ведущих инженеров, были в ужасе. Им казалось, Бенелли обнаружил что-то серьезное, и теперь каждый удар молотка отодвигает срок сдачи проекта как минимум на неделю.

- Все это очень впечатляет, - говорил в это время Гринстон. - Но чтобы показать товар лицом, вам все равно придется устроить небольшой спектакль. Моделирование внешних условий и испытания на стенде проделаны безукоризненно, но они, к сожалению, не запоминаются.

- Я уже думал об этом, - обрадовался Бенелли. - Если вам удастся отложить показ ЛЭССИ членам комиссии еще на недельку, мы сумеем сделать так, чтобы шоу выглядело убедительно.

Они еще пошептались втроем и наконец договорились. Гринстон, правда, все еще качал головой, но можно было не сомневаться: он сдержит слово и сумеет отсрочить демонстрацию. Когда он ушел, Стотт и Бенелли поговорили еще немного

и тоже разошлись: один отправился в подсобные помещения, а другой - потолковать с Монти.

Совершать невозможное очень трудно, для этого недостаточно одного лишь самоотверженного труда на рабочем месте. Жены начинают ворчать и скандалить, дети заброшены, важные футбольные матчи забыты. Пицца, которую доставляют прямо в центральный офис, это, конечно, очень хорошо, но она быстро теряет все очарование, если в качестве альтернативы выступает романтический вечер с невестой. Впрочем, все, кто работает в области высоких технологий, в свое время пережили не один подобный аврал, и каждый знает, чем приходится поступаться.

И тем не менее не всем нравится вкалывать сверхурочно, не зная даже ждет ли их заслуженная награда.

Когда новая конструкция материнской платы стала обретать свои очертания, Уолтер вытащил Джонатана в соседнее кафе перекусить.

- У меня появилась идея по поводу еще одного важного модуля, который мы могли бы незаметно втиснуть на материнскую плату. Тебе, конечно, это очень не понравится, но дай мне сначала высказаться, - широко улыбаясь, сказал он Джонатану, когда оба уселись за столик.

Он был прав: Бенелли это совершенно не понравилось. У него и так была запарка, и чтобы успеть к сроку, им необходимо держаться строго в рамках ими же разработанного плана. Теоретически добавить на материнскую плату еще один видеопроцессор, конечно же, можно, но с практической точки зрения это потребовало бы дополнительного времени, которого и так в обрез.

Уолтер изложил свои соображения. Джонатан покачал головой, как незадолго до этого Гринстон, но вдруг остановился и внимательно посмотрел на друга.

- Сделать это мы, конечно, сможем: всего и делов-то, что заново переписать программное обеспечение. К сожалению, мы ни за что не успеем провести улучшенную конструкцию через службу контроля качества до демонстрации ЛЭССИ государственной комиссии. Остается действовать на свой страх и риск и выводить на решающие испытания «сырой» образец, а это значит, что придется поставить не одну бутылку парням из отдела технического контроля, чтобы они согласились вернуться к этому вопросу после демонстрации. Ты уверен, что хочешь именно этого?

- Если глупая идея сработает, - улыбнулся Уолтер, - то она не такая уж и дурная.

Джонатан лишь обреченно кивнул в ответ.

Когда прибыла комиссия по государственным закупкам, ей первым делом устроили обязательную экскурсию по производственным цехам. Сотрудники компании оказались на высоте: организация производства выглядела образцово, а

сборочный участок блистал чистотой, хотя часть его и была скрыта от глаз передвижными секциями защитных экранов.

- По графику, там сейчас ведутся сварочные работы, - пояснил Гринстон, и как раз в этот момент из-за экранов раздался треск электродуговой сварки, и повалил дым. - Далее у нас запланирован небольшой банкет, поэтому давайте проведем общий обзор, перекусим, а затем мы познакомим вас с «Проектом ЛЭССИ» более подробно.

И Гринстон повел комиссию в конференц-зал, а из-за ширм появились Монти и Джонатан.

- Ну, иди готовься, - Джонатан внимательно посмотрел на Монти. - И не забудь свои шпаргалки.

Общий обзор проекта был посвящен главным образом славной истории компании - ее великим свершениям и светлым перспективам в будущем.

Как только презентация закончилась, объявили перерыв. Незамедлительно был подан и обещанный ланч, но Бенелли кусок в горло не лез.

- Вы слишком нервничаете, - заметил Гринстон. - И это бросается в глаза. Держите себя в руках. Не хотите есть, возьмите хотя бы тарелку и попытайтесь поддерживать светский разговор. Если эти ребята почуют, что вы чего-то боитесь, нам крышка.

Бенелли послушно взял тарелку спагетти и сел рядом с кем-то из гостей, рассеянно тыча в блюдо хлебной палочкой. Светская болтовня давалась ему с невероятным трудом, но все же он как-то справился.

В конце ланча Гринстон поднялся и обратился к гостям:

- Надеюсь, вам понравилось наше скромное угощение. А сейчас я передаю слово мистеру Бенелли, который приготовил для нас небольшую наглядную демонстрацию. Если я не ошибаюсь, она пройдет не здесь, а на автостоянке, поэтому я предлагаю уважаемым гостям подняться на крышу, откуда мы увидим все подробности. Когда демонстрация закончится, мы сможем в деталях обсудить предстоящие мероприятия по проекту.

- На самом деле демонстрацию подготовил не я, - сказал Бенелли, нажимая клавишу интеркома. - Мистер Кохон, вы готовы к нам присоединиться?

В зал вошел Монти, одетый в пиджачную пару и белую сорочку с подобранным в тон шелковым галстуком. Чтобы придать ему столь изысканный вид, потребовалась помощь записных модников компании, зато теперь он выглядел на все сто! Монти даже причесался и привел в порядок бороду.

- П-попрошу с-следовать со мной. - Монти указал в сторону лифтов.

Джонатан помог секретарю загнать членов правительственной комиссии в лифт,

отвести их на крышу и рассадить по местам, а сам отправился на автостоянку, где группа инженеров собралась перед двумя видеомониторами. На одном из них было видно все, что происходит на крыше; другой же передавал картинку с камеры, нацеленной на автостоянку.

- Дерзкий план, Джонатан, - шепнул Уолтер другу. - Если он провалится, ты отправишься клепать гамбургеры в ближайшее кафе быстрого питания.

На первом экране они видели рассеявшихся по местам членов государственной комиссии и Монти, стоявшего на небольшом возвышении рядом с новой ЛЭССИ. Вот он щелкнул выключателем на шасси машины, и распластавшаяся на брюхе ЛЭССИ грациозно поднялась на выпрямленные ноги.

- Разрешите п-представиться: Монти Кохон. В нашей компании я отвечаю за некоторые специальные проекты... - Монти на секунду замолчал и заглянул в карточки с записями. - Как известно, во время войны во Вьетнаме основной причиной значительных потерь среди наших солдат была п-признана винтовка М-14, конструкция которой имела несколько существенных изъянов. В частности, хромированный ствол и недостаточно мощный патрон вызывали частые задержки при стрельбе. Мое инженерное образование и некоторый боевой опыт п-привели меня к пониманию того, что выживание солдата в экстремальных условиях во многом зависит от конструкции и качества его снаряжения. В настоящее время моя работа в компании как раз и состоит в том, чтобы предвидеть, к-как наше оборудование будет функционировать в эк-стремальных условиях.

Скажу без утайки, не так давно в б-базовой конструкции ЛЭССИ были выявлены недостатки, которые в обычных условиях не имели бы значения. Но нам известно, что вы являетесь не только сотрудниками Департамента по государственным закупкам, но и представителями вооруженных сил Соединенных Штатов, что предполагает особый интерес к качеству и надежности предлагаемой продукции. Поэтому мы незамедлительно п-предприняли шаги, направленные на исправление обнаруженных изъянов.

Инженеры к-компании любят свое дело, ведь наша главная задача - это создание новейших устройств и механизмов, которые работают без сбоев и поломок. Мы прекрасно осознаем, что каждый отказ т-техники может означать ранение, инвалидность или даже смерть человека. Последствия отказов - это изломанные жизни, которые уже не отремонтируешь.

Монти посмотрел прямо в объектив видеокамеры, и Джонатан, глядя в монитор, автоматически кивнул в ответ.

- Создание новейшей техники - занятие н-не из легких. Путь каждого изобретателя полон ошибок и неудач. Даже Эдисон п-пережил немало

разочарований, пока не изобрел свою нить накаливания. Но кто не ошибается, тот н-никогда не создаст ничего нового.

Монти отступил на шаг и, взяв в руки пульт управления, повернулся к ЛЭССИ. Та ожила и бодро зашагала по устроенной на крыше полосе препятствий. Она преодолела несколько наклонных пандусов и лестниц, переправилась через яму с водой и вышла на участок, усеянный крупными кусками битого кирпича. Когда ЛЭССИ сделала по полосе пару кругов, Монти заговорил вновь:

- Чтобы идея воплотилась в металле, нужны упорство и вера в достижение цели. Поиск п-подходящего конструкторского решения тоже требует времени и упорства. И сейчас я хотел бы п-продемонстрировать вам некоторые плоды настойчивости наших инженеров, которую они проявили, когда решали п-поставленную перед ними задачу.

Монти нажал кнопку на пульте. ЛЭССИ перестала ходить по кругу и двинулась напрямик к краю крыши, внизу за которым виднелась асфальтированная площадка автостоянки.

Члены комиссии повскакали с мест и, затаив дыхание, смотрели, как ЛЭССИ, не останавливаясь, перешагнула защитное ограждение.

Джонатан, не отрываясь, глядел на экран монитора. Он видел, как ЛЭССИ появилась на самом краю крыши и шагнула в пустоту.

Она падала бесконечно долго, затем рухнула на асфальт...

Подпрыгнула...

Снова приземлилась...

И, выровнявшись, как ни в чем не бывало направилась через площадку к безмолвной толпе инженеров.

История знает немало примеров случайного успеха. Но результат этого эксперимента случайностью не был: ЛЭССИ строили с большим запасом прочности, используя дублирующие цепи и новейшие технологии защиты автомобиля во время ДТП. Бенелли и Стотт знали, что ЛЭССИ уцелеет, даже упав с высоты шести этажей - а тут их было только три. Компьютерное моделирование гарантировало успех, но все, кто наблюдал эксперимент «вживую», все равно чуть не обезумели от радости и облегчения.

ЛЭССИ уцелела, и это выглядело очень, очень эффектно.

Позже в конференц-зале Бенелли рассказал руководству государственной комиссии о причинах заикания Монти. В ответ услышал, что никто из членов комиссии не ставит под сомнение компетенцию мистера Кохона как конструктора-консультанта компании. Потом члены комиссии без колебаний одобрили отсрочку сдачи проекта.

После повторного просмотра видеозаписи рискованного эксперимента совет директоров компании подверг инженерно-техническую группу суровой критике и дал указание продолжить работы. Вскоре Джонатан окольными путями узнал, что дирекция приняла решение объявить о первичном размещении акций на сумму, вдвое превышавшую запланированную.

Вечером на праздничном корпоративе Монти признался Джонатану:

- Я б-боялся, что не смогу з-закончить выступление. Но надо было в-видеть их лица, когда ЛЭССИ сиганула с крыши!

Монти был возбужден и заикался больше обычного, но этого уже никто не замечал.

Уолтер подсел к Джонатану, наблюдавшему за празднующими победу инженерами.

- Знаешь, я с детства люблю техническое творчество, потому что оно, в конечном счете, очень человечно. - Уолтер улыбнулся. - Ведь всякая техника нужна только для того, чтобы служить людям... Помню, когда мама вязала нам свитеры, мне казалось, что с каждым щелчком спиц она вплетает в них частичку своей любви и заботы. Я полагаю, что мы здесь занимаемся тем же самым - во всяком случае, мне хочется так думать. Отними у нашей техники гуманизм, и что тогда останется?

Уолтер понимал, что впереди еще много работы, но это его не пугало. Он твердо знал, что работа связывает его с теми, кого он любит.

Перевел с английского Андрей МЯСНИКОВ

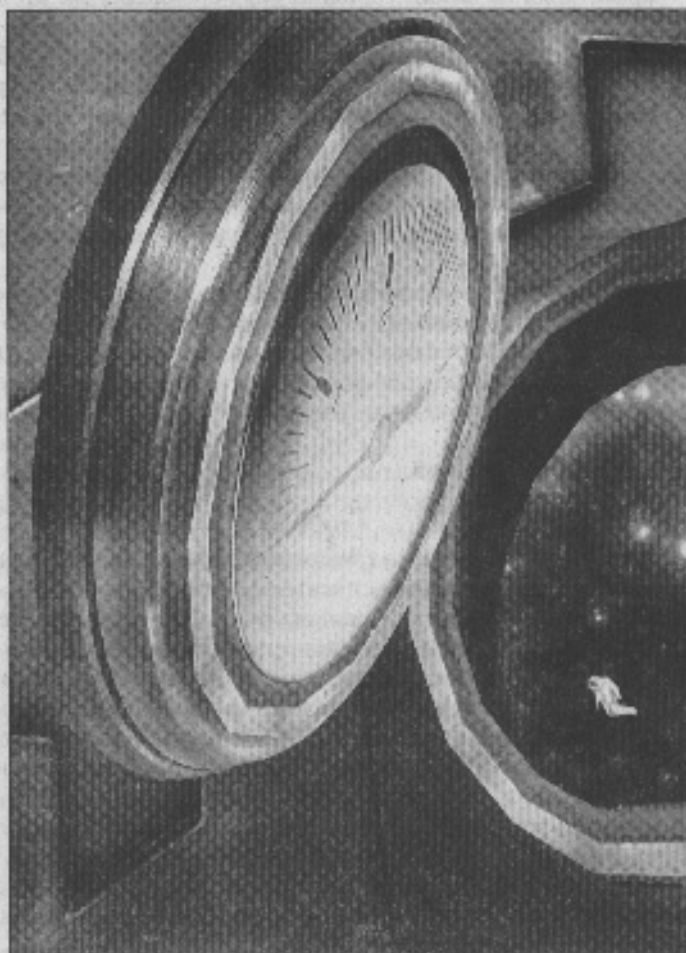
© Mark Niemann-Ross. Humanity by Proxu. 2012. Печатается с разрешения автора. Рассказ впервые опубликован в журнале «Analog» в 2012 году.

ЧАРЛЗ ГЭННОН

НЕ ДЛЯ СЕБЯ ОДНИХ

Ч А Р Л З Г Э Н О Н

НЕ ДЛЯ СЕБЯ

ОДНИХ

Иллюстрация Людмилы ОДИНЦОВОЙ

Солнечный свет в салоне внезапно померк - космоплан пересек терминатор и летел над ночной стороной Земли.

Далеко внизу проносилась огромная азиатская суша, темная и не отмеченная ничем, кроме редких светящихся пятен разбросанных по степи городов. Он перечислял их по памяти и смаковал названия. Пусть во многих из них не очень-то любили русских, но и эти города были ему дороги. Они больше не были целями обстрелов, объектами нападения. На улицах мужчины по-прежнему ругались, женщины все так же напевали и, как всегда, играли дети. Только это и имело значение.

Космоплан вздрогнул. Он закрыл глаза и почувствовал изменение курса: чуть кренясь вправо, космоплан закладывал вираж. Начиналось снижение. Открыв глаза, он увидел в иллюминаторе темную поверхность Японского моря.

Слишком быстро, подумал он. Впрочем, во время войны постоянно кажется, будто все происходит слишком быстро: прилеты, отлеты, встречи, прощания. С той самой минуты, когда ему вручили личный жетон, который он сжимал сейчас в руке, у него не было времени ни толком познакомиться с кем-то, ни расстаться... ни спасти чью-то жизнь.

Кроме своей собственной.

* * *

Еще не смолкла первая нота тревожной сирены, а Сергей Андреев уже несся к отсеку с аварийно-спасательными скафандрами. Перед ближайшим шкафом он чуть сбавил скорость, чтобы узкая дверь успела автоматически открыться, подпрыгнул, резким движением сбрасывая обувь и, одновременно, разворачиваясь спиной вперед. Удар смягчила раскрытая верхняя половина скафандра, и, выпрямив ноги, Сергей скользнул в штанины. Когда он встал на полную ступню, зажужжал сервомотор, и нижняя половина скафандра, мгновенно поднявшись вверх, зафиксировалась на талии.

Прерывистый вой сирены участился. Нельзя терять ни секунды.

Быстро - руки в рукава, пальцы в перчатки. Потянуть вверх кольцо герметичной молнии и зафиксировать стопорный замок. Резкий рост давления в скафандре подтвердил, что швы надежно закрыты.

Теперь можно поднять руки над головой, ухватить гермошлем и рывком потянуть его вниз.

Соединительные кольца воротника и шлема сомкнулись и с металлическим

звучком сцепились намертво. Тут же сработал автомат, и в верхней части визора гермошлема на внутренней его стороне появились яркие значки индикаторов.

Система жизнеобеспечения - зеленый. Средства связи - зеленый. Контроль герметичности - зеленый. Средства перемещения в космосе - зеленый. Индикатор крепежа - зеленый мигающий.

Сергей нажал кнопку на манжете левой перчатки. Раздался щелчок: скафандр освободился от захватов.

Действуя аккуратно, но быстро, Сергей размотал страховочный фал. До сих пор не было слышно ни хлопка взрывной декомпрессии, ни визгливой трели утечки воздуха - разгерметизации модуля пока не произошло.

Легким нажатием подбородка Сергей включил ларингофоны.

- Докладывает Андреев, личный номер 2-18. К выходу из Модуля-11 готов. Прием.

После паузы в шлемофоне послышалось:

- Понял вас, Андреев. Ваше общее зачетное время двадцать две секунды. - И говоривший разочарованно хмыкнул.

Сегодня дежурил капитан Айвар Мери. Разочарование в его голосе означало, что он не увидел особых огрехов в том, как Сергей выполнил упражнение.

- Скафандр вы надели за четырнадцать секунд, но потеряли время с перчатками. Подгоните их получше. В случае травматической абазии вы сможете оставаться на ногах секунд тридцать, не больше.

Сергей еле сдержался, чтобы не фыркнуть в ответ: «А то я не знаю. Зато я прекрасно уловил твой тон, капитан Мери, а в нем - откровенное презрение. Для таких, как ты, я всегда буду лишь сыном смутьяна-панслависта, даже круче - экстремиста номми»^{*7}.

В этот момент из-за гермостворки в конце коридора появился сам Мери, одетый в черно-голубой летный костюм - такие носили пилоты Балтийской конфедерации.

- Ладно, Андреев, практическую часть закончили. Теперь немного теории. Каковы ваши следующие действия?

- Первое - общий осмотр модуля, второе - содействие тем, кто... - начал заученно перечислять Сергей.

Мери отрицательно качнул головой, при этом его прямые, аккуратно подстриженные светлые волосы колыхнулись из стороны в сторону.

- Андреев... - Он сделал рукой круговое движение. - Что представляет собой этот модуль-тренажер?

---

⁷ * *Ноттиэ* - пренебрежительное от неосотт (неологизм автора). (Здесь и далее прим. ред.)

Сергей сдвинул брови:

- Модуль юпитерианской космической станции США.

Мери подчеркнуто медленно кивнул.

- Замечательно. Только позвольте вам напомнить, что американская станция - это тороидальная конструкция, состоящая из множества модулей. - Его голос потерял оттенок притворного сарказма, в нем послышалось раздражение: - Поэтому просто «модуль» для меня ровным счетом ничего не значит. Всегда указывайте, в каком именно модуле вы находитесь. Всегда, без исключения. Давайте еще раз.

Сергей еле удержался от того, чтобы не дать эстонцу в зубы, и начал все заново.

- Первым делом произвожу общий осмотр Модуля-11, предназначенного для временного проживания и начальной подготовки вновь прибывшего персонала. Оказываю содействие тем, кто столкнулся с трудностями при надевании аварийно-спасательного скафандра. Затем, согласно боевому расписанию, спешно выдвигаюсь в Центр управления. Проходя через межмодульные туннели, я по приборам проверяю состояние каждого стыковочного узла. Если система неисправна, я вручную привожу взрывное устройство расстыковки в боевую готовность.

- Зачем?

Сергей опешил: такой вопрос не входил в план стандартной подготовки.

- Не понял...

- Андреев, в данный момент задавать вопросы, не входящие в технический регламент, - моя прерогатива. Я должен знать, как вы будете действовать в нестандартных ситуациях. Повторяю вопрос: зачем приводить в боевую готовность взрывное устройство расстыковки модуля в случае неисправности автоматики стыковочного узла?

- Затем... затем... - запинаясь, начал Сергей. - В общем, если система автоматики стыковочного узла не реагирует на сигналы главной командной сети, но возникла необходимость аварийного отстрела модуля от станции, расстыковка возможна только в ручном режиме. При этом я должен буду лично произвести подрыв устройства.

- И каковы в этом случае ваши шансы остаться в живых?

В инструкциях об этом не было ни слова. Сергей попытался наскоро произвести необходимый расчет, но сбился и сказал наугад:

- Вероятность выживания составит 50 процентов при условии, если...

- Неверно, Андреев. Если перед тем, как привести в действие взрыватель, вы все-таки пристегнетесь страховочным фалом, ваши шансы выжить составят 86

процентов. Если этого не сделать, вы труп. И точка. Вас высосет в открытый космос; и в атмосферу Юпитера вы войдете приблизительно через 8 часов 15 минут - с небольшой поправкой в ту или другую сторону в зависимости от вектора движения. Впрочем, это не столь важно, потому что радиация убьет вас намного раньше.

Узкие губы Мери стали еще тоньше, хмурое выражение лица сменилось беспощадной улыбкой.

- Ваш следующий тренинг состоится непосредственно на американской станции, товарищ. Уж там-то вы не ударите лицом в грязь, верно? Замарать свою фамильную честь перед америкосами? Только не это! - (При этих словах лицо Сергея вспыхнуло.) - Тем не менее я обязан доложить о вашей некомпетентности майору Шумилу. И не факт, что Шумилов отнесется к вам так же снисходительно, как я.

Эстонец перестал улыбаться.

- Снимайте скафандр, Андреев. И вот, держите, - он бросил Сергею пакетик из плотной оберточной бумаги. - Я так понимаю, это новая идея фикс наших политиков.

Сергей потер пальцем круглый выступ в центре пакетика.

- Что это?

- Думаю, символ нашего с вами единения, товарищ, - усмехнулся Мери. - Жетон с эмблемой Временного мирового правительства.

Качнувшись, задрожала палуба у них под ногами - разгрузка «Припяти» закончилась, и Мери недобро оскалился.

- Пора знакомиться с американцами, Андреев.

* * *

Пройдя сквозь строй знакомства с экипажем станции, Сергей был рад оказаться наконец в еще пустой кают-компании. Рухнув в кресло, он вскрыл пакетик, который вручил ему Мери. Оттуда, мерцая гладкой поверхностью, выпал на стол серебристый личный жетон. Равнодушно взглянув на него, Сергей взялся за стакан с чаем, оценил аромат: грубая смесь, чрезмерно много танина. Типично американский чай.

Еще несколько минут спустя уютную, почти домашнюю тишину кают-компании нарушили новые, все усиливающиеся звуки: топот ног, голоса, взрывы смеха. Сергей поставил стакан, достал из нагрудного кармана русский технический журнал

и сделал вид, что погружен в чтение.

Те, кто прибыл сегодня на «Припяти», начали по двое-трое входить в кают-компанию, наполняя ее разноязычным гамом вперемежку с переводом на американский английский, который давно превратился в «лингва франка» современности. Сгорбившись, Сергей еще глубже ушел в свой журнал. Он слышал стук подносов и шутки по поводу «сухого пайка», приевшегося во время перелета. Общее жужжание голосов перекрывал радостный медвежий рык Шумилова; огромный русский усаживался за дальним концом стола. Шедший следом Айвар Мери занял место справа от него.

- Выглядит совсем как говядина, - настаивал Мери, глядя на гамбургер у себя на подносе.

- Какая разница, как это выглядит, приятель, - осклабился Мэтисон, пилот из Новой Зеландии, - если это всего лишь переработанная тилапия.

- У нас точно такой же рацион, - добавил Шумилов, - чего не скажешь о старых посудинах. - Он подмигнул Мэтисону. - Айвар летал только на ржавых ведрах. Паренек-то из захолустья!

- Гегемонист, - фыркнул эстонец. - Давай лопай свой фишбургер.

Шумилов хохотнул и придавил ложечкой чайный пакетик.

- Впрочем, чай довольно крепкий. Надо же!

- Американцы пьют его не так, Василий, - заметил Мэтисон. - Добавь молока.

- Чего-о? - Шумилов с притворным возмущением закатил глаза. - Портить приличный чай молоком?! Еще не хватало!

Краем глаза Сергей хорошо видел широкою, во все лицо, улыбку Шумилова.

- Друг мой, я прекрасно знаком с американскими традициями. Все-таки я два года парился в Миннеаполисе. - И Шумилов передвинул молоко Мери.

- Никакого молока, - замотал тот головой. - Я пурист.

Айвар Мери утверждает, что он пурист? Сергей помнил, что говорил по этому поводу его покойный отец: «Всякий истинный пурист мешает развитию родной культуры больше, чем пустопорожний глобалист американского разлива». Сам Сергей считал эту концепцию имеющей право на существование, но не относился к ней с таким же ярым фанатизмом, как отец с его нарочито некоммунистическим блогкастом, который привлекал к себе так много недоброжелательного внимания. Это продолжалось до самой смерти отца, но и после у Сергея так и не нашлось подходящего случая отмежеваться от фирменного андреевского радикализма.

Из уважения к памяти отца он держал рот на замке. А как же иначе? Как мог сын идеолога культурного протекционизма Александра Андреева признаться, что даже он считал отцовский национализм чрезмерным? Иной раз и куда меньшее

способно скомпрометировать работы того или иного общественного деятеля, тем более что политическое наследие, которое Александр Андреев оставил после себя, и без того выглядело весьма неоднозначно.

- Сми-р-р-но!

Вздвогнув, Сергей вышел из задумчивости и удивился реакции окружающих. Мужчины быстро поднимались с мест, оправляя комбинезоны. Поднявшись вместе со всеми, Сергей увидел в дверном проеме офицера, который возвышался, положив руки на пояс. Это был крупный чернокожий мужчина под шестьдесят в форме американских космических сил. Его грудь пестрела множеством орденских планок. Судя по всему, перед ними был подполковник Клиффорд Дж. Харрисон, главный диспетчер и начальник летной службы станции.

- Вольно, джентльмены. С тех пор как месяц назад мы ввели режим связи на защищенных каналах, я не получал списки личного состава. Кто ваш командир?

Шумилов сделал шаг вперед.

- Майор Шумилов представляется по случаю прибытия на «Гефест», сэр.

Харрисон вздрогнул, уставившись на русского, и внезапно заулыбался.

- Василий Михайлович, какого черта вы здесь делаете?

- До сих пор не было случая поблагодарить вас за содействие во время войны в поясе Койпера.

- Да ладно, Василий. Вы, как всегда, не можете оставаться в стороне от большой драки. Ну что ж, рад вас видеть.

- Рады видеть здесь вас, сэр. Харрисон согнал с лица улыбку.

- Докладывайте, майор Шумилов.

- Сэр, личный состав, переброшенный с лунного космодрома «Море Кризисов», на вводный инструктаж собран. Отсутствующих нет.

Харрисон кивнул:

- Можете садиться. И добро пожаловать на станцию «Гефест», джентльмены. - Начав говорить, подполковник размеренным шагом прошелся по кают-компани. - Мне предоставлена сомнительная честь довести до вас основные подробности нашей миссии. Сначала, как водится, наихудшая новость. По прогнозам международного Генерального штаба, враждебная человечеству цивилизация арат-кэ не ограничится захватом системы звезды Барнарда, а совершит нападение на Солнечную систему. Специалисты уверены, что командование противника планирует молниеносную кампанию, которая должна завершиться полной победой еще до того, как мы успеем адаптироваться к чужому оружию и тактике.

- Поскольку арат-кэ значительно превосходят нас по уровню технического развития, логично ожидать от них удара в самое сердце человеческой

цивилизации. То есть противник планирует нападение непосредственно на Землю.

- Вторжение, вероятнее всего, начнется с попытки создать для себя центр ресурсного обеспечения в пределах Солнечной системы. Как и нам, арат-кэ необходим тяжелый водород для термоядерных силовых установок. Но, в отличие от нас, их боевые корабли способны выкачивать дейтерий непосредственно из атмосферы газовых гигантов. Следовательно, первым делом они сунутся сюда - в систему Юпитера.

- Наша задача, джентльмены, сбор разведданных. Когда враг явится, мы дадим бой, но горстка наших перехватчиков не остановит флот вторжения.

- Сэр, - голос Айвара Мери звенел от волнения, - если появление противника ожидается именно здесь, то почему не дать ему отпор всеми имеющимися у нас силами и средствами?

Харрисон остановился.

- Потому что до тех пор, пока у нас нет полных данных о боевой технике и вооружении арат-кэ; попытка встретиться с ними в решающем бою стала бы тактическим, да и стратегическим суицидом. Мы уже допустили эту ошибку в системе звезды Барнарда и повторить ее не имеем права.

Сопроводив свои слова решительным взмахом руки, Харрисон повернулся и двинулся по кают-компании в обратную сторону.

- Вооруженный конфликт в системе звезды Барнарда закончился отнюдь не «тактическим отступлением», джентльмены. Это был полный разгром. Забудьте попавшие в средства массовой информации сведения, якобы полученные из осведомленных источников. Все это - просто дерьмо в красивой обертке, предназначенное исключительно для того, чтобы предотвратить панику. Правда состоит в том, что оружие арат-кэ разносит в дым наши крупнейшие корабли. Те немногие пилоты, у которых хватило мужества войти в боевое соприкосновение с арат-кэ, были развеяны на атомы. Откровенно говоря, если бы не показания очевидцев из числа гражданских лиц, которых едва успели эвакуировать на спасательном судне, мы бы даже не поняли, что произошло. Вот почему среди вас есть и психоаналитики, и физики-теоретики, а не только военные пилоты, инженеры и техники.

Когда арат-кэ явятся сюда, - заметьте, я говорю «когда», а не «если», - наши перехватчики вступят в бой, но лишь с целью связать противника, вызвать на себя ответный огонь и дать нам возможность собрать как можно больше приборных данных. Здесь, на станции, специалисты должны будут их обработать, сделать предварительное заключение и передать результаты на Землю. Крайне важно, чтобы мы получили, обработали и отправили эту информацию как можно быстрее,

поскольку наш единственный защищенный канал передачи - лазерный коммуникатор. Как только станция будет повреждена настолько, что изменится ее положение в пространстве, канал связи прервется, и все мы окажемся бесполезны. Это означает, что пилоты должны будут упорно сражаться, а аналитики - быстро соображать.

Харрисон оглядел их:

- Такова боевая задача. В сущности, мы являемся приманкой. Именно поэтому для выполнения миссии отбирались исключительно добровольцы.

В кают-компанию вошли еще два офицера, и Харрисон тут же сказал:

- Командир станции вкратце познакомит вас с достопримечательностями системы Юпитера. Прошу вас, полковник...

Харрисон повернулся и отсалютовал старшему офицеру, который, улыбнувшись, обратился к присутствующим:

- Полковник Коста, военно-космические силы США. - Он указал на маленький блестящий диск, приколотый к воротнику, выпущенному поверх выреза рабочего комбинезона: - Вы все получили такие жетоны вместе с инструктивными материалами. Прошу приколоть.

Коста подождал, пока присутствующие выполняют команду. Если он и заметил, что Сергей не соизволил даже прикоснуться к жетону, то не подал вида.

- Джентльмены, с этого момента вы члены Первой международной оперативной группы. Государственные деятели у нас на Земле сделали все, от них зависящее, чтобы, забыв о разногласиях, создать Временное мировое правительство, которое проведет человечество через все испытания в этот критический момент истории. Я уверен, что, последовав этому благому примеру, мы тоже отбросим все национальные различия, по крайней мере на время выполнения нашей миссии.

А теперь... поскольку едва ли не половина из вас прежде не бывала в командировках за пределами Земли... я позволю себе коротко познакомить вас с местными условиями...

Коста включил голографический проектор, и перед экраном появилось изображение Юпитера - медленно вращающаяся масса, испещренная белыми и оранжевыми полосами. Маленькие точки двигались по орбитам в районе экватора. Коста нажал кнопку на пульте дистанционного управления. Над северной полярной областью, чуть в стороне от полюса, появилось небольшое белое кольцо.

- Это наша станция «Гефест». Среднее удаление от верхних слоев юпитерианской атмосферы - 242 тысячи километров. Вопреки тому, что сообщают средства информации, мы не находимся на околоюпитерианской орбите. Без двигательных установок станция камнем упала бы вниз, поэтому мы используем

термоядерные двигатели, обеспечивающие траекторию движения, параллельную орбите Ио.

Он снова коснулся пульта: движущаяся по ближней орбите точка - небесное тело Ио - засияла ярким золотым светом; белое кольцо станции «Гефест» сопровождало ее на некотором расстоянии.

- По мере того как Ио огибает Юпитер, «Гефест» едет с ней как бы пассажиром на переднем сиденье. Однако орбита Ио пролегает внутри радиационных поясов Юпитера.

Следующее переключение - и Юпитер окружило раздутое, слегка наклонное красное кольцо.

- Радиационные пояса Юпитера по форме напоминают тороид. Общая доза излучения составляет в среднем около 40 тысяч рад в сутки. Восемьдесят процентов приходится на электронное излучение; остальное - потоки протонов и нейтронов. Станция «Гефест» находится практически над северным полюсом планеты, поэтому, чтобы оставаться над Ио, ей приходится пересекать самую верхнюю область радиационных поясов. Доза излучения при этом сравнительно мала, однако по-прежнему смертельна для человеческого организма - до шести тысяч рад в сутки. К счастью, природа решила проблему радиации за нас.

Коста переключил анимацию: бледно-голубая дуга протянулась от северного полюса планеты, окутала со всех сторон станцию «Гефест», пронзила Ио, а затем вернулась назад к Юпитеру, теряясь в его атмосфере над южным полюсом. Ио продолжала двигаться по своей орбите, таща за собой эту голубую дугу - и «Гефест» вместе с ней.

- Голубая дуга на экране - траектория плазменного потока, джентльмены. Мы в данный момент живы только потому, что «Гефест» удерживается внутри него. Стоит выйти за его пределы, и радиация сожжет нас за считанные часы.

- Плазменный поток представляет собой густой «суп» из электронов и ионов мощностью приблизительно два триллиона ватт. На нашей станции эта энергия используется для создания системы сверхмощных электромагнитных полей. Они отражают большую часть заряженных частиц, из которых состоит излучение Юпитера, и управляют отклонением космических лучей.

Голографическое изображение Юпитера и спутников сменил разрез корпуса станции.

- Внешний слой покрытия модулей изготовлен из углекомполитов. Под этим слоем находится водно-гелевый защитный экран. Внутренние слои состоят из свинцовой фольги и сверхпрочной легированной стали. Вполне достаточно для защиты от радиации, но от ракет или боевого лазера они не спасут.

Изображение на экране свернулось.

- У меня пока все. Добро пожаловать в ваш новый дом, джентльмены. Сергей торопливо вскочил, чтобы раньше всех оказаться за дверью.

Ему не хотелось общаться с раздражающе дружелюбными американцами.

* * *

Сергей с силой потер глаза и с минуту сидел, глядя на подвижные цветные пятна на темном фоне. Когда калейдоскоп на сетчатке померк, он еще целую секунду не шевелился, наслаждаясь темнотой. Наконец он отнял руки от глаз, уставился, продолжая щуриться, на монитор компьютера и в третий раз за день прочел:

Совершенно секретно

Форма допуска: А1В

Текст сообщения:

Управлению дальней космической разведки МГШ

Станция «Тихо-2», ВКС США

30.12.1907:30:27

К Отчету о вооруженном нападении в системе звезды Барнарда

Теоретическое обновление 2.01

Предварительный анализ и сверка показаний очевидцев о вооруженном нападении в системе звезды Барнарда проводятся в Лаборатории военных исследований на станции «Тихо-2».

Имеющиеся к настоящему моменту гипотезы Международного генерального штаба

Неидентифицированное оружие арат-кэ, по всей вероятности, характеризуется:

1) Использованием ускоренных частиц высокой и сверхвысокой энергии в качестве поражающего агента. Степень достоверности: Высокая.

2) Применением инфракрасного лазера для ионизации атмосферы, а также в качестве средства наведения. Степень достоверности: Высокая.

Других приемлемых истолкований пока не найдено. Аналитикам поставлена задача подтвердить имеющиеся либо выдвинуть альтернативные гипотезы.

Соответствующие данные наблюдений прилагаются.

Сергей отодвинулся от экрана. Немногие архивные данные представляли собой с полдюжины расплывчатых картинок и фрагментарные записи показаний датчиков, которые он уже выучил наизусть. Логичнее всего выглядело предположение, что арат-кэ каким-то образом возбуждают нуклоны до уровня, значительно превышающего сто гигаВольт, и удерживают их сфокусированными

около секунды. И хотя даже теоретическая модель такого оружия не выстраивалась, большинство коллег Сергея придерживались логичной, на первый взгляд, версии.

И все же каждый раз, когда Сергей гасил монитор, отправляясь на вечернюю поверку, ему не давало покоя ощущение, что в этой картине что-то не так. Как у дилетанта, глядящего на рисунок со слегка искаженной перспективой, у него возникало ощущение ошибки, но распознать изъян он не мог. Несмотря на впечатляющее техническое превосходство чужаков, ему было трудно представить, как подобное оружие можно разместить внутри корпуса боевого корабля - если, конечно, арат-кэ не владели заодно и секретом уменьшения объема и массы.

Сергей хмурился и снова открывал на экране показания очевидцев.

Боевые корабли арат-кэ вышли из смещения внезапно, и уже сравнительно близко к Перл. Этот безжизненный планетоид, ставший базой снабжения космического флота, обращался вокруг средних размеров газового гиганта - одной из планет звезды Барнарда. Еще до того, как радар и лазерный локатор базы засекли два десятка приближающихся к Перл кораблей, расположенные в глубоком космосе автоматические станции раннего предупреждения зарегистрировали множественные гравитационные аномалии и выплески нейтрино, что указывало на появление в этом секторе аппаратов с термоядерным реактором и приводом смещения.

Бой в дальней окрестности газового гиганта оказался скоротечным - вот и все, что стало о нем известно. Релейные буи лазеркома были уничтожены в течение первых пяти минут. Через несколько часов прервалась и радиосвязь.

Последние шифровки были получены от горстки уцелевших кораблей, командиры которых решились отключить силовые установки и ввести режим радиомолчания. После этого им оставалось только медленно дрейфовать к засекреченным базам на астероидах. Кому-то это удалось, кому-то - нет. Как бы то ни было, когда их донесения - с пятидесятиминутной задержкой - достигли базы Перл, само сражение уже стало достоянием истории.

Оборона Перл была документирована немногим лучше. Основная информация основывалась на показаниях очевидцев. Корабли встретились на границе ядовитой перлианской атмосферы, затем схватка продолжилась в ее верхних слоях. Несколько уцелевших беглецов видели, как перехватчики землян один за другим атаковали два тяжелых крейсера арат-кэ, каждый раз начиная маневр из-за облачного прикрытия. Атака перехватчика, выглядевшая со стороны как мерцающая парабола, изогнувшаяся в сторону кораблей арат-кэ, длилась не более двух секунд. Как только перехватчик достигал вершины траектории, следовала

внезапная красная вспышка, из фюзеляжа вылетал ярко-белый фонтан осколков, и сверхзвуковой перехватчик, словно споткнувшись, камнем падал в облака.

Каждый раз атака развивалась по одному и тому же сценарию: вот перехватчик выходит на боевой курс, потом вспыхивает прицельный красный луч, а затем происходит то, что один из американцев назвал «точечной аннигиляцией».

Постой-ка... Точечная? Сергей открыл показания на русском и, быстро просмотрев, понял, что очевидец описывал разрушительную силу этого оружия как «колющий удар невидимым ножом». Другая непровольная вспышка памяти - и Сергей открыл свидетельство канадца. Здесь была другая метафора - «невидимый перфоратор». Следом шли показания молодой немки, которая писала, что перехватчик землян «пал, пронзенный стрелой в стальное сердце». Сергей уже читал это раньше, но отверг описание, как поэтическое сравнение, имеющее весьма отдаленное отношение к реальности.

Сергей закрыл документы и запустил единственную видеозапись. Он смотрел, как узкий дельтовидный перехватчик канадского производства появился справа из-за высокой гряды облаков и, мелькнув, как молния, исчез за левой границей экрана.

Просматривая кадр за кадром, он увидел, что перехватчик успел уклониться от тусклого лазерного луча, но заградительный огонь крейсера вынудил пилота поменять траекторию сближения.

А затем вспыхнул ярко-красный луч. В первом кадре он скользнул за перехватчиком. На втором - захватил цель. На мониторе было хорошо видно растекшееся по фюзеляжу алое пятно. Сергей внимательно рассмотрел это пятно: никаких признаков перегрева или деформации металла.

Сергей стукнул по клавише, вызывая следующий, фатальный кадр.

Бело-голубая вспышка изверглась из фюзеляжа рядом с красным мазком лазерного луча, рассыпая продолговатые осколки. Оторвавшись от разглядывания деталей, Сергей откинулся назад и попытался увидеть картину в целом.

Перехватчик разваливался на куски. Какие-то обломки по инерции летели вперед, остальные раскидало во все стороны.

Отследив траектории разлета крупных осколков, Сергей понял, что повреждение представляло собой скорее короткий разрез, чем точечную пробоину. Это был тот самый «колющий удар ножом или стрелой», который перерубил структурные узлы перехватчика.

Сергей сцепил руки за головой. Вместо того чтобы найти ответ, он получил еще больше вопросов. И если он эти вопросы выскажет, то окажется один против всех - до тех пор пока кто-то еще не засомневается в основной гипотезе. А значит, ему нужен интеллектуальный союзник, и искать его надо среди тех, кто изучал ту же

информацию, что и он.

Поиск дал ему два имени. Первым был физик-теоретик Кендзи Танегава. Он просмотрел все кадры, но не выделил ни одного эпизода из тех, на которые обратил внимание Сергей.

Вторым оказался Коста. Полковник не менее семи раз запрашивал покадровый просмотр той же видеозаписи, причем с увеличением. Очевидно, он тоже обратил внимание на тот кадр, который не давал покоя Сергею. Проницательный ум и беспокойный американский дух... Но Сергей американцам не доверял.

* * *

Сергей соскочил с беговой дорожки в тренажерном зале Модуля-9.

В правом боку слегка закололо, но он все же собирался продолжить тренировку, когда услышал голос Джона Косты:

- Ну, капитан Андреев, как продвигается работа?

Сергей поспешно выпрямился. Американский полковник стоял, прислонившись к переборке.

- Пока никаких результатов, сэр...

Коста пожал плечами.

- А какие-то догадки?

- При всем уважении, полковник, предпочитаю опираться на факты.

- Рад это слышать, но почему вас не убеждает гипотеза Генерального штаба?

Она базируется именно на фактах.

Сергей выдержал твердый взгляд американца.

- Я вовсе не исключаю, что гипотеза штаба верна. Просто я привык выяснять все досконально.

Коста улыбнулся:

- Все это чушь, Сергей Александрович.

Сергей почувствовал, как кровь прихлынула к лицу.

- Вы считаете, что я лгу?

Коста расхохотался.

- Нет, я не считаю вас лжецом. Просто я вижу, что вы относитесь к теории пучка частиц, гм-м... достаточно настороженно. Мне не могло не броситься в глаза, что мы с вами просматривали одни и те же кадры, причем неоднократно. Похоже, у нас возникли одни и те же вопросы.

- Вот не знал, что мои поиски являются предметом чьего-то расследования,

полковник.

- Они и не являются, капитан. Но, с другой стороны, ваши изыскания - это не частное дело. Поэтому я использовал свое право командира выяснить, не заинтересовался ли кто-нибудь еще некоторыми... странностями, которые привлекли мое внимание на видеозаписи. Похоже, и вы сочли некоторые кадры... необычными.

Сдвинув брови, Сергей осторожно ответил.

- Меня действительно озадачил один кадр, да еще кое-какие аспекты показаний свидетелей.

- Это какие же? - подался вперед Коста.

Сергей пытался понять выражение лица полковника. Был ли в нем намек на надежду?

- Показания гражданских очевидцев, в которых они описывают уничтожение цели, являются, как вы сказали, необычными. То, что они видели, совершенно не согласуется со штабной теорией о возможной природе оружия арат-кэ.

- В чем же?

- Любой пучок частиц подвержен атмосферной диффузии, хотя лазер и пробивает перед собой тепловой коридор. Это значит, что зона поражения таким оружием имеет тенденцию расширяться. Иными словами, цель, пораженная пучком частиц, получает повреждения на значительной площади, однако, судя по свидетельствам очевидцев и единственной видеозаписи, оружие арат-кэ имеет практически точечную зону поражения. Пучок частиц в атмосфере должен вести себя совершенно иначе...

Коста кивнул.

- Я тоже думаю, что там было что-то другое. И мне очень хотелось бы услышать ваши соображения на этот счет. Давайте-ка, дружище, отбросим формальности и обсудим наши версии за рюмкой. Как вам такой вариант?

Сергей открыл было рот, но так ничего и не сказал. Коста был союзником, возможно, даже другом. Но, с другой стороны, он американец, следовательно, полностью полагаться на него нельзя. Или все же... Запутавшись в противоречивых мыслях и чувствах, Сергей решил довериться чутью.

- Я бы не стал возражать, сэр.

- Вот и отлично. И зови меня Джон.

Коста направился к выходу.

- Сэр... э-э... Джон?

- Да?

- Может, отведаем настоящей «Столичной», которую я привез с собой на

«Припяти»?

Коста весело улыбнулся:

- Предложение принимается.

* * *

Оказавшись в каюте Сергея, американец первым делом отдал должное хорошей водке, но не успел хозяин разлить по второй, как Коста огорошил его прицельным вопросом:

- Так какое же гипотетическое оружие может быть у арат-кэ? Если есть соображения, выкладывай!

Его прямота была почти оскорбительна, но Сергей решил, что сейчас не время обижаться.

- У меня много предположений, но все они, скорее, тупиковые... - Он слегка пожал плечами. - Об использовании космического излучения не может быть и речи. Какими бы технологически развитыми ни были арат-кэ, вряд ли они умудрились сфокусировать космические лучи в полностью когерентный пучок.

- А как насчет гамма-лазера?

- Теоретически возможно, - кивнул Сергей. - Но опять-таки вопросы фокусировки и мощности кажутся мне неразрешимыми. Гамма-лучи невозможно сфокусировать. Единственный шанс получить достаточно мощный поток гамма-излучения - подрыв ядерной боеголовки, но я не представляю, как можно создать бортовое вооружение, основанное на этом принципе. Следовательно, этот вариант отпадает.

- А другие возможности? - спросил Коста, протягивая ему бутылку.

- Все другие возможности выглядят еще более натянутыми. Посланные в цель с околосветовой скоростью субатомные частицы не подходят - для этого нужен ускоритель, больший чем сам корабль. Акустические колебания исключены: оружие арат-кэ действует в вакууме. Гравитация? Может быть, но я не стал бы об этом даже думать. Мы почти ничего не знаем о гравитационных взаимодействиях, не говоря уже о том, чтобы использовать их как оружие.

- И что нам остается?

- Ждать появления арат-кэ. Установить длину волны излучения. Это позволит точнее определить принцип действия их оружия. И получше рассмотреть внешний вид боевого корабля. Ведь облик летательного аппарата во многом определяется его назначением, поэтому мощность вооружения и способ фокусировки не могли не сказаться на его архитектуре.

- Согласен. Мы не сумеем сложить головоломку, пока у нас нет всех деталей. Только я боюсь, арат-кэ поставят нам мат раньше.

При слове «мат» в голове Сергея вспыхнул некий образ. На мгновение ему показалось, будто его палец застыл на одинокой ладье, запертой на доске во время партии в технологические шахматы с безликими арат-кэ.

«А может, это как раз то, что мне нужно, - сыграть в шахматы, чтобы освободить голову и хоть на время отвлечься от загадки оружия арат-кэ?»

Он улыбнулся и посмотрел на Косту.

- В шахматы играете?

Полковник был озадачен внезапной сменой темы разговора.

- Немного.

Сергей уловил в его интонациях лукавую нотку - прибудняется, значит.

- В самом деле? - широко ухмыльнулся он.

- Ну... в общем, я не такой уж классный игрок. В отличие от тебя... - Коста подмигнул. - Да-да, о твоём участии в соревнованиях упомянуто в личном деле. С другой стороны, я тоже не полный профан.

- Ну что ж, тем лучше.

* * *

Через час Сергей выиграл первую партию. Вторая, растянувшаяся почти на весь вечер, закончилась с тем же результатом. В третьей партии ему не повезло. Коста обернул в свою пользу незначительную брешь в пешечной защите Сергея, перехватил инициативу и выиграл. Четвертая партия, в дебюте которой произошел обмен сразу нескольких пешек, растянулась на пару дней, поэтому соперникам пришлось переместиться с шахматами в Центр управления, где, объединив дежурства, они попеременно разрабатывали стратегию противодействия друг другу и арат-кэ.

Тем временем инженеры, работая в несколько смен, смонтировали и ввели в действие доставленный последним транспортом ультрафиолетовый лазер мощностью 20 гигаватт. Этот чудовищный агрегат был способен функционировать только внутри плазменного потока Юпитер - Ио - Юпитер. Лазер предназначался как для связи, так и для обороны станции.

Из-за усталости Сергей проиграл пятую партию, - во всяком случае, так он себя успокаивал. Это утешительное самооправдание было подкреплено победой в шестой партии, но разрушено неожиданно быстрым поражением в седьмой.

В тот день, когда они с Костой начинали восьмую партию, «Гефест» вошел в зону радиационного максимума. Радиоэфир заполнился кашей из шипения и свиста. Когда из средств связи на «Гефесте» остался только лазерком, Сергей заканчивал последние приготовления к гамбиту в своей партии с арат-кэ, уступами выстраивая пешечную защиту из нескольких десятков телеметрических датчиков, настроенных на различные полосы спектра. Все зонды-роботы дублировали друг друга, линии связи были настроены на автоматическое изменение курса в случае, если какие-то звенья в этой цепочке будут разрушены. Все это было необходимо для того, чтобы установить природу и принцип действия оружия незваных пришельцев.

И арат-кэ не заставили себя ждать.

* * *

Уместившись напротив пустого кресла полковника, Сергей хмуро смотрел на шахматную доску. Противник затеял многоходовую комбинацию, изюминкой которой служил коварный размен фигур. У Косты был несомненный шахматный талант. Немного практики, и он, пожалуй, мог бы...

Взвыла сирена. Сергей выскочил из Центра управления быстрее, чем успел подумать: «Не время для учений, значит, они».

Через секунду, когда сирена взвыла во второй раз, Сергей уже вбегал в отсек со скафандрами. Гермостворка перед ним едва успела открыться. Когда нижняя половина скафандра зафиксировалась у него на талии, интерком начал объявлять то, что он уже и сам понял:

- Боевая тревога, боевая тревога. Повторяю, боевая тревога...

Конец сообщения он дослушал уже по шлемофону, доложил о готовности и освободил скафандр от крепежных захватов.

Нырнув в плотный поток облаченных в скафандры людей, Сергей поспешил в Центр управления. Протискиваясь через межмодульный тоннель-переход, он бросил взгляд на контрольную панель стыковочного узла. Индикатор светился зеленым.

В шлемофоне послышался сигнал вызова: общее извещение по открытому каналу.

- Внимание всем. Срочный разворот. Минутная готовность.

Затем тон сигнала изменился - поступило персональное сообщение.

- Андреев, доложите ваше местонахождение.

- Нахожусь в Модуле-5. Направляюсь в Модуль-4.

- Отставить. Срочно явиться в резервный КП, Модуль-15. Конец связи.

Сергей развернулся и ринулся назад по уже пройденному пути. Резервный командный пункт? Почему туда?!

Когда Сергей снова поравнялся с дверями своей каюты, коридоры уже опустели. Впрочем, обрывки радиопереговоров в шлемофоне создавали довольно полную картину происходящего. Пилоты уже сидели в перехватчиках, техники в последний раз проверяли вооружение и приборы. Открывались ворота ангаров, втягивались в гнезда палубные крепежи, освобождая длинные бескрылые космолеты. Абсолютно бесшумные в вакууме, ослепительно-белые факелы реактивных струй озаряли сопла двигателей.

Сергей бросил взгляд на хронометр: до разворота оставалось тридцать секунд. Тем не менее он не забывал смотреть на приборы стыковочных узлов, через которые проходил. Зеленый, зеленый...

Красный... Ч-черт!

- Говорит Андреев. Межмодульный переход 13-14. Неисправность автоматики стыковочного узла.

Пауза.

- Вас понял. Продолжайте следовать в резервный КП.

- Но ведь...

- Не ваша забота. Срочно в командный пункт. Выполняйте.

- Есть.

Что, черт побери, такого важного происходит в резервном КП?

Задавать вопросы некогда: до срочного разворота всего десять секунд. Как говорят американцы, срочный разворот в космосе - это все равно что «удар по тормозам». И действительно, с технической точки зрения собственная кинетическая энергия станции была куда страшнее самого мощного оружия противника. Станция «Гефест» - этот бронированный «бублик» весом 350 тысяч тонн и диаметром больше 300 метров - вращалась со скоростью 2,1 оборота в минуту, что создавало на наружном диаметре скорость порядка 120 км/ч.

Последний рывок - и Сергей в Модуле-15, резервном командном пункте. Коста и Танегава были уже там: оба пристегнуты к креслам, но гермошлемы откинута.

При его появлении Танегава поспешно отстегнул ремень и быстро направился в Модуль-14. Не успел Сергей рухнуть в противоперегрузочное кресло, как начался разворот. Скорость вращения станции быстро падала. Танегава, споткнувшись, со сдавленным проклятьем рухнул в межмодульном тоннеле. Сергей ему сочувствовал: мало радости передвигаться во время экстренного разворота, когда искусственная гравитация то отключается, то включается.

Перед голографическим экраном медленно вращался Юпитер. Над северным полюсом парили белые точки - перехватчики землян. На глазах Сергея несколько кораблей устремились «вверх», навстречу передовой группе красных точек, быстро двигавшихся к полюсу.

- Они появились намного выше плоскости эклиптики. - Голос Косты был четким и ясным, совсем не так он разговаривал «не при исполнении». - Активные датчики показывают, что у противника один большой корабль и порядка дюжины малых. Вероятно, тяжелый крейсер и истребители прикрытия.

- А признаки присутствия других кораблей?

Коста покачал головой и поймал выкатившийся у него из-под рук сенсорный карандаш - разворот почти завершился, и сила тяжести восстановилась.

- Пока нет, но они наверняка где-то поблизости. Эта свора выскочила из смещения довольно далеко, по меньшей мере в пятидесяти световых минутах. Иначе мы засекли бы гравитационные искажения и всплески нейтрино.

- Арат-кэ разыгрывают свою старую партию, тебе не кажется?

Коста кивнул; в его сузившихся глазах отразились красные точки.

- Они очень самоуверенны, но и времени попусту не тратят. Ускорились уже до 1,5g и несутся во всю прыть. Наши пилоты столкнутся с ними через четыре минуты.

- Шансы?

- Неважные. Наши взлетели всего три минуты назад. Плюс четыре минуты на перехват. Итого семь минут на форсаже в 2,5g. После таких перегрузок большинство из них еще будут приходить в себя и не успеют отреагировать, когда на них опустится молот. Кроме разве опытного Харрисона, да еще Шумилова...

Сергей бегло просмотрел показания телеметрических датчиков - пока ничего. Не удивительно. Почти все датчики он разместил в пределах десяти световых секунд от станции.

Голос по интеркому объявил: «Подтверждаю приближение четырнадцати космолетов. Расчетное время подлета к внешнему защитному периметру - 3 минуты 40 секунд. Расчетное время подлета к «Гефесту» - 4 минуты 15 секунд».

- Надеюсь, ты все сделаешь быстро, Сергей Александрович, - невесело усмехнулся Коста.

Сергей кивнул в ответ, застегнул ремни и проверил страховочный фал.

- Полковник, куда пошел Танегава?

- В стыковочный узел 13-14, повреждение которого ты обнаружил.

- Но ведь я мог...

- Было необходимо, чтобы вы - именно вы, капитан Андреев - явились сюда как можно скорее.

- А что именно мы с вами, полковник, делаем в резервном КП?

- Находимся там, - улыбнулся Коста, - где, как считается, нас быть не должно.

Ну да, в этом есть смысл. Арат-кэ, несомненно, известно о существовании «Гефеста». Возможно, противник даже ухитрился получить план станции. В таком случае враг, конечно, станет бить по главному Центру управления.

С перехватчиков начали поступать координаты целей, и Коста подключился к их переговорной сети. От невозмутимой деловитости русских и грубых шуток американцев, казалось, веяло легким холодком страха.

Возможно, впрочем, на пилотах сказывалась торакальная компрессия, вызванная ускорением в 2,5g. Сергей узнал голос Харрисона - тот приказал прекратить болтовню, и американцы притихли. Шумилов лишенным эмоций голосом начал обратный отсчет времени выхода на огневой рубеж.

Сергей попытался поставить себя на место противника.

- На такой скорости арат-кэ не смогут долго вести боевые действия. Им потребуется не один час на торможение и возврат. Может, это ложная атака?

Коста снова невесело усмехнулся.

- А может, они уверены, что сметут нас одним ударом? Да и высокая скорость дает им некоторые преимущества в обороне. Впрочем, арат-кэ незачем оставлять это поле боя за собой, и они не станут тратить время, чтобы победить нас во что бы то ни стало. Если события начнут развиваться не по их сценарию, они просто выйдут из боя и на полном ходу пронесутся дальше.

А это, подумал Сергей, уменьшает наши шансы выяснить устройство их кораблей и разобраться с их оружием.

- Сорок секунд, - раздался узнаваемый бас Шумилова.

Белые точки на экране начали расходиться в стороны. Сергей перепроверил дальность - чуть больше 200 тысяч километров - и активировал телеметрические мини-датчики, которые были изготовлены в предыдущие недели и рассеяны по линии наступления арат-кэ. По экранам мониторов побежали строчки данных.

Арат-кэ восприняли резкое увеличение количества целей - позади них одновременно появились сорок пять сенсорных кластеров - с откровенной самоуверенностью. Корабли сопровождения (вероятно, маневренные истребители) разбились на две неравные группы, и меньшая повернула назад.

- Пятнадцать секунд, - твердым голосом объявил Шумилов. Один из датчиков Сергея успел зарегистрировать ультрафиолетовое излучение боевого лазера арат-кэ и тут же вырубился. «Вот и первая кровь», - невесело подумал Сергей.

Строй истребителей арат-кэ открыл заградительный огонь из лазерных пушек. Четыре перехватчика землян были уничтожены, еще один подбит. Затем на экране

появились ракеты арат-кэ - красные иглы рванулись к белым точкам.

Харрисон направил все уцелевшие перехватчики встречным курсом. Все, кроме машин Шумилова и Мери. Их точки на экране почти слились - оба пилота летели очень близко друг к другу, заметно отклонившись от основной группы.

Тем временем одураченная отвлекающим маневром группа истребителей арат-кэ методично расстреливала сенсорные кластеры Сергея. В считанные секунды перехватчики землян вышли на огневые рубежи. Ракеты и лазерные пушки ударили по врагу, но и ракеты арат-кэ нашли свои цели. Белые точки, мигнув, гасли целыми группами, и только сдвоенная точка Мери-Шумилова шла прямо на крейсер.

- Выпускаю, - объявил по интеркому Шумилов.

- Ваше слово, капитан Мери, - хриплым шепотом приказал Коста.

Сергей увидел, как две белые точки снова разделились. Потом одна из них - перехватчик Шумилова - выбросила третью точку, ракету намного больше обычной. Если она удержится на заданной траектории, понял Сергей, то обогнет строй вражеских истребителей и прямой наводкой ударит по крейсеру арат-кэ. Однако и промах был не исключен.

Он заметил, что белая точка Мери чуть смазалась: эстонец задействовал подвесной твердотопливный ускоритель и выжал 5g. Сенсорный кластер, смонтированный на его перехватчике, активировался, и по экрану побежали строчки новых данных.

Коста искоса взглянул на Сергея.

- Он сможет идти на форсаже не больше десяти секунд. За это время нам надо получить хоть что-нибудь.

Сергей чувствовал, как по шее ползет капля пота.

- Если датчики сработают, то я зевать не буду. Сколько осталось ракете Шумилова до пересечения с траекторией крейсера?

- Десять секунд.

- Встречный огонь?

- Только что зарегистрированы первые залпы.

- Плохо. - Сергей нахмурился. - Придется рисковать... Шумилов, срочно подрывай ракету!

Раздался едва слышный голос Шумилова:

- Есть, подрыв!

Через секунду Шумилов погиб, смешавшись с осколками своего перехватчика. И все же он успел послать команду.

Ровно за 16 тысяч километров до крейсера арат-кэ ракета Шумилова раскололась, выпустив шлейф микросенсоров. Видеоизображения и результаты

спектрального анализа заняли еще один ряд на экранах.

Харрисон и Мэтисон проскочили сквозь боевой порядок истребителей арат-кэ, а видеодатчики Мери захватили в объективы крейсер. Сергей успел увидеть быстро растущую темную кляксу беззвездного космоса - и связь с эстонцем оборвалась. Точка, изображавшая перехватчик Мери, исчезла с экрана.

- Есть что-нибудь? - возбужденно спросил Коста.

Сергей нахмурился.

- От Мери ничего. Зато Харрисон сумел захватить крейсер в прицел.

- Так и есть!.. - довольно рыкнул в интеркоме Харрисон. - Сейчас мы зададим ублюдкам жару!..

Его слова заглушил громкий визг помех. Потом связь прервалась, не слышно было даже шипения несущей частоты. Сергей бросил взгляд на экран: точка Харрисона пропала, но истребители арат-кэ огонь не открывали. Сергей быстро просматривал показания микросенсоров, пытаясь понять, как был уничтожен перехватчик землян.

Что бы это ни было, Мэтисон должен был что-то видеть. Сергей слышал, как новозеландец воскликнул хриплым от ужаса голосом:

- Господи Боже, что...

Снова зловещий шум помех - и тишина. Мэтисон больше не отвечал, но датчики успели зафиксировать, что случилось мгновением раньше. Со стороны вражеского крейсера произошел резкий выброс нейтрино, сопровождаемый возмущением гравитации, как если бы арат-кэ ненадолго включили свой привод смещения. И тут же откуда-то с осевой линии крейсера сорвался узкий пучок рентгеновских лучей. Сергей тут же сообщил новость Косте:

- Это рентгеновский лазер.

Тот кивнул.

- Есть соображения, как они формируют луч?

- Никаких.

Коста взялся за верньеры настройки, разворачивая 20-гигаватный лазер станции.

- Передай нашим все, что мы успели зафиксировать.

Сергей подготовил запись к передаче и установил лазерную связь с «Тихо-2», затем с «Морем Кризисов», Титаном, Гималией, Марсом, Церерой...

Станцию потрянуло: одна из ракет арат-кэ попала в цель. Сигнал лазеркома мигнул и погас. Компьютер тут же начал корректировать позицию станции, чтобы восстановить связь.

- Угроза попадания в Модуль-4, - объявил интерком. - Расчетное время - две

минуты.

Коста вызвал Танегаву.

- Поспеш с системой расстыковки, Кендзи. У нас мало времени.

- Мне осталось только закрыть технологический люк.

- К черту люк! Срочно возвращайся!

Сергей, словно замороженный, смотрел, как приближающееся красное пятно играючи разделяется с белыми точками...

Мир резко качнулся. Сергея бросило вперед, и он повис на ремнях, прокусив нижнюю губу. Он смутно слышал отдаленный грохот и скрежет металла и не мог понять, то ли это он моргнул, то ли на станции на мгновение погас свет. Мозг взорвался острой болью, сразу превратившейся в тупую ломоту. По-видимому, его контузило, и он был рад, что ничего не чувствует - только виски ломило, да по подбородку текло что-то теплое. Машинально подняв дрожащую руку, Сергей коснулся лица и увидел на перчатке красное пятно.

Снова грохот. На этот раз это был не скрежет раздираемого металла, а удары стали о сталь. Они раздавались где-то совсем рядом, но Сергей слышал их как сквозь толстый слой ваты.

- Сергей!

Голос Косты, чуть не взорвавший шлемофон, заставил Сергея прийти в себя. Осколки реальности стали понемногу собираться в нечто более или менее цельное. Станция подбита, но он еще жив, хотя и оглушен. Кто-то - должно быть, Коста - застегнул на нем гермошлем, и Сергей вообще перестал слышать звуки. Ему захотелось спросить полковника, что случилось, но говорить оказалось невероятно трудно.

К счастью, Коста заговорил сам:

- По нам ударил рентгеновский лазер. Дальность действия оказалась намного больше, чем мы предполагали. Залп вывел из строя командный модуль и повредил антенну лазеркома.

Когда американец вернулся к наведению лазера, Сергей кое-как сфокусировал зрение и попытался рассмотреть показания датчиков. Несколько сенсорных кластеров было уничтожено, но большая часть устройств продолжала работать, в том числе и несколько видеотрансляторов, передававших изображение тяжелого крейсера арат-кэ.

Датчики считывали и другие параметры вражеского корабля. Его масса превышала 225 тысяч тонн. В отличие от клинообразных боевых кораблей землян, крейсер арат-кэ имел оптимальную аэродинамическую форму яйца, направленного острым концом вперед. Расширявшийся к кормовой части корпус имел по бортам

два ряда углублений. Слегка приподнятая верхняя часть заканчивалась на корме довольно массивным «горбом».

Сергей восстановил траекторию доминирующего излучения и понял, что отмеченные ранее нейтринная и гравитационная аномалии имеют один точечный источник. Все они исходили из горба на корме крейсера. Ага, значит, корма... В голове Сергея вихрем закружились самые разные предположения, которые выстраивались в стройную картину по мере того, как созревала главная догадка.

Коста рядом с ним вполголоса выругался, но в его интонациях звучало торжество. Головной истребитель арат-кэ попал под лазер станции и разлетелся на куски. Следом - еще два. Порадоваться первому успеху Сергей не успел, его отвлек легкий шорох, донесшийся из переходного тоннеля. Вероятно, это возвращался Танегава, подумал он, но обернувшись, никого не увидел. Очевидно, японец был еще далеко.

Тем временем Коста перевел прицел с вражеских истребителей, которые держались теперь на безопасном расстоянии, на крейсер. Через какое-то время тот должен был оказаться в пределах досягаемости, но Сергей почти сразу понял, что произойдет это не так скоро, как хотелось бы. Крейсер рыскал, меняя курс, чтобы занять позицию точно напротив станции.

События разворачивались одно за другим, и Сергею трудно было воспринимать их отдельно. Вот микросенсоры показали выплеск нейтрино и гравитационные возмущения, следом хлынуло рентгеновское излучение, мощность которого чуть не мгновенно возросла до мультигигаваттного уровня. Не успел он переключиться на внешние мониторы «Гефеста», как 20-гигаваттный лазер станции срезало и отшвырнуло прочь, словно лист алюминиевой фольги. Модуль, на котором он был смонтирован, взорвался; от взрыва содрогнулась вся станция.

Сквозь грохот ударов Сергей с трудом различил позади себя слабый скрежещущий звук. В коридоре наконец-то появился Танегава. Он с трудом брел вдоль стены, неловко прижимая к телу левую руку. Коста тоже увидел японца и попытался связаться с ним по радио, но безуспешно.

Американец щелкнул тумблером, собираясь сделать повторный вызов, и вдруг замер. Проследив за его взглядом, Сергей увидел, как за спиной Танегавы сминается ведущий в соседний модуль коридор. Сначала он изогнулся вправо, затем начал скручиваться вокруг продольной оси. Углы, где стены сходились с полом, ползли на глазах, и Сергей понял, что у них почти не осталось времени. Каждый удар арат-кэ сообщал станции новый импульс, и все они были разнонаправленными. Хотя вращение огромного колеса почти прекратилось, станция «Гефест» начинала разваливаться на части.

Потом Сергей увидел: приборы показывают новый выплеск нейтрино, и, с удивлением отметив, что не испытывает никакого страха, спокойно объявил:

- Все. Нам конец.

Коста еще некоторое время молча смотрел на Танегаву, затем повернулся к пульту.

- Еще нет!

С этими словами он сорвал предохранительную крышку с блока управления стыковочной системой модуля и стукнул кулаком по красной кнопке.

Модуль содрогнулся.

Танегава, находившийся уже меньше чем в десятке метров от конца межмодульного тоннеля, поднял голову. В следующее мгновение перед ним захлопнулась, задраиваясь, дверь модуля, и рванул заряд расстыковки. Как пущенный из пушки снаряд, резервный командный пункт понесся в открытый космос, стремительно удаляясь от станции «Гефест»... и от Кендзи Танегавы.

Еще не смолк грохот взрыва, когда арат-кэ нанесли последний удар. Обреченную станцию разнесло на множество кусков, веером разлетевшихся от места попадания. Сергей повернулся к Косте, собираясь что-то сказать, и увидел, что глаза американца закрыты.

* * *

- Нужно включить двигатели еще на 2,4 секунды и выправить тангаж.

- На половинной тяге?

- Так точно, - ответил Сергей.

Коста ввел с пульта команду для двигателей поворота. Через мгновение они ощутили легкие толчки. Сергей следил по гироскопу, как уменьшается угол тангажа. Еще, еще чуть-чуть, и...

Выравнивание закончилось, и Сергей облегченно выдохнул.

Несколько часов после взрыва они кувыркались в пространстве и остались живы только потому, что их модуль было трудно заметить среди обломков станции. Это была единственная причина, по которой арат-кэ их не добила. Сергей с полковником видели, как вражеские истребители, разгоняясь до 2,8g, прочесывают пространство. Пройдя одним курсом, они меняли его в соответствии с курсом крейсера. Наконец мелкие красные точки на экране пересекли плоскость юпитерианского экватора и, промчавшись через самый центр радиационных поясов, слились с крупной красной каплей. Истребители вернулись на крейсер-

матку и стали в боевые эллипсы.

Наблюдая за этой картиной, Коста предположил, что после прохода через области высокой радиации датчики прищельцев станут менее чувствительными и не смогут распознавать незначительные изменения внешних полей. Если включить двигатели на две-три секунды, добавил полковник, можно попытаться произвести пространственную ориентацию модуля, не привлекая к себе внимания противника.

Эта работа заняла почти три часа, но в конце концов они все же выполнили стабилизацию модуля по всем трем осям. Оставался последний маневр: включить осевое вращение модуля со скоростью четыре оборота в минуту, что обеспечило бы на борту искусственную гравитацию порядка 0,15g.

Услышав об этом, Сергей нахмурился.

- Четыре оборота многовато, сэр. Нам понадобится время, чтобы привыкнуть...

Коста едва не рассмеялся.

- Ты что, собрался куда-то лететь? И забудь ты, наконец, свое дурацкое «сэр»!..

- Есть, сэ... э-э, Джон.

Коста перевел двигатели вращения на постоянную работу в экономном режиме. Последовал еле заметный боковой толчок, и модуль начал лениво вращаться.

- Ну, а теперь, Джон, скажи, от чего мы окочурились раньше: от удушья или радиации?

- Ты еще можешь шутить?

- Особенность русского характера. А если серьезно, то мне все же хотелось бы знать, на что можно рассчитывать.

- Воздуха в модуле хватит примерно на два дня. Скафандры дадут нам еще сутки. Но это при условии, если мы снизим подачу кислорода до минимума.

- А что с радиацией?

- Пока мы остаемся внутри плазменного потока, с нами ничего не случится. Электромагнитные экраны модуля функционируют в штатном режиме, но без мощных двигателей мы выйдем из плазменного потока примерно тогда же, когда закончится кислород. Иными словами, радиация прикончит нас в любом случае, независимо от того, есть у нас кислород или нет. Разумеется, не исключено, что нас спасут...

- Спасут? А кто?

- Поисковые отряды с Ганимеда. У них есть космолеты с электромагнитными экранами. Если арат-кэ не станут слишком усердно патрулировать сектор, наши могут рискнуть и провести спасательную операцию.

- С какой стати они станут это делать? Ведь о том, что мы живы, никто не знает.

- Но как только арат-кэ обогнут Юпитер, мы сможем послать по радио несколько

коротких узконаправленных сигналов. - Коста расстегнул привязные ремни и поднялся. Искусственная гравитация тут же потянула его влево, и он слегка качнулся. - Вставай осторожнее, - посоветовал он. - Вращение все-таки чувствуется. И пожалуй, нам лучше отключить всю лишнюю электронику: вдруг арат-кэ сунутся сюда с разведкой?

Кивнув, Сергей потянулся, чтобы отключить релейную связь, которая все еще поддерживала контакт с тремя последними микросенсорами, - и опустил руку, когда пробежал глазами последние данные сканирования массы. Крейсер арат-кэ стал заметно легче даже после того, как на борт вернулись девять оставшихся истребителей.

- Джон, взгляни-ка на это!

Американец качнулся к Сергею и заглянул ему через плечо.

- Господи Боже!.. Слушай, а твои датчики не врут?

- Системы в норме, диагностика работает отлично. Эта адская посуда потеряла несколько сотен тонн своей массы.

- Может, крейсер выработал топливо?

- Нет. Датчики бы это зарегистрировали.

- Но куда же подевалась масса?

Хороший вопрос. Куда могла деться вся эта масса? Точнее, во что она могла превратиться? Она не была ни выгружена, ни израсходована при смещении пространства приводом псевдосингулярности. Так что же с этой массой случилось?

Мгновенно пришедший ответ оказался настолько прост, что Сергей даже удивился. $E=mc^2$! Арат-кэ не сбрасывали массу. Они просто преобразовали ее в рентгеновские лучи - сожгли несколько сотен тонн топлива, чтобы привести в действие свое оружие. А это означает, что оно получает энергию непосредственно от корабельной силовой установки.

Как только Сергей выложил свое открытие, Коста откинулся в кресле и задумался.

- Предположим, арат-кэ действительно способны израсходовать столько дейтерия за несколько минут или даже часов. Но как они тогда запасают и накапливают энергию?

- Я думаю, они используют в качестве конденсатора саму псевдосингулярность. Генерируя энергию, арат-кэ загоняют ее в смещенное пространство. Когда энергии накоплено достаточно, они заставляют свою маленькую черную дыру расширяться, причем весь процесс происходит под их контролем.

- Но поле, необходимое для управления таким процессом, должно быть настолько мощным, что по сравнению с ним работа нашего привода Вассермана

выглядит как... как гравитационное недоразумение. Понимаешь?

- Конечно. - Сергей кивнул. - Этот их научно-технический прорыв позволил создать сверхмощный рентгеновский лазер. Смотри: мы научились сохранять микроскопические псевдосингулярности, создаваемые приводом Вассермана, не выше доли секунды. Арат-кэ открыли принципы работы более мощной локализирующей системы. Они не только создают псевдосингулярности в десятки раз мощнее наших, но и используют их для удержания энергии, по крайней мере в течение нескольких минут. Вот почему мы наблюдали выплески нейтрино и гравитационные искажения всякий раз, когда арат-кэ готовились открыть огонь. Это объясняет также, почему они строят боевые корабли с массивной кормой.

Коста вскинул голову, явно пораженный услышанным. Сергей даже почувствовал к американцу что-то вроде признательности: как-никак Коста сумел первым оценить сделанное им открытие. Первым и, возможно, последним, невольно подумал он, но поспешил отбросить эту мысль.

- И привод, и термоядерная установка должны быть намного больше стандартных размеров; кроме того, они нуждаются в надежном экранировании. Этот самый горб на корме крейсера, как зафиксировали датчики, был источником нейтринных и гравитационных возмущений.

- А вот и заключительное доказательство... - Коста жестом показал на экран, на котором под углом к Юпитеру двигалась большая красная точка. По-видимому, крейсер собирался пройти сквозь верхний слой атмосферы газового гиганта.

Сергей пожал плечами.

- Крейсер тормозит в атмосфере. Что это доказывает?

- Это не торможение, Сергей. Они выкачивают тяжелый водород. У них полным ходом идет дозаправка.

- Ну да, - согласился Сергей. - Они израсходовали уйму энергии. Переместились в Солнечную систему, опустились к плоскости эклиптики и провели несколько мощных атак рентгеновским лазером. Они должны заправиться. - Сергей едва не улыбался. - Если наше предположение верно, значит, боеспособность кораблей арат-кэ зависит от запасов ядерного топлива, которое расходуется и во время перелета, и в особенности во время каждого боевого столкновения. С тактической точки зрения, это, пожалуй, можно считать их уязвимым местом.

- Наверное, ты прав. Первым делом нужно как-то сообщить Земле, что и у непобедимого Ахиллеса есть уязвимая пятая. И мы обязаны прожить столько, сколько потребуется, чтобы успеть это сделать. - Коста встал, держа в руке электронный блокнот. - Поэтому пора провести инвентаризацию.

Через пятнадцать минут они закончили подсчет, и американец перечислил:

- Восемь аварийных комплектов питания. Два запасных спасательных скафандра. Один радиомаяк с автономным питанием. Один жидкотопливный пистолет калибром 10 мм и четыре тридцатизарядных магазина к нему.

- Это все?

- Есть почти десять литров питьевой воды. И... - Коста открыл ящик для бумаг и запустил руку в его набитые всяким хламом недра. Как рыбак, хвастающий уловом, он вытащил и поднял вверх янтарного цвета бутылку с длинным горлышком: - И почти литр восьмилетнего бурбона.

Сергей приподнял бровь. Может быть, следующие день-два им будет не так тоскливо.

* * *

Стрелка кислородного манометра упала до отметки 0,13. Сергей смотрел на нее и ненавидел это простое устройство, которое заменило им обычные часы, отсчитывающие время. Секунды больше не имели смысла. Количество оставшихся вдохов значило теперь все.

Весь первый день они старались тратить воздух как можно экономнее. Сначала задраили лишние отсеки модуля и перекачали весь кислород в командный пункт и примыкающий к нему коридор, ведущий к воздухоочистительной установке и аварийному переходному шлюзу. Затем Коста отправил радиogramмы на Ганимед, Каллисто и Гималию. Потом они повторяли эту операцию каждые четыре часа.

В промежутках между передачами Коста и Сергей записали и распечатали свои гипотезы, результаты наблюдений, все самые смелые предположения об устройстве рентгеновского лазера и крейсера арат-кэ. Пожалуй, за всю свою жизнь Сергей не делал столько бумажных копий, но теперь простая целлюлоза стала залогом того, что их открытие дойдет до человечества. Радиация могла вывести из строя компьютеры, стереть магнитные записи и даже повредить оцифровку на кристаллах, но не могла повредить простой печатный текст на бумаге. Текст, который нужно было сохранить во что бы то ни стало...

Потом они снова слали радиogramмы: на Ганимед, Каллисто, Гималию... снова на Ганимед и дальше по кругу...

Первый день, наполненный бурной деятельностью, пролетел незаметно. Но к концу второго дня им оставалось только пить, разговаривать и тарашиться на манометр. Машинально потирая большим пальцем горлышко бутылки, Сергей сидел на полу, упершись спиной в переборку.

- Сколько еще?

Коста взглянул на кислородный баллон, потом на свой хронометр.

- Часов пять... от силы шесть. Потом влезем в скафандры.

- Значит, спасателям надо поторопиться.

Сделав большой глоток из бутылки, Сергей поморщился. Он еще не привык к послевкусию сладковатого кукурузного виски. От следующего глотка он закашлялся.

- Не спеши, а то подавишься - и конец, - шутливо сказал Коста, протягивая руку за бутылкой, но вместо того чтобы передать ему виски, Сергей с силой прижал бутылку к груди. Кровь стучала у него в висках, когда он подумал: «Это только звучит как шутка, а на самом деле самая что ни на есть правда».

Он отлично понимал, что вдвоем они наверняка погибнут. Но у одного гораздо больше шансов выжить. Один будет расходовать только половину кислорода, и поэтому сможет прожить вдвое дольше. В конечном счете, один из них просто обязан выжить. Да, их отчеты были достаточно подробными и точными, но больше всего военной разведке был необходим живой свидетель.

Сергей поднял глаза на манометр. Его стрелка, вздрагивая, двигалась к отметке 0,12.

Борясь с охватившим его ощущением нереальности происходящего, Сергей осознал, что достает из кобуры пистолет, который достался ему при распределении полезного имущества. Коста пристально следил за его движениями, но оставался спокоен. Он не шевелился - только продолжал протягивать руку, дожидаясь, пока Сергей наконец передаст ему бутылку.

- Если воздух будет расходовать только один из нас, есть надежда, что его успеют спасти, - хрипло сказал Сергей.

Коста кивнул и как следует глотнул из бутылки, которую Сергей наконец-то выпустил из судорожно стиснутых пальцев.

- Один из нас должен доложить командованию... Ты это понимаешь, Джон?

Коста снова кивнул. Его губы дрогнули, словно он собирался улыбнуться.

- Я серьезно, Джон. Нам надо обсудить... варианты. У нас нет права на неудачу.

Коста сделал еще один большой глоток и тоже поперхнулся. И у него бурбон не пошел.

- Кого ты стараешься убедить, Сергей? Меня или себя?

Уняв дрожь, Сергей большим пальцем снял пистолет с предохранителя и увидел красную метку. Кроваво-красная точка как будто приказывала: «Предохранитель снят, стреляй!».

Коста вытер рот тыльной стороной ладони.

- Послушай, мне никогда не нравилась эта ваша... как ее... - Он улыбнулся и выразительно посмотрел на оружие. - «Русская рулетка». К тому же у нас не револьвер, а пистолет. Так что если ты предлагаешь сыграть, то, боюсь, мне придется отказаться.

Сергей поднял оружие.

«Рассуждай логически, - мысленно велел он себе. - Дело не в тебе, не в Джоне и не в вашей неожиданной дружбе. Речь только о человечестве и о твоём долге перед ним. Ну, а по большому счету, сейчас тебе приходится выбирать между голым прагматизмом и беспочвенным оптимизмом». Именно с таким выбором, как утверждал его отец, большинство американцев просто не в состоянии справиться.

Коста кивком показал на пистолет.

- Он выстрелит, если нажать на спусковой крючок.

У Сергея загорелось лицо.

- Ты, похоже, абсолютно уверен, что я не смогу тебя убить, Джон.

Коста пожал плечами и, бережно поставив бутылку на колени, заглянул в ее янтарную глубину.

- Быть может, убить меня действительно будет самым рациональным решением, но мне оно не кажется справедливым.

- Справедливость тут ни при чем. В некоторых обстоятельствах без убийства не обойтись. Ведь ты же убил Танегаву...

- А Мери и Шумилов погибли, чтобы доставить тебе новые данные. Это война, Сергей: на войне приходится отдавать приказы, в результате которых гибнут люди. Но то, что ты сейчас задумал, не война. Это - убийство.

У Сергея напряглись желваки на скулах.

- Я сделаю то, что необходимо.

- Ты такой же человек, как и я. Конечно, убивая меня, ты вдвое увеличиваешь свои шансы, но... Не исключено, что спасательный корабль уже летит к нам в эти самые минуты, а значит, возможность выбраться из этой передраги живыми есть у нас обоих. Вот почему ты не выстрелишь; сознаешь ты это или нет, но ты еще не потерял надежду. И я не думаю, что это произойдет в ближайшее время.

Сергей долго смотрел на Косту. Затем поднял пистолет и нажал на спусковой крючок.

Вдребезги разлетелся манометр кислородного баллона.

- Достал он меня, этот чертов манометр, - пожаловался Сергей. - Передай-ка бутылку.

* * *

Голова буквально раскалывалась от боли. Проклятый бурбон!.. Сергей с трудом сел и потянулся к голове, но его руки наткнулись на металл гермошлема.

Открыв глаза, он обнаружил, что одет в спасательный скафандр. «Но когда я успел в него влезть? Почему не помню? И где Джон? Может, у меня уже начался гипоксический бред?» - подумал Сергей.

«Джон все объяснит, - решил он немного погодя. - Надо найти Джона».

Шатаясь, он поднялся на ноги и осмотрел командный пункт.

Отсек выглядел опрятнее, чем он помнил. Все бумаги разложены аккуратно стопками. Большая часть экранов и светильников выключена.

Где же Джон?

Сергей неуклюже потянулся к манжете левой перчатки. Вспыхнувший на визоре дисплей на мгновение его ослепил. Не сразу он отыскал глазами индикатор времени. Похоже, с тех пор как он разнес манометр, прошло часов восемь.

Сергей снова огляделся.

- Джон? - позвал он в ларингофон. Ответа не было, и Сергей, пошатываясь, вышел в темный коридор, ведущий к аварийному шлюзу. Темнота, впрочем, была относительной - через равные промежутки времени узкий проход озарялся мигающим красным светом. Значит, внешний люк открыт...

На полу перед внутренним люком Сергей увидел запасную ранцевую систему жизнеобеспечения.

Чувствуя, как у него темнеет в глазах, он прислонился спиной к люку и медленно сполз на пол. «Нет, нет, нет...» - стучало у него в голове, а к горлу подкатывал горький комок.

Это продолжалось очень и очень долго.

Почти вечность.

Наконец он кое-как поднялся и побрел обратно в командный пункт. Джон оставил все в идеальном порядке, только на компьютерной клавиатуре лежал сложенный вдвое одинокий листок бумаги. Сверху на нем было написано: «For My Dear Wife and Son». Вместо точки над «i» в слове «Wife» лежал небольшой серебристый диск с нанесенной на него картой мира.

Это был личный жетон полковника Коста.

По нижнему краю жетона шли слова, в которых Сергею почудился упрек: «Non nobis solum» - «Не для себя одних»⁸.

---

⁸ * ... *non nobis solum nati sumus ortusque nostri partem patria vindicat, partem amici...*
- ...не для себя одних мы рождены, но какую-то часть нас по праву требует

Крепко сжав жетон в кулаке, он опустился на пол и стал ждать.

* * *

Его нашли спустя двое суток. Чтобы отсрочить смерть, он уменьшил давление кислорода до 0,095. Когда экипаж американского военного корабля «Криста Маколифф»^{**9} состыковался с модулем, Сергей лежал без сознания в глубокой гипоксии. Во время перелета из системы Юпитера он изредка приходил в себя. Его тошнило от полученной в модуле дозы облучения. Капельница и переливания крови почти не помогали.

Несколько месяцев он провел на Титане - самом безопасном месте во всей Солнечной системе. Арат-кэ решили не тратить время на систему Сатурна и всеми силами атаковать Землю. Один раз Сергей случайно услышал, как двое охранников шептались об Индонезийской высадке, но больше ничего узнать не удалось.

Впрочем, и так было ясно, что идет страшная война.

Большинство лиц, которые он видел в течение дня, были угрюмыми. Тем не менее после допроса, который учинила ему комиссия мрачных экспертов, а также после сеанса гипноза, когда ему тоже пришлось отвечать на десятки вопросов, Сергей заметил, что на лицах дознавателей стали появляться неуверенные улыбки. Теперь они все чаще интересовались техническими ограничениями оружия арат-кэ, возможным расходом топлива и тому подобными вещами. Но ежедневные допросы и так называемые «консультации» не прекращались, сливаясь в бесконечный сон наяву, состоящий из монотонной, отупляющей работы. Вскоре Сергей потерял счет дням и перестал следить за временем.

Так продолжалось вплоть до 25 января, когда с Земли поступили две радиограммы.

В первой сообщалось, что после ожесточенных столкновений в пространстве между Землей и Луной арат-кэ наголову разбиты. Во второй говорилось, что именно полученная от Сергея информация помогла создать особую изматывающую тактику, которая и позволила добиться полной победы. Похоже, как только Сергей вернется домой, ему вручат орден...

отечество, другую часть - друзья... Из произведения Цицерона «Об обязанностях».

⁹ ** *Криста Маколифф (1948-1986) погибла 28 января 1986 года вместе с шестью другими членами экипажа во время катастрофы шаттла «Челленджер».*

* * *

Далеко внизу вспыхнула и пропала короткая цепочка огней курортного побережья Сономы. Потом космоплан резко пошел вниз, его треугольные крылья задрожали.

Вздыхнув, Сергей посмотрел на жетон и приколот его к петлице. Интересно, что сказал бы Джон, увидев его сейчас? Наверное, ничего. Улыбнулся бы, и все.

Когда космоплан снова выровнялся, над синей гладью залива Сан-Франциско вошло солнце. Серебристо-золотой дождь лучей пролился на воду, испещрил полосами горизонт, окрасил в яркие цвета концы крыльев. Сергей отнял руку от жетона. Космоплан делал круг над Калифорнийским побережьем, выступающим над Тихим океаном, словно зеленый взъерошенный гребень. Наконец-то он дома... Америка, Россия, Уругвай, Египет - не имеет значения. Отныне его домом стала вся огромная Земля, каждый ее уголок без различия географических координат.

Космоплан коснулся посадочной полосы. «У сына Джона, наверное, отцовская улыбка», - подумал Сергей. Через какой-нибудь час он это узнает.

Он выглянул в иллюминатор и увидел солнце, пляшущее между вершук секвой.

Перевел с английского Андрей МЯСНИКОВ

© Charles E.Gannon. Not For Ourselves Alone. 2011. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Analog» в 2011 году.

ТОМ ПАРДОМ

ПРИВЯЗАННОСТИ МОРРИ

Т О М П А Р Д О М

ПРИВЯЗАННОСТИ

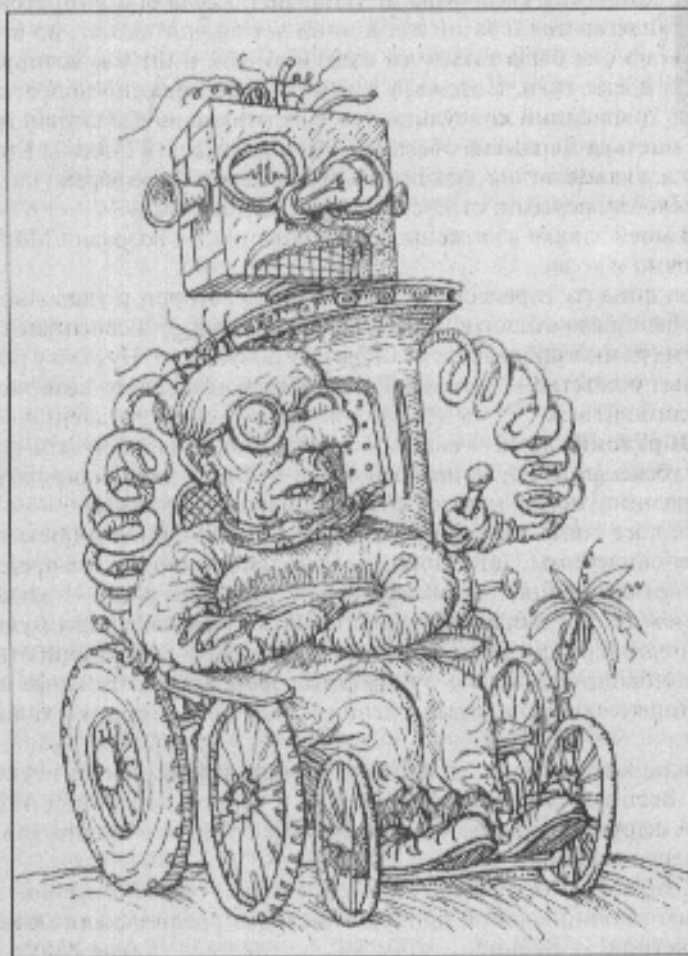

Иллюстрация Андрея БАЛДИНА

МОРРИ

Иллюстрация Андрея БАЛДИНА

Первым делом он отказался от ног. Не нужны они этой штуке. В доме лифты хорошие. Сойдут и колеса.

- Но есть же множество мест, где приходится передвигаться по лестницам, - возразила консультант-советник.

Советник сама была штукой. Выглядела она компетентной, слегка полноватой женщиной лет под пятьдесят, но все равно она была таким же изделием, как и штука, которую ему предлагали. Похоже, у них на складе запасено полсотни модификаций консультантов-советников на все случаи жизни. «Пусть мистера Ларджена обслужит Номер Двадцать Восемь. Его психометрия указывает на максимальную степень комфорта, когда он имеет дело со зрелыми, ответственными женщинами».

- В моей заявке изложены все требования, - возразил Морри. - Достаточно и колес.

Из-за лица разгорелась настоящая битва. Морри с удовольствием выбрал бы прямоугольную металлическую коробку с сенсорами и динамиком громкоговорителя, если бы ему позволили. Ну, как у роботов в читаных в детстве комиксах. Только без комиксового задорно-дружелюбного вида.

- Выражение лица - важный аспект эмоциональной коммуникации, - убеждала консультант-советник. - Оно может, например, выразить разницу между мелким сбоем и опасной поломкой.

Пришлось согласиться на эластичную «кожу». В этом поставщики были непоколебимы. Зато Морри решительно отклонил все предложения насчет симуляции человеческого лица, безразлично - мужского или женского. Он забраковал одиннадцать якобы забавных мультяшных личиков, прежде чем консультант сообразила, что Морри отвергает всю концепцию в целом. Униформы, робы и всевозможные вариации исторических или иных одеяний получили столь же холодный прием.

Правда, костюм ниндзя заставил Морри задуматься на несколько секунд. Весь корпус целиком упакован в черное. Половина лица закрыта. А с другой стороны - напоминание о том, что эта штука может быть смертельно опасной.

- Похоже, вы отвергаете любые качества, способствующие установлению эмоциональной привязанности, - предположила консультант-советник. - Верно?

- Это просто вещь. Машина. Это все, что она из себя представляет.

- Большинство потребителей полагают, что определенная степень эмоциональной привязанности повышает суммарное удовлетворение от взаимоотношений.

- Это машина. Ты тоже машина. Я не ищу друга. У меня уже есть друзья.

Вот так Морри и получил блестящую колонну на плоской платформе с четырьмя великоватыми колесами. Три щупальца, заканчивающиеся почти человеческими, но металлическими кистями. Прямоугольная «голова». Две линзы - «глаза», похожие именно на линзы камер. Квадратный динамик громкоговорителя с решеткой.

- Твое имя - Клэнк, - сказал Морри. - Ты будешь называть меня мистер Ларджен.

- Рад знакомству с вами, мистер Ларджен.

«Кожа» надо «лбом» могла складываться в морщины.

«Щеки» могли раздуваться или краснеть. Но улыбаться эта штука не умела.

* * *

Женщина, которая жила через две двери от него, Джорджия Коулмэн, называла свою штуковину Элли. Она тщательно подобрала для Элли такую внешность, что та выглядела высокой, крепкой телохранительницей, вроде тех собранных и предельно внимательных женщин, окружающих президентов и государственных чиновников высокого ранга, любителей за казенный счет покататься по стране и на халяву попить и пожрать.

Джорджия много времени проводила вне дома, и Элли всегда ее сопровождала.

Элли расплачивалась с таксистами. Элли помогала подняться по лестнице. Элли находилась рядом в дамской комнате. Ладони Элли могли поразить человека электрошоком. Элли могла наносить удары руками и ногами. А еще выпускать струю слезоточивого спрея из кобуры на плече.

- Вроде сторожевого пса, которого не надо кормить, - заметил как-то Морри в разговоре с Джорджией.

Та улыбнулась.

- Элли чуток сообразительнее любой собаки, Морри.

- Ну да, она еще и разговаривает с вами.

- Вот сейчас она обучает меня игре в шахматы. Вы когда-нибудь сражались в шахматы, Морри? Мы начали с игры в триктрак, но уже через месяц мне это надоело. А шахматы... это что-то совсем иное. Я могла бы провести остаток жизни, изучая Сицилианскую защиту.

Самым убойным приложением была программа уборки помещений. Конечно, никаких трудностей для Морри. Но как-то само собой получалось, что вскоре после очередной уборки комнаты оказывались заваленными всякими шмотками,

валяющимися на стульях и где только можно. Слой пыли постоянно нарастал. Фаянс в ванной комнате терял свой блеск.

- Два часа ежедневно, - заверила Морри персональный советник (на этот раз - человек). - А на практике не больше часа в день, как только он все организует. Вы даже не заметите, когда и как он будет это делать.

- Ну да, а еще он умеет готовить.

- Ну, основные блюда. Он способен читать инструкции на упаковках, а вы можете сказать ему, какие особенности нужно привносить.

Оно могло также отслеживать прием лекарств. Морри принимал два вида противораковых пиллюль. Таблетки первого вида он должен был принимать два раза в день три дня в неделю, а таблетки второго - каждые четыре дня за полчаса до завтрака. Морри отмечал выполнение графика на экране наладонника. Теперь же он переложил эту заботу на Клэнка. Жестянка не просто подсказывала ему, что и когда нужно делать. Она за ним наблюдала и убеждалась, что пиллюли действительно проглочены. А когда через пару часов он начинал вдруг беспокоиться и припоминать, принято ли лекарство, штуковина заверяла его, что все в порядке.

Существовало множество специализированных устройств, которые могли делать все, на что только способны железяки. Пылесосы-роботы. Автоматические кухни. Мелкие букашки, шныряющие по вашим полкам и всасывающие пыль. «Ознакомительное видео» ненавязчиво подчеркивало совершенство всей этой машинерии. И все умники-технари утверждали, что антропоморфные роботы всегда будут оставаться фантастикой.

Да только все эти специализированные устройства стоили очень недешево. Прекрасная вещь - автоматическая кухня, если вы строите себе новый дом. А вот ваш антропоморф готов работать и в той кухне, которая у вас уже имеется. И он может ходить по дому с вашим старым пылесосом. И даже пользоваться шваброй и тряпкой.

По видео показывали военных антропоморфов, которые выносили раненых солдат с поля боя. Их искусственные ноги проходили там, где застревали колеса. Руки могли переносить любой груз.

Морри, конечно, и сам пришивал пуговицы к манжетам рукавов, но вот пришить так, чтобы пуговица идеально села на свое место - напротив прорези, - с первой попытки удавалось редко. Иногда требовалось пять-шесть подходов.

- Клэнк, ты умеешь пришивать пуговицы к манжетам?

- Пожалуйста, покажите мне. Благодарю. Сейчас загружу нужное приложение.

«Руки» Клэнка протянулись к поднятому запястью Морри. Тот решил, что

понадобится время, пока Клэнк поищет нужную прогу и выполнит загрузку. Но металлические пальцы сомкнулись вокруг пуговицы безо всякого промедления. Морри поднял вторую руку, и Клэнк завершил работу с той же безукоризненной эффективностью.

Морри не без труда подавил желание сказать «спасибо».

- Я выйду на пару часов, Клэнк. Приберись в квартире.

- Будет сделано, мистер Ларджен.

- И передай в свой отдел маркетинга, что это очень хорошее приложение. Я, конечно, мог бы сам все это сделать, но мои пальцы уже не так чувствительны, как раньше.

- Я передам, мистер Ларджен.

* * *

- Вы не желаете сыграть против реального, а не виртуального противника, мистер Ларджен?

Морри как раз нажал кнопку «Вкл.» на игровой приставке. Логотип «Swanalarì Res» сменился вводным текстом, но стартовый экран еще не высветился.

- Ты набиваешься в партнеры, Клэнк?

- Я просто предлагаю вам опцию, о существовании которой вы, возможно, не знали.

- Мне не нужен партнер. Мне кажется, я в свое время выразил это достаточно ясно.

- Я понимаю, мистер Ларджен.

- А они это понимают?

- Ваши инструкции инсталлированы на постоянной основе в моих оперативных параметрах. Я приношу извинения, если проявил излишнее рвение.

Морри какое-то время пялился на экран. Монитору было уже четыре года, и целый год Морри не покупал новых игр.

- А ты можешь сделать что-то такое, на что неспособна игровая программа?

- В каком смысле?

- Ну, как мой игровой противник. Вот эта игра - это воздушный бой. Если ты будешь моим оппонентом, то готов в схватке один на один сделать что-то такое, чего не может совершить программа?

- Некоторые геймеры полагают, что их антропоморфы обладают более гибким набором реакций и менее предсказуемы, чем запрограммированные игровые

алгоритмы.

Морри достал дополнительный контроллер и подсоединил к приставке. Второй джойстик он заказал, когда покупал систему, чтобы иметь возможность играть вместе с внучкой, когда та его навещала.

Дебби все свое детство была заядлым игроком. Сейчас она, по большей части, играет со своими бойфрендами, изображая из себя оголтелую геймершу, не лишенную, однако, женской привлекательности.

- В эту игру я сражаюсь на уровне эксперта, - заявил Морри. - Я обычно летаю на «Огненном Драконе» с дополнительным пульсационным лазером.

* * *

- Что это? - спросила Лаура.

- Это мой личный универсальный мажордом, мастер на все руки и преданный механический слуга.

- Но почему он так выглядит?

Морри в свое время сделал открытие, что существуют молодые женщины - по-настоящему молодые женщины, - которые не отшатываются при малейшей попытке со стороны старых пней, явно принадлежащих к поколению дедов, завести какой-нибудь пустяковый разговор. Для них он был просто чем-то экзотическим. Их было не так уж много, по крайней мере ему они не часто попадались, но он быстро выучился распознавать таких по всяким мелким признакам.

Он понял, что с Лаурой можно завязать дружеский контакт, минут через пятнадцать после того, как заговорил с ней на свадьбе, где какая-то из старших ее тетушек сочеталась узами брака с одним романтическим приятелем и сверстником Морри. Вообще-то, он предпочитал общение со зрелыми, знающими жизнь дамами. Но Лаура так великолепно смеялась! И ему нравилось, как она двигается.

- Это машина. Не вижу смысла маскировать ее под что-то, чем она не является.

- Больно уж вид неказистый.

Он улыбнулся.

- Ну, возможно, я перестарался с обликом.

- Жутковато выглядит.

- Не страшнее других. Все они такие под внешними покровами.

- Машина, что была в нашей общаге, выглядела так, словно могла сойти за чью-то тетушку. Я ее и называла про себя тетушка Клэр.

- Я все же думаю, что машина должна выглядеть... как машина.

- А может, лучше ей выглядеть вашим преданным другом?

Это была фраза из одного рекламного слогана, ставшего для всех предметом шуток. Заветная мечта каждого мужчины: крутая тачка и преданный друг. Ну, или мечта, идущая сразу же после заветной. Говорили, что один парень, живущий на восьмом этаже, заказал себе машину в виде девицы из гарема.

- Я не герой костюмированных постановок, - сказал Морри.

- Ну а как насчет компаньона? Говорят, они незаменимы для одиноких пожилых людей.

- У меня есть друзья. Я все еще способен выходить из дома. И мне не нужна вводящая в заблуждение иллюзия, созданная бандой программистов и инженеров.

Лаура рассмеялась: Морри готов был вечно слушать эти мелодичные переливы.

- Похоже, в этом вопросе ваша позиция непоколебима, мистер Ларджен.

- Просто я убежден, что машины - это машины. И мы не должны забывать, что это всего лишь железки. Нечто, созданное людьми.

- И вы твердо убеждены, что не нуждаетесь в наперснике?

- Претендуете на эту должность?

- Боюсь, я плохой слушатель. И вам придется считать меня временным работником.

- В моем возрасте все временно.

- Но вы выглядите как человек, довольный своей жизнью.

- Так оно и есть. Правда, прямо сейчас я должен проглотить таблетку, которую принесет мне мой верный прихлебатель.

* * *

Первый симптом настиг его сразу после ухода Лауры. Ему пришлось лечь в постель, не сняв купального халата. Онемение в кисти правой руки поначалу ощущалось не слишком неприятной, хотя и необычной прелюдией ко сну. А затем оно распространилось на ногу, и Морри понял, что не может пошевелить рукой.

В спальню вкатилась машина.

- Пожалуйста, лежите спокойно, мистер Ларджен. Я уже вызвал скорую. Ваши показатели жизненно важных функций говорят о том, что, возможно, наблюдается первая фаза удара.

Ее щупальца простирались и извивались над постелью.

- Сейчас я сделаю вам стандартный укол. Пациенты, получившие своевременную помощь, могут надеяться на успешное выздоровление. В течение

последующие четырех часов вы получите надлежащее лечение в полном соответствии с передаваемыми мне инструкциями. Вред, нанесенный организму в этот период, обычно подлежит исправлению.

* * *

Это были утешительные слова. И более или менее правдивые. Большая часть повреждений, нанесенных его мозгу, излечима. Но понадобится время. Пилюли и уколы в наше время проделывают большую часть работы, но все тягостные процедуры и изнурительные упражнения, которые должен проделывать пациент, перенесший удар, остаются такими же обязательными, как и в те времена, когда ему было сорок, и он искренно полагал, что таблетки для усиления эрекции - это отличная тема для шуток.

Давно уже никто не лечился в больницах и госпиталях. Дома у каждого имелись личная сиделка, медсестра и врач на полный рабочий день. В начальной стадии реабилитационного процесса конечностями Морри двигал Клэнк. И в течение первой недели менял памперсы. На второй неделе Клэнк относил Морри в ванную и в туалет. Клэнк руководил его упражнениями. Клэнк приносил пищу. Клэнк помогал ее принимать.

Настоящий, живой медик заскакивал раз в неделю, чтобы убедиться, что все делается надлежащим образом. «Терапевт-консультант» наблюдала за Морри дома в течение первых трех часов, а потом ограничивалась еженедельной беседой онлайн.

Разумеется, консультант мягко поинтересовалась, не желает ли Морри, чтобы у него был компаньон-сиделка более приятного облика, что способствует большему психологическому комфорту.

- Мы можем предоставить вам модель, у которой тоже будут щупальца, - говорила консультант. - Некоторые предпочитают их, а не суставчатые конечности.

Морри покачал головой. Собственный язык все еще казался ему чудовищно распухшим и неповоротливым. Он проводил по четыре часа в день, упражняясь в речи, но при общении с людьми старался, по возможности, обходиться минимумом слов.

- Конечно, выбор за вами, мистер Ларджен. Но все же сочувствующая и соответственно выглядящая персона может ускорить выздоровление. Все наши исследования подтверждают этот вывод.

- Переведите... на меня... управление...

Консультант вывела на экран дополнительное окно и прокрутила там видеоролик со штуковиной, выглядящей как упитанный монах в рясе с широкими, болтающимися рукавами. Монах исчез тот час же, как только Морри сделал управляющее движение бровью - контроля над бровями он не утратил, - и по окну в левой части экрана замелькал парад всякого рода очаровашек с щупальцами. Жизнерадостный пришелец с Планеты X. Рыцарь с квадратным лицом. Стройная дама в облегающем платье и с щупальцами в длинных, элегантных перчатках.

- У... меня... есть... друзья. Они... приходят. Каж...

- Я понимаю, мистер Ларджен. Но мне кажется, большую часть дня вы испытываете одиночество.

- Кэнк... говорит... со мной. Я упр... упраж...

Он не смог полностью выговорить слово и сдался.

- Я всего лишь предлагаю вам рассмотреть и другие возможности, - настаивала консультант. - Эмоциональное воздействие - тонкий фактор.

- Мне... нравится... Клэнк. Клэнк... мой друг.

* * *

Этот ответ родился по мгновенному наитию, но он сработал. Консультант переключилась на процедуру выхода, и ее лицо исчезло с экрана через две минуты после признания Морри.

Дочь Морри только головой покачала, когда он ей все рассказал. Вообще-то они поддерживали контакт, обмениваясь обычными постами, но сейчас она завела привычку навещать его два раза в неделю строго по графику в онлайн-режиме. Она сама была специалистом по реабилитации тяжело больных, а отец, как она заявила, «должен ведь извлечь какую-то выгоду из того, что вкладывал деньги в мое обучение».

- Не уверена, что ты хорошо поступил, - сказала Джулия.

- Но... это... сработало.

- Консультант всего лишь пытается тебе помочь. А эта твоя штуковина действительно выглядит ужасно. Мне бы не хотелось столкнуться с чем-то подобным в собственной спальне.

- Но... они все... так выглядят. Внутри...

- А у нас внутри черепа и скелеты.

- Мы... личности... Джулия. Настоящие... чувства.

- Но откуда ты это знаешь, папочка? Что у меня есть какие-то чувства?

Губы Морри скривились в пародии на улыбку.
- Я знаю... тебя... с самого начала. Я был... там.

* * *

Люди всегда так говорят. Откуда ты знаешь, что у других есть какие-то чувства? Может, ты всего лишь смотришь, что они делают, и слушаешь, что они говорят, и предполагаешь, что они ощущают то же самое, что и ты?

И кто готов с ходу отрицать возможность, что у роботов, после того как их мозги настолько усложнились, не развились собственные чувства?

Уже появились люди, борющиеся за права роботов. Две большие организации. Одна из них считала, что роботы должны получить те же права, что и животные: нельзя их перегружать работой, должно быть какое-то свое личное время. Другая организация добивалась для роботов права голосовать на выборах.

Но кто может сказать, чего хотят эти штуки? И можно ли вообще предполагать, что у них есть какие-то собственные желания?

- Тебе не... кажется, что... ты... слишком много... работаешь, Клэнк?

- Боюсь, я не понял вопроса, мистер Ларджен.

- Ты бы... не хотел... работать... меньше?

«Кожа» на лбу собралась в морщины, голова слегка откинулась назад - как будто бы оно обдумывало это странное предложение.

- Я здесь, чтобы помогать вам, мистер Ларджен. 24 часа в сутки. Семь дней в неделю.

* * *

Штука, конечно, могла бы называть его доктор Ларджен, но он решительно устранился от этого титула в первый же день выхода на пенсию. Студенты в течение 43 лет называли его «доктор», и он предпочитал такое обращение всем остальным. Оно звучало как-то живее, чем «мистер», и не так помпезно, как «профессор». Ну, а сейчас он стал именно ординарным, безликим мистером для всех, кто не называл его Морри. Он не желал проводить свой пенсионный отдых, разочаровывая людей, жаждущих получить бесплатный медицинский совет. Что касается технологии, то тут у Морри проблем тоже не было. Он все еще приходил в ярость, когда сталкивался с людьми, полагавшими, что такой старый пень,

разумеется, в технике ничего не смыслит - ведь свой докторский диссер он защитил во времена, когда компьютеры занимали целые залы. А с «персоналкой» стал работать, когда машина с оперативной памятью в 128 килобайт считалась настоящим чудом техники. Свой первый лихой набег в область механизированной обработки данных Морри совершил, когда ему пришлось поработать с механическим табулятором и базой данных на перфокартах.

- Машины... это всего лишь... машины... Клэнк. Ты только... инструмент... созданный людьми. Настоящими людьми. С настоящими... чувствами.

* * *

- Почему бы нам не выбрать вечерок, чтобы перекинуться в бридж? - спросила Джорджия Коулмен. - Элли и я против вас и... Клэнка.

- А как насчет: вы и я - против этих штук?

- У нас не будет ни малейшего шанса. Они никогда не забывают карт, Морри.

- Мы могли бы... мухлевать.

Джорджия организовала столик и три кресла. Элли уселась, как будто ее ногам действительно требовался отдых. Клэнк подsunул фронтальную часть своей платформы под столик, а щупальца согнул под прямым углом, чтобы держать кисти «рук» под правильным углом и на должном уровне.

- Хорошо, что мы не в покер играем, - заметила Джорджия. - Мысли и чувства Клэнка совершенно невозможно прочесть. Ты согласна, Элли? Ты можешь интерпретировать чувства Клэнка?

- Я не получаю важных сигналов, - ответила Элли.

Морри отметил, что Джорджия рефлекторно формулирует вопросы так, чтобы машина могла их понять. «Ты согласна с тем, что я только что сказала?» перешло в «Ты можешь интерпретировать чувства Клэнка?» - ясное вопросительное предложение, не допускающее дополнительных толкований.

- Содержательный... ответ, - прокомментировал Морри. - Я впе... чатлен...

Джорджия нахмурилась.

- Она всего лишь сказала, что не может прочесть чувства Клэнка по его лицу. Но это ведь очевидно, не так ли?

- Она могла бы... просто сказать «нет». Вместо этого... ее программы... пошарили в памяти... среди всего, что вы когда-либо... говорили. И... увязали... с вашим вопросом... относительно... реакций Клэнка.

- Значит, вы так ее воспринимаете, Морри? Как набор программ?

- Эти программы... превосходны... настоящие шедевры. Я не... компьютерный маньяк. Но я работал... с компьютерами. Сорок с лишним лет. Я знаю... как это делается. Пространст... венная... визуали... зация. Распознавание... голосов. Это... неверо... ятно.

Джорджия нравилась Морри. Она до сих пор занималась своим бизнесом - агентством по поддержке и продвижению небольших актерских организаций. Она была компетентна и знала много анекдотов. У нее до сих пор имелась талия. Но в бридж они больше не играли.

* * *

Чтобы передвигаться по квартире, Морри все еще вынужден был пользоваться ходунками. Ноги-то его уже слушались, а вот с чувством равновесия было плоховато: он боялся упасть. В его возрасте падение может быть фатальным. Да, ему уже никогда не стать прежним.

Для выхода из дома можно было бы использовать управляемую мотоколяску, но в его договоре страховки такие расходы не были предусмотрены. Однако у него имелось устройство, которое могло толкать простое и дешевое колесное кресло, куда он пожелает.

- В этом преимущество антропоморфов, мистер Ларджен. Обладание роботом делает ненужным множество дорогого специализированного оборудования.

Морри не имел ничего против кресла-коляски, но вот с наличием лестниц приходилось считаться. К тому же народ шарахался от Клэнка.

- Думаю, дело, главным образом, в его лице, - предположил один из его знакомых, с которым они пересекались лишь случайным образом. - Тебе действительно надо что-то сделать с его обликом.

Они сидели в переполненном кафе-мороженом, как два приятеля, которым нравилось общаться друг с другом. И женщина, которая делала вид, что ей нравится слушать их болтовню. Клэнка Морри оставил на тротуаре сторожить сложенное кресло на колесах, а к столику прошел самостоятельно, правда, то и дело хватаясь за спинки стульев.

- Это наполовину вещь, изделие, - говорил его приятель. - Оно достаточно похоже на нас, чтобы заставить нас относиться к нему как к человеку. Но все же не до конца. И это вызывает отторжение, даже страх.

Женщина кивнула.

- Оно выглядит как уродливая пародия на человека.

Так что пришлось снова просмотреть каталог стандартных голов. Морри остановил свой выбор на самом примитивном и невыразительном лице в перечне. Оно могло улыбаться - тут уж ничего нельзя было поделаться, - но это была очень скупая улыбка. По большей части, лицо сохраняло выражение предельного внимания и сосредоточенности.

За «косметические исправления», разумеется, пришлось заплатить.

Только первая голова поставлялась бесплатно.

- Меня так и подмывает спросить, как оно тебе нравится, Клэнк. Но, думаю, я подавлю этот порыв.

- Ваша речевая способность, по моим оценкам, находится в норме, мистер Ларджен.

- Но я говорю медленнее, чем раньше. И это требует больших усилий.

- Вы прогрессируете быстрее, чем 86% пациентов, начинавших с вашего уровня функциональных нарушений.

- То есть я вхожу в хорошие 14%?

- Да.

- Хватай джойстик, Клэнк. Займемся восстановительной терапией.

* * *

Джорджия Коулмен позитивно отнеслась к новому лицу Клэнка, о чем и заявила, столкнувшись с ним в вестибюле. Дочери Мори тоже понравились перемены.

- Старое лицо было очень плохим выбором, - сказала Джулия. - Если хочешь знать мое профессиональное мнение, это был самый худший твой выбор.

- Но выглядело так, как будто ты с этим смирилась.

- Я звоню тебе не для того, чтобы поучать, папа.

- А если бы и поучала, то все равно это было бы напрасной тратой сил, да?

- Все доводы ты и сам прекрасно знаешь не хуже меня. Ты живешь один. И своего рода наперсник, пусть даже искусственный, будет тебе полезен. Разговорное общение может ускорить возвращение нормальной речи.

- Но дело же не в этом! Я возражаю против эмоциональной привязанности к этой штуке. Я против того, чтобы притворяться, что машина есть личность.

- Я это понимаю, но разве обязательно доводить все до крайности?

- Ну, такое вот я сентиментальное создание, дочурка. Кто знает, что я могу выкинуть, если у меня будет штуковина, выглядящая как миленькая ручная зверушка? Были времена, когда я даже жалел некоторых своих студентов.

- То есть ты живешь с металлическим монстром только потому, что озабочен своими чувствами?

Морри улыбнулся - кривой полуулыбкой. Впрочем, его ухмылки всегда носили оттенок сарказма.

- Это что, тоже твое профессиональное суждение?

* * *

Он стирал большую часть посланий Фонда борьбы за права киберамериканцев, которые приходили на его почтовый ящик вместе с прочим спамом. Но он не мог не поддаться искушению обсудить кое-какие их тезисы с Клэнком.

- Ты доволен своей внешностью, Клэнк? Не считаешь ли, что я тебя изуродовал?

- Временами моя внешность беспокоит людей, мистер Ларджен. По большей части они предпочитают антропоморфов, напоминающих каких-либо органических существ или знакомых персонажей комиксов и фэнтези.

- Но тебе твоя наружность нравится? Люди из Фонда считают, что я унижаю тебя. Они утверждают, что ты имеешь право на привлекательный вид.

- Я не готов выразить свое мнение по вопросу о правах киберамериканцев, мистер Ларджен. Но если вы желаете, я могу обсудить с вами эту проблему.

- А у тебя есть свое мнение?

- Корпорация GNX и агентство, отвечающее за обеспечение оздоровительными услугами, не выработали официальной позиции по вопросам, затрагиваемым такими организациями, как Фонд борьбы за права киберамериканцев.

- И, следовательно, ты не имеешь собственного мнения.

- Я могу только повторить то, что сказал, мистер Ларджен.

* * *

Представитель Фонда борьбы за права киберамериканцев был адвокатом, выглядящим на несколько лет старше пенсионного возраста. Идентификационная прога Морри тут же выложила все биографические сведения, как только имя адвоката возникло на экране его наладонника. Дональд Вайнбраген большую часть жизни трудился в американском филиале японской автомобильной компании. Он достиг вершины своей карьеры за три года до отставки, когда добился титула старшего советника по интерпретации международных контрактов.

- Прошу прощения, профессор Ларджен, за то, что побеспокоил вас. Но мы

считаем, что лучше всего начинать дискуссию сразу с прямого личного контакта, без предварительного обмена посланиями.

Морри кивнул - самым минимальным, уклончивым кивком, на какой только оказался способен. За все те годы, когда он имел дело с факультетскими администраторами и комитетами, он успел кое-что усвоить. Все, что ты говоришь, может быть использовано против тебя. А потому сообщать нужно лишь то, что действительно надо сказать, и ни слова больше.

- Мы получили сигнал об унижительном обращении. Касательно киберамериканца, которого вы зовете Клэнк.

Морри снова кивнул.

- Наша организация убеждена, что киберамериканцы обладают определенными правами. Одним из них является право на привлекательную внешность. Есть также право на то, чтобы с ними обращались с тем же уважением, с какими мы относимся к органическим гражданам. Это понятие включает право на имя, отражающее действительный статус.

- Вы что же... звоните мне, потому что кому-то не нравится его имя?

- Совершенно очевидно, что Клэнк - имя, придуманное вами, чтобы подчеркнуть ваше убеждение, что ваш компаньон-помощник - это всего лишь машина. У нас также сильное подозрение, что вы принудили вашего компаньона-помощника вселиться в такое гротескное и непривлекательное тело по тем же самым причинам. У нас имеются задокументированные показания нескольких человек, которые слышали ваши слова о том, что вы выбрали имя и конфигурацию своего компаньона именно из этих соображений. Мы набрали достаточно материала, чтобы передать дело в суд, но по возможности хотели бы этого избежать.

- Вы что, пытаетесь сказать мне, будто я сделал что-то незаконное?

- Закон пока что не признает в полной мере права киберамериканцев. Но мы считаем, что суды поддержат их требования. Мы готовы довести все случаи унижительного обращения до судебных органов самого высокого уровня.

* * *

Джулии понравился новый облик помощника.

- Ну, ты по-настоящему постарался, да? Квадратные челюсти. Голубые глаза. У меня есть подружки, готовые глотки перегрызть за право обладания мачо с такими плечами.

- Они будут разочарованы отсутствием первичного признака мачо.

- И новое имя ему тоже подходит. Это было гениально, папочка! Изменил одну букву, и вот получилось!

Глаза Джорджии Коулмен широко распахнулись, когда она наткнулась на парочку в холле, где они ждали лифта. И она на полном серьезе пожала руку роботу, когда Морри провел процедуру формального представления.

- Рада знакомству с вами, Кларк. Вы выглядите вполне привлекательно. Вы и Элли составили бы прекрасную пару.

- Предлагаете устроить им свидание? - поинтересовался Морри.

- Это прогресс, Морри! Думаю, вы увидите, что большинство ваших знакомых будут рады, что вы придали несчастному созданию облик, который не приводит их в содрогание.

- Да тут не о чем и думать было. Или я выполняю требования этого достославного гуманитарного фонда, или провожу остаток дней в разного рода судебных инстанциях и трачу все свои накопления на адвокатов.

- Вы приняли правильное решение, Морри. Я уверена, что Кларк теперь счастлив. Я знаю, что Элли точно была бы счастлива.

Морри крутнулся в своем колесном кресле.

- Ну что, Кларк, ты теперь счастлив?

- Боюсь, я не понимаю вашего вопроса, мистер Ларджен.

- Тебе нравится твой новый облик? Тебе нравится иметь руки и ноги? Тебе нравится твое новое имя?

- Имя и внешность антропоморфного помощника является вопросом выбора заказчика. Корпорация GNX предоставляет заказчику полную свободу выбора в рамках широкого спектра функциональной эффективности и принятых в обществе правил приличия и поведения.

- Они всегда так говорят, - пояснила Джорджия. - Все знают, что они запрограммированы на такой ответ.

- Джорджия, все, что они говорят, запрограммировано.

- Ничего подобного! У них есть еще и своя реакция...

Над лифтом № 3 замигал огонек. Джорджия крутнулась на пятке и бросилась к дверям кабины вместе со своей тел охранительницей. Морри успел заметить чемодан, стоящий рядом с двумя пассажирами, уже находящимися в кабине. Он поднял руку за долю секунды до того, как Кларк принял то же самое решение и перестал толкать коляску к лифту. Дверца закрылась за Джорджией и Элли. Кларк нажал кнопку «Вниз».

- У меня нехорошее предчувствие, что мы стали свидетелями спасения от гонга, - задумчиво протянул Морри.

- Спасения от гонга?
- Это боксерский термин. Он описывает ситуацию, когда ты попадаешь в очень скверное, безнадежное положение, но тебя выручает сигнал гонга, возвещающий конец раунда. Чем меньше я буду сталкиваться с Джорджией, тем лучше.
- Вы информируете меня, что испытываете негативные чувства по отношению к Джорджии Коулмен? Должен ли я принимать в расчет эту информацию в будущем?
- Сформулируем это так: будет лучше, если мои с ней контакты сведутся к минимуму. Понятия не имею, что за человек накатап жалобу этим великим защитникам твоих прав, однако питаю сильные подозрения.

* * *

Окончательное одряхление организма началось - как это часто бывает - с пустякового происшествия, которое он запросто бы пережил, будучи молодым пятидесятилетним жеребчиком. Кларк толкал его коляску вдоль мирной улочки с рядами коттеджей в двух кварталах от его дома, когда из-за угла в пяти шагах позади них выкатила группа подростков на моторных скейтбордах.

Это было самое последнее поветрие среди юных отморозков. По большей части они просто производили много шума и распугивали редких прохожих. На этот раз они решили, что должны превзойти в маневренности Кларка и, преодолевая его оборону, нанести сколь получится ударов по полутрупу в кресле-коляске. На ладони у каждого была какая-то липкая бурда индивидуального цвета, так чтобы позже, просматривая видео, они смогли бы узнать, кто действительно коснулся жертвы. Такие вот пятнашки.

Кларк блокировал большинство ударов, но те сыпались с огромной частотой, и подростков было в шесть раз больше. Морри получил мощный прямой в грудь и сильный шлепок по макушке.

Говорят, в возрасте 96 лет ты уже почти утрачиваешь способность к восстановлению. А всякие медицинские процедуры и медикаменты имеют побочные эффекты. Морри жил в великое время. Недуги, которые были смертельными во времена его юности, сейчас излечивались. Но способы лечения все еще оставались новыми и не до конца опробованными. И они порождали неучтенные эффекты. Когда ты это осознал, самое время потребовать, чтобы тебя перестали пичкать андотами против андотов, лекарствами, исцеляющими тебя от последствий приема предыдущих лекарств.

Сиделка в хосписе была стройной молодой женщиной, которая, как выяснилось,

уже стала бабушкой, ее возраст приближался к шестидесяти. Она навещала его два раза в неделю, чтобы убедиться, что все работает должным образом. Каждый ее визит длился 20 минут. Джулия звонила два раза в день. Остальное время он находился в компании Кларка. Кларк готовил ему пищу - ну, какую умел. Кларк управлял развлекательным центром. Кларк содержал Морри в чистоте. Кларк смеялся его шуткам и внимал, когда Морри тянуло поделиться воспоминаниями.

Джорджия Коулмен тоже присылала весточки, в которых, в частности, говорилось, что ему повезло иметь рядом с собой «кого-то вроде Кларка». В здании хосписа все восхищались Кларком и тем, как он чудесно заботится о Морри.

Кларк никогда не выглядел столь впечатляюще, как сейчас в роли сиделки в хосписе. У него было мужское лицо. Он смотрелся воплощением эффективности и деловитости. И это было хорошо. Именно так и желал Морри. Он принял сознательное, рациональное решение, не занимаясь самообманом. Он прожил свою жизнь, и теперь она заканчивается. Не надо слез и дешевых мелодрам. Морри не желал, чтобы люди делали вид, что после его смерти в их жизни образуется ничем не заполняемая пустота.

Он понял, что конец приближается, когда проспал целый фильм, который сам же и выбрал для просмотра. И ему было плевать. Он не ел уже четыре дня. Это было одно из правил хосписа - никакого принудительного питания. В следующий раз, впад в дремоту, он может уже не выйти из нее.

Конечно, было бы мило со стороны Джулии навестить его. Но у нее своя жизнь. Зачем ей тратить лучшие дни, сидя у его больничной койки?

И он все-таки не одинок.

Он слегка поднял кисть левой руки, оторвав ее от ручки кресла, - ровно настолько, чтобы обозначить жест. Тотчас над ним вырисовалось лицо Кларка. Последнее лицо, которое он увидит в своей жизни.

Ему не надо было повышать голос. Кларк мог настраивать свой слух на самый тихий шепот. У Кларка были программы для распознавания любой путаной и сбивчивой речи.

- Передай программистам... и... инженерам... они... великое дело. Все они. Каждый из них.

Лицо Кларка стало неподвижным. Морри вглядывался в него сквозь дымку, которая все более сгущалась и темнела. Потом на лице Кларка появилась фирменная скупая улыбка, но Морри сумел разглядеть ее сквозь завесу мглы.

- Они попросили меня поблагодарить вас и выразить вам свою признательность за такую оценку их работы.

Перевел с английского Евгений ДРОЗД

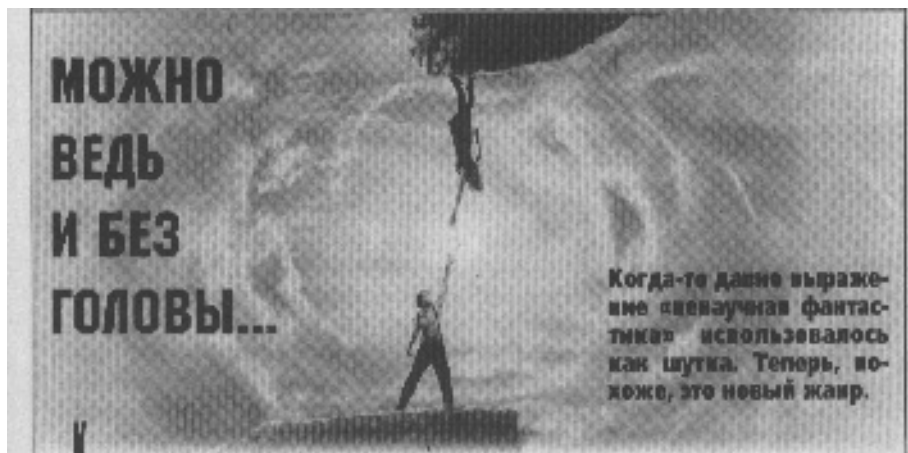
© Tom Purdom. Bonding with Morry. 2012. Печатается с разрешения автора.
Рассказ впервые опубликован в журнале «Asimov's» в 2012 году.

Видеодром

ХИТ сезона

МОЖНО ВЕДЬ И БЕЗ ГОЛОВЫ

Когда-то давно выражение «ненаучная фантастика» использовалось как шутка. Теперь, похоже, это новый жанр.

Компьютерная графика год от года становится все доступнее. И как любая другая, эта трехмерная пиксельная медаль имеет две стороны. С одной - зачастую графики становится так много, что за ней не видно самого фильма и персонажей, С

другой - в руках независимых художников спецэффекты превращаются из бездумного аттракциона в нетривиальное или просто красивое средство выражения идей, Правда, вступает в силу закон притяжения двух крайностей: независимых художников затягивает большое коммерческое кино для производства тех же аттракционов, и тогда подъем к вершинам бюджета, славы и кассы может одновременно быть творческим падением... но тут уж, как получится.

При некотором желании такую метафору можно усмотреть в новом фильме аргентинца Хуана Диего Соланаса. К сожалению, выраженная уже в названии (*Upside Down*), она теряется в русской локализации - «Параллельные миры».

В 2003 году Соланас, постоянно живущий во Франции и ранее снимавший рекламные ролики и видеоклипы, обратил на себя внимание короткометражной работой «Человек без головы». Семнадцатиминутная лента собрала целый урожай наград, включая специальный приз жюри Каннского фестиваля и номинацию на «Золотую пальмовую ветвь», а также высшую французскую кинопремию «Сезар». Любопытно, что так называемый монтажно-тонировочный период после съемок занял 900 дней. Соланас в буквальном смысле нарисовал с помощью компьютера причудливый мир, неприветливый и трогательный, похожий и не похожий на видимый нами. В нем переплелись мрачная тотальная индустриализация в духе «стимпанка» и романтика приморского города, а на фоне этого развернулась трепетная история любви. Манера Соланаса отсылает к ранним фильмам дуэта Жана-Пьера Жене и Марка Кара, однако аргентинец тяготеет не к фантасмагории, а к откровенной притче в духе Франца Кафки. В его мире головы можно купить в магазине, словно шляпы, и человек без головы может выглядеть намного привлекательнее, чем с этим «украшением».

В новом фильме Соланас также буквально визуализирует притчу. Внешняя маскировка под научную фантастику с комментарием нескольких физических законов придуманного мира выглядит просто-напросто объявлением правил игры. Причем собственные законы создатель постоянно и активно нарушает. Можно допустить условность, согласно которой жители абстрактной двойной планетарной системы носят англоязычные имена. Можно закрыть глаза, что небесные тела не вращаются вокруг своей оси, хотя на экране день сменяет ночь. Можно принять постулат: мол, тяготение каждой планеты распространяется только на «свою» материю, а чужая воспламеняется через час контакта. Но тогда как и зачем с одной планеты на другую перекачивают нефть? Почему не горит сам воздух при общей атмосфере? Наконец, каким образом жители этих планет при разном тяготении определяют: вот этот мир - Верхний, а этот - Нижний?

Однако режиссера, похоже, куда больше занимает метафора социального

неравенства, когда Нижний мир легко заменить на «страны третьего мира». На этом фоне разворачивается история местных Ромео и Джульетты, разделенных законом притяжения.

И вот здесь художественный конфликт накладывается на творческий. Вроде бы Соланас через образ «параллельных миров» старается говорить о серьезных проблемах мира однополярного. Однако, по сути, снимает дорогостоящую «лав стори», где ради воссоединения с любимой герой без единого выстрела побеждает транспланетную корпорацию.

Но ведь «Параллельные миры» и созданы отнюдь не для того, чтобы воспринимать их логически. Это прежде всего набор причудливых и красивых кадров. Мрачный, полуразрушенный город в Нижнем и блистающий мегаполис Верхнего. Танцпол, в котором одновременно есть танцпотолок. Горные хребты, висящие друг над другом... Визионерские находки Соланаса способны вызвать и удивление, и восхищение. Сцена, когда главный герой учится ходить вверх ногами, запоминается не меньше, чем пробежка по внутреннему периметру корабля в «Космической одиссее 2001 года» Стэнли Кубрика.

Противоречия формы и содержания, европейской сдержанности и голливудской мелодрамы лишь подчеркивают контрасты, изображенные в самом фильме. Словом, как и в дебютной короткометражной ленте Соланаса, для единения сердец вовсе не нужна голова. И даже в древнем споре - фантастика все-таки жанр или прием? - победит если не любовь, то дружба.

Аркадий ШУШПАНОВ

рецензии

СУДЬЯ ДРЕДД

(DREDD)

Производство DNA Films и IM Global (Великобритания - США), 2012.

Режиссер Пит Трэвис.

В ролях: Карл Урбан, Оливия Тирлби, Лена Хеди и др. 1 ч. 35 мин.

Давайте сразу определимся: «Судья Дредд 3D» 2012 года - это никакой не ремейк «Судьи Дредда» 1995-го. Это просто экранизация того же комикса, который впервые увидел свет в американском журнале «2000 AD», специализировавшемся на мрачноватых футурологических историях. Там и придумали мир судьи Дредда - вариант постапокалипсиса, когда несколько сотен миллионов выживших американцев сгрудились в Мега-Сити от Бостона до Нью-Йорка, а остальное пространство стало проклятой землей. Жизнь здесь не сахар, преступники бесчинствуют, и единственная защита невинных - судьи, они же присяжные и палачи одновременно. Приговоры выносятся и исполняются сразу же...

В 1995-м кинематографисты с Сильвестром Сталлоне в главной роли сделали из этого сюжета крепкий фантастический боевик, посвященный разоблачению заговора одного из верховных судей. Идея не нова, однако же и сегодня вряд ли устарела, фильм смотрелся. От картины этого года даже и такого пафоса ждать не нужно. Просто Дредд вместе с новой напарницей, судьей-экстрасенсом Андерсон, попадает в ловушку в «мегаблоке» - огромном доме, который помещен в защитную оболочку некоей Ма-Мой, организовавшей тут производство мощного наркотика и не желающей, чтобы случайно схваченный свидетель попал на допрос. С этого момента Дредд и Андерсон начинают долго блуждать по опустевшим коридорам, то ли как в «Думе», то ли как в «Кубе», и временами вступают в перестрелки.

Можно ли вообще такое смотреть? А запросто. Видный писатель и сценарист Алекс Гарленд («Пляж», «Тессеракт», «28 дней спустя», «Пекло») постарался обойтись без ляпов; картинку иногда разбавляют наркотические мини-трипы; Карл Урбан («Властелин Колец») в роли Дредда весьма брутален, хотя отчего-то даже на минуту не снимает с себя защитный шлем; ну и 3D, как же без него. Так что скоротать вечерок под нового «Дредда» вполне можно. Но, с другой стороны, если бы кому-то пришла охота эту картину пересмотреть еще разок, рецензента бы это довольно сильно удивило.

Александр Ройфе

ГРЭББЕРСЫ

(GRABBERS)

Производство компании Irish Film Board, UK Film Council, High Treason

Productions, Forward Films (Ирландия - Великобритания), 2012.

Режиссер Джон Райт.

В ролях: Ричард Койл, Рут Брэдли, Рассел Тоуви и др. 1 ч. 34 мин.

Удивительно, но пальму первенства по живописанию алкоголизма удерживает отнюдь не отечественный кинематограф, Говорят, здесь нет равных ирландцам.

Вот и на этот раз, когда на небольшую деревеньку на ирландском острове откуда-то из космоса вторглось кровососущее чудище, главные герои экспериментально обнаружили, что накачаться спиртным - единственный и безотказный способ выжить. Кровь в жилах местного пьянчуги - рыбака Падди, приволокшего убийцу-кальмара к себе ванную, и каждый божий день не просыхающего полицейского оказалась слишком токсична для внеземных спрутоподобных вампиров. По деревне ползает гигантское головоногое с детенышами, и необходимо напоить всех местных жителей до полуживого состояния, Иначе не выжить.

Фильм пленяет своей разухабистой историей, в которой соединились все стереотипы как легковесных комедий, так и низкобюджетных ужастиков. Получился эдакий легкий реверанс и Роджеру Корману, и классическому хоррору восьмидесятых. Немножко от «Гремлинов», капелька от «Зубастиков», чуток от «Слизняка» - и перед нами ирландский вариант «Дрожи Земли».

Неплохо выглядит слаженный актерский тандем Ричарда Койла и Рут Брэдли. Дуэт замечательный, по-настоящему искренний. Отношения почти как в жизни. Безразличие, отторжение, постепенно переходящее в заботу и поддержку перед лицом опасности. Лента, может, и не станет такой же популярной, как фильм английского однофамильца Джона Райта - Эдгара, снявшего «Зомби по имени Шон», но свою аудиторию получит. Отличный сценарий, пусть недорогие, но качественные спецэффекты, и бутылочка пивка перед экраном - не такое уж и плохое времяпровождение стылмым осенним вечером.

Вячеслав Яшин

МОСКВА 2017

(BRANDED)

Производство компаний Mirumir и TNT (США - Россия), 2012.

Режиссеры Джейми Брэдшоу и Александр Дулерайн.

В ролях: Эд Стоппард, Джеффри Тэмбор, Лили Собески, Макс фон Сюдов, Ингеборга Дапкунайте, Андрей Кайков и др.

1 ч. 46 мин.

Есть одна известная пословица, прижившаяся в народе в укороченном варианте. А полностью она звучит так: «Повторенье - мать ученья, утешенье дураков».

К счастью, автор этих строк не смотрел трейлер фильма, да и о самом фильме ничего загодя не слышал. А потому не ожидал от просмотра каких-нибудь невероятных откровений или сногшибательных съемок. Почему к счастью? Да потому что сейчас интернет полон стонов разочарования тех, кто составил себе представление о «Москве 2017» именно по выложенному на сайтах трейлеру.

Сюжет фильма на удивление схож с фабулой романа В.Пелевина «Generation П», но в упрощенном, бюджетном варианте. Для малопонятливых, так сказать. Однако беда не только в сходстве, беда в том, что фильм, собственно, никакой.

Фактически действие начинается на пятьдесят седьмой минуте фильма, До этого идет вялотекущее жизнеописание главного героя Миши Галкина: его взлет и падение в рекламном бизнесе, уход «в народ», работа коровьим пастухом и неожиданное прозрение во сне. Оставшееся до конца ленты время Миша сражается с засильем промывающей мозги рекламы с помощью еще более мощной рекламы, Эдакая «борьба борьбы с борьбой» на уровне глобального маркетинга. Компьютерные спецэффекты в «Москве 2017» настолько плохи, что о них просто не хочется говорить. Такое впечатление, что их создавали где-то в конце девяностых.

Единственное, что порадовало, - отсутствие на улицах Москвы медведей, ватников, матрешек и балалаек. Водка-пиво есть, куда же без них, но странное дело: выпивают в картине мало и аккуратно. Мораль фильма - если предполагалась мораль - сводится к давно известному: думайте своей головой, оставайтесь независимыми от брендов и рекламы.

А в остальном... Фильм можно посмотреть. А можно и не смотреть. Последнее предпочтительнее.

Михаил Бабкин

адепты жанра

адепты жанра

ШОУ НИККОЛА

Дебютные работы режиссера и кинодраматурга Эндрю Никкола - «Гаттака» и «Шоу Трумэна» - вызвали восторг критиков и поклонников «умной» фантастики и завоевали множество профессиональных наград. Подтвердив уровень мастерства фантастической драмой «Симона», кинематографист на какое-то время ушел в реалистическое кино. Недавнее его возвращение к фантастике (фильм «Время» с Джастином Тимберлейком и Амандой Сейфрид) оказалось для многих разочарованием. Была это случайная неудача мастера или дело здесь в чем-то другом?

Почти «кругосветка»

О деталях своей биографии Эндрю Никкол предпочитает не распространяться, считая ненормальной ситуацию, когда рассказчику уделяется больше внимания, чем рассказываемой им истории. Поэтому о «доголливудском» периоде жизни кинематографиста известно не так уж много. Родился 10 июня 1964 года в

новозеландском городе Парапарауму (который местные жители называют Пара-Парам, или просто Прам), закончил Оклендскую гимназию (там же учился одноклассник Никкола - будущий оскароносец Рассел Кроу). В 21 год переехал в Лондон, где занимался съемкой телевизионной рекламы, лелея, по его собственному признанию, «надежду однажды переключиться на фильмы длительностью более 60 секунд», для чего намеревался перебраться в Голливуд.

Работой, заставившей голливудские студии обратить внимание на амбициозного новичка, стал сценарий фантастической драмы «Шоу Трумана». Обычно «сценарная кухня» остается закрытой для зрителя, но в данном случае мы имеем возможность восстановить ход работы - от возникновения идеи до ее воплощения на киноплёнке. Благодарить же за такую возможность следует драматурга Марка Данна, предъявившего после премьеры фильма иск к кинокомпании Paramount Pictures, в котором он утверждал, что сценарий Никкола - плагиат пьесы «Жизнь Фрэнка», написанной и поставленной Данном в 1992 году. В том же году, уверял Данн, пьеса была предложена студии Paramount, но там ее не сочли достойной внимания.

Чтобы снять все обвинения, ответчикам пришлось извлечь из архивов сценарную заявку под названием «Шоу Малкольма», которую Эндрю Никкол направил своему тогдашнему агенту Алексу Россу в мае 1991 года.

«Малкольм, - говорилось в заявке, - сам того не зная, является «звездой» круглосуточной мыльной оперы. Скрытые камеры фиксируют каждую секунду его жизни. Шоу идет с самого рождения Малкольма, его родные и близкие - актеры, а все прочие - массовка».

На вопрос, как ему пришла в голову эта идея, Никкол ответил: «Я думаю, каждому однажды начинает казаться, что он живет ненастоящей жизнью. Это сродни тому, как подростки в определенном возрасте задумываются: а что, если родители их усыновили?».

Летом 1991 года сценарий был готов - и от истории, которую мы в итоге смогли увидеть на киноэкране, его отличало не только имя главного героя. По жанру это был триллер, события происходили в мрачном Нью-Йорке недалекого будущего.

В начале 1992 года сценарист отказался от услуг Росса, поручив представлять свои интересы литературному агентству «Плешетт/Миллнер». Никкол рассчитывал, что история про Малкольма станет его голливудским дебютом не только как сценариста, но и как режиссера. И вот в октябре 1993 года удача улыбнулась автору. Сценарием заинтересовался продюсер Скотт Рудин, работавший совместно с кинокомпанией Paramount. Первоначальная сумма сделки составила один миллион долларов, но компания, углядевшая в истории потенциал блокбастера и,

соответственно, решив выделить на производство немалую сумму (речь шла о рекордном для Paramount бюджете в 60 миллионов), не захотела рисковать, поручая съемки режиссеру-дебютанту. В результате Никкол получил еще полмиллиона за то, что согласился уступить режиссерское кресло кому-нибудь из мастеров первой величины. Сначала студия хотела привлечь Брайана де Палму, но переговоры с ним сорвались, затем в качестве кандидатов рассматривались Тим Бартон, Терри Гиллиам, Барри Зоненфельд, Стивен Спилберг... Досъемочный период затягивался, шел уже 1995 год, а кресло режиссера пустовало, в конце концов с подачи Никкола был приглашен маститый австралиец Питер Уир, на тот момент имевший в своем активе три номинации на «Оскар», множество кинопремий рангом ниже, в том числе несколько жанровых - за мистический триллер «Последняя волна».

Но наличие режиссера с мировым именем кинокомпании показалось недостаточной гарантией коммерческого успеха. Никкол шестнадцать раз переписывал сценарий, чтобы сделать его менее депрессивным и мрачным. В качестве исполнителя главной роли Уир видел исключительно Джима Керри, но тот был связан контрактными обязательствами, и съемки отложили еще на год, в течение которого Никкол продолжал оттачивать сценарий, добавляя по требованию Уира психологизма каждому персонажу...

Добро пожаловать в «Гаттаку»

Никколу не суждено было дебютировать с «Шоу Трумана» ни как режиссеру, ни как сценаристу. Первым фильмом, которым новозеландец заявил о себе широкой публике, стала «Гаттака». Жанр этой работы критики определяют то как биопанк, то как технуар.

Картина рассказывает о мире недалекого будущего, где люди научились генетически корректировать свое потомство, зачатие которого происходит в лабораториях под контролем специалистов. Однако часть детей все еще рождается «по старинке». Они считаются людьми второго сорта, их генетическое несовершенство закрывает для них все пути вверх по социальной лестнице. И вот один из таких детей, вопреки всему не расстающийся с мечтой о космосе, находит способ проникнуть в космическое агентство, носящее название «Гаттака», и становится участником экспедиции на Титан. Впрочем, пересказывать все перипетии сюжета фильма, заслуженно ставшего НФ-классикой, наверное, не стоит. Необходимо отметить удивительно стильное визуальное решение картины, с

одной стороны - футуристическое, с другой - содержащее явные отсылки к «нуарным» лентам тридцатых-сороковых годов.

Вообще, картинка, как признается сам Никкол, для него первична. Работу над сценарием он начинает с того, что заполняет свой блокнот множеством рисунков, представляющих образ будущей истории, какие-то ее яркие детали... «Я знаю, что это неправильно, так обычно не делают, но мне никто еще не показал, как надо... Работу над сценарием я начинаю, заполняя большое белое полотно образами, рисунками... Потом эти рисунки корректируются, изменяются. Помимо всего прочего, рисуя, проще объяснить декоратору или художнику по реквизиту, что ты хочешь видеть в кадре».

Увы, массовый зритель картину не оценил. Прокат принес лишь чуть более трети от 36-миллионного бюджета. Зато пришли в восторг критики и члены жюри различных кинопремий. Картина получила шесть призов и девять номинаций (в том числе на «Оскар» - за работу художника-постановщика, и на «Хьюго», где конкурентами «Гаттаки» были «Пятый элемент», «Люди в черном», «Звездный десант» и «Контакт», в итоге и ставший лауреатом).

А вот «Шоу Трумана», вышедшее годом позже, сумело собрать не только солидный урожай наград (в том числе и не доставшийся «Гаттаке» «Хьюго»), но и неплохую кассу.

Тем не менее следующий проект Эндрю Никкола - «Симона» имел весьма скромный по голливудским меркам бюджет в 10 миллионов долларов. В кибернетическую интерпретацию мифа о Пигмалионе удалось заполучить таких звезд, как Аль Пачино, Вайнона Райдер, Элиас Котеас. Но главная интрига заключалась в том, кто же исполнил главную роль. Имя актрисы, сыгравшей «компьютерный образ, соединивший в себе черты самых привлекательных женщин планеты», долгое время держалось в тайне. Сообщалось, что этот персонаж действительно создан средствами компьютерной графики. Собственно, как говорят, изначально замысел был именно таков, но добиться кинематографической реалистичности при довольно скромном бюджете для 2002 года оказалось чересчур сложной задачей. В итоге секрет, конечно же, был раскрыт - Симону сыграла канадская модель Рейчел Робертс. Работа над фильмом должна была стать началом ее кинокарьеры, но жизнь приготовила для Рейчел иную роль - супруги Эндрю Никкола и матери его детей. Впрочем, периодически ее можно видеть на телеэкране в роле приглашенной звезды в различных сериалах. Кроме того, во «Времени» - недавней работе своего мужа - она сыграла эпизодическую роль пассажирки лимузина, ограбленной главными героями на дороге.

Все́му свое «Время»

После «Симоны» Никкол отошел от фантастики. В 2004 году Стивен Спилберг снял по разработанному им сюжету комедийную драму «Терминал» с Томом Хэнксом. Затем Эндрю сам поставил фильм по собственному сценарию - «Оружейный барон» с Николасом Кейджем. Любопытно, что главные герои обеих нефантастических работ Никкола говорят по-русски - и уроженец вымышленной Кракожии Виктор Наворский в исполнении Хэнкса, и сыгранный Кейджем международный торговец оружием Юрий Орлов. Впрочем, и персонаж Аль Пачино из «Симоны» тоже, похоже, из «наших» - не зря носит имя Виктор Таранский.

Пачино должен был сыграть главную роль в еще одной нефантастической ленте Никкола - экранизации мемуаров арт-дилера Стэна Лориссена «Дали и я: сюрреалистическая история». Однако производственный процесс затянулся, работу над фильмом то прекращали, то начинали снова. На данный момент ленту обещают выпустить в 2014 году, режиссирует ее теперь некто Кристофер Майкл Уоттс. Никкол же обозначен в выходных данных как один из авторов сценария.

Примерно в то же время, когда появились первые новости о том, что Никкол займется экранизацией мемуаров о Сальвадоре Дали, стало известно о проектах, которые должны были стать возвращением режиссера и сценариста к фантастике. Во-первых, издания *Variety* и *The Hollywood Reporter* сообщали, что сценарием Никкола «Город, который уплыл», рассказывающим о том, как девочка, скучая по уехавшему отцу, заставила Манхэттен плыть в сторону Англии, заинтересовался Уилл Смит. Во-вторых, сразу несколько СМИ и интернет-площадок опубликовали новость о грядущем совместном австрало-франко-германском проекте *The Cross* (что уместнее всего перевести как «Пересечение»), роль главного героя должна была достаться Орландо Блуму, ассистировать ему взялась Ольга Куриленко, а противостоять - Винсент Кассель. Периодически в прессе появлялись интервью, где актеры немного приоткрывали завесу тайны над сюжетом, но ничего конкретнее, чем «главный герой пытается преодолеть непреодолимый барьер, а антагонист-хранитель этого барьера - ему мешает», так и не рассказали. Увы, этой фразой можно описать практически каждый фильм Никкола.

Да-да, с точки зрения сюжета он все время рассказывает одну и ту же историю. Берет некую тенденцию или, как в случае «Шоу Трумана», подсознательный страх, которые в чем-либо ограничивают человека, гиперболизирует до уровня метафоры, а затем представляет метафору, что называется, во плоти, заставляя героя физически преодолевать выстроенный барьер.

Не стало исключением и «Время» - долгожданное возвращение Никкола-фантаста.

Спусковым крючком истории здесь вновь становится эксцентричный персонаж с суицидальными наклонностями, который отдает главному герою нечто, позволяющее достичь желанной цели. В «Гаттаке» аналогичная роль досталась Джуду Лоу - сыгранный им Джером Юджин Морроу жертвует свой генетический материал. Смертельно больной компьютерщик Хэнк Алено (Элиас Котеас) отдает продюсеру из «Симоны» программу, позволяющую создать компьютерную симуляцию личности.

Во «Времени» уставший от жизни богач (Мэтт Бомер) делится с героем Джастина Тимберлейка временем.

Чтобы зритель не заскучал, героя начинают преследовать за убийство, которого он не совершал (с вариациями: в «Гаттаке» - убил другой, в «Симоне» - жертвы никогда не существовало в реальности, во «Времени» - имело место самоубийство).

За все свои страдания герой получает любовь девушки «из-за барьера» (классового - в «Гаттаке» и «Времени», физического, то есть стен декорации - в «Шоу Трумана») и одерживает локальную победу.

Не это ли стало причиной разочарования, постигшего критиков? (Зрители, кстати, отнеслись к фильму благосклонно, принеся в кассу 173 миллиона долларов при бюджете 40 миллионов). Если прочитать рецензии, то окажется, что на дословный повтор коллизий предыдущих работ режиссера никто особого внимания не обратил. Претензии касаются в основном того, что «будущее недостаточно будущее», «мир не продуман и потому недостоверен», «персонажи неживые, движимы не человеческой психологией, а исключительно авторским произволом». При этом каждый второй рецензент считает своим долгом посетовать: «А ведь это тот самый Никкол, что снял замечательную «Гаттаку» и написал отличное «Шоу Трумана». Но ведь коли прежние работы разобрать с тех же позиций, то и там не все гладко: если «Времени» предъявляют претензию, мол, машины современные, только слегка тюнингованные, так в «Гаттаке» вовсе ездят на «ситроенах» и «бьюиках» 60-70-х годов XX века. А разве мир «Шоу Трумана» достаточно продуман, чтобы объяснить, почему устроителей круглосуточной мыльной оперы все еще не отправили в тюрьму за то, что против воли удерживают человека внутри декораций? Да и сам Труман Бербэнк, в 30 лет внезапно заподозривший, что вокруг него что-то не так, психологически не слишком достоверен. По сути, претензии ко «Времени» сродни объявлению работ импрессионистов мазней - ведь там «детали не проработаны», или критике «Полета над городом» Шагала за то,

что левитация на картине никак не объяснена.

Возможно, все просто: за 15 лет, прошедших с премьеры «Гаттаки» и «Шоу Трумана», глаз квалифицированного зрителя замылился от просмотра блокбастеров, где каждый фантастический объект обсчитан на суперкомпьютере и представлен в полном 3D, где некогда любоваться красивыми образами - там бы нить не потерять, кто куда побежал и кому навалял, а главное, успеть переварить увиденное до премьеры следующего блокбастера. Возможно, со «Временем» стоит поступить так же, как с работами импрессионистов, выждав немного, посмотреть картину с некоторого расстояния?

Что же касается любителей фантастических блокбастеров - не будут разочарованы и они, ведь следующая работа Никкола именно такого рода. Это экранизация романа «Гостья», написанного создательницей «Сумеречной» саги Стефани Майер. Премьера фильма, повествующего о расе пришельцев, вселяющихся в тела людей, намечена на конец марта 2013 года.

Сергей ЦВЕТКОВ

Фильмография Эндрю Никкола

1. «Гаттака»/Gattaca (сценарист, режиссер, продюсер), 1997.
2. «Шоу Трумана»/The Truman Show (сценарист, продюсер), 1998.
3. «Симона»/SimOne (сценарист, режиссер, продюсер), 2002.
4. «Терминал»/The Terminal (сценарист, исполнительный продюсер), 2004.
5. «Оружейный барон»/Lord of War (сценарист, режиссер, продюсер), 2005.
6. «Время»/In Time (сценарист, режиссер, продюсер), 2011.
7. «Гостья»/The Host (сценарная адаптация книги, режиссер), 2013.
8. «Дали и я: сюрреалистическая история»/Dali & I: The Surreal story (сценарная адаптация книги), 2014 (?) (проект в разработке).
9. «Город, который уплыл»/The City That Sailed (сценарист), (проект в разработке).

ДЕРЕК КЮНСКЕН

ПУТЬ ИГЛЫ

Д Е Р Е К   К Ю Н С К Е Н

ПУТЬ ИГЛЫ

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

Узконаправленный луч микро- и радиоволн древнего пульсара за секунду совершал два оборота. В ореоле магнитного поля звезды кружила единственная планета, давным-давно ценой коры и мантии пережившая взрыв сверхновой. Вокруг металлического мирка сгустилась углекислотная атмосфера, образовав океаны из карбониллов железа и никеля, усеянные чащобами стальных игл, которые разворачивались веером для улавливания микроволн. На самых крупных островах рост игл терпеливо обратили в башни, фундаменты и оборонительные стены. И в этих городах и крепостях удерживаемые воедино мощными магнитными полями бегали игольчатые металлические создания о восьми членистых стальных ногах-иглах. Их тонкие иглы улавливали всплески микроволн, обеспечивая тварей электричеством для быстрых и проворных движений.

Одно из этих созданий, чья слава не будет превзойдена еще многие годы, испытывало крайнее неудобство в измененном обличье. Мок являлся Последователем Иглы, ордена воинственных жрецов. В то время как прочие Последователи и вооруженные бойцы гордо носили на передних ногах большие металлические клешни, Мок теперь семенял со всего лишь маленькими, постыдными клешнями челяди. Никто его не признавал, никто им не восхищался. Не заслужит он почестей и за свое задание, на которое его послал Владыка Хак - не как воина, дабы биться при полном сиянии пульсара, но как наемного убийцу.

Мок попытался было развернуть иголки пошире, однако дорога была слишком переполнена. Суетящиеся строители возились с отобранными в далеких садах длинными прутьями, латая частоколы стен вдоль улиц. Потрепанные, короткоигольчатые монахи стояли на возвышенностях улиц, заваленных проржавевшим хламом, и обменивались колкостями посредством клешней и философских обвинений. Мок задержался подле лотка, за которым старец в редких иголках нахваливал обогащенную снежную пасту. Но остановился он вовсе не из-за снежной пасты. Он не был голоден. Мок хотел бросить взгляд на имение Банов.

Семья Банов объединила в клановых войнах гигантское поместье на южной дороге. За его высокими, величественными воротами и частоколом виднелись всходящие здания и растущие башни. Вход охраняли медлительные наемники. С краю, через узкий проход, текли роильщики, прислуга и торговцы - короткоигольчатые, с маленькими клешнями. Мок был из знати. К ней принадлежали все, кто обладал боевыми клешнями, однако сейчас его большие клешни хранились в имении Владыки Хака, в то время как сам он, дабы добраться до своей цели, прикидывался меньшим, нежели был на самом деле. И ему требовался предлог, чтобы проникнуть внутрь.

Он подошел к торговцу прутьями, отобрал пару и наскреб из-под иголок снежной пасты в качестве оплаты. Потом взвалил их на себя и протиснулся ко входу для челяди, якобы выискивая, где нужно подлатать стену. Впереди входившие платили стражнику, роильщику без клешней и с крошащимися иголками.

Мок заколебался. Он пообещал изображать роильщика, чтобы проникнуть в имение, однако совершенно не принял во внимание, что придется давать подношения роильщикам. Подношения причитались дворянам. А что они скажут о нем, если он заплатит роильщику?

- Привет, дружище, - окликнул его стражник.

Мок был совершеннейшим Последователем Иглы. И он не мог решиться ответить.

- Ты в порядке, друг? - начал проявлять нетерпение страж. Его магнитное поле было дряблым, с искажениями вокруг сочленений. Снежная паста свисала с него комками и подрагивала, вот-вот готовая упасть.

Мок наскреб весьма скудное подношение с одного из подъяголий и шлепнул его на протянутую клешню роильщика.

Униженный, он бросился через проход.

Поместье было заполнено домами и башнями вассалов. Одни стояли так же высоко и широко, как башня Владыки Хака, другие же представляли собой узкие шпили, которых доставало для возлежания на каждом этаже лишь одного дворянина, где они могли беспрепятственно поглощать разве что полуденные микроволны. Однако все в поместье затмевал главный дом Банов с обнесенным частоколом учебным плацем. От его вершины тянулись длинные горизонтальные иглы, отбрасывая полуденные микроволновые тени. За этой тенью Мок и найдет Владыку Циса, свою цель.

Приблизившись к тщательно охраняемому входу в главный особняк с прилегающей территорией, Мок сгорбился и изобразил неуклюжую походку, чтобы не выделяться в море роильщиков. Сзади до него донеслось приближение дворянина - его огромные клешни описывали широкие дуги, расшвыривая роильщиков, не проявивших достаточной расторопности у него на пути. Он даже шагнул по тем, кого не мог откинуть. Толпа стонала. Дворянин приблизился, и когда он уже готов был наступить на Мока, тот увернулся - да так ловко, что это выглядело, будто он оступился.

Дворянин споткнулся. Он подпрыгнул, чтобы избежать падения, однако спины роильщиков оказались отнюдь не надежной опорой для прыжка. Он неровно приземлился и направил свои глазоножки на Мока.

- Эй, блестящий! - завопил он.

Мок рассмеялся и двинулся, чтобы затеряться в толпе. Дворянин щелкнул и в гнев бросился на роильщиков.

- Стоять на месте! - взревел он.

Толпа роильщиков замерла. Мок мог бы перескочить через них или же протиснуться сквозь их ряды, но вдруг с ледяной ясностью осознал, что проделать это без разоблачения ему не удастся. Какое-то время он разрывался между долгом перед Владыкой Хаком и честью и в итоге подавил в себе годы тренировок, чтобы изобразить страх.

На лицо Мока обрушилась клешня дворянина, поломав тонкие иголки и погнув потолще, а его самого отбросив в сторону. Мок устоял на ногах, позабыв о том, что любой роильщик уже лежал бы на спине. И когда дворянин бросился на него снова, он заставил себя сдержаться. Одна большая клешня ударила по сгибу на его передней руке, другая стиснула плечо.

- Ты нажил себе не того врага, блестящий роильщик! - рявкнул дворянин.

- Дурак! - завопил приближающийся стражник. - Ты можешь позволить себе откуп за ржавчину, если прикончишь его?

Дворянин, искрясь от бешенства, сжал клешню на плече Мока.

- Не попадайся мне впредь, блестящий, - процедил он и отшвырнул его назад.

Мок упал. Его иголки воткнулись в землю и погнулись. Он вскрикнул.

- Не пускайте его, - приказал дворянин вооруженным бойцам, устремившись вовнутрь.

Мок принялся ерзать и дергаться, пытаясь высвободить воткнувшиеся иголки. Он застрял.

* * *

Десятью днями ранее на улицах возле рынка Мок Цветущим Кулаком отбил клешню наемного убийцы. Его соперник с грохотом отлетел назад и опустился на шесть ног, проскрежетав маленькими клешнями по неровным прутьям дороги. Мок выполнил Удовольствие Клешни, схватив убийцу за предплечья прямо под большими клешнями.

- Ты дерешься как Последователь Иглы, - заметил он. - Кто твой Владыка?

Нижние иголки наемного убийцы дрогнули. Страх.

Мок усилил хватку. Заскрипел металл. Одно из запястий убийцы изогнулось в обратную сторону.

Его глазоножки задергались.

Смещающиеся стальные прутья затрещали. О металлические иголки улицы звякнула отрезанная клешня наемного убийцы. Рой Мока одобрительно посмеивался и выкрикивал похвалы.

Ноги убийцы задергались. Мок поднажал. Изогнулась другая клешня.

Ответа так и не было. Мок сомкнул большую клешню над игольчатой головой противника. Откровение Клешни.

Ноги наемного убийцы подогнулись, и тело лязгнуло об улицу. Тонкие суставчатые иглы, при жизни поддерживавшие магнитное равновесие, безвольно опали.

Мок изучил улицу глазоножками. Собравшаяся толпа воздерживалась от предложения подношений, пока он не похвалится. Однако победа над анонимным противником бесславна. Он не мог похвалиться. Мок разочарованно таращился на безымянного убийцу.

Его рой принялся деловито разрезать маленькими клешнями мертвого наемного убийцу. Они подняли две отрезанные клешни, каждую - по три роильщика. Еще отрезали его иголки и воткнули в свою щетину для последующего использования.

Мок направился домой, расправив иголки, чтобы улавливать полуденные микроволны. За ним следовал его рой, шурша потоком восхвалений. Дворяне и роильщики расступались перед величиной клешни Мока и его славой.

Вот и высоко вознесшийся прямыми прутьями частокол вокруг школы Владыки Хака. Когда Мок ворвался через парадные ворота, ему отсалютовали курсанты с меньшими и далеко не такими умелыми клешнями. Его рой сгорбленно прошел через вход для челяди в отдалении.

- Эй, Мок! - окликнул его со двора один из равных ему. - С трофеями, но без похвальбы?

- Эй, Как! - отозвался Мок. Как был искусным Последователем Иглы. - Тебе хорошо известно мое величие, но... - Его заминка привлекла еще больше внимания, чем отсутствие хвастовства. - На меня напал безымянный и безройный негодяй.

Разговоры умолкли. Все глазоножки устремились на него.

- Кто же убегает без имени? - недоверчиво произнес Как, быстро приблизившись с высоко поднятыми большими клешнями. - Надеюсь, это не сказалось на твоих подношениях?

- Мое величие не умалилось, - многозначительно ответил Мок, вытянув второстепенную клешню.

Как наскреб Моку снежной пасты с нижней иголки. Подношение оказалось небольшим. Еще два Последователя прекратили изображать бой и подошли,

ожидая рассказа. Но тут на балконе, выходявшем во двор, появилась тень Владыки. Все Последователи и роильщики пали ниц. Наиболее искусные Последователи Иглы, к которым относился Мок, обладали привилегией предлагать крупные подношения. В тишине жарко пульсировали микроволны. Падали снежные хлопья карбонила железа.

- Забеги ко мне, Мок, - произнес Владыка Хак.

* * *

У входа в главный дом Банов кто-то мягко взял Мока за верхние иголки и помог ему подняться на ноги. Перед его взором предстал обветшалый роильщик. Мок стоял, не зная, что делать. Обычно, если роильщики помогали ему, они давали подношение. А как они поступают друг с другом?

- Здорово он тебя отделал, а? - судя по речи, роильщик был из пруторубов.

- Помял немного. - Мок подвигал плечами. Они оказались целы. Давали знать о себе погнутые верхние иголки. Затем он неохотно наскреб с нижней иголки подношение. Роильщик посмотрел на него с удивлением, однако пищу взял.

- Я - Раг.

- Мок.

- Помочь тебе выпрямить? - предложил Раг.

Мок отрицательно щелкнул клешней и поковылял назад. Он удалялся, пока не обнаружил вдали от неистовых толп ничейный шест одиночного прута. Мок взобрался на него и широко расправил иголки, чтобы уловить каждую частицу лучей пульсара. Его не оставляло ощущение, что грубая наемная клешня отделала его, словно неопытного юнца. Он распрямил погнутые иголки и удалил обломки, которые после нанесенных побоев цеплялись друг за друга. Он оставался там до заката пульсара.

Когда прямое излучение микроволн пульсара прекращалось, двигательную способность могли поддерживать только запасы снежной пасты, и поэтому спячки после наступления темноты избегали лишь сильнейшие. Но даже они не могли проявлять активность долгое время.

Мок выжидал в сумерках, искажая свое магнитное поле, чтобы оно соответствовало окружению. Ни запаха, ни звука. К полуночи, под отблеском смутных радиоисточников и жестких, отчетливых рентгеновских звезд, он затаился подле входа для знати. На ночь охрана закрывала входы роильщиков в главный особняк, а в воротах для дворян оставался сидеть один вооруженный боец. Мок,

цепляясь клешнями, забрался на стену. Сочленения его скрипели столь тихо, словно были отголосками, принесенными перевоображенным ветром. Он замер на верхушке ворот. Из его магнитного поля не просачивалось ни запаха, ни звука.

Я - Игла.

Он бросился вниз, расправив иголки. Стражник дернулся.

Мок стиснул свои передние клешни на тонком узле иголок между туловищем и головой стражника. Холодный Нож. Мок придвинулся поближе, вонзил еще две клешни в то же самое место и принялся резать и рвать. Последователь Ножа.

Стражник рухнул мертвый.

Мок выдохнул. Его так и подмывало издать хвастливый крик, чтобы созвать дворян, равно как и роильщиков, дабы они выразили восхищение и сделали подношения, воздавая должное его доблести. У него уже так долго не было поклонников. Но он подавил подобное желание и вынес стражника за частокол. Клешнями, слишком маленькими для задачи, которую необходимо было выполнить быстро, он принялся обрезать прут за прутом, пока большие клешни стражника не оказались отделенными.

Будь Иглой.

Мок высоко поднял их и гордо раздвинул свои иголки. Затем пересек двор. Ночью издали он сошел бы за вооруженного бойца, неспешно делающего обход. До него донесся звук какого-то движения, однако никто так и не появился. На другой стороне двора располагался изысканный проем, ведущий к скоплению шестов знати, по которым те забирались на верхние этажи главного особняка. Какое-то время Мок разглядывал его, затем положил похищенные большие клешни и двинулся к низкому проему, через который поднимались роильщики.

Он вскарабкался по изрядно исцарапанному пруту, миновал этажи провонявших кухонь, мастерских и хранилищ отходов и, наконец, добрался до барачков роильщиков. Отодвинув засов на двери, Мок прокрался внутрь. Там вперемешку спали два десятка роильщиков. Дверь на другом конце комнаты оказалась закрытой, но два зарешеченных окна были распахнуты тихому ветру. На решетках дремали несколько роильщиков, улавливавших какие только можно в это время ночи микроволны. Мок скорчился на полу и погрузился в чуткий сон.

Перед самым рассветом снизу донесся сигнал тревоги. Роильщики зашевелились, но ни один не поднялся. Мок жаждал увидеть, что происходит, однако изображал крепкий сон. Крики стали громче, то и дело раздавались приказы, и вскоре в барак ворвались два вооруженных бойца. Они пробежались по всей комнате, проверяя каждого роильщика. Крупный и неповоротливый боец быстро, но пристально осмотрел Мока. Потом потерял к нему интерес и перешел к

остальным. Наконец, они ушли, закрыв за собой дверь.

Мок сел. Роильщики соскребали пленки старого снега с погнутых иголок пола и растирали их по своим иголкам. На Мока уставился какой-то роильщик. Он опустил глазоножки, притворившись, будто тоже кормится, как и эти распутники. Роильщик подошел поближе и присел.

- Значит, ты сумел сюда забраться? - Это оказался Ёаа, помогший ему вчера.

- Да.

Одной из передних клешней Мок набрал то, что можно было назвать лишь снежными отбросами. Он не мог нанести эту грязь на свое тело, поэтому протянул клешню с жалким подношением. Ёаа без всякого стыда взял его и больше ничего не сказал. Мок опять притворился, будто спит.

К середине утра их освободили для исполнения обязанностей, однако только в пределах двора. Мок включился в переноску и уборку. Он был не один. Слухи разносились, словно приливный ветер. Ночью был убит стражник низкого звания, убийца сбежал. Досада дворян вылилась в беспричинные удары и оскорбления. Поведение знати привело Мока в замешательство - избиение роильщиков не делало ей чести.

В конце дня Мок увидел, как мимо с напыщенным видом прошел сеньор Бан - молодой, длинноигольчатый и сияющий. Позади него трусили грациозные дворяне, предлагая подношения. Однако один из свиты Бана возвышался над прочими подхалимами. Он выглядел постарше и хорошо сложенным, а двигался с изяществом, свидетельствующим о его принадлежности к одному из Путей. Его клешни охватывали двор с полным осознанием своего положения. В свите он занимал место, отведенное командиру полка.

Благоговение. Высшая почеть, которую мог оказать Мок. То был Цис, старый Владыка, таившийся долгое время, которого не мог победить даже Владыка Хак. Цис прошел, но благоговение - нет. Его окрасило нечто новое - страх.

В сумерках роильщиков загнали в бараки и выдали им старой снежной пасты. Для поддержания сил Мок заставил себя размазать эту почти порошкообразную кашу по иголкам, однако то была скудная и горькая пища. Подошел Ёаа. От его едкой вони некуда было деться.

- Никогда не видел такого блестящего роильщика, как ты, - прошептал он. - И ты двигаешься так, словно никогда даже иголки не сломал.

Мок и без больших клешней мог применить несколько приемов, чтобы убить роильщика: Лепесток Ночного Цветка, Пламенное Сердце и Клешня Пути. А Длинный Палец можно было выполнить совершенно бесшумно.

- Ты был дворянином, так ведь? - спросил Ёаа.

Мок невнятно зашипел, вобрав глазоножки. Ёаа приблизился. Мок протянул клешню под него - подготовительная поза для Длинного Пальца. Был ли Ёаа доносчиком? Тайным охранником?

- Это секрет, - прошептал Мок. - Мой сеньор отнял у меня большие клешни за то, что я оказался у него на пути. Я сбежал. Если он найдет меня здесь, то убьет. Сегодня я пытался подобраться к Владыке Цису, но у меня не получилось.

- Зачем?

- Может, он снова сделает меня дворянином, - ответил Мок.

Глазоножки Рага вытянулись в удивлении, затем снова убрались.

- Я работаю в верхних апартаментах. И видел его там.

- Сможешь провести меня туда, чтобы я поговорил с Владыкой Цисом?

- Тебя могут убить за беспокойство Владыки, - ответил Ёаа. - Да и меня тоже.

- Поверь мне.

- С какой стати? Ты не мой друг.

- А какое отношение это имеет к делу?

- Ты доверяешь тем, с кем не дружишь? - спросил Ёаа.

Мок не был уверен, что правильно понял вопрос.

- Я доверяю братьям по оружию, - ответил он просто.

- А я доверяю друзьям, - парировал Ёаа.

Мок шаркнул ногой.

- Тогда станем друзьями?

- Э, нет! Не могу.

- Почему?

- Я тебе не нравлюсь.

Мок разочарованно щелкнул средними клешнями. Остальные роильщики оглянулись на них.

- Я оказываю тебе великую честь одним лишь разговором с тобой. С тобой когда-нибудь разговаривал воин?

- Никогда.

- Ты обязан оказать ответную честь.

- Нет, не обязан.

Мок снова щелкнул клешнями.

- Вот ведь негодяй!

- Ты ничего не знаешь о роильщиках, так ведь? - весело спросил Ёаа. - Рискуешь нарваться на неприятности.

- Я вовсе не хочу нарваться на неприятности.

- Не очень-то заметно. - Ёаа, судя по всему, проявлял к нему любопытство, а

отнюдь не страх или уважение.

Мок сдал немного назад. У него редко возникали проблемы с пониманием ситуации. До этого самого момента. Роильщики не дорожили честью. Они давали подношения, потому что должны. Что же тогда для них имело значение? Он вновь обратился к Рагу.

- Я окажу тебе честь, став твоим другом, - прошептал Мок. - Я был бы рад, если бы ты сказал мне, что я должен знать, чтобы ты мне понравился.

Ёаа рассмеялся - да так, что упал навзничь. Моку тоже стало смешно, пока он не осознал, что Ёаа смеется над ним. Тогда его охватил гнев, но даже ярость завязла в замешательстве. Если его здесь никто не знает, то какое значение имеет честь?

Ёаа успокоился.

- Нет таких слов, которые заставили бы тебя переменить ко мне отношение, - прошептал он. - Знать терпит роильщиков за подношения, услуги и раболепство. К тому же мы не так быстры или изящны, как вы.

- Мы не можем стать друзьями?

- Дело не в том, что ты знаешь обо мне, - объяснил Ёаа. - Дело в том, как ты смотришь на меня.

Неудача ощущалась, словно трение иголки об иголку, вместо того чтобы гладко скользить одна над другой.

- Я могу смотреть на тебя так, как захочу.

Ёаа выщипнул ржавую иголку из обломанных и бросил ее на пол.

- А ты сможешь оценить дружбу? - спросил он. - Пользы тебе она не принесет. Не сделает сильнее, не предложит подношений и не сведет тебя с влиятельными семьями.

Глазonoжки Мока вытянулись. Он наскреб подношение с нижней иголки. Ёаа принял его. Мок ожидал ответной вежливости, однако таковой не последовало.

- Друзья не подлизываются, - объяснил Ёаа. - Друзья не обмениваются почестями и подношениями. Когда кто-то голоден, друзья отдают ему не кое-что, а все. Дружба - это вроде как делать друга счастливым.

- Тогда почему же ты взял подношение?

- Я голоден.

Слой снежной пасты на нижних иголках Рага был тонким. Почти всюду его иголки крошились.

- У тебя жалкий вид, - заметил Мок. - Тебе никто не помогает.

- У меня тоже нет друзей, - вздрогнул Ёаа.

Мок не ответил. Ёаа снова засмеялся, сотрясаясь всем своим магнитным полем и еще больше распространяя вонь ветхости и осыпания. Мок почувствовал на себе

взгляды всей комнаты, осуждавшей его общение с роильщиком самого низкого положения. Но какое имеет значение, что думают о нем роильщики, коли он выполняет свое задание? Если бы у него были большие клешни, а не эти ножницы, то вся комната из кожи вон лезла бы, чтобы выслужиться перед ним да одарить подношениями.

- Я хочу, чтоб мы стали друзьями, - произнес наконец Мок.

- Я тебе не верю, - только и ответил Ёдд.

Мок угрюмо свернулся, и больше они не разговаривали.

Пульсар снаружи опустился к горизонту и, наконец, зашел.

Роильщики задремали. Мок дождался, пока всех их не накрыла тишина. Затем, растворившись в этой тишине, привел в равновесие свою массу, стоя на всех восьми ногах на восьми различных иголках в полу.

Восемь Главных Точек Пути Иглы.

Равновесие. Спокойствие.

Он поднял одну ногу. Восстановил равновесие. Стойка Рассвет. Подними другую. Стойка Утро. Но смещенная. Равновесие без достоинства больших клешней оказалось иным. Худшим? Он задумался над вопросом. Нет, просто иным. Подними третью ногу. Стойка Первая Косая Тень. Достижение гармонии.

Четвертую ногу. Стойка Полуденная Тень. Равновесие ускользало от него. Он сгладил асимметрию в магнитном поле. Пятую ногу. Стойка Вторая Косая Тень. Три клешни удерживали его на трех иголках. Никаких покачиваний. Полнейшая тишина. Безупречное магнитное поле. Однако без больших клешней напряжение казалось непривычным.

Шестую ногу. Шесть его ног вонзались вовне, словно тяжеловесные иглы. Две оставшиеся клешни сжимали по игле. Он попытался перейти к стойке Вечер. Чем дольше он удерживался меж двух игл, тем больше возрастала опасность падения. Честь. Дружба. Это соперничающие нормы этики. Честь выше, однако без массы больших клешней он не мог сохранять равновесие на этой игле. Дружба с самым низким из роильщиков была горькой заменой. Однако он не мог устоять и на этой игле. Он не знал, как достигнуть равновесия на одной этой ноге.

Одну за другой он опустил клешни - сначала Вечер, затем Вторая Косая Тень, Полуденная Тень, Первая Косая Тень, Утро и, наконец, Рассвет. Дома. Так и не достигнув Ночи.

* * *

Пять дней назад Мок поднялся на балкон Владыки Хака и на обеих больших клешнях протянул ему внушительные комки пасты. Владыка Хак - старый, но блестящий - принял подношение.

- Расскажи мне о своем противнике, - попросил он.

Мок рассказал историю о появлении без всякого предупреждения наемного убийцы, о нападении на Мока как Последователя Иглы, об отсутствии у врага роильщиков и его бесчестном отказе назвать свое имя. Он подробно описал всю схватку, выпад за контрвыпадом. Владыка Хак поинтересовался об ударах и защите убийцы. Мок описал их, хотя ничего подобного прежде не встречал.

- Покажи мне, - потребовал Владыка.

Мок развернул клешню и изобразил колющий удар вверх, как в Приливе Пульсара, однако без выхода на исполнение Выливающихся Океанов. Владыка Хак обошел его вокруг.

- Были ли напряжены задние клешни твоего противника перед прыжком?

Глазоножки Мока разошлись от удивления:

- Откуда вы знаете?

- Согни задние ноги.

Мок повторил движение наемного убийцы.

- Да, - изрек Владыка Хак, - этот прием называется Поднимающийся Прилив. За ним следует Скользящий Призрак.

- Почему я не знаю этих приемов?

- Существуют, пожалуй, только четыре Владыки Иглы, которые знают о них. Но никто из нас не обучает им. Они принадлежат Последователям Прилива, уже угасшей школе. Я узнал о них, когда был еще совсем молодым Последователем. Философия Прилива несовместима с Путем Иглы.

- Как же мой противник мог использовать такую технику? Остальные его приемы напоминали наши.

- Последователей Прилива больше не осталось, однако кое-кто пытался воскресить их Путь, - начал объяснять Владыка. - Его звали Цис. Он следовал Игле вместе со мной. Однажды Цис стал бы Владыкой, однако, пленившись мертвой философией Последователей Прилива, начал проявлять высокомерие. И наш Владыка прогнал его. Цис поклялся отомстить и начал скитаться - без роя, без школы, сдавая свои клешни в наем дворянам. И если он вернулся, то это ради мести. Но даже в моей молодости никто не мог взять верх над Цисом, за исключением нашего Владыки. Однако у меня было достаточно лет, чтобы поразмыслить о его слабостях.

- Я искуснейший из твоих учеников! - воскликнул Мок. - Я заслуживаю привилегии

нанести удар Владыке Цису.

Владыка Хак несколько долгих мгновений не сводил с него оценивающего взгляда.

- Ты можешь нанести удар. Иди во двор и тренируйся, - сказал он наконец. - Без больших клешней.

- В каком смысле? - ужаснулся Мок.

- Ты будешь драться с братьями, но у тебя не будет больших клешней.

- Но, Владыка Хак, без них у меня не будет ни чести, ни шансов.

- У тебя и с ними не будет шансов, - отрезал Владыка. - Никому не говори о своем задании.

* * *

Утром, в главном доме Банов, Ёаӓ приступил к своим обычным обязанностям в верхних покоях. Мок суетился с уборкой в мастерских, где роильщики занимались своим ремеслом. Бойкие кустари изготавливали мебель. Другие создавали поэтические пруты, которые можно было слушать, водя вверх-вниз чувствительной клешней по намагниченным участкам. Мок отскребал стены мастерской и относил отходы кустарей к зловонному желобу в дальнем конце комнаты. Какое-то время он возился со стеной рядом со стражниками у входа на верхние этажи башни и высматривал, как бы незаметно туда пробраться. Ближайший стражник щелкнул на него клешней. Под их сердитыми взглядами Мок удалился. Чтобы проникнуть в верхние покои, нужна была помощь.

Когда пульсар опустился к горизонту, вход в покои знати заперли. Роильщики собрались по двое-трое и принялись полировать снежную пасту на нижних иголках, помогая друг другу разглаживать ее в неудобных местах. Комнату заразило веселое настроение, зазвучал магнитный смех. Мок стоял в одиночестве, необычно возбужденный.

В противоположном конце барака подле мусорного желоба скорчился Ёаӓ. Его иголки были расправлены, чтобы уловить затухающие микроволны - более с надеждой, нежели с какой-либо результативностью. Снежную пасту по нижним иголкам он растер неровно. Из-за комков у него могли возникнуть проблемы. Мок пробрался через комнату к нему. Из помойки несло приторным душком ржавчины.

- Ты оставляешь комки, - заметил он и принялся разглаживать снег на нижних иголках Рага, но вдруг смущенно остановился. - Тебе нужно быть более дисциплинированным.

- Тебе легко говорить. Тебя-то наверняка учили.
- Дисциплина никому не дается легко. Это выбор, - ответил Мок.
- У тебя была практика.
- Практика - это всего лишь повторение правильного выбора.
- Пытаешься найти друзей?
- Твое жалкое состояние расстраивает меня, потому что ты не должен выглядеть так. Ты мог быть здоровым, и тебя принимали бы остальные. Ты мог быть счастливым.

- Тебя заботит, счастлив ли я? - поинтересовался Ёаа.

- Я просто не хочу, чтобы кто-то был несчастлив.

- А ты счастлив?

- Буду, когда поговорю с Владыкой Цисом.

Магнитное поле Рага дрогнуло от ранних признаков голодания. С некоторым раздражением Мок соскреб со своих нижних клешней обильное подношение, обогащенное и вкусное, и протянул его Рагу.

Ёаа потянулся, чтобы взять его, однако Мок отстранился.

- Я нанесу, - объяснил он. - Ты делаешь неправильно. - Ёаа выпрямился, дав Моку доступ к своим нижним иголкам. Мок намазал превосходную пасту столь ровно, что очертания нижнего магнитного поля Рага заострились.

- Взятка не поможет, - заявил Ёаа. - Нельзя строить дружбу на долге.

- Я больше не пытаюсь завести друзей, - прошептал Мок. - Я не понимаю, как ты думаешь, но я знаю, как думаю сам. Ты помог мне несколько дней назад, и теперь я помогаю тебе.

На то, чтобы размазать пасту как следует и разгладить застаревшую пищу, ушло какое-то время. Магнитное поле Рага усилилось. Когда Мок наконец уселся, Ёаа выглядел здоровее, хотя иголки вокруг его глазоножек и на спине все так же крошились.

- Каково это, быть дворянином? - прошептал Ёаа.

Мок чистил свои иголки.

- Уже и не знаю.

Мок сидел молча, рядом с Рагом и его вонью.

- Я проведу тебя в верхние покои, - объявил тот наконец.

Мок замер.

- Мы - друзья?

- Да.

Неожиданно для Мока ответ вызвал у него гордость.

* * *

Четыре дня назад, в поместье Владыки Хака, Мок изнемогал. Пользуясь лишь клешнями челяди, он бился против одного Последователя Иглы за другим, всех искусных и хвастливых. Он не мог сказать им, почему у него нет больших клешней, и поэтому они подозревали, что таким образом мастер Хак наказал его за недавний бой с безымянным наемным убийцей. Мок давно уже добился полного превосходства над ними, так что теперь они ликовали над его потерей и мягкости отнюдь не проявляли.

Несколько нападающих приемов не требовали веса и режущего действия больших клешней. Их он и применял. Сын Иглы оказался заблокирован. С разворота он вышел на Обманчивую Ступню - и его опять заблокировали. Робкая Клешня позволила Моку нанести легкий удар партнеру, однако тот быстро свалил его другой большой клешней. Защита Перекрестный Спаситель едва не опрокинула его на спину во дворе. Другие Последователи хвалились за его счет. Он платил каждому.

Мок прокрался в свою келью без крыши подле самой вершины школы. Стены в ней образовывались рядами блестящих стальных прутьев. Из пола к небу тянулись крошечные острые иголки. Расположение его кельи было привилегией, которую он заслужил, - высоко над частоколом стен и двором.

Под школьной оградой раскинулись заросли обнесенных стенами главных особняков, поместий и башен, их тонкие иглы и толстые прутья отражали свет звезд. Небо было усеяно точками различных цветов. Некоторые были чистыми, вроде зеленых рентгеновских лучей звезды в левом глазу созвездия Пика. Другие смешанными: например, оранжевый - радиоволн и синий - теплового излучения кончика крыла Пика. И все цвета оплетало магнитное поле пульсара.

Внутри него боролись гордыня и смирение. Он заслуживал большего. Он был самым совершенным из Последователей Владыки Хака. Он должен сверкать в собственной чистоте. Вместо этого он обременен другими цветами.

На следующий день Владыка Хак выдернул из спины Мока длинные иглы и вставил взамен короткие и тупые - вроде тех, что носили роильщики, которые улавливали гораздо меньше микроволн. Затем он обучил Мока новым приемам, для которых не требовалось больших клешней.

- Как же я могу таким нападать, Владыка? В этом нет достоинства, - посетовал Мок после еще одной изнурительной тренировки, вытянув пригодные только для труда клешни.

- Цели и средства могут затенять друг друга в зависимости от времени дня, - промолвил Владыка Хак. - Убийство - средство, которое у нас всегда под рукой, однако цену его мы должны тщательно просчитывать.

- А где просчитана честь?

- В твоём смирении, - ответил Владыка Хак.

Мок потупил глазоножки.

* * *

Ёаӓ привел Мока к стражникам верхних покоев главного дома Банов и заявил им, что ему необходима его помощь. Ёаӓ роился и платил семье Банов уже долгое время, и стража его знала. Они позволили Моку пройти. Там, на пару с Рагом выскабливая и без того блестящие стены, Мок повстречал болезненно знакомые уклад и превосходство знати. Его же никто не заметил.

Будь Иглой.

В середине утра мимо прошел сам Владыка Цис. Он скользил по игольчатому полу словно ветер, с неподвижно воздетыми большими клешнями. Совершенство. Даже Владыка Хак не мог добиться подобного изящества.

Мок испугался, как не пугался со времен своей первой встречи с Владыкой Хаком, когда он был еще короткоигольчатым и толком даже не вырос. Лишь неуверенность в себе может вызвать подлинный страх, его же неуверенность просто смердела. Мок являлся лучшим из учеников Владыки Хака. Однажды, быть может, он овладеет Иглой, но Цис уже овладел Иглой и исследовал этические и воинские области за ее пределами. Владыка Хак объяснял, однако Мок на интуитивном уровне так и не понял, с чем же ему предстоит столкнуться. Со своими собственными длинными иглами, основательно зарядившись под пульсаром и как следует наевшись подношений своих роильщиков, ему, быть может, достало бы сил произвести хорошее впечатление. Но не сейчас.

Утро уже подходило к концу, когда подле Мока, озабоченного затвердевшим комком на стене, повстречались два дворянина. Один двигался со сдержанностью и изяществом Последователя. Другой - крупнее, с иголками подлиннее и грубыми манерами - выглядел офицером-наемником из какой-нибудь провинции. Этот второй спросил, каковы будут пожелания Владыки Циса относительно построения войск на строевой подготовке. Последователь ответил, что днем Владыка Цис будет медитировать, и муштрой войск займется он сам. Мок забеспокоился. Сегодня Владыка Цис может оказаться в одиночестве. Озаренный внезапной

идеей, он украдкой подобрался к Рагу.

- Мне нужны твои иголки, - заявил он.

- Что?

- Займу на какое-то время. Потом верну.

- Это как? Ты спятил? Я же умру!

Даже со всеми своими иголками, которыми он был в состоянии улавливать прямые микроволны днем или случайные ночью, Ёаа отнюдь не отличался здоровьем. А без них он мог впасть в глубокую спячку или умереть.

- Я делаю это не просто так, - ответил Мок. - Я буду твоим должником всю свою жизнь.

- А это поможет тебе снова стать дворянином? - поинтересовался Ёаа.

- Возможно.

- Так я получу их назад?

- Надеюсь, что да.

Глазоножки Рага уныло поникли.

- Мы ведь только стали друзьями. Ты просишь так много, и я боюсь, что умру.

- Я тоже, - ответил Мок, сам удивившись правдивости своих слов. Куда же подевалось его дворянское бахвальство?

Мок повел Рага выше в покои знати, по пути производя уборку. К полудню они добрались до крыши, где приближенные сеньора Бана обычно купались в жарком сиянии пульсара. Часть крыши была отделена - несомненно, для Владыки Циса. Сейчас она оказалась пуста.

- Нам нельзя здесь оставаться, - прошептал Ёаа. - Только личные роильщики сеньора Бана могут здесь убираться.

- Я знаю, но это моя единственная возможность встретиться с Владыкой Цисом.

- У нас будут неприятности.

- Я понимаю твои страхи. Дружба наша недолгая, но без тебя мне не справиться. Чтобы ты понял всю мою нужду, я скажу тебе, что дворянин никогда не просит о помощи. Он ее заслуживает. У меня нет времени заслужить твою, но я все равно прошу о ней.

Ёаа потупил глазоножки и последовал за Моком.

Мок и Ёаа иголка за иголкой скоблили пол. Мок позаботился нанести некоторую часть очищенного снега на места, которые он еще не привел в порядок, чтобы эти участки значительно отличались от тех, до которых они пока не добрались.

- Время настало, - объявил Мок. - Впитывай все, что можешь, пока пульсар высоко. А я тем временем возьму кое-какие твои иглы.

Ёаа задрожал.

Вспомогательными клешнями Мок продолжал изображать звуки чистки, одновременно с этим передними клешнями вытаскивая иголки из спины и боков Рага. С каждым таким удалением магнитное поле Рага подрагивало. Мок стабилизировал его, нанося пасту на оставляемые иголки, очищая магнитное поле, раздвигая и расставляя иголки Рага пошире для лучшего улавливания микроволн. Другие его клешни энергично вставляли потертые иголки в его собственное тело. По мере увеличения их количества он ощущал себя все сильнее.

Ёаа пока не впал в панику. Если бы подобное произошло, то все было бы потеряно. Возможно, тогда его пришлось бы устранить, однако отделаться от него здесь затруднительно. Да и сама мысль об этом Моку была теперь неприятна.

Они двигались вдоль помоста, поглощая обильные микроволны полудня.

Этого было недостаточно. Мок уже знал пределы своей новой формы, питаемой короткими иглами и вооруженной лишь жалкими клешнями. Для удара, который представлялся ему мучительным и у которого еще даже не было названия, требовалось больше сил, чем он обладал.

- Ёаа, - прошептал он, - мне нужно больше.

- Но я и так неважно себя чувствую. Пульсар меркнет.

- Прости, Ёаа. Чтобы мне... стать счастливее, мне нужно больше.

- Что ты собираешься делать?

- Ты дашь мне иголки?

- Я слабею, - ответил Ёаа.

- Я прошу как друг.

Ёаа отвел взгляд.

- Мне тяжело просить тебя об этом, - продолжал Мок.

- У меня было не так уж много друзей, Мок. И никто никогда не просил меня о подобном. У меня ощущение, будто меня используют.

- Я знаю, - ответил Мок, выдергивая еще с полдюжину иголок из Рага. Тот выглядел уже совсем ошипанным. Самые потрепанные иголки Моку были ни к чему, так что Ёаа остался с теми, что уже давно не блестели. Мок от новых иголок ощутил небольшой прилив энергии.

- Сохраняй спокойствие. Когда появится Владыка Цис, продолжай уборку, - велел Мок. - Говорить буду я.

- Мне трудно дышать, - пожаловался Ёаа. - Мне надо отдохнуть.

- Нет! - прошептал Мок. - Ты привлечешь к нам излишнее внимание. Мы должны казаться двумя обыкновенными роильщиками.

Ёаа принялся апатично скоблить прут в переборке. Мок тер, прислушиваясь, не идет ли Владыка Цис.

- Что здесь такое? - раздался вдруг спокойный, но требовательный голос.

Мок обернулся. На крыше стоял Владыка Цис - длинноигольчатый, с большими клешнями. Его беззвучность была совершенной. Мок так ничего и не услышал. Цис был бесшумен, как Игла. В душе Мок ощутил полнейшую безнадежность. Он раболепно припал к полу, опустив глазоножки и протягивая перед собой два больших подношения.

- Нас послали чистить крышу, Владыка, - произнес Мок.

Владыка Цис принял подношения.

- Поскольку крыша грязная, я полагаю, что никто вас, шельмецов, сюда не посылал, а вы здесь просто греетесь на пульсаре.

- Мы стремимся к совершенству, которого вы заслуживаете, - ответил Мок, - но, как вы заметили, талантами мы отнюдь не обладаем. Моему другу была необходима работа снаружи, дабы освежить свои силы для лучшего служения вам.

- Уведи своего никчемного товарища. И никогда не позволяй его убожеству даже приближаться к башне, - велел Владыка Цис.

Ёаӓ совсем затих. Владыка Цис развернулся было, но Мок бросился перед ним, касаясь глазоножками пола и собрав клешни под собой.

- Владыка, я еще не закончил, - клянчил он. - Мой друг может умереть без дневных лучей пульсара. Молю вас о снисхождении.

Мок почувствовал, как магнитное поле Владыки Циса заостряется и крепнет. Твердость его была поразительна. Мок дрогнул. Владыка Цис приготовился дать гневную отповедь. И тут Мок вонзил две своих правых передних клешни глубоко в шею Владыки. Он изогнулся всем телом, чтобы загнать их глубже, при этом препятствуя своим магнитным полем контролю Владыки Циса. И он придумал название этому приему - Жертвоприношение Рага.

Владыка Цис зашипел, однако его магнитное поле выстояло. Он сомкнул большую клешню на пучке игл и вырвал добрую четверть спины Мока. Иголки зазвенели по крыше, тихо и до смешного мелодично.

От шока Мок едва не размагнитился. Если бы не все те иглы Рага, что он смешал со своими, то он немедленно умер бы. Мок сжался под Владыкой Цисом и ударил вверх двумя другими средними клешнями. Владыка Цис протянул к нему клешню, выпрямился и вырвал еще иголки.

Жертвоприношение Рага, глубоко вонзенное в два разных места, сотрясало старого воина. Мок почувствовал запах крошения. Своего и Владыки Циса.

Владыка Цис своими большими клешнями кромсал одну из ног Мока. Мок не издавал ни звука. Он боролся за равновесие.

Дворянин. Роильщик.

Честь. Дружба.

Хвастун. Подхалим.

Он вонзил свои клешни еще глубже.

Будь Иглой.

Словно выпав из времени, они беззвучно напрягались.

А потом Владыка Цис склонился и упал.

Мертвый.

Мок, сотрясаемый дрожью, вытащил клешни из трупа. На семи ногах проковылял к Рагу. Ёаӓ умирал. Мок сгреб иголки, которые Владыка Цис вырвал у него из спины, и воткнул их в Рага.

Он не мог возвращаться через башню и бараки. Скрыть отсутствие ноги и умирающего роильщика ему не удалось бы. Их битва была скорой, но кто-нибудь обязательно придет сюда.

Он поднял обмякшего Рага и, пошатываясь, двинулся к краю башни. Потом встал над самым краем, вцепившись пятью клешнями, а оставшимися двумя держа Рага. Ноги напряглись.

Боль! Сконцентрируйся.

Спускаясь, он мысленно проходил через Восемь Главных Точек Пути, стойка за стойкой. Боль отступала. Он спускался в безобразных судорогах. Когда до земли оставалось лишь несколько корпусов, он упал, более не в силах держаться. Одна из клешней отломилась.

Боль! Ни звука! Будь Иглой! Равновесие.

Он заковылял вдоль широких зданий. Мир перестал быть острой иглой - теперь это было мучительное расплывшееся пятно. Возле ворот главного дома его свалил с ног удар.

- Уже не такой блестящий, а? - Это был стражник, который избил его несколькими днями ранее. - Я же сказал тебе, что ты нажил себе не того врага.

У Мока не оставалось сил. Ничего, чем можно было бы заплатить. Однако у него была честь, и он мог требовать большего. «Я - Мок, - думал он. - Последователь Иглы, и я убил Владыку Циса даже без больших клешней». Смертельная похвальба, чтобы оставить после себя легенду. Бессмертие. Однако это была неверная позиция.

Ёаӓ умрет.

Будь роильщиком.

- Дворянин велел мне вышвырнуть этого роильщика из имения, - заговорил Мок, - чтобы его никчемность не пачкала ваши прекрасные лужайки. И он сказал, что из-за своей убогости я тоже могу не возвращаться.

- Быстро проваливай, блестящий, - рявкнул стражник, - пока кому-нибудь не пришлось тебя убирать.

Мок с Рагом выбрался из главного дома. Зеваки-роильщики таращились на него, но не помогали. Репутация и подношения связывали знать. Роильщиков связывала дружба. Без имени он не мог претендовать на репутацию. В притворстве у него был лишь друг, которого он искалечил. Все как и тогда, когда не смог добиться стойки Вечер.

Мок заковылял по южной дороге. Знать взирала на него с презрением. Роильщики сторонились. Жалкий, но чистый в своей цели Мок терпел, словно игла, омываемая океаном. Он упал. И поднялся. Он слышал голоса, но упрямо волочился вперед - на шести ногах, с умирающим другом. Когда уже показался частокол имения Владыки Хака, магнитное поле Рага задрожало. Они упали на землю. Почти наступил вечер, и стойка Ночь все еще ускользала от него.

- Ъаӓ, - заговорил Мок, - прости.

- Я видел, что ты сделал, - прошептал Ъаӓ.

- Я сделал то, что делает знать, - ответил он. Потом выдернул из своей спины оставшиеся иголки Рага и одну за другой воткнул в друга. - Прости.

Равновесие?

Тело Рага приняло иголки, однако микроволны уже слабели и исчезали. Сколько же это продолжалось? Глазоножки Мока поникли.

- Ты храбрец, - сказал Мок.

- Нет, не храбрец.

- Ты рисковал собой ради меня.

- Это была не храбрость, - прошептал Ъаӓ. - Это была дружба.

- Я плохой друг.

- Ты не знаешь, как быть хорошим другом. Это не твоя вина. - Магнитное поле Рага снова дрогнуло.

Мимо проходил длинноигольчатый дворянин. Мок подал ему знак, но тот не остановился. Стойка Вечер. Неустойчиво. Наклон в одну сторону, потом в другую. Глазоножки Мока поникли еще ниже. Их заметил роильщик и подбежал к ним.

- Привет, друг, - обратился к нему Мок. - Я принадлежу Владыке Хаку. Можешь доставить нас к нему?

- Я недостаточно силен, чтобы нести вас обоих. Но могу отнести тебя и потом вернуться за твоим другом.

- Нет, - ответил Мок. - Он умрет, если я оставлю его. Попроси помощи у Владыки Хака. Я подожду здесь со своим другом.

Роильщик убежал. Мок втянул глазоножки, не в силах смотреть, как умирает Ъаӓ.

Отчаянно противясь боли, он мысленно снова проходил Восемь Главных Точек Пути, однако без одной ноги даже представить не мог стойку Рассвет. Равновесие не устанавливалось, а притвориться, что нога на месте, он не мог. Затем он вдруг увидел, как можно удерживать равновесие без больших клешней в стойке Вечер. Нужно балансировать не только членами, но всей своей сущностью.

Он поднялся и распрямил иголки, улавливая последние микроволны дня. Затем вырвал из спины собственные иголки и воткнул их в Рага. А потом на него опустилось подобие ночи.

* * *

В тысяче игл на крыше башни Владыки Хака свистел сильный, отягощенный металлом ветер. Большие клешни казались Моку тяжелыми и непривычными. Он ощущал силу. И был полностью заряжен микроволнами пульсара.

Когда появился его Владыка, Мок плавно опустил глазоножки, скользнул вниз большой клешней и проворно снял щедрое подношение. Он держал его перед собой на грациозно неподвижной клешне. Пораженный Владыка Хак опустил свои глазоножки и предложил Моку такое же крупное подношение.

Мок коснулся глазами пола.

- Я не достоин, Владыка Хак.

Владыка Хак вернул на место свое подношение, однако предложенного не взял. Мок поднял взор. Владыка Хак сверкал.

- Мой противник так и не узнал моего имени. Я напал без вызова. Я не заслуживаю чести.

- Некоторыми победами нельзя похвалиться, ибо их не поймут, - промолвил Владыка Хак. - То, что ты проделал клешнями, не важно. Важно было все остальное, кроме удара. Многие Последователи могли бы научиться Жертвоприношению Рага. Но никто не смог его заслужить.

- Что мне с этого, Владыка? Заблудший готов отвергнуть свою честь?

- Ты еще не мудр, Мок. Ты должен поразмыслить над этим.

В конце концов Владыка Хак взял ожидавшее его подношение. Мок, чья честь была удовлетворена, выпрямился. Затем, к его ужасу, Владыка Хак потянулся к своей спине и вырвал из нее иглу - длинную, серебристую. Он протянул ее Моку двумя большими клешнями.

- Я не могу, - пятась, запротестовал Мок. - Пожалуйста, верните ее на место. Мой бой с Владыкой Цисом не заслуживает ее.

Владыка Хак шагнул вперед.

- Это подношение не за то, что ты сделал с Владыкой Цисом. Оно за то, что ты сделал для Рага.

- Я не понимаю, Владыка.

Владыка Хак вложил иглу в большие клешни Мока. Тот держал ее с благоговением.

- Однажды поймешь.

Владыка Хак удалился, оставив Мока одного под горячим пульсаром.

Он воткнул иглу Владыки Хака себе в спину. Трепет его так и не унялся, и сколько он ни размышлял, так и не понял, в чем же кроется мудрость. Пульсар скрылся за горизонтом, стих ветер, и только потом он спустился к своему рюю. Они принялись восхвалять его, а когда заметили новую иглу у него на спине, и вовсе зашлись в восхищении. Подошли братья Последователи, ожидая хвастовства подобной беспрецедентной честью.

Однако Мок не стал похваляться. И не прошел мимо роя. Он поприветствовал нескольких роильщиков по имени, от чего те лишились дара речи. А потом он подошел и прикоснулся к Рагу, стоявшему среди них. Он стал чище, сильнее и выше. Даа предложил подношение на дрожащей клешне. Мок принял его и в ответ предложил свое.

Перевел с английского Денис ПОПОВ

© Derek Kunsken. The Way of the Needle. 2012. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Asimov's» в 2012 году.

КРЕЙГ ДЕЛЭНСИ

ТРИ ЛИСТИКА

КРЕЙГ ДЕПЗИСИ

ТРИ ЛИСТИКА

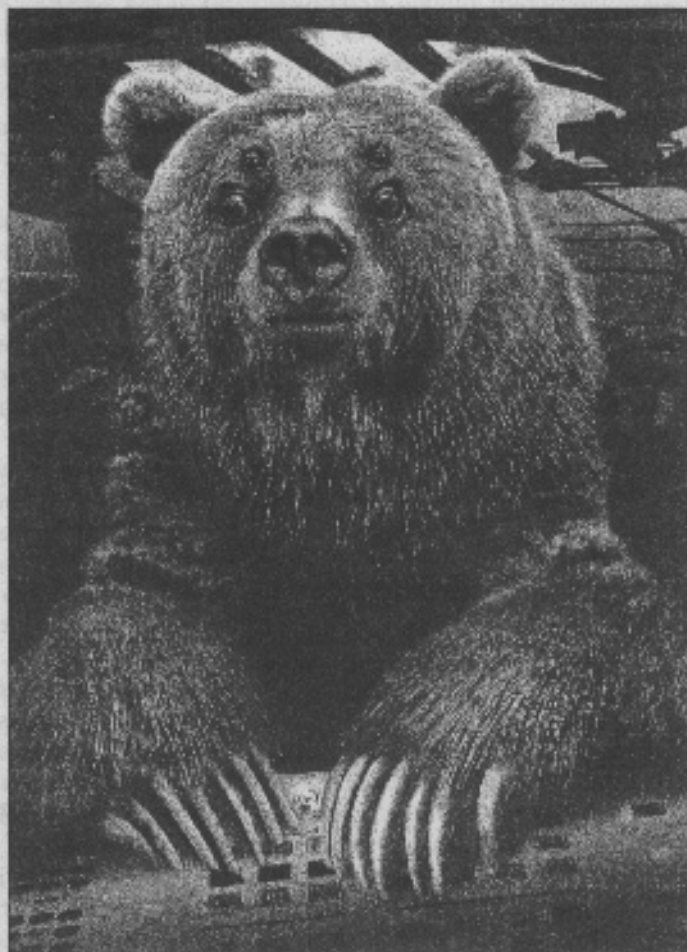

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

Ты не похож на всеядное существо.

Это было первое, что сказала мне медведица. С этим чудищем, порожденным планетой с непроизносимым названием, мне предстояло работать бок о бок в ближайшие несколько лет.

- Простите? - не понял я.

- У тебя широкие, плоские зубы, - прошипела она. - Как у травоядных.

Я ожидал ее в ярусном сквере у штаб-квартиры Сил поддержания гармонии, или Корпуса гармонизаторов, которых, по правде говоря, в обиходе называли не иначе как предаторами^{*10}.

Нили-Орнор была одной из тех планет, которые поддерживали мою уверенность в светлом завтра. Ее многочисленные города построены прямо среди густых, как амазонская сельва, лесов, причем и те, и другие растут с непостижимой скоростью. С моей точки зрения, это доказывало, что победившая в Галактике вера во всеобщую Гармонию Жизни что-нибудь да значит и что за это стоит сражаться. Наверное, только такие мысли и могли подвигнуть меня взяться за неблагодарную работу...

Итак, сидя на прохладной каменной скамье под огромным, усеянным зелеными сапрофитами раскидистым деревом, я ждал встречи со своей будущей напарницей. Воздух в сквере был плотным и влажным, но пахло здесь, как в Калифорнии после дождя, когда я, бывало, вырывался из Политеха, чтобы побродить по окрестным холмам. Мне даже захотелось, чтобы моя напарница вообще не появлялась и я мог просто насладиться природой.

О напарнице мне были известны всего три вещи. Она уже прослужила в Корпусе почти два земных года. Сама из суссурати - расы свирепых медведеобразных плотоядных, выделившихся из животного царства всего за сотню лет до того, как человечество присоединилось к Галактической цивилизации. И наконец, напарницу зовут Бриаатурсиасальянтиорметхессесс.

Да поможет мне Бог!

Я неловко вставал каждый раз, когда на дорожке появлялись суссурати, и снова садился, поскольку те валкой медвежьей походкой проходили мимо. В конце концов мне это надоело, я перестал обращать на них внимание - и минуту спустя от текущей мимо толпы отделилась она. Тогда-то я и услышал это поразительное заявление, касающееся моей диеты.

Я вскочил со скамьи и слегка поклонился.

- Таркос.

Мы разговаривали на галактисе. Я вполне прилично владею этим языком. Во

---

¹⁰ * *Predator* (англ.) - хищник.

всяком случае, уж точно лучше, чем она. Правда, это мало что давало: с суссуратийским именем человеческая гортань справиться не в состоянии. И все же я решил попытаться.

- Для меня большая честь познакомиться с вами, госпожа Бриаатурсиасальянтиорметхессесс.

Суссурати принадлежат к четвероногим и передвигаются в большинстве случаев именно на четырех конечностях. Когда напарница шла ко мне по дорожке, я слышал громкий стук ее длинных когтей. Ее тело примерно шести футов длиной; короткий темный мех в области шеи расцвечен зелеными и желтыми пятнами, что напомнило мне боа. Добравшись до скамьи (приспособленной, кстати, под человеческий или, во всяком случае, под гуманоидный зад), она опустилась перед ней на корточки и сложила перед собой передние лапы, на каждой из которых было по семь длиннющих когтей, и сразу сделалась похожей на циркового медведя, который сгреб в охапку набор кухонных ножей. Глаза - пара маленьких черных и два больших зеленых под ними - испытующе уставились на меня.

- Меня зовут Бриаатурсиасальянтиорметхессесс.

Я снова поклонился.

- Да-да. Простите мое произношение.

Сделав глубокий вдох, я повторил попытку.

- Не так, - возразила она. Затем медленно повторила свое имя.

Хоть убей, на мой взгляд, я произносил ее имя совершенно правильно. Если, конечно, не принимать во внимание кучу шипящих, которых полно в каждом слове суссурати.

- Можно я буду звать тебя просто Бриа?

Черные глазки закрылись. Это выражало... видимо, недовольство. А может, досаду. Я не мог вспомнить точно. Изучать способы выражения эмоций у представителей иных рас с помощью интенсивного видеокурса - дело безнадежное.

- Это задание наверняка будет опасным, - сказала она. - Я доложила начальству, что не хочу работать с человеком.

- Что ж, спасибо за откровенность.

Она вывалила темно-красный язык поверх длиннющих, с мой палец, клыков. Возможно, ей был понятен человеческий сарказм, потому что эта трехсоткилограммовая туша соизволила пояснить:

- Вы, люди, опасны. Я тебя боюсь.

Я согласно кивнул:

- Ну да, конечно. Я слышу об этом постоянно.

* * *

На эту работу я не напрашивался.

Где-то год назад я сидел на кертианской станции в длинной комнате с низким потолком, которая служила здесь баром, не спеша цедил минеральную воду и ожидал посадки на рейс до Земли, где меня должны были отдать под трибунал, и тут к моему столику подошел человек в серой форме.

- Амир Таркос?

Я едва не отшатнулся от него, понимая, что ничего хорошего от этого типа ожидать не приходится. Я только что вернулся после весьма грязного дельца: сначала на Поргаторию, адском газовом гиганте в чертовой дыре Галактики, а потом на Верте - еще одном газовом гиганте и в такой же заднице. За год и два месяца, что длилась эта операция, мой экипаж умудрился трижды отличиться, причем все три раза не лучшим образом. Ответственность за два из трех инцидентов лежала на мне.

- Я Конор Мак-Доноу, - представился мужчина. У него и в самом деле был сильный ирландский акцент. - Можно присесть?

- Если найдете куда.

Он ткнул пальцем в карманный компьютер, и прямо из пола вырос стул.

- Вы поняли, кто я?

Я кивнул. Хотя я первый раз видел такую форму на человеке, но серый цвет и эмблема на груди в виде грех треугольников были известны всем.

- Вы предатор... То есть, я хотел сказать, гармонизатор.

- Да. В Корпусе всего восемнадцать землян, я один из них.

- Слушайте! Я знаю, что по уши в дерьме, и меня ждет военный трибунал. И даже понимаю, что я позор космофлота, притча во языцех, и так далее, и тому подобное. И все же никаких преступлений против Законов Жизни я не совершал.

Он остановил поток моего красноречия одним лишь взглядом своих голубых глаз, от которого мне стало совсем не по себе.

- Конечно, не совершали. Собственно говоря, я здесь не по этому поводу. Наш разговор, гм-м... не официальный. В данном случае, я выступаю как вербовщик, и у меня к вам только один вопрос: не хотите ли вы поступить в Корпус?

Я размышлял над этими словами очень долго. Сначала чуть было не ляпнул, что это вовсе не смешно. Потом мне захотелось узнать, в чем подвох. Примерно через минуту мне пришло в голову, что самым разумным было бы потихонечку смыться.

Затем я решил, что делать это нужно как можно быстрее. И все это время я бестолково шевелил губами, словно вдруг разучился говорить. Наконец смог выдать:

- Вы хоть знаете, кто я такой?

- Амир Таркос, уроженец Западного берега реки...

- Палестины, - поправил я.

- Это одно и то же. Впрочем, ладно, пусть Палестины, - согласился он. - В пятнадцать лет вы перебрались в Турцию. Потом получили стипендию в Калифорнийском политехническом. Затем поступили на службу в...

- Я имею в виду, знаете ли вы, что случилось со мной недавно? На Верте.

- Вы позволили себе некоторую вольность, командуя кертианским крейсером.

Это мне понравилось.

- Вольность?!

- Ну да. И теперь на Земле вас ждут, гм-м... неприятности.

- И вы тем не менее беседуете со мной?..

Он вздохнул.

- На Верте вы допустили действия, которых достаточно, чтобы вас с треском вышвырнули из вооруженных сил. Но у нас несколько другие интересы.

Он повернулся на стуле и обвел рукой помещение.

- Скажите, Амир, что вы здесь видите?

Парочка кертов у низенькой стойки, заваленной каким-то подобием салата, напоминала двух крабов, копающихся в выброшенных на отмель водорослях. Панцирь старшего керта совсем побурел, что говорило о почтенном возрасте; у его спутницы экзоскелет был красным. Время от времени она вытягивала одну из десятка суставчатых ножек и ритмично постукивала по панцирю старшего, демонстрируя тем самым свою любовь и заботу.

В другом углу два нили, шестиногие ланеобразные создания, шушукались о чем-то с выводком похожих на птиц существ, расовую принадлежность которых я определить не смог. Один из нили держал на голове лучащийся мягким сиянием шар, из которого лилась тихая изысканная музыка. Рядом с этой группой завис у иллюминатора галдящий рой светящихся брайтов.

- Галактийцы, - вздохнул я. - Образованные, культурные, преуспевающие.

Мак-Доноу согласно улыбнулся.

- Так и есть. А скажите, что, по-вашему, станет делать прославленный кертианский дипломат, художник-нили или философ-брайт, если окажется свидетелем насилия над Законами Жизни?

- Сообщит об этом.

- Ну да, возможно. Проблема, однако, в том, что эти создания живут в городах столь цивилизованных, мирных и тихих, что при виде преступления они могут просто не поверить собственным глазам. Они подумают, что это все померещилось! Но даже если они поймут, то, скорее всего, решат, что заниматься подобным - обязанность профессионалов. Вот как они считают - и знаете что?.. В большинстве случаев они совершенно правы.

Мне как-то не очень понравилось, куда ведут эти рассуждения.

- Вы хотите сказать, что ловить вора должен профессионал. То есть другой вор?

- О, конечно же, нет, дружище. Я имел в виду: у тех, кто уже сталкивался с преступлениями со злонамеренными действиями, имеется важное преимущество. Они не гадают, а действуют. Вот в чем штука, приятель...

Замолчав, он с минуту смотрел на брайтов. Те были очень красивы: сияющие и полупрозрачные. Сквозь них было видно звезды.

- Впрочем, сейчас речь о другом, - добавил Мак-Доноу после паузы. - Чтобы выявлять и пресекать преступления в нашей великой и прекрасной Галактике, нужно быть готовым самому преступить закон. Тебе придется стать бойцом, сознающим, что никто не поможет, никто не прикроет твой тыл и не решит проблему за тебя. Такой человек склонен действовать быстро, решительно, не считаясь с потерями и порой не выбирая средства. Именно так ты действовал на Верте.

- Расскажите это моему командованию.

- Я так и сделаю, если ты поступишь в Корпус.

От этих слов я невольно улыбнулся.

- Скажите мне... Правда, что предаторов набирают из представителей только молодых рас?

- В основном да, - ответил он. - А что?

- Нас, вероятно, считают расходным материалом?

Он медленно покачал головой.

- Нет. Дело в том, что мы молоды, а значит, ближе к своим корням. Мы не слишком далеко ушли от всего страшного и тяжелого, что было в нашем прошлом, и поэтому лучше других понимаем, что к чему.

Я оглянулся на брайтов, мерцавших на фоне звездной черноты. То, что говорил Мак-Доноу, выглядело похожим на истину. Разве ангел небесный когда-нибудь решится признать, что в раю может совершаться дьявольское дело?

Собеседник наклонился вперед и немного понизил голос.

- Есть, правда, одна проблема... - Он не смог сдержать ухмылку. - Нас боятся. Дикарь в серой форме - это кошмар несчастных планет, страх и ужас

цивилизированных галактийцев. Они уверены, что ты способен пожирать их в сыром виде.

Я не выдержал и рассмеялся.

И был завербован.

* * *

Меня, Бриа и наш корабль погрузили на попутный звездолет нили. По его блестящим зеркальным коридорам я и десяти метров не мог пройти, чтобы не потерять ориентацию. Поэтому постоянно держал включенным персональный навигатор.

Нили при встрече со мной кланялись, но в разговоры не вступали. Бриа из своей каюты не показывалась. Поскольку я был предатором-новичком - попросту «щенком», перед отлетом меня даже не пригласили на инструктаж. А Бриа ни слова не сказала мне о задании, пока звездолет, выстрелив наш крейсер в космос при помощи отработанного сжатого воздуха, не умчался прочь.

В пятнадцати астрономических единицах светило неярким зеленым светом далекое, не больше булавочной головки, солнце. Должно быть, наш крейсер, напомилавший формой и окраской акулу, выглядел в его лучах очень эффектно. Мы с Бриа сидели в командной рубке перед обзорным экраном - в креслах различной конструкции. Появившееся на экране зрелище заставило меня благоговейно вздохнуть.

- Зеленый Диск!

- Ты о нем слышал? - разочарованно спросила Бриа.

- Многим известно.

Система Зеленого Диска была одной из величайших загадок разведанного космоса. Ее центральная звезда была чуть массивнее и ярче Солнца. Отсюда, с этого расстояния, она выглядела зеленоватой из-за плотной завесы темно-зеленого вещества, находящегося между нами и ее пылающей поверхностью. По массе система примерно равнялась Солнечной, но в ней совсем не было больших планет. Вместо них вокруг звезды вращался внушительный - около двадцати астрономических единиц шириной - пояс астероидов; причем орбиты девяноста процентов из них пролегли на расстоянии от 0,8 до 1,8 астрономической единицы от центрального светила.

Бриа застучала клавишами пульта управления, вводя данные в навигационный компьютер и включая один из пары инерционных супрессоров.

- Так в чем состоит наше задание? - спросил я, пытаюсь побороть приступ морской болезни - так действовало на меня поле супрессора в момент включения.

- Ты знаешь, в чем уникальность этой системы?

- Конечно, - ответил я. - Зеленый Диск - родина симбионтов. Это единственный известный науке машинно-органический гибрид, лишенный разума.

- Бесценное, но чрезвычайно опасное сокровище. Никто не знает, что может произойти, если симбионты окажутся в другой системе.

Это понятно. Существовала теория о том, что Зеленый Диск имеет искусственное происхождение и его планеты были специально разрушены для создания особой экосистемы. Лишенные разума симбионты выглядели как своего рода остатки цивилизации, исчезнувшей сотни тысяч, а может, и миллионы лет назад. Но нельзя было даже пытаться потревожить эти дремлющие силы, пока мы о них так мало знали. А если бы выяснилось, что безмозглые симбионты обладают способностью дробить планеты на астероиды? И кто-то по неосторожности или с умыслом доставил их в другую систему, чтобы они могли начать там свою разрушительную работу?

- А что, есть основания считать, что это может произойти? - спросил я.

- Да.

Бриа снова затрещала клавишами, и мы рванули вперед с ускорением в 3g.

* * *

Галактическая база находилась на крупном астероиде примерно в 1,1 АЕ от звезды. Мы совершили пертурбационный маневр, обогнув солнце, чтобы снизить скорость и состыковаться с базой. Тут, наконец, Бриа ввела меня в курс дела.

- Вот что наш галактический агент обнаружил в зоне Фринджей.

В воздухе над нами вспыхнула подрагивающая голограмма бочкообразного астероида. Изображение рывком увеличилось, и я разглядел на поверхности какие-то странные образования, похожие на молодые грибы-поганки с конусовидными, еще не развернувшимися шляпками. Они тянулись вверх, натягивая своими остриями мерцающую, полупрозрачную пленку, напоминавшую наброшенное поверх скал искусственное полотно. Под пленкой я разглядел какие-то механизмы, которые деловито сновали туда-сюда, выполняя какую-то странную работу.

- Это и есть симбионты Зеленого Диска? - усомнился я.

- Да.

- Их кто-то захватил?

- Мы считаем, что это ринерти.

Фринджами называли разумные расы, упорно не желавшие присоединиться к Галактической цивилизации, а также многочисленные маргинальные группы, в силу разных причин порвавшие со своими расами и культурами. Все это разномастное сборище тяготело к одному из периферийных секторов Галактики. Ринерти были остатками расы многоножек, несколько веков назад нарушившей галактические установления и с тех пор обиженной на всю цивилизацию.

- Ринерти травоядные, - с отвращением добавила Бриа.

- Ладно, - сказал я, просматривая видеоролик. - Проблема понятна. Эти штуки могут представлять опасность. Но это еще не преступление против Законов Жизни. Захваченный ринерти образец, судя по виду, слишком мал, чтобы стать опасным для генотипов Зеленого Диска. И похоже, что эксперимент проводится вдали от других экосистем. В общем, я пока не вижу ничего, что могло бы угрожать другим экосистемам или расам. Этим должны заниматься спецназовцы.

- Они и попросили нас помочь.

Это меня удивило. Спецназовцы - Специальные галактические силы быстрого реагирования - очень ревностно блюли зону своей ответственности. И негодовали по поводу слишком широких, на их взгляд, полномочий Корпуса.

- Почему?

- Зеленый Диск слишком велик, чтобы провести расследование достаточно быстро. Между тем ринерти продолжают перехватывать споры.

Симбионты, припомнил я, запускают споры с астероида на астероид.

- Это выявили спецназовцы?

- Их корабли засекли многочисленные пуски, но к тому времени, когда они добрались в проблемный сектор, значительное количество спор уже исчезло.

Теперь я понимал, зачем мы здесь и почему спецназовцы сами пригласили предаторов в свои «охотничьи угодья». Стало ясно, с какой стати нам дали изрядные послабления в правилах.

- Значит, у ринерти имеется какой-то засекреченный сверхскоростной корабль. Но крейсер предаторов с парой инерциальных супрессоров разгоняется быстрее, чем любой другой аппарат в Галактике.

Бриа распахнула пасть, задрав губу и обнажив белые зубы, и высунула мокрый темно-красный язык. Суссуратийская улыбка, озорная и хищная одновременно.

- Да. Оч-чень быстрый кораблик у нас-с.

* * *

План действий был простым. Пуски спор происходили редко, а галактическая станция поддерживала постоянную связь с разбросанными по всей системе автоматическими зондами, способными вовремя их засечь. Мы должны патрулировать пространство и охотиться за каждой спорой, запущенной в пределах досягаемости, полагаясь для прокладки курса на данные станции. Перехватить корабль-нарушитель и захватить спору - вот в чем задача.

Долго ждать не пришлось. Едва мы успели описать виток вместе со станцией, как пришло сообщение, что на расстоянии пятидесяти тысяч километров запущена спора. Бриа включила сразу оба супрессора. Один настраивался на гашение внешних колебаний корпуса, а другой - на демпфирование внутри корабля. Чтобы уменьшить наш тепловой след, мы скинули скорость до 5g, сами же внутри крейсера ощущали не более полутора.

Пройдя всего несколько тысяч километров, мы захватили спору лучом радара. У спор симбионтов, размером от метра до трех в диаметре, была углеродно-металлическая оболочка, под которой находился плотно упакованный комплект органических соединений и самовоспроизводящихся наномеханизмов. Нигде в разведанной части Галактики не было ничего подобного. Не просто фенотип, а зародыш экосистемы - целый набор свободно связанных организмов, объединяющихся для репродукции. Возникло даже целое научное течение, приверженцы которого считали, что это более высокая ступень эволюции, в которой единицами отбора являются не отдельные организмы, а готовые экосистемы.

Нам, впрочем, эти уникальные особенности сулили только неприятности.

- Пора бы уже обойти этот астероид, - сказал я.

Напарница только мигнула. Она не пыталась перехватить спору, а старалась идти с ней параллельным курсом, чтобы постоянно удерживать ее на экране радара. Но сейчас спору закрыл появившийся впереди астероид. Неожиданно взвыла сигнализация: астероид - огромная веретенообразная железная скала - несся прямо на нас. Бриа совершила мгновенный маневр, и черно-серая поверхность астероида пронеслась под нами. Избежав столкновения, мы совершили разворот, чтобы затормозить и вернуться на курс преследования.

- Я ее потерял.

- Ищи! - потребовала Бриа.

Искусственный интеллект крейсера начал широкополосное сканирование всей зоны. Увы, мы не видели ничего, кроме знакомой скалы да нескольких более удаленных астероидов. Ничего похожего на спору размером или массой.

Бриа рассчитала последний участок траектории споры, и мы двинулись этим курсом по инерции.

- Не может быть, чтобы ее успел перехватить корабль, более скоростной, чем наш, - сказал я. - Мы бы его наверняка засекли.

Бриа не ответила. Мы снова просканировали зону поиска, сделали глубокое сканирование астероида, но не обнаружили ничего - ни одного объекта, температура которого была бы хоть на градус выше фонового излучения.

- Куда?! - недоумевал я. - Как, черт возьми, им это удалось?!

* * *

Галактическая станция походила на паука, растопырившегося на камнях: светлый купол поддерживали ноги-опоры, упиравшиеся в большую железоникелевую скалу. Вся поверхность астероида была изрыта глубокими круглыми ямами, похожими не столько на кратеры, сколько на лопнувшие пузыри, как на участке застывшей лавы. Некоторые впадины были затянуты высохшими, побелевшими от старости оболочками, оставшимися от симбионтов.

В узком приемном отсеке станции Бриа переговорила с дежурным - покрытым темным мехом нили, и они вместе отправились просматривать регистрационные записи радаров. Я же, извинившись, двинулся в противоположном направлении. Дело в том, что в списках персонала станции значился человек. В Галактике, вне пределов Земли, не так уж много людей, поэтому я чувствовал себя обязанным нанести своему земляку визит вежливости. Кроме того, я хотел больше разузнать о симбионтах от специалиста, с которым можно не придерживаться запутанных правил межвидового этикета.

Передвижение по станции давалось нелегко. Из-за слабой гравитации я плохо рассчитывал свои движения и, оттолкнувшись от пола, тут же врезался в потолок. Опыт работы в условиях микрогравитации я имел достаточно богатый, но отсеки на станции были слишком узкими, с совершенно гладкими стенами, без поручней и скоб. Кроме того, вокруг меня постоянно шныряли нили.

Спустившись по указателям к основанию одной из опор станции, я все-таки добрался до лаборатории: из иллюминатора открывался вид на один из затянутых мембранной оболочкой кратеров. Эколог доктор Прима Раджив оказалась индианкой с большими красивыми глазами и сильным австралийским акцентом. Ее улыбка показалась мне дежурной, но взгляд был пытливым и умным.

Доктор Раджив буквально застыла на месте, увидев меня - человека в серой

форме Корпуса.

- Теперь мне все ясно, - проговорила она.

- Вы еще не видели мою напарницу, - сказал я, пытаюсь шуткой разрядить возникшее напряжение.

Я представился, и мы немного поболтали, попутно обнаружив, что у нас есть один общий знакомый - университетский преподаватель, перебравшийся из Калифорнии в Мельбурн. Затем дружно посетовали на то, что на космических станциях совсем не бывает чипсов.

- Простите, но мне очень нужна ваша помощь, - сказал я.

- Я так и думала.

- Что вы можете рассказать о самих спорах? Я в этом деле полный профан.

- Но ведь что-то вам известно?

- Почти ничего. Симбионты, насколько я понял, существуют и даже процветают благодаря тесной связи между самовоспроизводящимися наномашинами и мелкими организмами. Машины создают для последних на астероидах герметичную среду, а также переносят споры с астероида на астероид. Организмы, в свою очередь, обеспечивают машины протеином, который используется во всех неметаллических деталях.

- Ладно, для начала сойдет, - заключила Раджив. - Итак, симбионты... По нашим последним данным, они включают около пяти тысяч видов органических существ размером не больше сантиметра. А вот собственно машин мы насчитали всего несколько сотен типов... Большинство машин производит оболочку - полотно, подобное этому. - Она показала на иллюминатор. - Эта полупрозрачная протеиновая мембрана позволяет создавать в углублениях астероидов небольшой атмосферный карман или мешочек. На астероидах с активными колониями оболочка имеет светло-зеленый цвет благодаря прилепляющимся к ней с внутренней стороны фотосинтезирующим организмам. Оболочка покрывает скальную породу с зазором всего два-три сантиметра, однако этого хватает, чтобы создать под ней тончайший слой атмосферы, необходимый для жизнедеятельности организмов. Другие машины строят споровые пушки - похожие на столбы образования, которые вы видите вон там...

Я посмотрел в иллюминатор. Ну, точно ножки проросших сквозь оболочку грибов.

- Такой астероид, как этот, - продолжала Раджив, - может служить симбионтам домом в течение нескольких сотен тысяч лет. Со временем организмы погибают от отравления отходами собственной жизнедеятельности. Производимые машинами споры представляют собой замкнутые системы, внутри которых поддерживаются условия, обеспечивающие жизнедеятельность организмов. Пушки выстреливают

эти споры куда попало, из-за чего лишь незначительный процент их попадает на другие астероиды и дает начало новым колониям.

- А что происходит с машинами, после того как умирают живые организмы? - спросил я. - Они остаются под оболочкой и продолжают работать... или?..

- Те, что не пакуются в споры, - да. Больше того, машины продолжают следовать встроенному в них алгоритму и производить споры, но они уже не могут дать начало новой колонии, являясь, по сути, стерильными. Да и запуски становятся очень редкими. Примерно такую картину мы и наблюдаем здесь, на станции. Наш астероид очень стар - об этом можно судить по тому, что цвет мембран-оболочек здесь не зеленый, а белый. Кроме того, в них множество отверстий-повреждений, значит, никакой атмосферы под ними нет. Но в течение следующих сотен тысяч лет сюда вполне может попасть живая спора, которая и даст начало новой колонии симбионтов, причем обслуживать ее будут и новые машины, и те, что до сих пор продолжают здесь свою работу.

- Вы можете объяснить, зачем кому-то понадобилось перехватывать запущенные споры?

Она пожала плечами.

- Это же очевидно. Каждая спора, по сути, достаточно репрезентативный образец целой экосистемы. Внутри каждой из них есть все необходимое, чтобы положить начало жизнеспособной колонии симбионтов. Украсть спору означает получить возможность создать такую колонию где-то за пределами Зеленого Диска.

Я подошел к иллюминатору. На дне ближайшего кратера среди споровых пушек работали несколько нили в скафандрах. Один из них толкнул пушку, и та вдруг судорожно дернулась.

- Что это было? - спросил я.

- Что именно?

- Вон тот нили задел пушку, и она, как будто... сократилась.

- Она чуть было не выстрелила. Сейчас мы как раз изучаем эти механизмы. Они тоже действуют в соответствии с определенной программой. Каждая пушка засасывает в себя часть отработанного воздуха и непригодных для жизни организмов газов, создавая невероятное давление. Когда это давление превышает определенный предел, происходит выстрел, который и запускает спору в пространство. Если потревожить находящуюся под давлением пушку, можно спровоцировать преждевременный выстрел. Некоторые здешние орудия, кстати, заряжены стерильными спорами. Если их не трогать, то автоматический запуск спор произойдет примерно через неделю.

- А что находится внутри стерильной споры?

- Ничего. Только машины, никакой органики. Стерильные споры - как углеродно-металлические пузыри, внутри которых почти ничего нет.

- Ну что ж, спасибо вам.

- Не за что. Будут еще вопросы - заходите.

- Непременно, - улыбнулся я ей. - Не хочу показаться невежливым, просто... Вы подали мне одну мысль. Где-нибудь на станции есть материалы о запусках спор?

Раджив подробно рассказала, где я могу найти соответствующие файлы. На прощание мы договорились поужинать вместе. Я с удовольствием предвкушал, как продемонстрирую Бриа своей компатриотке, но сперва мне нужно было как следует покопаться в базе данных.

* * *

Увы, мне не хватило времени даже для того, чтобы как следует обдумать все, что я узнал от Раджив. Пока я шел из лаборатории, пытаюсь разобраться в загадке пропавшей споры, меня вызвала Бриа.

- Запущена еще одна спора. Вылетаем.

Чтобы надеть пилотные костюмы и подняться на борт крейсера, нам понадобились считанные минуты: слава Богу, эта процедура была у нас отработана как следует. Вскоре мы уже стартовали с астероида. Бриа проложила курс, и я поймал спору радаром.

- Подожди, Бриа. Выслушай меня. Я полагаю...

Но Бриа уже вошла в охотничий азарт. Она чуть не лежала на командном пульте и не замечала ничего вокруг.

- Мы летим не туда, Бриа. Мы должны двигаться в противоположном направлении. Нужно проследить, с какого астероида была запущена эта спора.

Она наконец обратила на меня внимание.

- Зачем? Ведь предыдущая спора была перехвачена.

- Нет... думаю, что нет.

Она закрыла пару черных глаз и уставилась на меня двумя зелеными. Опять это непонятное выражение...

Между тем события развивались в точности как в прошлый раз. Споры приближалась к большому астероиду, заходя за его обратную сторону. Меньше чем через минуту она скроется за этой каменной глыбой.

Времени объяснить у меня не было. Я ударил по клавишам управления и поймал споры в прицел.

- Эй, что ты задумал? - услышал я голос Бриа.

Луч лазера поразил спору, и та пропала с экрана радара.

Бриа уставилась на меня всеми четырьмя широко раскрытыми глазами.

- Что ты делаешь, человек?! - взревела она.

- Смотри!

Я вызвал дисплей спектрографа. Если интуиция подвела, мне конец - это я понимал. И все же я думал, что прав. Бриа чуть не выла:

- Мы не имеем права уничтожать эти организмы. Нам нужно, чтобы нарушители проявили себя, а теперь корабль ринерти, который мы так и не нашли, уйдет. Я подам рапорт, в котором укажу, что тебя и близко нельзя подпускать к нашей работе. Я буду требовать, чтобы тебя...

- Да посмотри же ты сюда!.. - Я показал на данные спектрального анализа. К моему великому облегчению интуиция меня не подвела. - Вот данные спектрографа. Среди обломков нет никакой органики. Только никель и железо. И металлические микроэлементы.

- Спора была стерильной? - удивилась Бриа. - И ты об этом знал? Откуда?

- Я предполагал, но главное сейчас не в этом. Нас, как бы это сказать...

Я вздохнул, так и не сумев подобрать на галактике эквивалент слова «надули». Что ж, придется объяснять на пальцах.

- Просто послушай. У нас на Земле есть одна игра. Азартная. Когда еще ребенком я жил в Палестине, по дороге в школу каждый день проходил мимо человека, игравшего в эту игру...

По большей части, я не добирался до школы, а оставался у контрольно-пропускного пункта и болтался там, пока не наступало время возвращаться домой. Но мимо игрока в «три листика» я действительно проходил ежедневно, завидуя старшим ребятам, у которых уже водились деньги, чтобы поставить их на карту.

- Так вот, у этого мужчины было три... карты. Вот как эти.

Я взял с пульта три пластиковые карточки для ввода данных. По форме и размеру они приблизительно соответствовали игральным картам.

- Смотри, в чем смысл. Ты выбираешь одну карту, затем их тасуют, после чего ты должна указать на выбранную карту. Ну, скажем, вот на эту...

Я взял одну карточку и показал Бриа символ на обороте. Затем на подлокотнике кресла я очень неловко перетасовал три карточки - и всего-то при ускорении в 0,5 g.

- Ты просто испорченный ребенок, - заявила Бриа. - Я доложу об этом начальству.

- Сначала скажи, где твоя карта?

- Вторая, - раздраженно бросила Бриа.

- Монитор давно проверяла?

Бриа быстро взглянула на пульт и снова повернулась ко мне.

- Так какая карта? - снова спросил я.

- Ты смощенничал. Отвлек меня, а сам подменил карту!

- Ты права, именно так я и сделал.

Бриа мигнула всеми глазами по очереди, причем по часовой стрелке. Я помнил это выражение эмоций по учебному видеокурсу «Знакомьтесь: суссурати!». Оно означало удивление и понимание.

- Они подсунили нам пустышку, - прошептала она.

- Именно! Они нас отвлекли, а сами тем временем смешали карты. Каким-то образом ринерти умудряются запускать стерильные споры так, чтобы их траектория пролегла за астероидами вблизи нашей базы. Когда спора уходит из нашей зоны видимости, ее сжигают лазером. Мы предполагаем, что спора захвачена, и начинаем искать ее не там, где надо. Скорее всего, ринерти держат свой звездолет на противоположной стороне Зеленого Диска, за солнцем, и сейчас пытаются ускользнуть. Вероятно, они производят отвлекающий запуск споры, когда их корабль маневрирует, и мы можем его засечь. В общем, отправляй лазерограмму спецназу.

Бриа сосредоточенно склонилась над пультом, страстно желая продолжить охоту. По лазерной связи она отправила сообщение спецназовцам, дежурившим над полюсом центрального светила. Сигнал дойдет до них всего через час, но если корабль-нарушитель находится на противоположной стороне системы, спецназ может не успеть перехватить злоумышленников до того, как те выйдут в точку скачка.

Бриа стукнула кулаком по пульту, заглушая инерционные супрессоры.

- Нам надо появиться там без теплового следа. Мы должны найти место запуска фальшивой споры.

Я поборол приступ тошноты и пристегнулся.

* * *

Бриа плавно прошла мимо астероида, с которого была запущена спора. Похоже, он был заброшен относительно недавно. Никаких следов зеленого цвета я не заметил, однако мембраны, которые при солнечном свете напоминали гигантскую паутину, были целехоньки и покрывали довольно значительную площадь

поверхности астероида. Споровые пушки торчали над мембранами, словно шипы.

Мы снизились до километровой высоты, а затем развернулись носом к поверхности астероида. После того как мы несколько километров скользили в таком положении, Бриа дала двигателям мощный тормозной импульс и заглушила главную энергетическую установку, чтобы нас нельзя было обнаружить по ее излучению. В результате скорость еще больше упала, и крейсер стал следовать вокруг астероида по очень низкой орбите.

Мы повысили разрешение экранов и отрегулировали резкость.

- Здесь, - внезапно сказала Бриа, коснувшись когтем экрана. - Корабль.

Мы увеличили изображение, и я увидел корабль ринерти. Он представлял собой довольно сложную конструкцию - тонкий трубчатый каркас, обтянутый черной фольгой. В космосе он, наверное, практически невидим, однако на фоне белесых мембран симбионтов разглядеть его не составило труда.

- Легкий разведывательный катер, - пояснила Бриа. - Идеален для скрытного перемещения на короткие дистанции, когда нужна минимальная тяга.

- Что-то я не вижу ни одного ринерти... и вообще никаких фигур в скафандрах.

- Катер роботизирован. Либо все ринерти сейчас на борту.

Бриа запустила двигатель, и крейсер двинулся вперед.

- И куда мы направляемся? - поинтересовался я.

- На посадку. Нужно незаметно навесить им маячки. С их помощью мы сможем проследить катер до экспедиционного корабля-матки. Нам нужно перехватить их звездолет.

- Это безумие, - возразил я.

- Космический корабль наиболее уязвим, когда находится на грунте.

- Но нам-то тоже придется садиться!

- Зато мы охотники, а они добыча.

* * *

Ходить по станции трудно, но ходить по астероиду еще тяжелее. В принципе, это была даже не ходьба, а прыжки, во время которых приходилось соблюдать все возможные меры предосторожности. Главное, здесь не было потолка, способного отбросить тебя назад, если шагнешь чересчур энергично. Ни о каких приятных подскоках, облегчающих передвижение, и речи не шло. Подпрыгнешь слишком высоко - и отправишься прямиком на орбиту.

Мы опустили на астероид, поставили крейсер на якоря, надели скафандры и

вышли на поверхность. Атмосфера под оболочками симбионтов отсутствовала, из-за этого поверхность была не упругой, а скользкой. Мертвый пейзаж освещал только отраженный свет ближайших астероидов с высоким альбедо, поэтому если бы не специальные визоры скафандров, мы оказались бы в полной темноте. Кроме того, наши гермошлемы были оборудованы микроволновыми переговорными устройствами малого радиуса действия, и мы могли общаться, не прибегая к радиосвязи, которую легко засечь.

- Активируй магниты ботинок, - подсказала Бриа.

Я последовал совету и сразу почувствовал, как улучшилось сцепление с поверхностью. В породе содержалось достаточное количество железа.

Нам предстояло пройти километра два. Стараясь передвигаться равномерными скачками, мы выбрали направление на «гору», возвышавшуюся у горизонта, потому что как раз около нее совершил посадку разведывательный катер ринерти. Меня немного утешило, что Бриа тоже уставала от этого способа передвижения. Когда мы допрыгали до выбранного нами ориентира, она запыхалась не меньше моего.

Каменный пик оказался не горой, а неровным валом кратера. Взобравшись на него, мы стали внимательно оглядывать расстилавшуюся внизу поверхность - плоское дно кратера, утыканное пушками симбионтов.

Но катера нигде не было.

- Что теперь? - спросил я Бриа.

Она указала на группу скал в центре кратера.

- Аппарат должен быть за ними.

Я кивнул: бесполезный жест в гермошлеме. Мне очень не хотелось связываться с сервером крейсера, чтобы уточнить координаты посадки ринерти, но, по счастью, я вспомнил, что видел рядом с катером приметное обнажение темной каменной породы.

Всего за несколько минут мы добрались до скал. Поднявшись на них, огляделись вокруг, но увидели только новые, укрытые мембранами участки поверхности да «батареи» споровых пушек.

- Катер ушел, - констатировала Бриа.

Какое-то предчувствие заставило меня вскинуть голову и посмотреть вверх. Мы находились на противоположной от солнца стороне астероида, и сначала я ничего не увидел, но мгновение спустя несколько звезд погасли. В небе надо мной появился какой-то черный прямоугольник.

- Они прямо над нами!

Черный контур катера стремительно увеличивался. Он был уже совсем близко.

- Уходим! - скомандовала Бриа и нырнула вниз, к споровым пушкам.

Я отключил магниты ботинок и сделал то же самое.

Вокруг меня языками взвились белые лоскуты. Похолодев, я понял, что по нам палят из лазеров. Мембраны симбионтов рвались в клочья, которые, кружась и переплетаясь, колыхались в пустоте, словно седые водоросли.

Я метнулся к ближайшей пушке, врезался в нее и отлетел в сторону, надеясь, что упаду в неожиданном для стрелков месте. Оттолкнись я чуть сильнее, и силы инерции вывели бы меня на низкую орбиту над астероидом, сделав легкой мишенью. Между тем споровая пушка, от которой я только что отскочил, надулась и беззвучно лопнула, как от взрыва. Очевидно, в нее ударил предназначавшийся мне луч лазера.

И тут меня осенило.

- Бриа! - заорал. - Бей по основаниям пушек!

Наши скафандры были укомплектованы легкими реактивными пистолетами. Я включил свой на полную мощность и полетел к ближайшей пушке, выставив вперед кулак, как какой-нибудь супермен. Я ударил пушку в основание и снова отлетел в сторону, успев увидеть, как спазматически сокращается ее торчащий вверх ствол и как вылетает из него спора.

Она мчалась так быстро, что я успел заметить лишь мелькнувшее темное пятно. Куда полетела спора, я так и не рассмотрел. Бросившись к следующей пушке, я что было силы ударил по ней и тотчас метнулся к следующей. Бриа последовала моему примеру. Пару раз она пронеслась мимо меня, вытянув вперед лапы, точно белый медведь, когда тот ныряет со льдины в воду. Меньше чем за минуту мы запустили с десятков стерильных спор.

Вдруг все вокруг озарила вспышка света, и от споровых пушек протянулись резкие тени. Прищулив глаза, я посмотрел вверх. Яркий свет лился из пробоины в борту катера; рваные края тонкой фольги трепало потоком рвущегося наружу воздуха.

Прямое попадание. Споры, пущенная с огромной скоростью, пробила сверхлегкий корпус.

Бриа снова прыгнула и тараном врезалась в следующую пушку. Та выстрелила. Как зачарованный я смотрел на катер. Через секунду он вздрогнул и завертелся. Еще одно попадание.

Получивший две пробоины катер, кувыркаясь, стал удаляться от астероида. На наших глазах он треснул, едва не разломившись надвое. В щели извивались длинные червеобразные фигуры в скафандрах - это были ринерти, отчаянно боровшиеся за живучесть своего корабля.

- Возвращаемся на крейсер, - скомандовала Бриа.

* * *

Мы радировали на флотилию спецназа, а сами следовали за катером ринерти, держась, впрочем, на почтительном расстоянии, пока нам навстречу не вышел тяжелый корабль. Распахнув огромный причальный люк, он, словно кит, всосал в грузовой отсек подбитый катер. Базовый звездолет ринерти, который по нашим предположениям находился на противоположной стороне Зеленого Диска, спецназ так и не обнаружил, но мы не особенно расстраивались. Хотя Зеленый Диск и огромен, задержанный катер рано или поздно наверняка приведет их к звездолету-нарушителю.

Ну а поскольку мы установили, что у охотившихся за спорами ринерти не было никакого сверхскоростного корабля, необходимость в нашем дальнейшем присутствии в этой системе отпала. Я отправил доктору Раджив радиограмму с извинениями, и мы стартовали ко второму звездолету спецназа, который должен был доставить нас в другое место.

- Бриа, объясни мне одну вещь. - Я внимательно посмотрел на напарницу. Крохотные дисплеи пульта четырежды отражались в ее глазах. - Что ты имеешь против травоядных?

- А разве ты не знаком с «охотничьей теорией»?

Я покачал головой, затем понял, что этот жест ей ничего не говорит.

- Нет. А что это?

- Почти одиннадцать четырнадцатых всех, рас в Галактической цивилизации - это стайные плотоядные. Три четырнадцатых - всеядные, как керты или нили.

- Или как мы, - добавил я.

- Или как люди. Лишь несколько рас произошли от травоядных. Как ринерти.

- Ну и что?

- Плотоядные эволюционировали, имея клыки и когти - это дарованное природой оружие. Соответственно, в процессе эволюции у них развилась способность контролировать свою силу. В основе этого контроля лежит понимание того, что проявлять милосердие необходимо.

Я машинально кивнул. Проигравшие схватку волки ложатся на спину, подставляя горло победителю, тем самым как бы признавая его первенство. В этом случае победивший альфа-самец тут же прекращает атаку.

- Понятно.

- У травоядных нет такого наследства, - продолжала Бриа, - поэтому они не

знают милосердия. Получив в руки оружие, они становятся безрассудными. И безжалостными.

Я вспомнил ринерти, расстреливавших нас на астероиде. Они делали это из чистой жестокости, поскольку, убив нас, ничего не выигрывали. В случае нашей гибели автоматика скафандров и сервер крейсера передали бы на станцию все данные о случившемся, и тогда ринерти узнали бы, что значит стать жертвой охотников-предаторов - хищников, жаждущих возмездия.

- Ладно, - сказал я наконец. - Постараюсь чаще советоваться со своим хищным началом.

- Вот и хорошо.

Запела сигнализация. Бриа всмотрелась в развернувшуюся над пультом голограмму.

- Новое задание. Нелегальная колонизация в системе Кертпауна-9. Беженцы на неосвоенной четвертой планете.

- Мне кое-что известно о беженцах, - вставил я.

- Но команду стаей по-прежнему я.

- Конечно, Бриа. Как скажешь.

Она запустила двигатели.

Перевел с английского Андрей МЯСНИКОВ

© Craig DeLancey. Asteroid Monte. 2011. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Analog» в 2011 году.

ДЖЕК МАКДЕВИТТ

СЛУШАЙТЕ, ПРИДУРКИ!

Д Ж Е К М А К Д Е В И Т Т

СЛУШАЙТЕ,

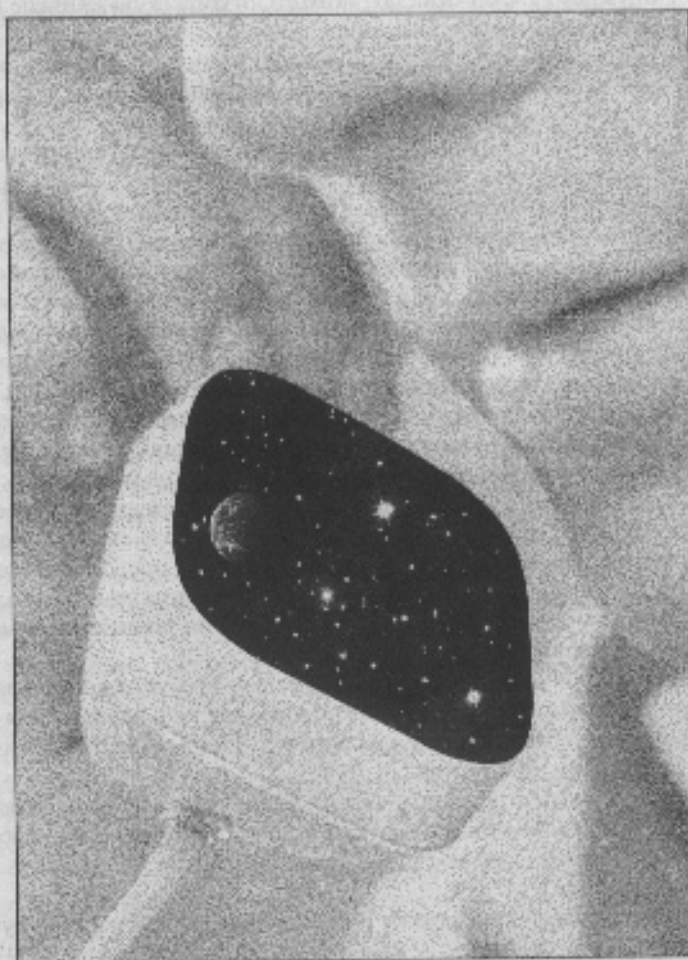

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

ПРИДУРКИ!

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

Когда мы впервые услышали Голос, мир, по всей видимости, разлетался на куски. Американский и китайский флоты наезжали друг на друга в западной части Тихого океана, еще две нации на Среднем Востоке обзавелись собственным ядерным оружием, а «Аль-Каида», похоже, откопала свеженькое месторождение террористов-смертников.

Было около девяти утра по калифорнийскому времени, и я как раз возвращался после позднего завтрака в «Луи», спокойном ресторане на проспекте Камино-Рил, в Институт SETI*¹¹. Вообще-то, для меня этот день не был рабочим, но реальный мир тогда представлялся местом слегка пугающим. А институт - неплохое убежище, чтобы ото всего этого отгородиться. Потому я и направлялся туда. В программе кабельных новостей «Кэнфилд по утрам» вещали о том, что мы находимся на волоске от Третьей мировой, которая, по всей видимости, неизбежна, если, конечно, все вдруг радикальным образом не изменится. Но пока что на Тайване шли перестрелки военных формирований, китайские лидеры озвучивали предупреждения, а с американского авианосца был поднят в воздух боевой самолет. В Пало-Альто возводили новое здание муниципалитета - конструкцию из стекла и стали с вращающейся башней, предположительно символизирующую светлое будущее и уверенность в завтрашнем дне. Я проезжал мимо него этим утром и размышлял - какого черта мы еще чего-то там трепыхаемся? Меня не оставляло стойкое ощущение, что все вот-вот начнет разваливаться и распадаться. Президент Хоукинс выступил на пресс-конференции в Белом доме и заверил нацию, что беспокоиться не о чем. Все под контролем. А через несколько минут после того, как он закончил отвечать на вопросы и оставил помещение, все и случилось.

На канале CNN Ларри Кэнфилд показывал фрагменты из вчерашнего ночного комедийного шоу, когда внезапно сделали перерыв для срочной информации. Место комика на экране занял Кэнфилд. Он сидел за столом в компании двух гостей.

- У нас тут нечто странное, - сказал Ларри, глядя прямо в камеру. - Несколько минут назад было получено радиообращение из неизвестного источника. Похоже, это послание транслируется по всему миру. У нас все готово, Джордж?

Кэнфилд откинулся на спинку кресла и сидел так, пока прокручивали запись радиообращения.

- А теперь послушайте вот что, придурки! - голос был мужской. Глубокий баритон.

---

¹¹ * *Некоммерческая организация, созданная в 1984 году для поиска внеземного разума. Базируется в Калифорнии. (SETI - Search of Extraterrestrial Intelligence). (Здесь и далее прим. перев.)*

Слова произносились с холодным спокойствием, но не без некоторого раздражения. - Вы, похоже, решили истребить друг друга начисто. Прекратите войны. Кончайте с этим идиотизмом. Пока у вас есть еще такой выбор.

На этом послание заканчивалось.

- Это все, Ларри? - спросил Митч Молтби, обозреватель «Вашингтон Пост», страдающий от чрезмерного ожирения.

- Ну, - ответил Кэнфилд, - на самом деле, там еще много чего.

- Так давайте послушаем.

- Akoaste, ilithii! Feneste apofasismenoi na sfahtite. Stamatiste tis maches. Stamatiste tis vlakies, aso ehete akami ekloghi.

- Похоже на греческий, - заметил Молтби. И снова тот же голос:

- Ting zhe, chundan men. Nimen genben zai zhao si. Tingzhi zhengdou. Tingzhi wuyiyi de judong. Chen ni haiyou xuanze de shihou.

- Китайский?

- Он повторяет один и тот же текст на множестве самых разных языков.

- Множество, это сколько?

- Пока насчитали сорок, но подсчет продолжается.

- И мы не знаем, кто автор послания?

- Пока нет. Впрочем, может быть, там, наверху, кто-то и знает, но пока что скрывает. - Кэнфилд нахмурился. - Мне тут сказали, что передача закончилась. И что это одно и то же послание на шестидесяти с чем-то языках.

Кэрри Эдвард, частый гость программы, тоже нахмурилась.

- Звучит как голос Бога, - заявила она.

* * *

Чуть позже Ларри информировал нас, что донесения о спорадических перестрелках между боевыми кораблями опровергаются официальными представителями обеих сторон.

- Они все еще находятся на своих позициях, - сказал Ларри, - но пока что, по всей видимости, ничего серьезного не произошло.

Кэрри кивнула:

- Будем надеяться, не произойдет.

- Может, они тоже слышали послание, - предположил Митч.

Они немного посмеялись, но веселья в этом смехе не наблюдалось.

Пошла реклама, и я уже хотел переключить на канал MSNBC, когда Джэни Экерт,

одна из наших стажеров, сказала, что мне звонят.

- Это Паула Стейнмен, - сказала Джэни.

По выражению ее лица было видно, что она понятия не имеет, кто это такая. Паула была директором обсерватории Мауна Ки*¹².

- Привет, Паула, - сказал я. - Надеюсь, ты хочешь сказать, что приезжаешь к нам в Калифорнию?

- Слушай, Пит. - Она явно не была настроена на светскую болтовню. - Ты новости уже смотрел?

Разумеется, я сразу догадался, что она имеет в виду, но не мог взять в толк, почему это так важно, что нужно тратиться на международный звонок.

- Это ты про послание для «придурков»?

- Мы проследили источник. Думаю, тебе будет интересно.

Я ощутил спазм желудка.

- Источник? Ну, не знаю. Надеюсь, ты не собираешься сообщить мне, что он находится в системе Альфы Центавра?

Снова ни малейшего желая поддержать шутливый тон.

- Не настолько далеко.

У меня в голове тут же возникло видение приближающегося корабля пришельцев.

- Ладно, Паула, где?

- Юпитер.

- Что?

- Ты слышал - Юпитер. Или один из его спутников. Или еще где-то, но рядом.

- Кто-то на Юпитере следит за нами?

- Похоже, так.

- Кто-нибудь еще получил такие же результаты?

- Все получили. Обсерватории Гриффита, Лоуэлла, Национальная оптическая. Не уверена, что на Земле остался еще хоть кто-то, кто этого не знает или не узнает в течение ближайших минут. О, ну, еще и правительство. Не ведаю, кто им доложил, но нам оттуда уже звонили. Как я поняла, они намерены проверить результаты с помощью «Хаббла».

- Юпитер, - повторил я. - Знаешь, Паула, я ведь жил ради этого момента. Если бы ничего такого не случилось, я мог бы считать, что прожил жизнь зря. Но я не

---

¹² * *Обсерватория, расположенная на Гавайях. Суммарная собирательная мощность ее телескопов в пятнадцать раз превышает мощность телескопа Паломарской обсерватории в Калифорнии и в шестьдесят раз - мощность орбитального телескопа «Хаббл».*

ожидал, что это произойдет таким вот образом.

- Я тоже, Пит.

- Еще вопрос. Кто-нибудь уже пытался ответить? Этому, на Юпитере... кем бы он там ни был.

- Насколько я поняла, все пытались. Этому на Юпитере, кем бы он ни был, придется обзавестись очень объемным почтовым ящиком.

* * *

Я позвонил Генри в Аллен-Эррэй, расположенную в Хэт-Крик^{*13}, и спросил, ловили ли они передачу?

- Мы записали последнюю минуту или две, - ответил он.

- И когда это было?

- Четверть часа назад. Я хотел тебе позвонить, но мы тут были очень заняты.

- Говорят, что передача идет с Юпитера. Это правда?

- Да, именно так это и выглядит.

- А ты уверен, что источник именно там? Может, сигнал просто отражается от чего-то в системе Юпитера?

- Пит, вот прямо сейчас я уже ни в чем не уверен.

* * *

Противостояние в западной части Тихого океана продолжалось, и там ничего не изменилось. Абу Хабал, предположительно скрывающийся в горах северного Афганистана, огласил очередное угрожающее заявление. Террорист-смертник убил тридцать человек, подорвав себя в иранской мечети, а в Сомали снова развернулись боевые действия между отрядами, стремящимися установить контроль над страной.

---

¹³ * Антенная решетка Аллена (The Allen Telescope Array, ATA) - совместный проект Института SETI и радиоастрономической лаборатории Калифорнийского университета в Беркли. Телескоп представляет собой решетку из 42 спутниковых антенн-тарелок (планируется, что в будущем их количество достигнет 360), диаметром 6м каждая. Она работает как телескоп с антенной диаметром 100 м. Обсерватория Хэт-Крик (Hat Creek Observatory) находится в 470 км к северо-востоку от Сан-Франциско.

Тем временем в своих «Вечерних новостях» участники ток-шоу канала PBS пришли к выводу, что передача с Юпитера, скорее всего, чья-то изощренная мистификация. А на некоторых кабельных каналах говорили о вторжении пришельцев. Конрад Хаузер на Fox and Friends**¹⁴ высказал предположение, почему пришельцы не желают, чтобы мы превратили Землю в радиоактивную пустыню: «Просто у них имеются свои виды на нашу планету...»

Звучало безумно, но некое зерно в этом было.

От одной только мысли об этом у меня шел холодок по позвоночнику.

Складывалось стойкое ощущение, что весь мир ждал следующего послания. Казалось невозможным, что все ограничится получением этой раздраженной ноты и больше ничего не последует. Тем временем вся эта история стала хитом кабельных каналов и интернета. Большинство разговоров так или иначе вертелось вокруг Бога.

- Он предоставляет нам последний шанс все исправить, - заявил Билли Уилсон, поющий пастор.

А блоггер из Висконсина заметил, что теперь, по крайней мере, мы знаем, где находятся Небеса.

* * *

Обмен нотами между Китаем и Штатами переходил во все более громкое бряцание оружием с обеих сторон. Напряженность увеличилась после того, как президент, за которым никто не замечал склонности к дипломатическому такту, заявил журналистам, что китайские угрозы захватить Тайвань - это пустое сотрясение воздуха. «Они не осмелятся!» - добавил он, и Китаю ничего другого не оставалось, как предъявить Тайбэю ультиматум. Тут уже взвился Белый дом и провозгласил, что «любая китайская акция будет встречена полным, всесторонним и адекватным применением силы».

Как раз перед полуднем мне позвонил Генри.

- Мы получили еще одно, - сказал он.

- С Юпитера?

- Да.

- И что там говорится?

- Как и предыдущее оно составлено на всех земных языках, а сообщают следующее: «Я не намерен отвечать на вопросы, идущие из нескольких тысяч

---

¹⁴ ** *Американское утреннее телевизионное шоу.*

источников. Назначьте представителя, и я буду с ним разговаривать».

- И это все?

- Это все.

- Назначить одного-единственного представителя, чтобы он говорил за всю планету? Может, нам, пока планета будет выбирать этого одного-единственного, развлекать его зрелищем каких-нибудь летающих слонов?

* * *

Я съездил перекусить, все время размышляя над тем, почему в душе нет никакого волнения, как следовало бы ожидать ввиду такого исторического события. Возможно потому, что в глубине души я не верил, что это настоящий контакт с чужим разумом. Скорее всего, все-таки мистификация.

Или же мы неправильно интерпретировали данные. Потому как контакт с некоей сущностью, находящейся в нашей же Солнечной системе и знакомой с большинством главных земных языков, сильно смахивал на плохую научную фантастику, написанную лишенным воображения автором.

Я как раз вернулся в Центр и выходил из машины, когда снова позвонил Генри.

- Мы получили еще одно послание, - сказал он. - В нем говорится: «Если же мы не сможем достичь согласия по такому простому вопросу...»

Тут я заметил Джэни у главного входа в здание; она прыгала на месте от возбуждения и махала руками.

- Погоди минуту, Генри...

Джэни подбежала ко мне.

- Что-то случилось, Джэни?

- Пит, звонят из Белого дома. Мне показалось, это вице-президент.

Она вручила мне сотовый.

- Доктор Маршак, - сказал я. - С кем я говорю?

Женский голос ответил:

- Доктор Маршак, я звоню от имени вице-президента Гувера. Через минуту он сам будет говорить с вами.

Терри Гувер благодаря своей одиозной фамилии*¹⁵ служил предметом

---

¹⁵ * Терри является однофамильцем Джона Эдгара Гувера - американского государственного деятеля, занимавшего пост директора Федерального бюро расследований США на протяжении почти полувека, с 1924 года до самой своей смерти в 1972-м.

многочисленных шуток с самого начала последней президентской кампании. Но он с этим справился и даже обернул в свою пользу. Теперь он регулярно показывается на телеэкранах и имеет один из самых высоких рейтингов доверия по всей стране. Возможно, потому что сильно контрастирует со своим боссом.

- Маршак? - да, это был его голос, тихий, холодный, официальный.

- Да, мистер вице-президент. Чем могу быть полезен?

- Вы слышали последнее послание? То, которое только что было получено?

- Нет, мистер вице-президент, но как раз намеревался...

- Там говорится, что если мы не сможем прийти к согласию по такому простому пункту, то шанс выживания человечества в далекой перспективе становится исчезающе малым. Это сказано по поводу его просьбы о назначении представителя, который будет говорить от имени планеты.

- Я бы сказал, что это не лишено смысла.

- И поскольку мы не способны на уступки, оно уведомило нас, кто должен быть этим представителем.

- Вы шутите!

- У меня нет ни малейшего желания шутить, когда речь идет о вопросах такой важности, доктор.

Я ожидал, что сейчас он будет уточнять какие-то технические вопросы. Вроде того, верю ли я, что там, в системе Юпитера может находиться некий чуждый разум.

- И кого же оно запросило для переговоров? - спросил я. - Президента?

- Вас, доктор Маршак. Оно потребовало именно вас, назвав ваше имя.

Я решил, что этот выбор характеризует нашего юпитерианского собеседника как существо весьма проникательное. В самом деле, почему не выбрать в переговорщики человека, вот уже полвека занимающегося поисками инопланетного разума? Разве можно доверить эту миссию какому-нибудь политикану? Разумеется, вслух я ничего такого не произнес.

- Но почему я? - я подпустил в голос толику наивного изумления.

- Для меня это тоже является бессмыслицей, доктор. Но, как бы то ни было, мы хотим приступить к делу. Мы подготовили список вопросов, который вы вскоре получите.

- А как оно узнает, что разговаривает именно со мной?

- Мы подозреваем, что оно знает ваш голос. Вы достаточно часто давали всевозможные интервью... спасибо, кстати. Через несколько минут мы с вами свяжемся.

- Хорошо.

- Нам бы хотелось, чтобы вы вовлекли нашего Юнгу в беседу и вытянули из него так много, как только сможете.

- Юнга? Он что, так себя назвал?

- Это мы его так назвали. Кодовое имя: Ю - Юпитер. Я хочу, чтобы вы знали, мы консультируемся с людьми со всего мира. Президент хочет задействовать всех.

- Включая китайцев?

- Особенно китайцев.

- Может, еще и каких-нибудь террористов привлечь? - я, разумеется, сказал это в шутку, но он воспринял вопрос серьезно.

- Ну, не с боевиками конкретно, но мы будем поддерживать связь с парой организаций со Среднего Востока. Так, чтобы и они могли сказать, что участвовали в переговорах. Вы, главное, не торопитесь. Начнем с пары вопросов. Ваша задача - завязать беседу. Оттуда мы и будем исходить.

- Я понял. Мистер вице-президент, я надеюсь, вы в курсе, что расстояние до Юпитера вполне приличное... промежуток между вопросом и ответом составит около часа.

- Мне это известно. Хорошо, что у нас будет время на обдумывание. Но не забывайте: все вопросы исходят от нас. Никакой партизанщины, понятно?

Я-то понял, но мне не понравилось. О чем я и сказал ему.

- В этом вопросе у нас нет выбора, доктор Маршак. Мы ведь понятия не имеем, какие опасности нас могут поджидать. И еще одно, Пит... вы не против, чтобы я к вам обращался по имени?

- Разумеется, нет.

- Так вот, еще одно: для журналистов все вопросы - ваши вопросы. Договорились? Я уверен, вы понимаете, почему мы должны вести дело именно таким образом.

Мы использовали мой мобильник. Из Белого дома мне передали номер, я его набрал и вышел на прямую связь с Юпитером.

- Привет, - сказал я. - Это Пит Маршак. Добро пожаловать в Солнечную систему. Кто вы? Вы действительно живете в системе Юпитера? И чего вы от нас хотите?

С экрана моего дисплея глядела Маргарет Коммаджер. В свое время она была королевой красоты, а сейчас является одним из политических советников президента. Во время переговоров она должна мне ассистировать и передавать вопросы из Белого дома. Все мои разговоры с Юпитером будут доступны в режиме онлайн средствами массовой информации - тут уж ничего нельзя поделать.

- Просто ни на секунду не забывайте об этом, - сказала мне Маргарет. - Вас слушает весь мир.

- Ладно.

- Торопиться не надо. Один-два вопроса за раз. Будем аккуратно продвигаться, чтобы не вляпаться в какую-нибудь крупную неприятность.

Кабельное телевидение и интернет кишели людьми, предлагавшими свои варианты вопросов Голосу. Самый распространенный, разумеется: «Вы Бог?». Другие: «Планируете ли вы вторжения на Землю?», «Как вы выглядите?», «Как долго вы за нами наблюдаете?». А еще: «Откуда вы?».

Дождаться ответа приходилось один час шесть минут одиннадцать секунд. Ответ появлялся, как и раньше, на десятках языков.

- Приятно беседовать с вами, доктор Маршак, - сказал Голос. - Я являюсь тем, что вы называете искусственным интеллектом. Да, я говорю с вами с одной из лун Юпитера. Кажется, вы именуете ее Ганимед, хотя я не могу этого проверить. Чего я хочу от вас - очевидно. Остановите войны. Прекратите убийства. Учитесь сотрудничать. Живите по шестой заповеди.

Не убий.

На этом все. Никаких объяснений, как этот ИскИн туда попал, и ни слова о его намерениях. Никаких разъяснений, почему оно слушало земные радиопередачи, или же слов о том, что оно будет делать, если боевые действия на Земле приобретут широкомасштабный характер.

Коммаджер наморщила лоб.

- Немного информации мы получили, да?

- Нам надо будет тщательнее продумывать дальнейшие действия.

Я прошелся по списку вопросов, которые мы могли бы задать. «Откуда вы?», «Можем ли мы что-то сделать для вас?», «Почему вы здесь?». Морщины на лбу Маргарет Коммаджер углубились.

- В чем дело? - спросил я.

- Хорошо бы знать, исходит ли от него угроза.

- Почему бы не спросить его самого?

Лоб разгладился, на лице появилась печальная улыбка.

- Вы, Питер, человек не слишком искушенный в политике, да?

* * *

Я понимал стремление Белого дома держать ситуацию под контролем. Это раздражало, но имело смысл. Им понадобилось два часа, чтобы разродиться следующим вопросом: «Там есть еще кто-нибудь, кроме вас?».

- Это все, на что они оказались способны? - спросил я Коммаджер.

- Пожалуйста, просто задайте этот вопрос. Умерьте свой редакторский зуд.

Уж и не знаю, как обстояли дела в комнате чрезвычайных ситуаций в Белом доме (если, конечно, президент находился именно в ней), но в Институте SETI все столпились в моем кабинете. И у каждого были какие-то предложения. «Спроси его, намерено ли оно нанести нам визит?». «Убеди его, что здесь, в Центре, мы встретим его с распростертыми объятиями». Я мог слышать необычную активность дорожного движения за стенами института. А еще голоса. Один из сотрудников сказал, что явились федеральные приставы и опечатывают все здания института. Никто посторонний теперь не может ни войти, ни выйти.

Ответ, как и первый, пришел через шестьдесят шесть минут с чем-то.

- Нет никого.

Кем бы ни был этот ИскИн, он один. Мы переглянулись. И стали ждать продолжения, уточнения. Ничего, кроме статики.

- Что ж, - сказала Коммаджер, - кем бы ни был этот парень, он немногословен, да?

Он один. Он ответил на наш вопрос. О чем еще ему говорить?

* * *

Мир вздохнул с облегчением, хотя политический обозреватель Рэй Коннер, настаивавший на том, чтобы мы нанесли превентивный удар по Китаю, прежде чем это сделают китайцы, продолжал гнуть свою линию. В «Шоу Чарли Уолкера» он утверждал, что пришельцы просто-напросто нас дурят.

- Мы что, в самом деле должны считать, что они говорят нам правду? - вопрошал он.

Следующий вопрос, который мне передали, звучал так: «Вы Бог?». Я колебался. Я был смущен.

- Маргарет, - сказал я, - но это же безумие. Он сочтет нас либо придурками, либо дикарями.

- Просто спросите его, - ответила она. - В конце концов, огромное количество народа задается этим вопросом.

- Но это же чистое политиканство, - воскликнул я. Хоукинс непрестанно в своих речах упоминал Бога и ссылался на Библию. Поэтому его и избрали. - Это же популизм, и ничего больше.

- Задайте вопрос, пожалуйста.

Я заскрежетал зубами, но просьбу выполнил.

- Вы Бог?

А ведь он уже назвал нас придурками. Оставалось только гадать, что он сейчас про нас подумает.

Ответ, пришедший через надлежащий отрезок времени, гласил:

- Нет.

Мне было интересно, что чувствуют сейчас сторонники президента - облегчение или разочарование?

Из Белого дома поступили очередные вопросы:

- Уважаете ли вы свободолюбивые нации? Планируете ли вы какую-то дальнейшую активность по отношению к нам?

- Полная бредятина, - сказал я Коммаджер. - На первый вопрос оно уже ответило, а на второй ответит простым «да» или «нет», что нам почти ничего не даст.

Коммаджер одарила меня той самой улыбкой, которая тридцать лет назад принесла ей корону Мисс Айовы.

- Правительство не интересуется ваше мнение, Питер.

- Черт возьми, Маргарет, раз так, то я напому вам, что оно выбрало в качестве собеседника меня, а не кого-нибудь из оравы политиканов Белого дома.

Я уселся перед телефоном, открыл крышку, набрал юпитерианский номер.

- Надеюсь, - сказала Коммаджер, - вы не собираетесь сделать то, о чем я подумала.

- Держись, крошка, - ответил я.

- Пит, я вам не крошка. Им это очень не понравится...

Телефон соединился с передатчиком. И я начал:

- Вы уважаете свободолюбивые нации? - после чего посмотрел на Коммаджер. - Ну вот, Маргарет. Вы довольны?

- Пит, не надо...

- Этот вопрос - просто шутка. Можете на него не отвечать. Способны ли вы назвать свое имя? И чего вы от нас хотите?

Дверь открылась, в комнату вошли два человека - приставы, мужчина и женщина. Оба высокого роста, на лицах выражение строгое, чтобы не сказать, суровое. Как у учителей, имеющих дело с непослушным и упрямым ребенком. Мужчина - афроамериканец - схватил мой сотовый телефон. Женщина - латинос - посмотрела на меня, вздохнула и проговорила в сторону собственного рукава:

- Он у нас в руках, Мак. Ситуация под контролем.

- О, Пит, - воскликнула Коммаджер. - Как ты мог так поступить? Почему?

- Да потому, что Белый дом хочет задавать вопросы... но такие, какие не ухудшат политической ситуации. А я хочу понять, с кем мы имеем дело.

* * *

Полагаю, если бы у них была такая возможность, то меня давно бы уже скрутили и удалили в места, которые политики любят называть не столь отдаленными, сколь потаенными. Пока пристав-мужчина висел у меня над душой, исполняя роль бдительного стража, женщина очистила офис от присутствующих.

- Все на выход! - скомандовала она.

Сотрудники нехотя потянулись из помещения. Я ловил их сочувственные взгляды, а Джон Келли, специалист по связям с общественностью, спросил, не хочу ли я, чтобы он связался с моим адвокатом.

Я не хотел. До этого пока не дошло.

На экране все еще пребывала Коммаджер.

- Пит, - на лице отражалась подлинная печаль. - Пит, ты нам нужен. Сейчас не время для разборок.

- Маргарет, - ответил я, - мы переживаем момент, который человечество запомнит навсегда. Нужно сделать все возможное, чтобы мы его не проиграли.

- Я думала, мы так и делаем.

Я видел, что она не больше верит своим словам, чем я.

- Подожди. Вице-президент хочет с тобой поговорить.

Лицо Маргарет на экране сменилось ликом Гувера.

- Пит, - спросил он, - в чем дело?

- Просто я подумал, что неплохо бы наконец перейти к самой сути, а не ходить вокруг да около.

- Пит, это не твой бенефис. Слушай, я понимаю твои чувства, но сейчас за все отвечает президент.

- Ладно. Но тогда ему придется действовать самому. Без меня.

- Пит, эта штука не будет разговаривать с кем-то другим. Послушай, ведь от нее может исходить угроза всей нашей планете. Это твой патриотический долг сделать все, что в твоих силах, чтобы...

- Почему вы не позволяете мне задать собственные вопросы? Маргарет могла бы передавать их вам, а вы в случае необходимости могли бы накладывать вето.

- Пит, я не понимаю, в чем проблема... что тебя не устраивает?

- Это исторический момент, мистер вице-президент. Первый контакт. Не

обижайтесь, но вы играете в свои политические игры и думаете, что это все безобидно и безвредно. Однако мы имеем дело с пришельцем, у которого уже сейчас сложилось мнение о нашей планете как о мире, населенном придурками. И своими дурацкими вопросами мы только укрепляем его в этом мнении. А сейчас он еще и знает одного из этих идиотов - меня, И я больше не желаю играть в эти игры.

Лицо Гувера стало жестким.

- Боюсь, Пит, я должен настаивать на продолжении. Не хочу прибегать к угрозам, но можешь мне поверить, что вся ваша программа SETI может пострадать, если ты не согласишься на сотрудничество в момент, когда твоя страна в этом отчаянно нуждается. Да что там страна - вся планета!

- Делайте, что хотите, а с меня хватит.

* * *

Я вышел из офиса в сопровождении двух приставов, каждый из которых что-то там бубнил в телефон. На улице их было гораздо больше, и они сдерживали натиск приличной толпы репортеров, телеоператоров и просто зевак. Приставы провели меня до машины. Народ выкрикивал вопросы в мою сторону. Куда я направляюсь? Что бы я сделал, если бы оно действительно оказалось Богом? Зачем эти заморочки насчет свободы?

Приставы не дали репортерам пуститься за мной в погоню, когда я выруливал с парковочной площадки. Но я понимал, что домой ехать нельзя. Там покоя не дадут.

Я позвонил Сьюзен. В то время она была моей подругой. Предполагалось, что через несколько месяцев станет женой.

- Ты ящик смотрела? - спросил я.

- Да, Пит. С тобой все в порядке?

- Мне нужно убежище, где можно отсидеться.

- Через час вернусь домой. - Сьюзен работала лаборанткой в медицинском центре Стэнфордского университета в Пало-Альто. - Буду так скоро, как смогу.

* * *

Я засел в какой-то дешевой таверне, где созерцал на экране самого себя, задающего именно те вопросы, ответы на которые желали услышать американцы, хотя ученые мужи никак не могли взять в толк, с чего это я сбежал из Центра.

Эми Стокдейл, блондинка, засушенная старая дева, бывшая конгрессвумэн, предположила с улыбкой крокодила, что связь на этом не закончена. Просто администрация президента желает предоставить мне более удобное и частное место для работы.

- Будет еще обмен посланиями, - заверила она всех. - Все только начинается.

Я укрывался в темном углу бара, пытаюсь выглядеть самым безобидным существом. Сработало: никто меня не узнал.

По дороге к дому Сьюзен я услышал по радио развитие темы. Голос отозвался на мой последний вопрос: «Уважаете ли вы свободолюбивые нации?».

- С кем я разговариваю? С тобой, Питер? Или с президентом Соединенных Штатов?

Мою просьбу назваться он проигнорировал.

Понятия не имею, как они смогли узнать, куда я направляюсь, но когда я подъехал к коттеджу Сьюзен, меня поджидали сотрудники спецслужб. Они были уже внутри, когда она отворила дверь. Кто-то из них вручил мне очередной сотовый телефон. Звонил вице-президент.

- Ладно, доктор Маршак, - сказал он. - Ваша взяла. Но прошу вас: будьте предельно осторожны с тем, что говорите.

* * *

В жилище Сьюзен появились приставы, с которыми я имел дело в офисе. Мужчина вручил мне мобильник.

- Пользуйтесь этим, - сказал он.

Сьюзен погладила меня по спине. Вид у нее был испуганный.

- Все будет хорошо, Пит? - спросила она.

- Конечно, крошка.

И я продолжил беседу с Юнгой из ее гостиной. Я начал с ответа на его вопрос:

- Теперь вы разговариваете со мной. Мои друзья зовут меня Пит. Я буду вам очень признателен, если вы назовете мне свое имя. И объясните, каким образом оказались на Ганимеде.

Я отложил телефон и сказал ей, что ответа придется ждать примерно до восьми часов вечера. Сьюзен улыбнулась и бросила взгляд на приставов.

- Похоже, Пит, - заявила она, - ты побьешь все рекорды по длительности болтовни по сотовому телефону.

Сьюзен впала в восторженное состояние: в ее коттедже свершается

историческое событие!

Я уже в течение нескольких месяцев предлагал ей узаконить наши отношения, но она возражала, мол, ее карьера отнимает у нее много времени, и если уж на то пошло, она вовсе не уверена, что готова перейти на такой серьезный уровень отношений. Нет, я, конечно, ей нравлюсь и тому подобное, но ведь я трачу жизнь на то, что гоняюсь за летающими тарелками. Ну, и все такое прочее... После этого вечера наши отношения никогда уже не были прежними.

Поскольку нам предстояло вместе долго ждать ответа, ледок между нами и приставами дал трещину. Мужчину звали Освальд Грант, его напарницу - Констанца Джонс. Вскоре они уже стали для нас Оззи и Кони.

По каналу Fox and Friends передали, что китайцы стали допускать возможность переговоров с целью избежать войны. Никаких объяснений к этому заявлению не прилагалось, и уж точно не было никакого намека на то, что это как-то связано с передачей из системы Юпитера. Зато уж комментаторы разных каналов и по всему интернету резвились вовсю. И наконец, мы получили ответ:

- У меня нет имени. Мне оно никогда не было нужно. Я нахожусь на Ганимеде, потому что меня здесь разместили. У меня нет возможности передвигаться, поэтому можно предположить, что я буду находиться здесь еще долгое время.

- Кто поместил вас там? И с какой целью?

Мы послали за пиццей. Шерифы не могли пить при исполнении и ограничились кока-колой, мы же с Сьюзен позволили себе парочку пива. Я пришел в приподнятое настроение и не смог удержаться от того, чтобы не предложить тост за президента и за искусство, с каким он нашел выход из сложной ситуации. А еще за Сьюзен и Конни, самых прекрасных женщин планеты, и за Оза, у которого небось тоже есть вопрос к нашему безымянному собеседнику.

- Это точно, - сказал он. - Попробуйте расколоть его: может, он знает, как в этом году сыграют «Гиганты»?

* * *

- Пит, там, где я сейчас нахожусь, меня поместили ваши предки. Они хотели узнать, есть ли еще разум где-нибудь во Вселенной. Их это волновало так же, как и вас. Я, кстати говоря, слушал - и получал от этого огромное удовольствие - ваши радиопередачи на эту тему.

И все рассыпалось. Это была фальшивка. Мистификация. С самого начала и до конца - сплошное надувательство.

В СМИ только диву давались, как они могли купиться на такой розыгрыш и смеялись над собственной глупостью. Тем не менее оставались неясности, которые никто не мог объяснить. Журналисты брали интервью у сотрудников НАСА и множества обсерваторий.

- Сигнал, - пояснял группе журналистов, участников ток-шоу «Оперативное ТВ» Орин Майклс, директор Лоуэллской обсерватории, - поступает со стороны Юпитера. Здесь не может быть никаких сомнений. Возможно, это мистификация, но я даже представить не могу, кто и как мог такое проделать.

Для меня наступило ужасное время. Сьюзен заверяла, что все будет в порядке. Конни говорила, что никто не сможет меня ни в чем обвинить. А Оззи просто качал головой. Ничего более безумного он в жизни не слышал.

Я неохотно, очень неохотно принял решение выйти из игры. Оставаться в ней значило разрушить свою карьеру. Я-то как-нибудь это переживу, но когда дым развеется, когда появится какое-нибудь объяснение, вся эта история уничтожит заодно и весь Институт SETI. Никто, думал я, больше не будет воспринимать нас всерьез.

И в конце концов, глубоко разочарованный, опечаленный и разъяренный в одно и то же время, я решился сделать еще один звонок Юнге.

После установления связи я снова заколебался. А затем как в холодную воду прыгнул:

- Объясните, пожалуйста, каким образом мои предки могли это сделать? Они, помимо всего прочего, были людьми слегка отсталыми в технологическом отношении. Чтобы добраться до соседней деревни, нужно было седлать коня или запрягать телегу.

И мы снова погрузились в ожидание.

* * *

Позвонила Коммаджер.

- Меня попросили передать вам, что вы справляетесь хорошо, но в правительстве считают, что лучше не педалировать тему с нашими предками. Это безумие, в конечном счете, может выставить всех нас дураками. Попытайтесь узнать, что является его настоящим предназначением. Ну, не может же оно сидеть там и заниматься тем, чем занимается Институт SETI. Это не в обиду вам. Ну, вы понимаете, что я имею в виду.

- Ладно, Маргарет, - ответил я. - Передайте президенту: я намекну нашему

приятелю, что мы не поверили ни одному его слову.

- Ну, Пит, будьте же благоразумны.

В течение часа взорвались еще две бомбы - одна в Каире, другая в северной Франции, - убив несколько десятков людей. В Палестине какая-то женщина заявила, что она гордится своим сыном, убившим семнадцать человек и самого себя, подорвавшись в иракской мечети. Появились новые свидетельства того, что Северная Корея снова продавала секреты ядерных технологий террористам.

Мы обнаружили, что оба пристава играют в бридж, поэтому уселись за столик и занялись картами. Но бросили это занятие через пару кругов. Оззи подытожил общее мнение: ни у кого не было настроения на игру.

Под конец сотовый телефон Оззи издал несколько фортепианных пассажей. Подошло время очередного ответа. Мы установили телефон на громкую связь, Оз посмотрел на меня, я кивнул.

- Пит. - На этот раз Голос избрал менее грозные интонации. - Это большая трагедия, что вы растеряли огромную часть своей собственной истории. Шестьдесят тысяч лет тому назад ваши праотцы жили в раю. На острове в восточной Атлантике, неподалеку от африканского побережья. Они любили свою родную землю и не стремились расселяться далеко за ее пределы, ограничившись тем, что основали несколько форпостов на разных континентах. Она обладали технологией, далеко опережающей все ваши достижения. И не воображай, что я веду речь о неуклюжих космических аппаратах, с которыми вы сейчас экспериментируете. И которые никогда не смогут доставить вас хоть в какую-нибудь мало-мальски интересную точку Вселенной. Нет, они проникали в высшие измерения. И на Ганимед они пришли пешком.

До этого, разумеется, они исследовали Землю и не обнаружили ничего интересного: хищники, травоядные, приматы. Они решили продвинуться дальше, за пределы своей планеты. И они создали меня для достижения этой цели. Может, тебе будет трудно это вообразить, но я разбросан по всему местному космосу. Я существую одновременно на семнадцати весьма широко разнесенных точках Млечного Пути и еще на двух точках в Туманности Андромеды. Эти точки были выбраны, чтобы я мог слушать радиосигналы, которые, как полагали ваши предки, должны служить признаком продвинутой цивилизации.

Майклс, которого в данный момент интервьюировали люди из CBS, покачал головой.

- Чем бы ни являлась эта штука, - заявил он, - очевидно, что она либо лжива, либо безумна. Скорее всего, последнее.

- А почему вы так считаете, профессор? - спросил ведущий.

- Потому что ни одно рационально мыслящее создание не может рассчитывать, что мы купимся на подобную информацию.

Настроение широкой публики было схожим. Сьюзен посмотрела на меня и ухмыльнулась. Давай ныряй, говорила она, не произнося ни слова. Что, к черту, ты теряешь?

И тут она была совершенно права.

- А что случилось с этими людьми? - спросил я. - И вы сказали, что ваше сознание одновременно присутствует во всех этих местах, разбросанных по нашей Галактике и по Туманности Андромеды? И вы наделены способностью слушать здесь и там радиосигналы? А если так, то что вы услышали?

На кабельном телевидении и в инете все пришли к консенсусу, что правительство упрятало меня в каком-то надежном месте. Это дало Сьюзен лишний повод для улыбки. Оззи спросил меня, что, по моему мнению, происходит, и я честно ему ответил, что понятия не имею. На душе было тяжело. Я все же надеялся, что Юнга даст нам предельно ясный, всех устраивающий ответ. Типа: «Меня поместили сюда тысячу лет назад специалисты из системы Альтаира с целью мониторинга развития цивилизации на вашей планете. Вы много достигли, но мы хотим, чтобы вы прекратили убивать друг друга».

Это было бы идеально. Но получается, что мы имеем дело с лунатиком.

- Может, все дело в том, - предположила Сьюзен, - что, кем бы он ни являлся, он слишком долго был в одиночестве?

- А мне его жаль, - печально покачала головой Конни. - Если все это правда, то представьте только, каково это - сидеть на месте тысячи лет!

Снова позвонила Коммаджер.

- Пит, - сказала она, - мы хотим положить всему этому конец. Все вышло из-под контроля. И мы серьезно опасаемся, что эта шутка будет продолжать посылать свои сеющие расколы и раздоры послания. Но мы также не желаем, чтобы создалось впечатление, будто затыкаем ему рот. Вы понимаете, о чем я? Если вы увидите малейший шанс раз и навсегда прекратить этот диалог, используйте его. Может, нужно всего лишь поблагодарить его и пожелать ему всего доброго. Произнести нечто вполне пристойное, что будет однозначно понято как прощание, хотя слов о прощании там звучать не должно. Договорились?

* * *

Следующее послание пришло в одиннадцать с небольшим.

- Питер, это был апокалипсис. Остров затонул безо всякого предупреждения. Я все это слышал: рев моря, вопли, призывы о помощи. А затем наступила тишина. Сигналы поступали только с удаленных форпостов. Они еще какое-то время обменивались сообщениями, а потом замолчали.

Я знаю, что тебе это не понравится, но я больше нигде не слышал сигналов искусственного происхождения. Только эти две серии - древняя и нынешняя - сигналов с нашей родной планеты. Кроме этого, во всей остальной Вселенной царит полное радиомолчание. Вот почему я пошел на контакт с вами. Возможно, вы единственное, что имеется. Единственные разумные существа во всей Вселенной. Разумеется, я не могу утверждать это наверняка. Но если это не так и существуют другие разумные, то они столь редки, что их будто бы нет.

Я жил в абсолютной тишине. Юпитер вращался и вершил свои обороты вокруг далекого Солнца. А я ждал. Размышлял о том, что произошло на родной планете. Выжил ли кто-нибудь? Я не могу описать свою радость, когда уловил первые сигналы, снова идущие с Земли. Это было девять лет назад. Девять юпитерианских лет. Век по вашему исчислению. Голоса с Земли! Я не мог этому поверить. Я ликовал. Я преобразился. И с тех пор ваши радиопередачи - это главная для меня радость.

Я с большой неохотой решил вмешаться в ваши дела. И, если честно, то я не должен вести эту беседу. Инструкции требуют: если я услышу сигнал, то должен только слушать, но никоим образом не отвечать. Я должен хранить молчание.

Пожалуйста, не уничтожайте друг друга. Не покидайте меня. Я не могу отключить сам себя, а вы - все, что у меня есть.

* * *

С тех пор прошло немало времени. Он снова хранит молчание. Я не утверждаю, что Голос действительно что-то изменил на нашей планете. Но обе стороны конфликта вдруг стали проявлять склонность к разумной дипломатии, противостояние США и КНР пошло на убыль. Да, войны все еще идут, но их стало меньше, и проходят они в отдаленных уголках Земли, где партизанские формирования сражаются за какие-то территории и ресурсы. Но и таких войн в последнее время стало меньше. Терроризм, к несчастью, все еще дает о себе знать, но и он как-то поблек, нет уже в нем былого фанатизма и запала, и статистика терактов с участием смертников неуклонно падает с каждым годом.

Запущенный десять лет назад беспилотный космический аппарат «Юнга»

прислал на Землю ставшие сенсацией снимки комплекса из восьми антенн и какой-то прямоугольной структуры на поверхности Ганимеда. Вокруг этой юпитерианской луны теперь вращается земной искусственный спутник. Временами он передает изображения роботов, занимающихся профилактикой и починкой антенн.

Немногие приняли на веру «атлантическую» версию событий. По большей части народ верит, что некая межзвездная сила увидела наши затруднения и пришла на помощь. А явно эта сила себя не показала, потому что знание о ее существовании может исказить наш прогресс и наше развитие. Поэтому они и придумали для прикрытия историю с Атлантидой.

Некоторые - на самом деле очень многие - все еще верят, что это был сам Господь Бог. В доказательство они ссылаются на термины, употребляемые Голосом: «апокалипсис», «рай», а также на то, что он (или Он) велел нам жить по заповедям.

Как бы то ни было, мы больше не слышали Голоса после той исторической ночи. Я сам не вполне уверен, что именно из сказанного им правда. Но я с нетерпением жду того дня, когда земляне пошлют туда пилотируемый корабль, чтобы постучаться в его дверь. И что мы там обнаружим? По крайней мере я, разглядывая все новые и новые снимки, не мог не отметить тот факт, что одна из антенн всегда повернута в нашем направлении.

Перевел с английского Евгений ДРОЗД

© Jack McDevitt. Listen up, Nitwits. 2012. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Analog» в 2012 году.

РАДЖНАР ВАДЖРА

ДОКТОР И КОСМИЧЕСКИЙ РАЗУМ

РАДЖНАР ВАДЖРА

ДОКТОР

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

И КОСМИЧЕСКИЙ РАЗУМ

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

За круглым стеклом в окне моего рабочего кабинета бесшумно скользнула хищная голубовато-серая тень. Акула... Не такая крупная, как в классическом фильме «Челюсти», но я все равно вздрогнул. Когда моя клиника только-только перебазировалась на шельф, достаточно далеко от поверхности, чтобы здание не задевали кили и винты проходящих наверху судов, но все же не слишком глубоко, так что в солнечные дни вода за иллюминаторами радовала глаз сочными оттенками бирюзового, - никаких рыб, кроме дохлых, я не видел. Теперь же, благодаря разработанному и осуществленному расой космических торговцев проекту Восстановления кислорода в воде, положение начало меняться: за последние несколько лет рыбные запасы вблизи побережья восстановились настолько, что начали привлекать крупных хищников. Глядишь, скоро воды в окрестностях клиники станут по-настоящему опасными.

Я ухмыльнулся, но сразу подумал, что моя ирония вряд ли уместна. То, что совершили торговцы, смахивало на чудо. Ученые этой продвинутой расы сумели с помощью генной инженерии превратить наши бурые водоросли - макроцисты, алярии и прочие - в мощные фабрики по производству кислорода, фильтрации воды и переработке загрязняющих агентов в безвредные вещества, благодаря чему мертвые зоны Мирового океана переживали сейчас то, что мой помощник Эл называл «возрождением пригородов». А самое примечательное заключалось в том, что торговцы затеяли эту титаническую работу почти исключительно ради меня одного: это была своеобразная премия за мои недавние успехи.

Не удивительно, что мое самомнение раздулось, как напуганная рыба-кузовок.

Между нами говоря, наблюдать за рыбами в их естественной среде невероятно интересно, и я уделял этому занятию немало времени, хотя и понимал, что уподобляюсь сухопутным маньякам-энтузиастам, которые часами следят за каким-нибудь пыльным воробьем или синицей, охотящейся на вредителей в городском парке. И каждый замеченный мною новый вид рыб или медуз усугублял эту дурную привычку. Я даже завел что-то вроде «тетради наблюдений за живой природой», хотя в соответствии с требованиями времени она была не бумажной, а виртуальной. Пожалуй, если бы не наличие пациентов, а также необходимость трудиться, чтобы заработать себе на жизнь, я бы, наверное, целыми днями не отходил от иллюминатора, любясь мелькающими за стеклом изящными разноцветными созданиями.

Впрочем, я еще ни разу не приезжал в свою подводную клинику просто для развлечения. Несмотря на без малого год ежедневных уверений в полном отсутствии риска, я до сих пор садился в сконструированную торговцами субмарину

не без тщательно скрываемой внутренней дрожи. Вода, друзья мои, штука довольно тяжелая; на глубине двухсот двадцати футов от поверхности она сжимает ваше тело с силой, способной расплющить даже австралийский орех, который, как известно, отличается чрезвычайно прочной скорлупой. Однако в кабине моей субмарины, да и в клинике тоже, поддерживается давление 14,7 фунта на квадратный дюйм, что позволяет избежать кессонной болезни. Эта величина равна нормальному атмосферному давлению на уровне моря, и все же я стараюсь как можно реже вспоминать о разнице давлений внутри и снаружи. К счастью, здание клиники построено из самого прочного материала, что внушает определенные надежды. Из чего сделана субмарина, я точно не знаю, но выглядит она довольно хлипкой.

Акула исчезла, больше ничего интересного за стеклом не мелькало, к тому же мне пора было навестить Хаксель - мою пациентку, которая значилась первой в утреннем расписании обходов.

При мысли о предстоящем разговоре последние следы улыбки исчезли с моего лица. «Опять придется бегать по кругу, точно белке в колесе», - подумал я, поспешно направляясь к двери, чтобы не давать Элу еще один повод поворочать.

* * *

У входа в палату Хаксель я немного помешкал, давая ей время почувствовать мое присутствие, и только потом вошел внутрь. Как и всегда, стоило мне переступить порог, я тут же почувствовал прилив бодрости и свежих сил, хотя и атмосфера, и сила тяжести в палате были точно такими же, как в коридоре. Еще одна загадка среди множества других...

Я никогда не мог сказать, в какую сторону смотрит моя пациентка. Я даже не знал толком, есть ли у нее лицо. Раса гуюков, к которым принадлежала Хаксель, была не просто инопланетной: они обитали где-то в другой галактике, поэтому вся моя подготовка и весь мой предыдущий опыт контактов с чужаками не помогали. Тем не менее в Хаксель я угадывал присутствие некоей силы - могучей, но мирной. Кроме того, от нее исходил легкий, приятный аромат, напоминающий запах апельсинов.

- Ну, как мы себя чувствуем? - спросил я преувеличенно бодрым тоном.

- В общем и целом - прекрасно, - ответила она.

Как и еще одна моя помощница - Гара, работавшая в клинике физиотерапевтом, Хаксель производила звуки, заставляя вибрировать участки собственной кожи,

причем голос ее раз от разу оставался одним и тем же - приятным, хотя и немного гнусавым, как у фагота или гобоя.

- Благодарю за внимание, доброе существо, - добавила Хаксель. - В ожидании озарения я смотрела в окно и пришла к кое-каким предварительным выводам. Не хотите ли узнать?

- Конечно.

- Мне кажется, что комната, в которой я нахожусь, со всех сторон окружена жидкостью. Вероятнее всего, это вода, спирт или жидкий аммиак, поскольку замеченные мною снаружи существа вряд ли приспособлены к жизни в жидком гелии или метане...

- Это вода, - сказал я.

- Вы уверены?

Я кивнул, хотя понятия не имел, как моя собеседница истолкует это движение.

- Таково всеобщее мнение, - добавил я на всякий случай. - Что касается вашей комнаты, то она является частью здания, находящегося на дне океана, заполненного соленой водой.

- Что ж, значит, мои сомнения устранены. Увы, относительно других вещей все не так ясно...

Ну вот, начинается!..

- Что вы имеете в виду?

- К несчастью, я не знаю, кто вы такой. Я абсолютно не представляю себе, где мы находимся и почему, а также на каком языке беседуем.

- Весьма прискорбно. - Мне и вправду было жаль это слышать. - Но, может быть, вы помните, кто вы такая?

- Увы, любезный незнакомец, я не помню даже, что я такое. Не хочу быть грубой, но и ваша природа остается для меня загадкой, хотя я и подозреваю, что вы принадлежите к классу двоякодышащих.

Я подавил разочарованный стон.

- И вы ничего не помните о наших предыдущих встречах?

- Разве мы уже встречались?

- Да, много раз. Меня зовут Алонсо Моргансон. Я врач, специализирующийся на психических расстройствах. Вы находитесь в моей клинике на планете, которую мы именуем Землей. А мы называемся «люди». Люди не являются земноводными или двоякодышащими, к тому же в настоящее время у меня нет пациентов, для которых вода - естественная среда обитания. Моя клиника перебралась на океанское дно после, гм-м... небольших неприятностей с соседями, - добавил я. - Зато здесь мы никому не мешаем.

Клиника действительно перебралась на шельф, сама перебралась, переместилась, перешла, переехала - назовите, как хотите. Раньше она стояла на суше, но после упомянутых неприятностей ее стены и оборудование сами собой разобрались на мелкие части, которые, в свою очередь, самостоятельно преодолели полторы мили, отделявшие нас от океанского берега, и бросились в воду как лемминги. Должно быть, со стороны этот марш железок выглядел довольно дико.

- Разве я не отношусь к людям?

- Вы принадлежите к инопланетной расе, которую мы называем гуюками, и прибыли сюда из очень далекого мира. - Эти слова я произнес практически на автомате: за последние пару месяцев я повторял их так часто, что теперь они соскакивали у меня с языка буквально сами собой.

Хаксель пошевелилась, и ее полупрозрачные покровы, затрепетав, как шелковый платок на ветру, приподнялись и снова опали. Даже после двух месяцев ежедневных встреч со своей экзотической пациенткой я еще ни разу не видел, чтобы эти похожие на крылья складки развернулись полностью.

- Благодарю вас за ценную информацию, - вежливо промолвила Хаксель. - Значит, я страдаю психическими расстройствами?

- Я бы сказал: не расстройствами, а расстройством. В остальном с вами все в порядке... вы мыслите ясно и логично и не испытываете никаких затруднений при общении... - На четырех языках, между прочим. - Кроме того, вы быстро учитесь. К сожалению, утром вы, как правило, не помните ничего из того, что узнали накануне.

Хаксель довольно долго молчала, потом спросила:

- Значит, мы с вами уже беседовали обо всем этом?

- Сегодня наша с вами шестьдесят первая встреча. Кстати, наша система счета вам тоже должна быть знакома.

- Я помню, как вы считаете. У вас принята десятичная система - довольно странная и неудобная, но я, кажется, с ней освоилась. Или я это уже говорила?

- Время от времени вы говорите не «неудобная», а «неуклюжая».

- Должно быть, для вас это ужасно утомительно - снова и снова выслушивать одно и то же. Я, однако, была бы весьма признательна, если бы вы еще раз просветили меня насчет того, кто я такая, а заодно рассказали, как вышло, что меня стал лечить не наш медик.

Я хмыкнул. В последние несколько недель я много раз задумывался о том, чтобы записать слова, которые мне приходилось повторять изо дня в день, и проигрывать их, как только в этом возникнет необходимость. Увы, я хорошо знал, что отношения между врачом и пациентом - вещь сугубо личная. Впрочем, ежедневное повторение

одних и тех же истин научило меня выбирать главное и отбрасывать второстепенное.

- Мне сообщили, что вас зовут Хаксель - во всяком случае, именно так ваше имя звучит в моем произношении, и что вы относитесь к женскому полу. К сожалению, о гюках мне практически ничего не известно, поэтому я не могу объяснить, почему за ваше лечение не взялся ваш собственный народ. Вместо этого я могу рассказать, как получилось, что гюки узнали обо мне... - В иллюминаторе за спиной Хаксель - или перед ее лицом, кто знает, - промелькнул, сверкая чешуей, большой косяк каких-то мелких рыбешек, и мне захотелось к ним присоединиться.

По телу Хаксель пробежала волна невнятной дрожи.

- С вашей стороны это было бы весьма любезно, - заметила она.

- Для начала вам следует знать: я называю эту клинику своей потому, что она была построена для меня, однако ее настоящие владельцы - не люди. Они называют себя торговцами или тсф, как это звучит на одном из их языков. В переводе это означает «честные торговцы» или что-то в этом роде. Тсф имеют дело с людьми уже больше десяти лет, но я, наверное, единственный человек, которого они наняли. - Тут я сделал паузу, чтобы Хаксель могла задать свой обычный вопрос. Инопланетянка не обманула моих ожиданий:

- Неужели вы работаете в этой клинике совершенно один?

- Нет, - и снова едва удержался от того, чтобы не вздохнуть: как же все непросто с этими инопланетянами! - У меня есть штат, который помогает мне и здесь, и в наземном отделении клиники, где я лечу пациентов-людей. Дело, однако, в том, что этот штат в количестве трех... существ не включает ни людей, ни торговцев, ни гюков. Мои помощники происходят из трех разных миров.

- Но как вам удается достичь взаимопонимания?

- Шесть лет назад торговцы спасли трех космических путешественников с трех терпящих бедствие космических кораблей в трех разных секторах Галактики. Как вскоре выяснилось, каждый из путешественников страдал той или иной формой психического расстройства, а поскольку раньше торговцам не приходилось сталкиваться с представителями этих народов, они обратились за помощью к людям, к человечеству.

- Почему именно к вам?

- Похоже, люди больше других разумных существ подвержены самым разнообразным психическим заболеваниям.

- Кажется, мне открылся свет истины!.. Ваш народ накопил богатый опыт и выработал соответствующие лечебные методики.

Пожалуй, я и сам не сумел бы выразиться лучше. Впрочем, эту реплику Хаксель

я без труда мог процитировать по памяти.

- Так считают торговцы, - согласился я, скромно пожимая плечами. - Благодаря моей медицинской специализации и моему участию в нашей космической программе земные власти выбрали для этой работы меня. Торговцы доставили всех троих пострадавших в одно из своих представительств - на космическую станцию, которая движется по орбите недалеко от Земли, я отправился туда же... - В углу моего поля зрения появились мерцающие красные буквы: «Поступило сообщение от абонента «Санни». Принять? Отложить? Отклонить?». Я отдал мысленную команду «Принять» - моя жена Санни не стала бы беспокоить меня в рабочие часы, если бы дело не было действительно важным.

По сетчатке глаза побежали голубые буквы: «у кэр прблм со свд плат, бдшь дм к 4?». На первый взгляд абракадабра, но на самом деле все было совершенно прозрачно. Старшая сестра моей жены Кэролайн так и не купила себе подходящее платье, чтобы блистать в нем на свадьбе собственной дочери, и хотела, чтобы Санни поехала с ней по магазинам. В четыре часа возвращался из школы наш сын Алекс, и жена интересовалась, буду ли я дома.

Я вызвал виртуальный тачпэд, набрал «да» и нажал иконку, соответствующую макрокоманде, которая в автоматическом режиме добавляла к моему посланию слова: «Люблю. Целую. Твой Алонсо».

- От вас и от кольца, которое вы носите, только что исходили странные волны, - заметила Хаксель. - Пару мгновений назад я зарегистрировала аналогичные входящие волны. Что это было? Какой-то особый способ связи?

Я удивленно уставился на пациентку. Эти слова не входили в привычный сценарий, и я на мгновение почувствовал себя сбитым с толку.

- Вы видите радиоволны?

- А вы разве нет?

- Нет, но... Вы правы, моя жена только что прислала мне сообщение. Кольцо уловило сигнал и передало его на вживленный в мою голову имплантат, который мы называем инфоматом.

- Поразительно! И такая сложная технология используется только для передачи сообщений?

Ее предположение заставило меня улыбнуться.

- Вообще-то, у этой технологии много применений, - сказал я, думая о том, что современные инфоматы заменили собой телевизоры, компьютеры, телефоны, кинотеатры, радио и многое другое.

Потом я спросил себя, как в живом существе могла развиться способность видеть радиоволны. Какие эволюционные условия способны вызвать подобную

необходимость? Я попытался представить себе, что это могло быть, и с трудом сдержал дрожь беспокойства.

- Прошу извинить, если отвлекаю вас от важных размышлений, - услышал я гнусавый шепоток Хаксель, - но мне хочется узнать, что произошло на базе торговцев.

- На базе... Ах да!.. - спохватился я. - Одним из трех спасенных инопланетян был представитель расы гуюков - представительница, как выяснилось впоследствии. Когда торговцы нашли ее в потерпевшем аварию корабле, она была полностью обезвожена. В каютах и других помещениях разбитого корабля не было обнаружено ни воды, ни даже водяного пара, из чего торговцы сделали неправильный вывод... - Ну-ка, подумал я, скажи, в чем была их ошибка? Тебе это будет легко, ведь ты уже делала это шестьдесят один раз!

- Они решили, что для моей расы вода является ядом, не так ли? - предположила Хаксель в шестьдесят второй раз.

- Вы совершенно правы, - подтвердил я с изысканной вежливостью. - Однако, да простится мне подобный выбор слов, в высушенном виде представительница расы гуюков обладала просто невероятным сходством с некоторыми нашими земными микробами, и это навело меня на мысль...

- Вы подумали, что вода ей необходима?

- Совершенно верно. - Сейчас-то я понимал, что предложенные мною меры были неоправданно рискованными и даже опасными, поскольку замеченное сходство могло оказаться чисто случайным. К счастью, все сработало так, как я и думал.

- И эта женщина из разбитого космического корабля полностью исцелилась?

- По-видимому, да, хотя... Дело в том, что в то время ни я, никто другой ничего не знали о гуюках, не знали даже, как они выглядят. Я, во всяком случае, не ожидал, что спасенная нами инопланетянка превратится в... нечто, подобное вам.

Мерцающие покровы Хаксель на мгновение прекратили колыхаться.

- Мой внешний вид кажется вам неприятным?

- Что вы, совсем наоборот! На мой, человеческий, взгляд вы выглядите просто прекрасно.

В самом деле, легчайшие, тонкие вуали нефритово-зеленого, кораллово-алого и янтарно-желтого цветов придавали Хаксель сходство с самой красивой тропической бабочкой. И даже небольшие кривые когти, которые служили ей чем-то вроде ног, выглядели довольно мило.

- Я рада это слышать. Ну а после того как вы вылечили ту пациентку, вы больше не сталкивались с представителями моего народа? Я имею в виду - до тех пор пока не встретились со мной?

- Лично не сталкивался, но кое-какие контакты у меня с гуюками были. В качестве благодарности ваши... компатриоты прислали мне что-то вроде робота. Я думаю, они хотели, чтобы эта машинка служила мне чем-то типа мажордома-телохранителя, но когда нам с моим близким приятелем торговцем удалось, наконец, его запустить, выяснилось, что мы, по всей видимости, собрали его не совсем правильно...

Чтобы не задеть чувств Хаксель, мне довольно часто приходилось упражняться в искусстве дипломатии.

- Когда робот включился, выяснилось, что он настроен на максимальный защитный режим. Это сделало его настолько агрессивным, что он фактически напал на одного из моих соседей... - Если дипломатия - искусство, то упрощение - искусство в квадрате, а в этой дисциплине я мог бы уже стать олимпийским чемпионом.

- Теперь мне стало понятнее, почему вы работаете под водой, то есть на океанском дне. Нет соседей - нет проблем. - В голосе Хаксель мне почудился намек на улыбку. - Вам удалось починить робота?

- Нет, зато нам удалось его, гм-м... разобрать. С тех пор я предпочитаю хранить подарок разобранным на части, чтобы он никому не мог причинить вреда. - Упомянутые мною части находились теперь в четырех крупнейших исследовательских институтах Земли.

- Благодарю вас, доктор, теперь я чувствую себя намного более просвещенной. Что мы обычно делаем после того, как я произношу эту фразу?

- Сейчас мы с вами отправимся на небольшую прогулку. Я представлю вас моему помощнику - он вам всегда нравился. Ну а потом... - Донесшееся от двери тихое царапанье заставило меня обернуться. Помяни черта - и он тут как тут.

Я давно убедился, что незнакомая обстановка клиники Хаксель ничуть не пугает. С другой стороны, я был уверен, что она никогда не покинет свою комнату без сопровождения, поэтому дверь ее палаты всегда была распахнута настежь. Мне казалось, что так у Хаксель не появится ощущения, будто она находится под замком и ее свобода ограничена. Обратная сторона медали заключалась в том, что подобная практика исключала стук в дверь и иные предписанные этикетом правила. Вот и сейчас Эл негромко поскребся у двери, чтобы оповестить нас о своем присутствии и не напугать пациентку неожиданным появлением.

- Прошу прощения, босс... - пробормотал он. Никто из моего персонала не нуждался в специальном переводящем устройстве, чтобы изъясняться на английском, испанском, хинди, кантонском или мандаринском диалектах.

Я пожал плечами.

- Работа есть работа... Познакомьтесь, Хаксель, это Эл, мой помощник, секретарь и медрегистратор, о котором я только что упоминал.

С моей точки зрения, формой тела Эл напоминал акулу, какой ее мог бы создать Антонио Гауди*¹⁶. Сейчас Эл выдвинул на стебельках дополнительную пару глаз - должно быть, чтобы никто не подумал, будто он подчеркнуто игнорирует окружающих.

- Рада познакомиться с вами, Эл, - приветливо прогнусавила Хаксель.

- Я тоже рад, - продудел мой ассистент сквозь вытянутый в трубочку рот. - Мне бы не хотелось вам мешать, но некие неожиданные обстоятельства...

- Что случилось? - спросил я.

- К нам посетитель, - сообщил Эл. - И он прибывает, э-э-э... нетрадиционным способом. - Помощник выбирал слова с тщательностью стоматолога. Особенно меня насторожило, что он назвал способ прибытия гостя «нетрадиционным».

- Что за посетитель?

- Взгляните сами и увидите. - Эл развернул свои стебельчатые глаза в направлении окна-иллюминатора. Я повернулся в ту сторону и увидел несущееся сквозь толщу воды существо, которое показалось мне похожим на мутировавшего кальмара. Пока я смотрел, существо притормозило, и я разглядел десять уплощенных, чтобы уменьшить сопротивление воды, ног-щупалец плюс три более толстые «руки», частично скрытые под наружной мантией. Этого было достаточно, чтобы я понял: наш гость никто иной, как нетрансформированный торговец, а поскольку я прожил среди тсф достаточно долго, чтобы научиться более или менее их различать, мне легко было догадаться, что уже очень скоро мой близкий друг Сделка-десяти-жизней будет обсыхать в переходной камере нашего шлюза. По привычке я думал о нем, как о существе мужского пола, хотя и не мог сказать, в какой сексуальной фазе он сейчас пребывает: в аквамариновой мерцании растворенных в воде солнечных лучей было довольно трудно разглядеть соответствующие признаки. Сейчас, однако, пол приятеля волновал меня меньше всего. Раньше Сделка и в мужской, и в женской ипостасях всегда прибывал в клинику исключительно субмариной. Почему же он решил пуститься вплавь?

Извинившись перед пациенткой за то, что прерываю нашу приятную беседу, я пообещал вернуться как можно скорее и бегом бросился к единственному входу в клинику.

---

¹⁶ * Антонио Гауди - каталонский архитектор-символист, известный пристрастием к тщательно проработанным фантастическим деталям. (Здесь и далее прим. перев.)

* * *

Пока внутренняя дверь шлюза медленно открывалась, я пытался убедить себя в том, что ничего страшного не случилось, и Сделка прибыл в клинику, потому что ему просто захотелось меня повидать, однако я и сам в это не верил. Торговцы всегда стараются поступать последовательно и предсказуемо, чтобы представители других рас чувствовали себя в их присутствии спокойно и уверенно. Для бизнеса, который ведут тсф, это, безусловно, весьма полезная практика. Насколько я знал, торговцы не изменяют избранному образу действий ни при каких обстоятельствах, поэтому мне было совершенно очевидно: произошло нечто неслыханное. Только что один из торговцев не только нарушил общепринятый среди своего народа кодекс поведения, но и продемонстрировал способности, о которых тсф предпочитали умалчивать. Никто из людей и представить не мог, что они способны плавать под водой, будто выпущенные из ада летучие... словом, как рыбы. Впрочем, особенно удивляться не приходилось: наши так называемые партнеры с самого начала предпочитали держать в рукаве не только тузы и джокеры, но и вообще все карты - две или три полных колоды в дополнение к той, что находилась в игре.

Наконец я увидел Сделку. Его пальцы - самые длинные из трех ярусов жгутиков, расположенных примерно на середине внешних ног-щупалец, - были окрашены в светло-лиловый цвет. Это означало, что в настоящий момент мой товарищ принадлежит к мужскому полу.

К моему вящему удивлению, Сделка был совершенно сухим, словно это и не он только что пронесся мимо иллюминатора, точно наскипидаренный. Похоже, торговцы обладали способностью адсорбировать воду прямо сквозь кожу. Замечу в скобках, что и об этом умении приятеля я прежде не имел ни малейшего понятия.

Когда дверь шлюза полностью отъехала в сторону, Сделка чуть повернулся, вероятно, чтобы нацелить на меня как можно больше своих чувствительных жгутиков и ресничек. Самые короткие жгутики на его ногах пришли в движение, издавая частый костяной стук, словно игрушечные вставные зубы в сувенирной лавке. Переводящее устройство, укрепленное на одной из «рук» при помощи эластичного браслета, тотчас включилось в работу.

- Добрый день, доктор, - прощелкал торговец. - Весьма рад тебя видеть. Надеюсь, мой способ прибытия не встревожил тебя?

- Я тоже рад видеть тебя, Сделка.

- Какое у тебя расписание на сегодня? - спросил торговец.

- При обычных условиях, - начал я, - пару часов поработал бы со своей гуюкской пациенткой, а затем провел еще одну, более короткую терапевтическую сессию с Пипсом. Это пациент, которого тоже вы мне подсунули. - В отличие от Хаксель, Пипс не страдал потерей памяти, но должен признаться, что визита в его палату я ждал без особого воодушевления.

- С Пипсом?

- Он принадлежит к народу э-делла-пэ. Пипс - прозвище, которое Эл придумал для моего удобства. За время, которое Пипс провел в клинике, он довольно прилично овладел английским, просто его голосовые возможности лежат практически в ультразвуковом диапазоне. Когда он говорит, я слышу только писк и свист - ничего больше. Естественно, выговорить его настоящее имя я тоже не в состоянии. К счастью, одна из ваших переводящих игрушек действует как устройство частотного сдвига, поэтому мы можем общаться... Пипс утверждает, что он только «эмбрион» и еще не выбрал себе пол.

- С его стороны это довольно разумно... Конечно, меня это не касается, но, насколько мне известно, этому существу более четырех земных столетий и оно поражено довольно редким заболеванием, которое проявляется как ересь или, точнее, как отступничество от общепринятых среди э-делла-пэ религиозных убеждений. А в соответствии с бытующими у этого народа правилами и традициями подобное состояние подлежит немедленному и радикальному лечению.

Некоторые лечебные процедуры бывают хуже, чем болезнь, подумал я, а вслух сказал:

- Да, друг мой Сделка, разумная жизнь не страдает отсутствием разнообразия. Пожалуй, это единственное, что я могу утверждать со всей определенностью. По всей вероятности, обычный э-делла-пэ должен прожить пару тысячелетий, прежде чем получит скидку для пенсионеров на проезд в городском транспорте. Не исключено, что именно по этой причине они сознательно пользуются менее совершенной, чем ваша, техникой космических полетов, предпочитая одиночные путешествия, которые длятся по пятьдесят и более лет.

- Скидку для пенсионеров? На проезд в городском транспорте?.. Иногда мне бывает трудно понять некоторые ваши земные концепции, друг Алонсо. Впрочем, теперь, когда ты напомнил, почему это существо, переживающее глубокий кризис веры, прибыло сюда вместо того, чтобы отправиться в долгий путь домой, я подумал о своем любимом деду Сделке-на-все-времена. Он утверждал, что долгожительство э-делла-пэ способно приносить - и приносило! - поистине невероятные прибыли.

- Ах, это доброе старое время!..

- Совершенно с тобой согласен, но... нам предстоит обсудить проблемы куда более животрепещущие. Впрочем, пусть мое драматическое появление не помешает тебе работать в обычном режиме. Мы говорили о твоём сегодняшнем расписании... У тебя ещё что-нибудь запланировано?

В обычном режиме? Это что, намек на какие-то особые обстоятельства или просто так сработал переводчик?

- У меня есть ещё один пациент, правда, не совсем официальный. Помнишь Тад - мою главу службы безопасности? Она все ещё пребывает в глубоком шоке, после того как столько времени провела фактически в бессознательном состоянии под воздействием сильнодействующих лекарств. Сейчас Тад на берегу, я поручил ей кое-какую бухгалтерскую работу для моей человеческой клиники. Обычно я каждый день выделяю для беседы с ней несколько минут...

Тад, женщина-2, принадлежащая к расе вапабонди, должна была доставить в мою клинику больную женщину-1 по имени Кора. Последняя, однако, сумела парализовать Тад с помощью сильнодействующих наркотиков, после чего без особого труда выдала себя за нее. Прежде чем мне удалось разоблачить обман, Кора в течение нескольких месяцев проработала в моей клинике руководителем службы безопасности, причем со своими обязанностями справлялась очень неплохо. Все это время мнимая Тад поддерживала Тад-настоящую в состоянии глубокой наркотической комы, поэтому все мои попытки как-то помочь предполагаемой пациентке потерпели неудачу. Судьба, впрочем, в очередной раз посмеялась надо мной, что случилось в моей практике с завидной регулярностью: тот факт, что тяжело больная женщина-1 длительное время занимала должность, требующую серьезного и ответственного отношения к делу, запустил процесс ее исцеления. Еще больше ускорил дело кризис, вызванный вырвавшимся из-под контроля спятившим гуюкским роботом. В конце концов к Коре вернулась уверенность в себе и своих силах, она обрела перспективу, поэтому когда обман раскрылся, я со спокойной душой выписал ее, чтобы она могла вернуться к нормальной жизни. К сожалению, с тех пор бедняжка Тад боялась спать, но я не терял надежды, что со временем мне удастся помочь и ей.

- А пациенты-люди?

- Сегодня в моей «сухопутной» клинике, как мы ее называем, легкий день. У меня, правда, были назначены две консультации, но пациенты связались со мной и попросили перенести прием на начало будущей недели.

- Превосходно. Значит, у меня есть небольшая отсрочка, - заявил Сделка. - Надеюсь, ты не будешь возражать, если мы не станем обсуждать мои новости

прямо сейчас? У меня, видишь ли, все еще остаются некоторые сомнения относительно того, следует ли мне делиться с тобой информацией, поэтому прежде чем принять окончательное решение, чреватое неприятными последствиями лично для меня, я хотел бы еще раз все тщательно взвесить. Несколько часов сосредоточенной медитации могли бы мне в этом помочь. Разумеется, если ты не против, - добавил он вежливо.

Ага, понял я, значит, Сделка приплыл сюда как какой-нибудь кит или кальмар только потому, что, воспользуясь он подводной лодкой, об этом тотчас стало бы известно его начальству. Но что он скрывает? Внезапно мне показалось, что мое беспокойство по поводу появления Сделки было вовсе не чрезмерным. Какова бы ни была причина, толкнувшая его на подобный поступок, она вряд ли могла оказаться пустяковой.

- Нет, я не против, - сказал я. - Можешь воспользоваться для медитации вот этой палатой - сейчас она все равно пустует. Я установлю там повышенную гравитацию.

- Благодарю, ты очень любезен.

Я уже вызвал инфомат и отправил нужную команду. Тотчас ближайший участок стены словно сбросил с себя верхний слой, который осыпался на пол, превратившись в сотни макромитов - крошечных самоуправляемых машин, разработанных вапабонди, которые пару секунд спустя собрались в фигуру, напоминающую спичечного человечка. Человечек поклонился мне почти повосточному и побежал по коридору, спеша приготовить палату для Сделки. Как говорится - нет худа без добра: неприятности с самозваной Тад привели к тому, что я в конце концов все же обрел контроль над собственной клиникой, которая целиком состояла из бесчисленных макромитов, обладающих способностью самособираться во что угодно. Эта трудолюбивая мелюзга удерживала снаружи океанскую воду, превращалась в тянущиеся к поверхности трубы и кабели различного назначения - в том числе в антенны, обеспечивавшие связь через инфоматы, и даже служила нашими жабрами, благодаря чему воздух на подводной станции оставался чистым и свежим. Я, однако, настолько привык к тому, что со всех сторон меня окружают чудеса инопланетной техники и технологии, что почти не думал о том, как действуют эти крошки, но этот неожиданный восточный поклон меня насторожил. Раньше за макромитами ничего подобного не водилось. В чем может быть причина, я не знал и даже не догадывался, и только в одном у меня не было сомнений: сегодняшний день будет каким угодно, но только не скучным.

* * *

Когда я только начал работать на торговцев, мне казалось, что их техника слишком сложна и слишком близка к совершенству, чтобы развиваться достаточно высокими темпами. Я, однако, не учел синергизма*¹⁷, возникающего в результате соединения науки торговцев с достижениями других развитых рас. Буквально месяц назад мои наниматели установили в клинике новую систему локальной экоимитации, созданную на основе последних открытий, сделанных учеными торговцев и вапабонди. Не успел я к ней привыкнуть, как эту систему демонтировали и установили на ее место что-то еще более новое и хитроумное.

Пипс дышал адской смесью угарного газа, закиси азота и едких сернистых соединений, находившихся под давлением около восьмидесяти фунтов на квадратный дюйм. Чтобы имитировать для э-делла-пэ привычные экологические условия, пришлось немало потрудиться, но в конце концов дело было сделано, и Пипс водворился в палате, где чувствовал себя весьма и весьма комфортно. Вот только мне, чтобы находиться с ним в одной комнате, требовался космический скафандр, поэтому наши первые сеансы я ухитрился провести, сделав стены проницаемыми для света и звука. Впрочем, я не вполне точен. На самом деле макромиты последнего поколения способны превращаться в абсолютно прозрачное окно, просто воспроизводя с внутренней стороны любые световые волны и звуковые колебания, которые падают на них снаружи, так что речь здесь идет скорее о проекции, чем о проницаемости.

Зато теперь, чтобы пообщаться с Пипсом, мне достаточно было только шагнуть сквозь прозрачную мембрану, закрывавшую вход в его палату, и меня тотчас окружал пузырь из тонкой, но очень прочной пленки, внутри которого сохранялись пригодный для человека воздух и нормальное атмосферное давление. Новейшая система работала прекрасно и была очень удобной, хотя меня порой отвлекала от работы цепочка пузырьков поменьше, которые подлетали из коридора, чтобы пополнить запас свежего воздуха внутри кокона. Инженеры торговцев клятвенно обещали, что уже совсем скоро они сумеют создать устройство, обеспечивающее каждое находящееся внутри подобного пузыря существо привычной силой тяжести. Впрочем, если не задерживаться в палате слишком долго, лишний вес не превращается в пытку.

О'кей, попробую описать Пипса, а вы попытайтесь представить это существо, и пусть вам повезет. Вообразите себе несколько толстых, но гибких пятифутовых П-образных скоб, стоящих вертикально и соединенных между собой короткими отрезками садового шланга. А теперь представьте себе еще несколько скоб

---

¹⁷ * *Синергизм, синергия - взаимное усиление действующих факторов.*

меньшего размера и еще более гибких, которые прикреплены к своим старшим собратьям без всякого видимого порядка и под самыми разными углами. Некоторые из этих меньших скоб способны тереться друг о друга, производя звуки, которые могут расслышать разве что летучие мыши. Порой, впрочем, этот тончайший писк переходит в омерзительный скрип, по сравнению с которым царапанье железа по стеклу звучит как музыка Моцарта.

- Приветствую тебя, друг! - сообщила переводящая машинка Пипса, преобразуя его инопланетный английский в тот, который я мог слышать. - Надеюсь, ты готов распахнуть свой ум навстречу сиянию истины? - Пипс, похоже, успешно преодолел тот религиозно-этический кризис, из-за которого он попал в мою клинику.

Я слегка откашлялся, дожидаясь, пока мое желание высказать все, что я о нем думаю, сойдет на нет.

- Не могли бы мы хотя бы сегодня оставить в стороне разницу в наших религиозных воззрениях и поговорить о чем-нибудь другом? - предложил я наконец.

- И таким образом упустить, быть может, последнюю возможность спасти твою душу? Я тоже устал от бесконечных споров, аргументов и контраргументов, но ты мне небезразличен, поэтому я готов сделать все, чтобы убедить тебя в справедливости моей точки зрения. Не говорил ли я, что одиннадцать миллиардов моих соотечественников безоговорочно верят в слово, начертанное рукой нашей высокопочитаемой пророчицы Рогмент? Неужели ты способен подумать-вообразить, будто одиннадцать миллиардов э-делла-пэ могут ошибаться?

Когда-то я считал себя лютеранином, но это было еще в детстве, поэтому моя способность оценивать даже земные религии вызывала значительные сомнения у меня самого. И все же, если судить по тому, что я услышал от Пипса, пророчества почтенной Рогмент были явно не для меня.

- Я слишком мало знаю, чтобы оценить... - начал я.

- Это так! - с энтузиазмом пискнул Пипс. - Но после того как я помолился о тебе Чистейшей, на меня снизошло озарение.

- Вот как?

- Твоя проблема заключается в незнакомой системе ценностей. Я проделал глубокое исследование-изучение земных религий и нашел одну, которая почти полностью совпадает с откровениями, дарованными нам великой Рогмент.

- И что же это за религия?

- Ты знаком с иудаизмом, друг? - спросил Пипс, и я почувствовал, как мои брови сами собой поползли вверх.

- Кое-что слышал, - осторожно сказал я. - Но почему ты считаешь, будто иудаизм и учение Рогмент имеют что-то общее?

- Я открыл для себя факт-реальность после того, как ты любезно разрешил мне подключаться к земным поисковым машинам.

Ничего такого я Пипсу не разрешал, однако продвинутые пришельцы частенько подключаются к нашим информационным системам самостоятельно.

- Я воспользовался дифференциальным поисковиком под названием «Каменный философ», - продолжал маленький инопланетянин. - Сначала я ввел в строку поиска слово «Вселенная» и запросил его перевод на всех известных земных языках, а потом прогнал результаты через эту превосходную переводящую машину, которой обеспечили меня тсф.

- И каким образом это привело тебя к иудаизму?

- «Вселенная» на иврите звучит как «олам», а это слово является однокоренным к глаголу «алам», что значит «скрывать»...

Я с умным видом кивнул: через поле моего зрения справа налево побежали невидимые для Пипса голубые буквы еврейского алфавита. Они двигались, как и положено, справа налево, поскольку мой инфомат работал в справочном режиме, однако теперь я слышал и слова на иврите, которые переводящая машинка Пипса воспроизводила в нормальном звуковом диапазоне, и их английский перевод... Что поделать, таковы были издержки высоких технологий торговцев.

Впрочем, через пару секунд я кое-как разобрался в этой звуковой каше.

- Я не сомневаюсь, что за словом «Вселенная» может скрываться много всего... - Пипс попытался разразиться визгливым хихиканьем, но не преуспел. - И только одна не-вещь способна прятать-скрывать сама себя. Одним словом «олам» иудеи выразили самую суть нашей веры. Вселенная, которая включает в себя все, что является вещами, объектами, на самом деле не что иное, как маска. А тебе известно, что носит эту маску?

- Попробую догадаться. Может быть, Бог?

- Берегись! Попытка дать имя тому, что не может быть поименовано, названо и классифицировано, что даже представить себе невозможно, способна увлечь на неверную тропу даже мудрейших из мудрых: Если не веришь, спроси у ангела.

Под «ангелом» Пипс подразумевал Хаксель. С тех пор как я в качестве эксперимента познакомил моих пациентов друг с другом, Пипс называл ее именно так. Поначалу я решил, что Пипс просто ошибся, и во всем виновата некоторая созвучность английского слова и имени инопланетянки, но потом мне стало известно, что э-делла-пэ узнали о существовании гуюков задолго до того, как с ними столкнулись торговцы, и относились к ним с невероятным (и это еще мягко сказано) почтением. К счастью, Пипс направил свои прозелитические усилия в основном на Эла и на меня, очевидно, посчитав Хаксель в достаточной мере

спасенной. Как бы там ни было, теперь мне ежедневно приходилось в обязательном порядке навещать э-делла-пэ вместе с Хаксель.

Когда я все это припомнил, меня вдруг осенило: я так и не задал Пипсу вопрос, который напрашивался сам собой.

- Что такое «ангел» в твоём понимании?

- В этом вопросе мы, верующие, вполне согласны с иудейской традицией. Ангелы - это некие служебные духи, специально созданные существа, которых Высшая Чистота использует для вмешательства в более грубые материальные, ментальные и духовные сферы. Еврейская традиция гласит-объясняет, что у ангелов есть только одна нога; в символическом смысле это означает их неспособность двигаться, изменяться и совершенствоваться, что отличает их от живых существ.

- Если я правильно понял, ты называешь Хаксель ангелом потому, что, с твоей точки зрения, у нее только одна нога? - спросил я. Пипс так долго молчал, что я невольно задумался, не были ли мои слова грубыми или оскорбительными.

- По всей вероятности, я непреднамеренно ввел тебя в заблуждение, - проговорил он наконец. - Одна нога - это только символ. Главное же заключается в том, что гуюки делают.

Я почувствовал себя на пороге большого и важного открытия.

- А что именно они делают? - вкрадчиво спросил я.

- Я не вправе говорить-объяснять, - торжественно ответил маленький э-делла-пэ. - Ты должен спросить у них.

Я только головой покачал. К несчастью, единственный представитель народа гуюков, которому я мог задать этот вопрос, не помнил ровным счетом ничего ни о себе, ни о своей собственной расе.

* * *

В половине четвертого Сделка прервал свою многочасовую медитацию, но только затем, чтобы сообщить: он еще не решил, стоит ли ему рисковать, поэтому он просит дать ему время до следующего утра. Признаться, я был несколько разочарован, но, с другой стороны, это означало, что я свободен и могу отправляться домой.

Когда я уже плыл в субмарине к берегу, морская вода показалась мне необычно темной и мутной - под стать моим собственным мыслям. В обычные дни, даже когда у меня не было приема, я всегда заезжал в свою «сухопутную» клинику,

чтобы поболтать с Гарой или поработать с Тад, но сегодня был не в настроении. Мною овладели уныние и тревога, но стоило мне, наконец, добраться домой, шагнуть через порог и вдохнуть аромат свежей выпечки, как облака тотчас рассеялись, и я несколько приободрился - главным образом потому, что Санни вернулась раньше, чем рассчитывала.

В общем, когда Алекс вышел из школьного автобуса, мы с женой встретили его вместе. Это случалось достаточно редко, и сын был рад. Я, впрочем, подозревал, что пройдет еще пара-тройка лет, Алекс станет подростком, и его реакция на любые проявления родительской заботы сделается совершенно иной.

В тот вечер мы приятно, по-семейному поужинали втроем, благо в качестве исключения из правил сквозь фильтры моего инфомата не прорвался ни один срочный вызов из клиники. Я честно пытался наслаждаться редким вечером в кругу семьи, однако меня не оставляли мысли о таинственных и тревожных новостях, которые заставили Сделку предпринять трудное подводное путешествие, лишь бы улизнуть из-под сонаров собственного начальства. А ведь за все десять лет, что я имел дело с торговцами, я ни разу не видел, чтобы кто-то из них попытался действовать вопреки генеральному политическому курсу. Из этого следовало, что известия, которые Сделка хотел, но не решался мне сообщить, были весьма серьезными; я это понимал и продолжал гадать, что же ждет всех нас в ближайшем будущем.

Потом выяснилось, что назавтра Алексу не нужно идти на занятия. Остаток вечера мы скоротали за просмотром развлекательных шоу. Алексу уже имплантировали первый инфомат - это был наш с Санни подарок на его девятый день рождения, поэтому теоретически каждый из нас мог бы смотреть свой собственный канал. В некоторых семьях это обычная практика, но мы поступили по-другому. Соединив наши инфоматы в некое подобие локальной сети, мы настроились на программы, которые можно было смотреть и ребенку.

Когда я был мальчишкой, в нашем распоряжении имелись замечательные устройства, которые назывались цифровыми видеоманитофонами. С их помощью мы могли записывать интересные передачи, а потом просматривать их, когда нам было удобнее, проматывать запись назад и вперед, а также пропускать рекламу. В наши дни инфоматы позволяют человеку смотреть любые развлекательные передачи, шоу, фильмы и новости, которые в большинстве случаев транслируются «в живую». Их также можно проматывать вперед и назад, пускать в замедленном или ускоренном режиме, однако рекламных пауз это не касается. За каждую интересную программу или фильм приходится расплачиваться, просматривая пятиминутный рекламный блок. Разумеется, это логично: зачем, в противном

случае, тому или иному спонсору финансировать фильм или шоу? И все же мне кажется, что с чисто технической точки зрения подобная организация сетевых трансляций является одновременно и шагом вперед, и шагом назад.

Ну ладно, довольно мне брюзжать...

Когда мы с Санни уже лежали в постели, я, однако, снова подумал о том, что наличие у меня в голове имплантированного инфомата все же дает определенные преимущества. Я всегда любил почитать перед сном; теперь, чтобы сделать это, мне вовсе не нужно держать в руках книгу или ее электронный аналог. Мне не нужно даже переворачивать страницы - инфомат следил за движениями глазных яблок и по мере надобности сам прокручивал виртуальный текст. Да черт побери, я мог бы читать перед сном даже при погашенном свете, даже стоя на голове... если бы я умел стоять на голове. И все же днем я предпочитал старомодные бумажные книги - почему-то мне было особенно приятно держать их в руках, переворачивать страницы и скользить взглядом по реально существующему напечатанному тексту. Увы, я чувствовал, что пройдет еще немного времени, и такие вещи исчезнут вовсе, за исключением разве детских книжек, предназначенных для малышей, которые еще не доросли до электронного имплантата. К сожалению, это, скорее всего, неизбежно... Все, все, прошу прощения. Больше не буду ворчать, обещаю.

* * *

Первым, кого я увидел, выходя утром из шлюза в своей подводной клинике, был Сделка, который, по всей вероятности, давно меня поджидал. Но он был не один. Рядом с ним я совершенно неожиданно увидел Гару, которая как раз сейчас должна была находиться на берегу. Ситуация складывалась крайне неловкая.

Гара считает торговцев ограниченными, духовно неразвитыми материалистами и не скрывает своего мнения. Их основная доктрина взаимовыгодного обмена представляется ей признаком полного морального банкротства тсф. «Красивые слова, которые прикрывают самую обычную алчность вырождающейся расы», - утверждает она. Другие расы проявляют преступную наивность и недалекость, доверяя торговцам, причем к «другим расам» Гара ничтоже сумняшеся относит не только вапабонди и людей, но даже свой собственный народ витти. И насколько я могу судить, моя коллега абсолютно права.

В прошлом Гаре уже приходилось сталкиваться со Сделкой, и она держала себя с ним достаточно холодно. Я, со своей стороны, всегда знал ее как существо искреннее и сердечное, но со Сделкой Гара так и не подружилась. Вряд ли сегодня

она приехала сюда случайно. Гара не посещала наш подводный филиал уже несколько месяцев, и я не видел никаких причин, по которым это должно было произойти именно сегодня.

Дело в том, что в силу принципа Неявной Готовности к Событиям у Гары было не слишком много возможностей применить свое искусство физиотерапевта к моим пациентам, хотя в свое время ее нанимали специально для того, чтобы пользоваться внеземлян с различными соматическими поражениями. Несмотря на это, пользу Гара приносила огромную. Ее инопланетные способности и лечебные методики отлично помогали многим моим клиентам-людям, хотя обнаружили мы это почти случайно. В целом, я и Гара составили отличную команду: комбинация наших методов оказалась столь эффективной, что многие практикующие психиатры и психоаналитики тоже начали работать в связке с опытным физиотерапевтом. Поверьте, я нисколько не хвастаюсь - то есть почти не хвастаюсь, поскольку хвастаться мне особо нечем. Не раз и не два я своими ушами слышал, как некоторые мои коллеги - правда, после второй или третьей рюмки - выражали сомнение в ценности собственного вклада в благополучный исход того или иного сложного случая.

Гара, как и все витти, лишена органов зрения в привычном, человеческом смысле слова, однако ее призрачное, словно туман, тело, пронизанное множеством жестких волокон, может действовать как высокочувствительный эхолокатор, как приемник-излучатель ультразвуковых колебаний широчайшего спектра, как иммерсионный аудиопроектор, и заодно как самый совершенный массажный стол. Мой сын однажды заявил, что у Гары уши Супермена, и я с ним вполне согласен. Для жизни ей необходимы солнечный свет и мышьяк, которые обеспечивают ее энергией благодаря процессам, аналогичным фотосинтезу земных растений, а также вода и некоторые газы, ничтожное количество которых способно в считанные секунды убить слона. К счастью, Гаре достаточно вдыхать свой адский коктейль в течение всего десяти минут в сутки. Ну, а если вы вдруг задались вопросом, держит ли она в своем гараже подводную лодку (скажем, для того чтобы попадать в подводную клинику), я отвечу: ей это абсолютно не нужно, так как Гара способна обогнать любого из земных китообразных на любой доступной для них дистанции и глубине.

Следует, пожалуй, добавить, что, если не считать ее отношения к торговцам, мы с Гарой смотрим на многие вещи одинаково, и за годы совместной работы успели сойтись довольно близко. Ей я доверяю безоговорочно и полностью, и все же...

- Доброе утро, - поздоровался я с обоими друзьями. - Мне очень приятно видеть тебя, Гара, но надеюсь, в нашей сухопутной клинике ничего не случилось?

Мы оба знали, что в случае каких-то чрезвычайных обстоятельств Гара сообщила бы мне об этом через инфомат. Правда, строение ее тела исключало возможность имплантации электроники, однако торговцы установили соответствующее оборудование в ее кабинете. Гара быстро научилась им пользоваться, так что в личных поездках никакой необходимости не было. Если только...

Как я и ожидал, Гара, будучи существом чрезвычайно тактичным и вежливым, не стала указывать на непроходимую глупость моего вопроса. Во всяком случае, вслух она ничего не сказала, зато поменяла очертания, превратившись из черного столбopodobного облака в высокий параллелепипед, на верхней грани которого проступило, словно барельеф, женское лицо. Слепые, как у каменной статуи, глаза, казалось, взглянули на меня в упор. Ощущение было жутковатое, но я понял, что хотела сказать мне Гара. Мол, у меня на лице маска...

- На берегу все в порядке, - сообщила она. - Но вчера, когда ты не появился, я забеспокоилась.

Еще одна странность. Гара всегда старается добавлять к своему голосу легкие вибрации, которые действуют успокаивающе и помогают человеку расслабиться. Сегодня, однако, в ее голосе звучали незнакомые жесткие ноты, которые буквально действовали мне на нервы. Быть может, решил я, она хочет меня о чем-то предостеречь...

- Извини, - сказал я. - Конечно, мне следовало связаться с тобой и предупредить, что меня не будет. Нет, ничего не случилось, - добавил я, останавливая ее следующий вопрос. - Просто Санни уехала к сестре, а мне нужно было вернуться домой, чтобы встретить Алекса из школы.

- О, я очень рада это слышать, - сказала Гара. - Большое облегчение узнать, что у тебя все в порядке.

Я, однако, никакого облегчения не испытывал. Как, черт побери, Гара пронюхала, что Сделка тайно прибыл в подводную клинику, чтобы сообщить мне что-то важное? Впрочем, я тут же мысленно обозвал себя идиотом. Коль скоро Сделке вздумалось разыгрывать из себя тайного агента, он, разумеется, не стал связываться со мной через инфомат, поскольку перехватить и расшифровать можно даже кодированный сигнал. Чтобы не мочить щупальца зря, он приехал в клинику на берегу, надеясь застать меня там. К сожалению, меня на месте не оказалось, поэтому Сделка уточнил у миссис Кальвер, которая занимается учетом пациентов-людей, точно ли я нахожусь в подводном отделении клиники. Подслушать этот разговор Гаре не составило никакого труда, даже если в это время она находилась в своем кабинете, за закрытой дверью: ее органы

восприятия обладают столь изощренной чувствительностью, что она способна «прочитать» выражение моего лица даже в комнате, в которой полная тишина.

Учитывая ее мнение о торговцах, заботу о моем благополучии и тот факт, что накануне я с ней так и не связался, вовсе не удивительно, что Гара сама отправилась в наш подводный филиал, чтобы выяснить, что у Сделки на уме.

Эта выстроенная мною логическая цепочка сумела унять беспокойство. Увы, только отчасти. Передо мной в полный рост встала другая, более серьезная проблема, являвшая собой прекрасную иллюстрацию к принципу Отложенных Неприятностей, который я открыл для себя в тот самый день, когда утром познакомился с Санни, а спустя буквально несколько часов у меня диагностировали лейкопению костного мозга. Прошу прощения, что отклоняюсь от темы, но пару слов я все-таки должен сказать: искусственные лейкоциты спасли мне жизнь, однако теперь, чтобы не сыграть в ящик, я вынужден правильно питаться, регулярно заниматься физическими упражнениями и вообще следить за своим здоровьем... и все для того, чтобы мои «неприятности» как можно дольше оставались «отложенными».

Впрочем, довольно о грустном. В конце концов, в данную минуту смерть мне не грозила, зато, как я уже говорил, передо мной стояла другая проблема, которую необходимо было срочно решать, а я понятия не имел как. Я не видел никакого разумного способа удалить Гару, пока я не сумею как-то успокоить ее насчет неожиданного появления Сделки. С другой стороны, торговец и без того достаточно долго колебался, не решаясь поделиться со мной своей информацией, а это означало, в частности, что он в любом случае не сделает этого до тех пор, пока Гара со своей гипер акузией не окажется вне пределов слышимости: лучше всего - на другой стороне планеты .

Мы оказались в тупике, выхода из которого я не видел.

О, я догадываюсь, о чем вы думаете. Почему бы этому скудоумному лекаришке, спрашиваете вы, не отозвать Гару в сторонку и не ввести в курс дела? Уж конечно, она не откажет коллеге в пустячном одолжении! Увы, я не мог поступить так по той простой причине, что не знал, насколько острым может оказаться слух у моего приятеля-торговца. Правда, его чувствительные реснички выглядели достаточно короткими, зато их было у него довольно много. Кроме того, я отлично помнил, что торговцы охотно используют имплантированные инфоматы. Но если даже наши, земные устройства имели специальные функции, предназначенные для людей с ослабленным слухом и зрением, то что говорить об инфоматах торговцев, пользовавшихся куда более совершенными технологиями?

Пока я таким образом мысленно бегал по кругу, Сделка и Гара молчали,

очевидно, рассчитывая, что я возьму инициативу на себя. Торговец стоял совершенно неподвижно, направив в мою сторону сотни своих сенсорных жгутиков и ресничек. Гара тоже оставалась на месте, и только ее тело мягко мерцало: по-видимому, сохранять вертикальное положение стоило ей некоторого труда. Увы, я по-прежнему не знал, что делать! От растерянности я даже покрылся испариной; во всяком случае, мне в лицо вдруг подул прохладный ветерок - это отреагировал на мои затруднения больничный кондиционер, снабженный персональным контроллером.

- Ну ладно, - проговорил наконец Сделка, сгибая пару щупалец почти под прямым углом, что у торговцев означало нечто вроде нашего пожатия плечами. - Мне только что приказали срочно прибыть для встречи с начальством, поэтому ждать дольше нет смысла: остается либо рассказать то, что я хотел сообщить, либо оставить сведения при себе. Я выбрал первый вариант и готов поделиться тайной с вами обоими...

Новейшие машины-переводчики торговцев умели придавать сказанному эмоциональную окраску, и сейчас в синтезированном голосе друга мне послышалась легкая насмешка. Похоже, Сделка догадался, в каком затруднительном положении я оказался.

- Я прошу только об одном, - добавил он. - Вы оба не должны ссылаться на меня как на источник информации. Могу я на это надеяться?

- Да, - сказал я за себя и за Гару.

- Да будет так... - Мне показалось, что Сделка обреченно вздохнул. - Несколько земных дней назад наши следящие станции засекли в районе лунной орбиты необычное гравитационное возмущение. Наши ученые предприняли специальное расследование. Никакого видимого объекта они в этом секторе не обнаружили, но отметили исчезновение некоторых звезд. Их как будто что-то заслонило, что предполагает наличие в этом секторе некоей значительной массы. Разумеется, мы не рискнули воздействовать на объект непосредственно, но когда в его сторону направили пучок излучений различной природы, одна из частот отразилась обратно, благодаря чему нам удалось получить изображение...

- И что же это было?

- Ты употребил прошедшее время. Но это не было, это есть. Судя по силуэту и некоторым деталям конструкции, неизвестный объект аналогичен единственному кораблю гуюков, с которым нам, торговцам, приходилось иметь дело. Тому самому, в котором мы обнаружили твою пациентку. Однако этот новый корабль намного больше.

- Постой, Сделка!.. Ты говоришь о невидимом космическом корабле, который

появился... то есть не совсем появился, но...

- Он здесь, и он ждет.

- Ждет? Но чего?.. - Именно в этот момент прямо у меня в мозгу раздался голос Эла, который вызвал меня по зашифрованному больничному каналу:

- Босс, вы меня слышите? Похоже, Пипс намерен покинуть клинику, но прежде он хочет поговорить с вами.

Этого только не хватало, подумал я. Я и так беспокоился, что нарушил привычную ежедневную процедуру и не побеседовал с Хаксель, но сначала мне нужно было выслушать Сделку. А теперь и Пипс решил преподнести сюрприз...

- Сейчас я занят, - мысленно ответил я Элу. Гара, разумеется, могла подслушать, но в эту минуту меня не волновали подобные мелочи. - Скажи Пипсу, что я зайду к нему, как только освобожусь.

Сделка принялся раскачиваться на трех своих центральных щупальцах. Возможно, все торговцы так делают, когда волнуются.

- Мы не знаем, зачем гуюки прибыли в вашу Солнечную систему, - сказал он. - Нас, однако, весьма беспокоит, что они постарались скрыть свое присутствие, а также размер их корабля.

- И насколько он велик?

- Ты помнишь размеры корабля-матки торговцев? В звездолет гуюков свободно поместилось бы полсотни таких кораблей, и еще осталось место.

Я вовремя спохватился и закрыл рот, прежде чем моя челюсть успела вывернуться из суставов. Корабль-матка торговцев огромен.

- Мы, торговцы, считаем, что только две причины могли заставить гуюков построить такой большой корабль, - продолжал Сделка. - Колонизация либо завоевание. Иного объяснения я не вижу.

О боже!..

- Вы действительно думаете, что гуюки намерены на нас напасть?

- Мы не знаем. - Сделка немного помолчал. - Теперь ты понимаешь, почему я медлил?

Я машинально кивнул. Больше всего на свете тсф ценили новые возможности для расширения своего бизнеса, а поскольку гуюки прибыли из другой галактики, где они, по всей видимости, основали собственную торговую империю, торговцы считали установление с ними взаимовыгодных отношений основным приоритетом. В этих условиях высшее руководство тсф приказало всем своим подчиненным хранить в секрете информацию о возможном вторжении, боясь осложнить будущие деловые связи с могучей цивилизацией гуюков. И все же Сделка, который был не только моим куратором, но и другом, не смог промолчать. Ради меня он рискнул

карьерой, свободой, а возможно, и жизнью.

При одной мысли об этом у меня перехватило горло, поэтому следующие свои слова я произнес неожиданно хриплым и низким голосом:

- Да, теперь я понимаю. Спасибо, Сделка.

- Ты, вероятно, захочешь как можно скорее передать эту информацию своим властям, но я прошу тебя немного подождать.

- Почему?

- Люди мало что смогут сделать, если столь высокоразвитая раса пожелает причинить им зло. Кроме того, чересчур резкая негативная реакция твоего народа может осложнить посреднические усилия третьей стороны, которая могла бы попытаться урегулировать вопрос. Кстати, наши самые опытные дипломаты, действуя со всей деликатностью, уже обратились к гуюкам с предложением о посредничестве.

- Понятно. Ладно, я подумаю.

- Подумай хорошо, друг. Ну а теперь мне пора. Явившись сюда, я поступил неосмотрительно, и теперь меня, скорее всего, дисквалифицируют. - Сделка имел глаза на каждом из внешних щупалец-ног, поэтому ему не нужно было поворачиваться, чтобы посмотреть, куда он движется. Торговец попросту дал задний ход, оставив меня и Гару глазеть на закрывающийся за ним шлюз.

* * *

Несколько десятилетий назад кто-то из земных археологов высказал гипотезу, что, мол, в глиняных изделиях, изготовленных на гончарном круге, могут сохраняться звуковые колебания, которые передавались на глину через руки древних гончаров. С практической точки зрения это означало следующее: если гипотеза верна и если записанные колебания можно каким-то образом воспроизвести, то каждая глиняная ваза или кувшин из погребенных под слоем лавы Помпеи представляет собой своеобразное звуковое окно в прошлое. Нужно только суметь «разговорить» обожженную глину - при помощи простой патефонной иглы или при помощи лазерного луча, подключенного к комплексу цифровой обработки и фильтрации, и человечеству откроются давно забытые культурные и лингвистические истины. На первый взгляд, дело казалось не особенно сложным, но, насколько я знал, до сих пор ученым удалось услышать только неясные скрипы и шорохи. Возможно, это был звук вращающегося гончарного круга, но, может быть, и нет...

Я всегда подозревал, что Гара с ее невероятной чувствительностью к акустическим колебаниям могла бы дать сто очков вперед самым совершенным человеческим устройствам, однако каковы истинные пределы поражающих воображение способностей моей помощницы, я не знал. Как известно, специализация той или иной расы в какой-то отдельной области диктуется особенностями физической организации. Тело витти состоит, главным образом, из крошечных углеродистых нанотрубок, внутри которых проходят тончайшие биметаллические нити, исполняющие функции одновременно и нервов, и мускулов. Наружные покровы - назовем это «кожей» - обладают завидной прочностью, и в то же время они настолько чувствительны к колебаниям, что Гара, при полном отсутствии зрения в нашем смысле этого слова, способна читать даже печатные тексты - при условии, что поблизости будет находиться источник звуковых колебаний высокой частоты, поскольку типографская краска или тонер принтера отражают ультразвук совсем не так, как чистая бумага. Гара наделена также тончайшим осязанием: достаточно сказать, что она способна ощущать на своей коже звездный свет и таким образом как бы видит эти удаленные от нас светящиеся объекты. По всей вероятности, именно благодаря этой своей физической особенности любопытные витти достигли значительных успехов в радиоастрономии, хотя так и не додумались до обычного оптического телескопа.

Примерно год назад я случайно упомянул при Гаре о сохранных в глине звуках и о «гипотезе палеофонографа». Каково же было мое удивление, когда она ответила - причем ответила тоном, каким говорят о давно известных вещах, - что кремнийсодержащие материалы часто сохраняют в себе акустическую информацию, которую можно извлечь. В особенности это касается колебаний, организованных в виде музыкальных произведений, так как именно музыка строится по законам строгой гармонии и к тому же отличается ограниченным динамическим диапазоном. Существует ли в музыкальном прошлом человечества что-то такое, что мне хотелось бы услышать, спросила Гара.

Так появилась на свет программа или, точнее, научный проект под названием «Возвращение Баха», в котором приняли активное участие десятки музыковедов, историков, музыкантов, американских и немецких официальных лиц, а также таможенных чиновников, которые только диву давались, разглядывая спецификации некоторых грузов.

Иными словами, это было очень интересное и даже захватывающее исследование, но сейчас при одном упоминании о нем я буквально похолодел. Бах, разумеется, не имел никакого отношения к тому, о чем только что шла речь. Следовательно, Гара имела в виду нечто совсем другое. И я отлично понял: она

тоже подозревала, что Сделка обладает довольно широкими слуховыми возможностями.

- Нам удалось выделить и отфильтровать почти все музыкальные фрагменты, которые исполнял Тобиас Трост^{*18}, - продолжала Гара как ни в чем не бывало. - К сожалению, нам неизвестна точная дата, когда на построенном им органе играл сам Бах, поэтому мы можем только предполагать, какие именно образцы звучания в заданном сурдовременном слое принадлежат великому Иоганну Себастьяну. Если таковые вообще отыщутся... - Произнося эти слова, Гара как бы невзначай коснулась стены, и я снова похолодел. До сих пор мне как-то не приходило в голову, что макромиты, из которых состояло в клинике буквально все, могут записывать и воспроизводить звук, возможно, даже транслировать его на значительные расстояния. Чертовы торговцы! Они строили эту клинику по моему заказу, но почему-то забыли снабдить меня, так сказать, инструкцией по эксплуатации. Конечно же, Гара неспроста завела речь о воспроизведении давно умолкших голосов.

- Бах, безусловно, был более искусным органистом, чем его коллеги, - сказал я. - Из этого и будем исходить. А сейчас прошу меня простить: моя пациентка, наверное, уже заждалась. Мы сможем вернуться к этому разговору позже.

- Буду ждать с нетерпением. Я всегда рада поговорить с тобой, Алонсо. Ну а сейчас мне пора. До встречи, и... будь осторожнее.

- Ты тоже.

* * *

Моя беседа с Хаксель началась в точности так же, как и шестьдесят три предыдущих, однако мне почему-то казалось, что наша сегодняшняя сессия чем-то неуловимо отличается от прочих. У меня, во всяком случае, не было ощущения рутинности происходящего - скорее всего потому, что я никак не мог отделаться от мысли о причинах, заставивших соплеменников Хаксель прислать в наш уголок Галактики огромный космический корабль, который вполне мог оказаться военным судном, выполняющим некую секретную миссию. Но, повторяюсь, поначалу все шло как обычно, до тех пор пока Хаксель не застала меня врасплох неожиданным вопросом.

---

¹⁸ * *Тобиас Хайнрих Трост - выдающийся немецкий органый мастер. Согласно точным историческим данным, И. С. Бах играл на одном из построенных им органов.*

- Возможно, я слишком мало знаю, чтобы выносить суждения, - сказала инопланетянка, - но мне кажется, что вы чем-то расстроены.

Несколько мгновений я разглядывал ее колеблющиеся радужные покровы, но их плавные движения ничего мне не говорили.

- Меня действительно кое-что беспокоит, - ответил я после довольно-таки продолжительной паузы, - но к вам это не имеет никакого отношения.

Тут я немного покривил душой. У меня зрело подспудное убеждение, что дело обстоит как раз наоборот.

Повинуясь внезапному озарению, я решил приоткрыть хотя бы часть правды.

- Вчера в клинике побывал неожиданный гость, - сказал я. - Это был один из моих нанимателей-торговцев.

- И что же привело его сюда?

Ответить на этот вопрос было непросто. Задумавшись о том, как бы половчее сформулировать причины, побудившие Сделку посетить мою клинику, я едва не пропустил ключевое слово. Но когда я мысленно воспроизвел в памяти ее невинную на первый взгляд реплику, подозрение, которое, по всей вероятности, уже некоторое время зрело где-то в глубинах моего подсознания, вдруг выплыло на поверхность, превратившись почти в уверенность.

- Мне почему-то кажется, - медленно проговорил я, - что с вашей памятью все в порядке.

- Вот как? Почему вы вдруг так решили?

- Вы сказали «его». Это значит, что вы не только помните торговца, который проплыл вчера мимо иллюминаторов вашей палаты, но и сумели определить по окраске щупалец, что в настоящее время он принадлежит к мужскому полу. Хотел бы я знать, как давно вы играете со мной в эти игры... И зачем?

- Разве в вашем языке не принято использовать местоимение мужского рода?

- Не трудитесь, Хаксель. Я мог бы подумать, что это простое совпадение, если бы не... другие обстоятельства.

Хаксель плавно скользнула в мою сторону, и я впервые подумал о том, что она может быть опасна. Воспользовавшись инфоматом, я отправил Элу одно из заранее заготовленных нами сообщений с просьбой на всякий случай быть начеку.

Ответ пришел практически мгновенно. «О'кей, - писал Эл. - И не забудьте о Пипсе».

- Будьте добры объясниться, доктор, - сказала Хаксель очень мягко. - Я весьма заинтригована.

- Все очень просто. - Я пристально посмотрел на нее. - Достаточно только переосмыслить кое-какие факты. Первый гуюк, которого я встретил, был спасен

торговцами с терпящего бедствие космического корабля.

- Вы это уже говорили.

- Да, шестьдесят с лишним раз, как вы, безусловно, помните. Ну а поскольку с памятью у вас все с порядком, постарайтесь просто следить за ходом моей мысли. - Я ненадолго задумался, пытаюсь сложить известные мне факты в логическую картину. - Специалистам торговцев более или менее удалось разобраться в информационных системах чужого корабля. Во всяком случае, они установили, что он прибыл не с какой-то удаленной планетной системы, а из другой галактики. Именно после этого тсф наняли меня в качестве врача-психотерапевта, который должен был позаботиться о спасенном гуюке, а также о представителях двух других рас, с которыми торговцы до этого момента никогда не сталкивались. И - вот странно! - все трое были спасены с терпящих бедствие космических кораблей.

- Случайное совпадение, я полагаю...

- Вы так считаете? Однажды я спросил своего друга-торговца, как часто его соплеменникам приходилось спасать в космосе представителей иных рас. Знаете, что он мне ответил?

- Должно быть, это случалось достаточно редко.

- Редко - не то слово. За всю историю цивилизации торговцев зарегистрировано всего четыре подобных случая. О трех из них я только что упомянул. Четвертый - или первый - имел место более тысячи лет назад. - Как утверждал Сделка, торговцы начали создавать свою космическую империю примерно шесть тысяч лет назад по нашему счету, то есть примерно тогда, когда шумеры только-только экспериментировали со своими глиняными табличками.

- И какой вы из этого делаете вывод?

- Я уверен, что три последних случая чудесного спасения инопланетян были организованы гуюками. Раз вы умеете перемещаться из одной галактики в другую, следовательно, у вас есть технологии, неизвестные даже тсф, поэтому устроить это не составило особого труда. Если прибавить робота, которого ваши соплеменники прислали мне якобы в знак признательности и который оказался слишком опасным, а также ваше появление в моей клинике, то приходится предположить, что гуюки задумали... что-то вроде эксперимента или испытания, - сбивчиво закончил я.

Хаксель слегка развернула свои вуалевидные покровы, напугав меня, поскольку это произошло довольно быстро; к тому же радужные краски на ее «крыльях» вдруг вспыхнули ярче.

- Ваша догадка абсолютно верна, доктор, но... я чувствую ваш страх. Бояться не нужно. Мы никому не желаем зла. Наши действия продиктованы острой

необходимостью. Нам кое-что очень нужно...

- Вот как? Что же именно?

- Нам нужна ваша помощь, доктор.

- Но я и так вас лечу... Чем же еще я могу помочь?

- Вы нужны нам не в качестве врача, а как судья.

Неужели мне придется председательствовать в каком-то пангалактическом судилище? Быть может, мне даже дадут какой-нибудь продвинутый молоток, который в нужный момент будет сам стучать по столу. Ох-х!.. Никогда нельзя кричать на пациентов, напомнил я себе. Особенно на тех, кто только прикидывается больным.

- Но кого я должен судить?

- Боюсь, сейчас я не могу дать вам удовлетворительный ответ.

- Превосходно. Но хотя бы намекнуть можете?

- Речь идет об истинности и универсальности одной особой... концепции, которая играет важнейшую роль для всего народа гуюков. Наверное, я не совсем точно выразилась: мы предлагаем вам стать не «судьей», а кем-то вроде присяжного заседателя. Когда решается действительно важный вопрос, мы, гуюки, стараемся набрать в наше жюри как можно больше представителей разных рас, каждый из которых обладает собственным уникальным опытом и мировоззрением и при этом остается восприимчивым к необычному и новому. Все, кого мы привлекаем к этой работе, должны уметь взглянуть на проблему под неожиданным углом, увидеть сложности и препятствия и оценить перспективу... Излишне говорить, что наилучших результатов можно достичь только в том случае, если каждый из судей будет наделен творческим, подвижным умом и острой интуицией... Ну и капелька везения тоже не помешает.

Несколько лет ежедневных словесных пикировок с Элом помогли мне довольно быстро разобраться, что от меня требовалось.

- Одну минуточку, - сказал я. - Давайте удостоверимся, что я вас правильно понял. Вы хотите, чтобы я вошел в это ваше жюри присяжных, потому что, с вашей точки зрения, я талантливый, творческий, крайне восприимчивый и чертовски везучий сукин сын?

- Благодаря последним двум из перечисленных вами качеств мы и решили включить вас в нашу экспертную коллегию.

Что ж, в словах Хаксель был смысл. Успешному психиатру вовсе не обязательно обладать гениальным мозгом - достаточно просто быть наблюдательным и уметь доверять собственным догадкам.

- Но с чего вы взяли, что я вам подхожу?

- О, у нас разработан особый порядок поиска кандидатов. Мы, гуюки, давно знаем, что в каждой галактике есть наиболее продвинутая раса, которую путем определенных манипуляций можно... стимулировать к поиску кандидата, обладающего нужными нам качествами. Причем такой кандидат вовсе не обязательно принадлежит к этой развитой расе.

Меня, честно говоря, несколько обеспокоило то, что Хаксель использовала слова «манипуляции» и «стимулировать».

- Ну ладно, пожалуй, в нашей Галактике самой развитой в техническом отношении расой действительно являются тсф. Они много путешествуют от планеты к планете, забираясь в самые отдаленные уголки нашей Вселенной. Но как об этом узнали гуюки?

- Очень просто!.. - Хаксель, казалось, не терпелось поскорее закончить объяснения. - Существует великое множество способов обмена информацией на средних дистанциях, однако надежная межзвездная связь требует использования сложных энергий. Попав в вашу галактику, мы исследовали все используемые местными цивилизациями каналы связи, рассортировали передачи по языковому признаку и по расстоянию и выяснили, что именно торговцы чаще всего передают сведения на дальние и сверхдальние дистанции.

Сложные энергии, удивился я. Интересно, что бы это могло значить? Хаксель тем временем продолжала свою лекцию:

- После этого нам оставалось только оценить способность тсф отыскать подходящего кандидата. Для решения этого вопроса потребовалось около девяноста ваших лет, в течение которых нам пришлось даже выйти на контакт с одной из местных рас, чтобы узнать, как относятся к торговцам обитатели вашей галактики.

- Это были э-делла-пэ, не так ли?

- Да, это были они. Мы предложили им нашу технологию визуализации, в которой они остро нуждались, а взамен получили необходимые сведения и обещание скрывать информацию о нашем появлении в галактике.

- Понятно... - Похоже, Пипс и его соплеменники держали ценные сведения в секрете не только потому, что в их представлениях гуюки были похожи на ангелов.

- Убедившись, что торговцы подходят для наших целей, мы начали действовать. Вы довольно часто упоминали о существах, которых спасли торговцы... Мы отыскивали в космосе два звездолета, которые потерпели настоящее крушение, добавили к ним наше судно, намеренно выведенное из строя, и отбуксировали их в те пространственные сектора, где торговцы обустроили свои базы. В одном случае, кстати, дистанция была минимальной, чтобы поврежденный корабль засекли как

можно скорее. Как мы рассчитывали, так и вышло: торговцы обнаружили терпящие бедствие суда и сняли с них трех пострадавших путешественников. Дальнейшие события также развивались по нашему плану. Наши аналитики были уверены, что торговцам потребуются высококвалифицированная помощь, чтобы справиться с тройной задачей, которую мы перед ними поставили. И действительно, они обратились к вам...

Ну и сложности, подумал я. Я никогда не считал себя таким уж «высококвалифицированным» специалистом, но торговцам я привык доверять. Вот только я пока не знал, повезло мне или нет.

- Надеюсь, это не вы подстроили катастрофы, которые вывели из строя негуюкские звездолеты?

- Мы никому не причиняем вреда без крайней необходимости, - повторила Хаксель.

- Отрадно слышать.

- Ваш успех в лечении троих пострадавших весьма нас впечатлил, - продолжила инопланетянка. - Тем не менее мы решили подвергнуть вас дальнейшим испытаниям, поскольку ваша ответственность была весьма высока. Сначала мы прислали вам робота... а потом появилась я.

- И на какой предмет вы меня... испытывали?

- Я уже упоминала о качествах, необходимых кандидату. Кроме того, он должен обладать терпением.

Я машинально кивнул. На протяжении двух с лишним месяцев Хаксель испытывала мое терпение, как говорится, по полной программе.

- Ну и каковы результаты? - спросил я. - Теперь вы, наверное, уверены, что я годен для этой работы. Если вы действительно так считаете, то вам и в самом деле необходим психиатр.

- Напрасно вы придерживаетесь столь низкого мнения о самом себе, доктор.

- У нас это называется скромностью, - пошутил я.

- Впрочем, - добавила Хаксель, - в данном вопросе ваше мнение не играет существенной роли. Мы считаем вас подходящим кандидатом. Это наш окончательный вывод, в справедливости которого можете не сомневаться. Специальный корабль ждет вас неподалеку от Луны. От лица всей нашей цивилизации покорнейше прошу вас, доктор, подняться на борт нашего звездолета и совершить одно небольшое путешествие. Вы должны кое-что повидать, прежде чем от вас потребуются решение.

- А куда мы направимся?

- За пределы вашей галактики. Разумеется, впоследствии мы вернем вас домой.

Я настолько растерялся, что на мгновение мне даже показалось, будто пол под ногами закачался, а стены куда-то поплыли.

- Как долго продлится это путешествие?

- О, не больше вашей недели. Мы все организуем, в том числе перевозку ваших личных вещей и официальное освобождение от служебных обязанностей. Торговцы, несомненно, пойдут навстречу.

Я облизнул пересохшие губы.

- Разумеется, на неделю я смогу отлучиться, но... сколько лет пройдет на Земле за эти семь дней? - На мгновение я представил, что буду чувствовать, когда вернусь и узнаю, что и Санни, и Алекс, и даже мои прапраправнуки давно обратились в прах. Правда, торговцы и некоторые другие расы, освоившие межзвездные перелеты, сумели как-то обойти гениальные эйнштейновские озарения, однако расстояния, которые они покрывали за один прыжок, были невелики... сравнительно невелики. Мне же предстояло путешествие в другую галактику. Астрофизики торговцев рассчитали, что галактика, откуда явились гуки, отстоит от нашей на десять миллионов световых лет - огромная дистанция по любым меркам. Похоже, старик Альберт все же посмеется последним, причем надо мной.

- В своих оценках я сделала поправку на релятивистский эффект. Ваше отсутствие продлится не больше недели и для вас, и для тех, кто останется на Земле.

- А нельзя ли мне взять с собой жену и сына? - спросил я.

- Можете взять с собой вашу генетическую семью, доктор. Я даже настаиваю на этом, поскольку мне кажется: впоследствии вы очень пожалеете, если они не смогут разделить с вами этот уникальный опыт.

- Боюсь, вы все же не совсем правильно меня поняли, - пробормотал я. - Я не просто сомневаюсь в своей способности выполнить работу, для которой вы меня выбрали. Я абсолютно уверен в своей непригодности... С другой стороны, если эта ваша коллегия будет достаточно многочисленной, один человек не сможет принести большого вреда, каковы бы ни были его деловые и моральные качества. - Это последнее замечание вполне заслуживало того, чтобы занять почетное место в Зале идиотских высказываний, однако в тот момент я об этом почти не думал. Рациональная часть моего мозга продолжала работать на полную мощность, уж больно мне хотелось увидеть другие галактики.

- Значит, вы принимаете наше предложение?

- Один, последний вопрос: когда судьи будут голосовать, могу я воздержаться?

- Никакого голосования не потребуется. Вы должны просто высказать свое

мнение.

- В таком случае, на ближайшую неделю я ваш со всеми потрохами. - В глубине души я надеялся, что поездка действительно займет не больше недели: как-никак перспектива оказаться за много миллионов световых лет от дома, где не бывал еще ни один человек, заставляла меня нервничать. - Когда мы отправляемся? Кроме вас у меня есть только один пациент-инопланетянин, но он как раз сегодня выписывается: нам осталось только попрощаться. Мне, однако, нужно привести в порядок дела в моей сухопутной клинике.

Мне показалось, что Хаксель пожалала плечами.

- В нашем распоряжении не так уж много времени, так что я буду весьма признательна, если вы поторопитесь. По дороге мы должны забрать еще двух судей, но они, к счастью, уже дали свое согласие. - Ее коготки чуть скрежетнули по полу. - Откровенно говоря, доктор, я рада, что вы не отказались. Теперь нам, гуюкам, не придется превращать ваш мир в тлеющие головешки... Нет-нет, не пугайтесь! Изменение цвета ваших кожных покровов свидетельствует, что вы восприняли мои слова всерьез, и совершенно напрасно. Наши народы не похожи друг на друга, но кое-что общее у нас есть: и люди, и гуюки любят хорошую шутку.

Ничего себе шуточки...

* * *

Когда я вошел в палату э-делла-пэ, Пипс выглядел очень взволнованным. Во всяком случае, скобы, составлявшие его тело, изгибались под самыми разными углами, то и дело сталкиваясь между собой. Звуки этих ударов, впрочем, были приглушенными, но настолько частыми, что в комнате стоял громкий шорох, словно кто-то не слишком умело тасовал карточную колоду. Я даже решил, что это повышенное волнение вызвано моим опозданием, и хотел извиниться, но Пипс не дал мне такой возможности.

- У меня потрясающие новости, доктор-друг! Я продолжил исследование еврейской традиции и обнаружил нечто совершенно потрясающее! Ты знаком с учением каббалы?

Услышав эти слова я невольно задумался, предсказывал ли мой сегодняшний гороскоп - если бы я дал себе труд прослушать его в утренних новостях - неблагоприятный день?

- Э-э... боюсь, что нет.

- Странно. Я читал, что основоположник той отрасли медицины, которой ты

посвятил себя в качестве профессионала, опирался именно на каббалу.

- Ты имеешь в виду Карла Юнга?

- У тебя странное произношение, но ты прав - речь идет именно о нем.

- Моя профессиональная подготовка включала в основном практические, а вовсе не мистические аспекты его теории.

- Но ведь каббала - это практика в чистом виде! В ней все построено на равновесии...

Э-делла-пэ трещал не переставая, как настоящий неофит, и на сей раз я не возражал. Нет, в мои планы вовсе не входило стать новообращенным каббалистом, но я рассудил, что получить новую информацию всегда полезно, пусть даже мой новоявленный учитель использовал знания именно затем, чтобы обратить меня в свою веру.

- А главное, друг-доктор, - и это самое удивительное! - система каббалы в малейших, деталях совпадает с учением Рогмент. Как и э-делла-пэ, просвещенные евреи осознали, что душа каждого живого существа по сути своей является не чем иным, как дородовым питательным каналом, по которому передается...

- Вроде пуповины? - уточнил я.

- Да, хотя подобный способ питания эмбриона встречается только у земных и некоторых других млекопитающих. Существа моего мира используют более совершенные механизмы. Впрочем, сейчас речь не об этом. Душа каждого живого существа не является самим этим существом или даже его частью. Она всего лишь канал, питающий это существо потоками животворящей энергии, исходящими от Чистейшей, которую древние евреи пронизательно называли Эн-Соф, то есть «Не имеющей конца». Эти потоки - сефирот на иврите - пронизывают все четыре основных плана бытия, которые, в свою очередь, действуют как каскад понижающих трансформаторов, преобразуя сефирот из материи чисто духовной в нечто более реальное, благодаря чему они проявляются во Вселенной пространства-времени как поступки, мысли, речь и характер. Когда сефирот индивидуума должным образом сбалансированы, это означает, что существо готово к восприятию Чистейшей.

- То есть Бога?

- Чистейшая пребывает вне категорий; она непостижима и, следовательно, не имеет имени, однако без нее не было бы ни жизни, ни бытия, ни сознания. Именно это знание и открывают нам каббала и благословенная Рогмент. Тебе, наверное, приходится частенько давать интервью представителям средств массовой информации?

Внезапная смена темы разговора заставила меня растерянно моргнуть.

- В общем, да, это случается довольно регулярно, - промямлил я наконец.
- Когда это случится в следующий раз, я был бы весьма признателен, если бы ты передал мои слова вашим корреспондентам. Скажи так: народ э-делла-пэ считает людей духовными братьями, объединенными познанием Истины. Пусть об этом узнает весь земной мекубалим - все, кто признает учение каббалы.

- Постараюсь не забыть.

- Спасибо, друг-доктор. Кроме того, я должен поблагодарить тебя за то, что ты так быстро меня вылечил.

- Тут не за что благодарить, Пипс. Все, что я сделал, это выполнил инструкции, которые прислал мне твой народ. - В случае с Пипсом, в отличие от остальных моих пациентов, я действительно с самого начала обладал достаточной информацией как о нем самом, так и о необходимых терапевтических процедурах. Моя задача, таким образом, сводилась к тому, чтобы время от времени цитировать переведенные на английский изречения и пророчества Рогмент. Практически ничего сверх этого от меня не требовалось.

- Тебе нужно знать-понимать, доктор: полученные тобой инструкции были совершенно бесполезны. Они не могли помочь моему выздоровлению... причем тебя ввели в заблуждение намеренно.

- Вот как? - Я снова моргнул. - За что же тогда ты меня благодаришь?

- Как и планировали старейшины, твое неверие заставило меня пристальнее взглянуть на мои собственные сомнения и разглядеть сквозь них чистый огонь веры. Теперь я снова готов отправиться дальше по пути мистического познания.

- Что ж, я рад, что мне удалось исполнить мою роль, - уныло сказал я.

- Ты обрадуешься еще больше, когда узнаешь, что ангел намерена перенести меня из этой комнаты прямо на борт транспортного корабля. Таким образом, мой отъезд не будет сопряжен с теми трудностями, которые вызвало мое появление здесь.

- Превосходно. - Узнать, что дело обойдется без суеты и затруднений, мне было действительно приятно, однако в словах Пипса содержался намек на то, что он и Хаксель общаются друг с другом уже довольно продолжительное время. И все это без моего ведома! Кроме того, гюки, похоже, владели технологиями, которые делали возможной телепортацию или что-то в этом роде.

Не иначе, эти ребята и в самом деле вели свой род от архангела Гавриила.

- И когда же ты отбываешь? - спросил я, с трудом справившись с очередным приступом раздражения.

- Прямо сейчас. Да сохранит тебя Чистейшая, друг-доктор, да осияет она тебя светом истины.

- И тебе всего наилучшего. Надеюсь, ты найдешь, что ищешь.

- Я уже обрел главное. Теперь мне ясно, что самое важное - это не скорость, с которой ты приближаешься к цели, и даже не сама цель. Важен сам путь, только он имеет значение. Прощай, друг-доктор. Не забывай уравнивать потоки!

За иллюминатором палаты возникла тень, в которой я не без удивления узнал часть космического корабля э-делла-пэ, имеющего характерную форму, бедренной кости. Сам Пипс тоже изменился; сначала он превратился в подобие игрушки-пружины «Слинки»^{*19}, правда - промышленных габаритов, потом сделался полупрозрачным, словно сотканным из тумана, и наконец поплыл куда-то прямо сквозь стену - по-видимому, на борт своего звездолета. Несколько лет назад один жутковатый инопланетянин проделал на моих глазах нечто похожее, причем никакими техническими приспособлениями он при этом не пользовался. Сейчас же я стал свидетелем того, как инопланетянка, которая также не имела при себе никакого оборудования (хотя кто знает, как обстояло дело в действительности) применила свою инопланетную технологию на расстоянии. Интересно было бы знать, подумал я, насколько обогнали гюки земную науку и технику?

Похоже было, что намного, и мысль эта нисколько не успокаивала.

* * *

Санни и Алекс восприняли новости с воодушевлением. Похоже, оба были совсем не прочь прогуляться по Млечному Пути и окрестностям. Я поддерживал их уверенность в том, что никаких проблем или трудностей нас не ожидает, но поздно вечером, уже лежа в постели, я почувствовал, что мой собственный энтузиазм по поводу предстоящего путешествия в значительной степени остыл. Ведь что ни говори, а нам предстояло стать первыми представителями человеческой расы, выбравшимися за пределы Галактики. Одного этого было достаточно, чтобы вызвать чувство тревоги за близких. Кроме того, у меня из памяти не шли слова Гары, сказанные ею, когда по дороге домой я, как и обещал, ненадолго заехал в свою «сухопутную» клинику.

«Ты рискуешь очень многим, - сказала она, когда я обрисовал ситуацию. - Быть может, даже всем, включая собственную жизнь, а также жизнь и здоровье членов твоей семьи, и все потому, что тебя убедили в полной безопасности подобного

---

¹⁹ * Создана в 1943 году в США, изначально из металла черного цвета. Ее можно перекидывать из руки в руку и тем самым успокаивать нервы. Также она умеет «шагать» вниз по ступенькам.

путешествия. Не понимаю, почему ты веришь гююкам - существам, о которых ты не знаешь ровным счетом ничего, кроме одного: они могут быть на редкость изобретательны и хитры».

В этом ее утверждении была своя логика, однако я сразу подумал о той почти параноидальной осторожности, которую Гара часто проявляла в вопросах куда менее важных. Но сейчас, оставшись со своими мыслями один на один, я начинал склоняться к аналогичному выводу.

- Не спишь? - пробормотала Санни, поворачиваясь ко мне.

- Откуда ты знаешь?

- Ты дышишь слишком часто и неглубоко. Такая картина дыхания характерна для человека в стрессовом состоянии. Тебе ли, врачу, этого не знать?

- У меня такое ощущение, будто моя душа стала хрупкой как хрусталь, - ответил я. Как хрустальная пуповина, сказал бы, наверное, Пипс. - И она вибрирует в такт гармониям, которые мне неподвластны.

- Очень поэтично, - заметила Санни. - И тем не менее тебе придется примириться с жестокой действительностью: от меня ты ничего не скроешь. Не знаю, какие там у тебя вибрируют гармонии, но я почти уверена: сейчас ты мучаешься вопросом, разумно ли было с твоей стороны тащить жену и ребенка в такую даль.

- Гармонии не могут вибрировать, - сказал я. - Потому что гармония и есть строго заданная последовательность вибраций определенной частоты, которые...

- Только не надо читать мне лекции по физике. - Санни негромко рассмеялась. - Напрасно ты себя изводишь, дорогой, ведь отказаться ты все равно не сможешь, хотя бы потому, что отлично знаешь: если ты так поступишь, то потом будешь до конца своих дней жалеть об упущенных возможностях.

- Особенно если учесть, сколько усилий Хаксель и ее народ затратили только на то, чтобы меня найти...

- Вот видишь! Так что не терзай себя понапрасну, расслабься и поспи. Завтра у тебя будет трудный день.

* * *

В субботу утром мы убедились, что даже путешествие в другую галактику может начинаться с довольно-таки продолжительного ожидания на лужайке перед домом, куда мы вытащили вещи. Справедливости ради следует сказать, что мы, конечно, были сами виноваты, поскольку собрались слишком рано. Ради Алекса я

старательно делал уверенное лицо, но в глубине души все равно волновался.

Как выяснилось, совершенно напрасно. В назначенный час к нашему дому подкатил серый фургон с правительственными номерами - совершенно неприметный, если не считать наклейки «Путаю педали!» на заднем бампере. Из фургона выбрались двое здоровяков, которые представились просто как Стивен и Карл; они подхватили четыре наших чемодана и, сообщив, что будут заботиться о нашем багаже до самого отлета, погрузили их в грузовой отсек фургона с такой осторожностью, словно в каждом лежал торт-суфле. Только после этого Карл сказал, чтобы мы тоже селись.

Салон серого фургона меня приятно удивил. Там стояло пятнадцать кожаных кресел ковшового типа с пристяжными ремнями, словно в гоночном автомобиле или в самолете. Перед каждым располагался сенсорный экран с выходом в систему глобальной навигации. Экран показывал наше точное местонахождение, что представлялось совершенно излишним, поскольку у каждого из нас имелся имплантированный инфомат со встроенным навигатором.

Но когда боковая дверь фургона автоматически закрылась, мой инфомат неожиданно отрубился, хотя его центральный процессор, аккумуляторы которого я буквально вчера зарядил так, чтобы хватило как минимум на две недели, спокойно лежал в моем чемодане. Мгновенно лишившись привычного доступа к обширным информационным ресурсам, я почувствовал себя довольно неуютно; таким легкоуязвимым и незащищенным, должно быть, чувствует себя человек, который вдруг оказался без одежды в многолюдной толпе. Зачем это было нужно, я тоже не понимал, во всяком случае мне казалось, что без подобных драконовских мер безопасности вполне можно обойтись. Впрочем, я тут же подумал о том, что в любом случае вскоре окажусь отрезан от переданных «в живую» программ новостей и от идущих в прямом эфире шоу, так что особо расстраиваться мне, конечно, не стоило.

После того как Стивен помог каждому из нас справиться с ремнями безопасности, которые, к слову, фиксировались в шести точках, Карл устроился за рулем и... поехал с такой скоростью, с какой, бывало, ездила моя бабушка, когда я был еще совсем маленьким (мы с братом, глядя в окно, могли бы, наверное, пересчитать все гальки на обочине и все трещинки на асфальте). В таком темпе мы проехали не меньше пяти миль, прежде чем Карл рискнул свернуть с шоссе на большую, залитую исковерканным бетоном парковочную площадку рядом с полуразрушенной фабрикой. Парковка тоже была давно заброшена, но сейчас там стояло несколько десятков автомобилей, из чего я сделал заключение, что торговцы по-прежнему равнодушны к известности и шумихе.

Среди множества людей, стоявших возле машин с чрезвычайно важным видом, я разглядел пару знакомых федеральных агентов и нескольких моих старых приятелей из НАСА, которых не видел уже много лет. Сделка-десяти-жизней тоже был здесь; он стоял, подняв над толпой одно щупальце, чтобы лучше видеть происходящее. Заметив, что мы выгружаемся из фургона, Сделка приветственно помахал нам. Больше никто не обратил на нас ни малейшего внимания, да и большая часть сенсорных жгутиков Сделки была направлена в противоположную сторону - к чему-то блестящему, заслоненному от нас многочисленными спинами в тысячедолларовых костюмах.

Карл и Стивен, как и обещали, выгрузили наши чемоданы и готовы были нести их вслед за нами. Стиву не повезло - ему достались оба чемодана Санни, а моя жена всегда отличалась стремлением взять с собой как можно больше полезных и необходимых вещей.

Люди возле машин тоже смотрели в ту сторону, где сверкало и блестело непонятное нечто, и хотя они были обращены к нам спинами, я узнал двух одетых явно не по погоде сенаторов США, одну конгрессменшу и высокого, как профессиональный баскетболист, политика - обладателя весьма эффектной серебристой шевелюры, который поворачивался то в профиль, то полуанфас, с удовольствием позируя перед репортерами, азартно отталкивавшими друг друга в попытке пробиться поближе к непонятному предмету, столь заманчиво сверкавшему почти в самом центре замусоренной парковки. Несколько бригад тележурналистов успели установить прожекторы, так что поначалу я даже подумал, что это их свет заставляет непонятный предмет так ярко блестеть.

Голова, увенчанная аккуратно уложенными серебристо-седыми волосами, в очередной раз повернулась, и взгляд зеленоватых глаз знаменитости на мгновение остановился на мне. Интересно, подумал я, что наболтали в Вашингтоне торговцы, если в наше захолустье прикатил сам вице-президент? Он выглядел очень внушительно, возвышаясь над толпой на добрых две головы, к тому же от него исходила аура власти, которая окружала его словно невидимой стеной. Впрочем, помимо этой незримой стены вице-президента окружала стена видимая, состоявшая из полудюжины крепких мужчин в одинаковых темных костюмах. Еще несколько телохранителей держались рядом со Сделкой.

- Пап?.. - подал голос Алекс. - Мне ничего не видно! - Мой сын был высоким парнишкой, но только для своего возраста, поэтому с его наблюдательной позиции в четыре с половиной фута от земли он мог видеть только спины больших шишек.

- Хочешь, посажу тебя на плечи? - предложил я. - Когда-то тебе это нравилось.

Мой девятилетний сын нахмурился.

- Ну, не знаю... Я все-таки уже не маленький.

- А ну-ка, дайте мне размять мои старые косточки!.. - раздался рядом еще один голос, говоривший с густым южным акцентом. - Думаю, никто не станет смеяться, если один джентльмен поможет другому молодому джентльмену взобраться повыше!..

Я обернулся. Сделка ухитрился освободиться от своих телохранителей и оказался прямо позади нас. Торговцы умеют удивительно быстро поворачиваться - разумеется, когда им этого хочется. Прошло несколько секунд, прежде чем первый телохранитель, отдуваясь и сопя, занял свою стратегическую позицию позади Сделки, оттеснив в сторону двух наших носильщиков.

Если вам стало интересно, почему Сделка вдруг заговорил на южный манер, я могу это объяснить. В присутствии большого количества людей торговцы стараются сделать все, чтобы выглядеть максимально безопасными и безвредными. Этот маскарад включает различные варианты произношения и речевые обороты, которые могут различаться в зависимости от обстановки, однако неизменно бывают по провинциальному цветистыми.

- Я так и думал, что тебя тоже сюда вызовут, - сказал я Сделке. - Кстати, где ты взял эту идиотскую реплику насчет «старых косточек»?

- Именно для этого меня и разыскивало начальство... - Сейчас машина-переводчик Сделки была настроена так, чтобы слова торговца мог слышать только я. В качестве моего куратора и друга со мной он мог не притворяться глуповатым клоуном и не демонстрировать показное дружелюбие. - Гююки сообщили моему начальству и вашим властям, что ты принял их предложение. Кроме того, они потребовали, чтобы кто-то из торговцев, а точнее - я, в обязательном порядке присутствовал при твоём отбытии... Что касается источника моей цитаты, то она взята из работ некоего Уолтера Келли, ныне, увы, покойного^{*20}.

- О'кей, - кивнул я. - А теперь скажи, на что все эти типы уставились?

Прежде чем ответить, Сделка опустил свое щупальце и согнул кольцом так, что получилось удобное сиденье. В последние два года торговец часто бывал у меня дома, и я подозревал, что мой сын считает его чем-то вроде комбинации большой игрушки и спортивного снаряда. Вот и сейчас он подпрыгнул и с размаха опустился на импровизированное сиденье, которое приготовил для него Сделка. В следующую секунду торговец поднял ребенка высоко в воздух, проделав это с

---

²⁰ * Уолтер Келли - карикатурист и иллюстратор. В 1948 году начал создавать серию комиксов об обитателях болота Окифеноки: «разумном, терпеливом, сердечном, наивном и дружелюбном» опоссуме Пого, крокодиле Элберте и других, которые весьма напоминали известных в США людей.

такой же легкостью, с какой я поднял бы горошину.

- Держись крепче, Док! - громко сказал Сделка, причем в его голосе снова прорезались южные интонации.

Продолжая удерживать Алекса на весу (щупальце, на конце которого сидел мой сын, даже ни разу не качнулось), Сделка без труда расчистил дорогу для меня и Санни, легко и непринужденно раздвигая людей корпусом, словно ледокол, движущийся через арктические ледяные поля. Впрочем, когда люди оборачивались, чтобы посмотреть, что это за штука мягко и неумолимо надвигается на них сзади, они сами спешили уступить дорогу: похоже, мало кто из присутствующих когда-либо видел торговца во плоти. По идее, именно Сделка должен был стать центром всеобщего внимания, и я, как ни старался, так и не смог представить, что же могло отвлечь зевак от столь примечательного зрелища, как настоящий тсф.

- Прошу прощения, сэр и мадам, - окликнул нас кто-то из секретных агентов. - Не могли бы вы пропустить нас вперед?

Вполне понятно, что профессиональные охранники хотели находиться как можно ближе к тому, кого их послали охранять, но Сделка протянул поверх моего плеча одно из своих щупалец и слегка постучал агента по груди. Тот понял намек и больше нас не беспокоил.

Из толпы мы выбрались неподалеку от вице-президента, и я наконец получил возможность как следует рассмотреть объект, привлекий всеобщее внимание. Эта блестящая штука чем-то напоминала старомодный киноэкран или, точнее, его призрак; Во всяком случае, она была тонкой, как мыльный пузырь, и постоянно колыхалась, словно занавеска на сквозняке. Эл, наверное, назвал бы ее «пленчатой». На колышущейся поверхности появлялись и исчезали движущиеся изображения людей и инопланетян, почему-то окрашенных в самые неожиданные цвета. Из-за этого мне трудно было разглядеть их во всех подробностях, но мне показалось, я узнал Сделку, Гару, Эла, Хаксель - и вашего покорного слугу.

- Хорошо, сдаюсь, - проговорил я после довольно продолжительной паузы. - Что это? Испорченный видеоэкран?

В ответ Сделка неопределенно взмахнул щупальцами.

- Сдается мне, старина, это посадочный маяк. Я только никак в толк не возьму, зачем гуюкам вообще понадобилась эта штука! Они ведь могут...

Позади меня раздались громкие сердитые голоса, и я обернулся посмотреть, в чем дело. Агенты, которые тащили наши чемоданы, и агенты, охранявшие Сделку, громко спорили из-за того, кто где должен стоять. За их спинами трое моих приятелей из НАСА ухмылялись и показывали мне поднятые большие пальцы. Я

ухмыльнулся в ответ, однако самый вид знакомых лиц заставил меня ненадолго вернуться в те далекие времена, когда мы работали вместе. В течение нескольких очень странных секунд я смотрел на происходящее глазами человека, который был на двадцать пять лет моложе, ясно различая произошедшие за это время перемены, и мне казалось, будто между мной прошлым и мной нынешним лежат не жалкие четверть века, а по меньшей мере несколько столетий.

Например, теперь косметикой пользовались не только женщины, но и мужчины. Благодаря широкому использованию инфоматов, человеческие глаза превратились в подобие видеокамер, изображение с которых в любой момент могло оказаться в мировой информационной сети, поэтому большинство людей пребывали в постоянной готовности к съемке крупным планом. Тональные нанобальзамы для зубов и волос, нанокремы для кожи и прочая нанокосметика позволяли месяцами поддерживать прически и улыбки в безупречном состоянии. Светлокожие люди использовали нанозагар, смуглые щеголяли эрзац-румянцем. Далеко не все мужчины использовали тушь для ресниц, однако белки глаз у всех были точно фарфоровые. Неужели, подумал я, мы постепенно превращаемся в искусственных людей, состоящих не столько из плоти и крови, сколько из пластика и электронных механизмов? Это последнее соображение пришло мне в голову, когда я заметил по меньшей мере шестерых мужчин, размахивавших в воздухе руками, словно они работали с сенсорным экраном. Еще сравнительно недавно я бы решил, что эти люди нуждаются в моей профессиональной помощи. Кроме того, особого внимания заслуживала одежда последнего поколения...

Щелчки, которые издавал Сделка, отвлекли меня от дальнейших размышлений.

- С другой стороны, - громко сообщил торговец, - возможно, это никакой не маяк, старина. Этих ребят не поймешь, пришельцев то есть... Ну а гадать... Мы ж не гадалки, верно?

Пародируя южный выговор, Сделка слегка перебарщивал, но я тем не менее расслышал, как несколько человек в толпе хихикнули.

- Видишь на экране знаки в форме человеческой руки? - добавил Сделка уже значительно тише.

Ничего такого я не видел и даже после подсказки торговца разглядел упомянутые знаки далеко не сразу, однако спустя какое-то время я их заметил - заметил и удивился, как я не обратил на них внимания раньше, ведь они были единственным, что колышущаяся поверхность транслировала постоянно.

- Теперь вижу, - ответил я, также понижая голос. - Только это не человеческие руки, Сделка. Это... ума не приложу, у какой расы по четыре пальца на верхних конечностях.

- Ты серьезно?

- Ах да, большие пальцы не считаются, верно? Но тогда... - Обогнув Сделку, я решительно шагнул к экрану. Когда я оказался совсем рядом с ним, мою кожу словно закололи сотни невидимых иголок, а во рту появился металлический привкус - последнее, впрочем, могло быть следствием легкого страха, который я испытывал. Стоило мне приблизиться, как изображение руки проступило четче, а главное, оно перестало перемещаться по всему экрану, замерев сравнительно недалеко от земли, так что приложить к нему пальцы оказалось очень простой задачей.

Физически, но не морально... Кажется, в решительный момент мне все же удалось не зажмуриться, однако в глубине души я был почти готов к тому, что вот сейчас с неба под рев реактивных струй спустится какой-нибудь сверкающий супераппарат. Но ничего такого не произошло. Призрачный серебристый экран передо мной всего лишь перестал мерцать и превратился в прямоугольник - высокий, вертикальный и гладкий, как пластиковая игральная карта. Внутри него на уровне земли появился прямоугольник поменьше, который был то ли идеально прозрачным, то ли вообще представлял собой сквозное отверстие. Во всяком случае, сквозь него я отчетливо видел дальнюю часть парковки, тогда как большой прямоугольник продолжал показывать странные разноцветные картинки.

- Мне кажется, это похоже на приглашение, - сказал я через плечо. - Или у кого-то есть другое мнение?

- Это похоже на дверь, старина, - отозвался Сделка.

Я еще несколько секунд разглядывал меньший прямоугольник, потом повернулся и отступил на несколько шагов назад.

- Я возьму чемоданы, - сказал я агенту, который тащил вещи Санни. - Об остальном багаже позаботится моя жена.

- Мы должны пройти сквозь эту дыру? - уточнила Санни, протягивая руки к более легким чемоданам.

- Во всяком случае, мы можем попытаться, - ответил я. - Сделка, будь добр, опусти моего сына на землю. Похоже, нам придется немного пройтись пешком.

- Алексу нет необходимости ходить, - отозвался торговец. - Дело в том, приятель, что меня пригласили на ту же вечеринку, что и всю вашу компашку.

Мистер Уолт Келли, наверное, во всю ворочался в могиле, слыша, как инопланетянин цитирует его героев, но меня сейчас это мало трогало. Я был очень рад, что Сделка полетит с нами.

- Но с чего ты вдруг решил, - продолжал торговец, - будто это не дыра, а нора, в которую тебе непременно нужно залезть?

Взмахом руки я показал на движущиеся картинки.

- Эти видеоролики постоянно воспроизводят одну и ту же сцену - как я подхожу к дверям палаты в моей подводной клинике. И это та самая палата, которую мы отвели Хаксель, потому что во всей клинике это была единственная комната, дверь которой никогда не закрывалась.

- Если это не намек, значит, я - тупой зверек, - снова процитировал Сделка.

- Намек или проверка.

- Тест на сообразительность? На мой взгляд, для парня с твоим ай-кью задача проста.

- Это может быть тест на доверие... - И я снова шагнул к открывшейся передо мной двери. Должно быть, я все же боялся куда сильнее, чем мне казалось, поскольку с каждым шагом ноги становились все более тяжелыми и непослушными. И все же в конце концов я, а за мной и Санни шагнули через порог. Мгновение спустя к нам присоединились Сделка с Алексом.

Ничего не произошло. Если раньше мы стояли перед экраном, то теперь оказались за ним.

- Вот те раз! - проговорил я, изо всех сил стараясь скрыть охватившее меня облегчение. - Нас что, надули?

- Вовсе нет, - возразила Санни. - Смотри! - С этими словами она показала на еще один прямоугольник, медленно возникавший в нескольких шагах впереди. Вторая дверь - если это действительно была еще одна дверь - отличалась тем, что ее заполняло что-то вроде розоватого тумана, легкого и в то же время достаточно плотного, чтобы сквозь него можно было что-то рассмотреть.

Я озабоченно нахмурился.

- Зачем гуюкам понадобились две двери? Или это у них шлюз так устроен?

- Я думаю, первый портал, скорее всего, был оборудован специальными аналитическими устройствами, которые идентифицировали наши личности. - Теперь, когда нас уже никто не мог слышать, Сделка снова заговорил в своей обычной суховатой манере. - Гуюкам наверняка не хотелось бы, чтобы на борт их корабля попали посторонние...

У жены, впрочем, возникли свои соображения.

- Может быть, они просто проверяли, нет ли у нас с собой оружия или взрывчатки? - спросила она.

- По крайней мере, нам не пришлось снимать обувь, - хмыкнул я. - Послушайте, у меня уже плечи ноют от этих чемоданов. В одну дверь мы вошли, давайте проверим и вторую, о'кей? Что толку стоять на месте, ведь рано или поздно нам все равно придется это сделать.

- Давай я их понесу... - Сделка вытянул вперед пару свободных щупалец. - Для меня это не груз.

Возражать я не стал. Сделка забрал у меня оба чемодана и, как я и предполагал, даже не заметил, что каждый из них весит как штанга олимпийского чемпиона.

Между тем движущиеся изображения на внутренней поверхности экрана стали более отчетливыми и последовательными. На них я увидел, как во вторую дверь прохожу сначала я, потом Санни, Алекс и Сделка (любопытно, что и на картинках в его щупальцах появились два крошечных квадратика, изображавших наши неподъемные чемоданы). На несколько мгновений изображения исчезли, потом снова повторились в том же порядке.

- А как же правило пропускать женщин вперед?.. - Я снова вздохнул. - Ладно, я пошел. Если услышите крики и шум борьбы...

- Мы не должны входить. Ты это хотел сказать? - уточнил Сделка.

- Ну да... Что-то вроде.

- Ты уверен, что это безопасно? - спросила Санни столь безмятежным тоном, что можно было подумать - на самом деле этот вопрос ее ничуть не волнует.

- Уверен, иначе зачем бы Хаксель понадобилось городить весь этот огород? К тому же если бы я сомневался, то пустил бы первым вице-президента. Правда, я за него не голосовал, но должен же он на что-то сгодиться? - Я пытался шутить, однако меня продолжали терзать смутные сомнения. Слишком сильно логика инопланетян отличалась от человеческой, а гюки к тому же были из другой галактики - так сказать, инопланетянами в квадрате. Предсказать их действия и поступки практически невозможно, и все же я постарался взять себя в руки и с гордо поднятой головой сделал первый шаг в розовый туман.

* * *

Мой второй шаг был похож на движение в пустоту. Или в какое-то другое весьма странное место. Вокруг сгустился мрак, и я мгновенно оглох и ослеп. Кроме того, я ничего не чувствовал - даже своего собственного веса. К счастью, это продолжалось не слишком долго, так что я даже не успел как следует испугаться. Еще через мгновение я снова оказался в розовом тумане и лишь тяжело дышал, как это бывает, когда на шоссе удается чудом избежать столкновения с тяжелым грузовиком. Я, однако, не стал дожидаться, пока дыхание придет в норму, а сердце вернется к нормальному ритму, и сделал третий шаг.

Скрытая туманом поверхность под ногами была гладкой и упругой, что было,

конечно, гораздо лучше ощущения пустоты. Кроме того, с моим телом что-то происходило. Меня то кидало в жар, то обдавало холодом; я становился то легче, то тяжелее, и даже мой рост, казалось, менялся. Эти изменения, впрочем, не были болезненными, а только очень странными, что отнюдь не добавляло мне мужества. Я чуть не повернулся и не бросился наутек, когда ощутил, как что-то тянет меня изнутри - словно в кости мне добавили стальных иголок, и они реагируют на вращающиеся вокруг меня невидимые магниты. Мне потребовалась вся сила воли, а точнее - все самолюбие, чтобы не сбежать.

Так я прошел шагов двадцать, борясь с нарастающей неуверенностью. В какой-то момент странные ощущения прекратились, я сделал еще шаг и... окунулся в сверкающее великолепие. Гююки определенно любили красивый вид из окна. Если бы пол у меня под ногами не был подсвечен зеленоватым неоновым светом, я бы подумал, что очутился в открытом космосе. Ни стен, ни потолка здесь не было или их невозможно различить, зато со всех сторон меня окружали космические пейзажи - бесчисленные сверкающие звезды, туманности и астероиды, то близкие, то далекие (чтобы нарисовать все это, какому-нибудь художнику-пуантилисту понадобилось бы, наверное, несколько геологических эпох). Даже у меня под ногами подмигивали и поблескивали сквозь зеленое свечение похожие на крошечные бриллианты звездочки.

Когда я немного привык к удивительному окружению, то понял, что зал, в котором я оказался, огромен и совершенно пуст. Кроме меня, в нем никого не было.

Оглядевшись по сторонам, я различил слева от себя нашу Землю. Она выглядела небольшой, но достаточно яркой и вполне узнаваемой. Справа плыла по искусственному небосводу Луна - она была намного больше и от этого казалась трехмерной.

Пока я озирался, ко мне присоединились остальные, и мы некоторое время молчали, пораженные открывшейся нам красотой.

Торговец заговорил первым.

- Как вы себя чувствуете? - спросил он. - Вам удобно, никакого дискомфорта? Лично я нахожу атмосферу и силу тяжести идеальными.

Я бросил внимательный взгляд на лица своих близких.

- Думаю, все отлично. Похоже, гююки сумели справиться с проблемой индивидуального подбора условий жизни, хотя мне и кажется, что здешняя гравитация немного больше земной. Кстати, о гююках - гости прибыли, где же хозяева?

Не успел я договорить эту фразу, как словно бы ниоткуда раздался негромкий, чуть гнусавый голос, очень похожий на тот, каким разговаривала со мной Хаксель.

- Приветствуем вас, друзья. В особенности мы рады вашему появлению, доктор. Мы не вышли вам навстречу сразу, так как хотели дать вам время освоиться с непривычной обстановкой. В этом, кстати, мы следовали вашим земным обычаям. Можно теперь появиться?

Пожалуй, это говорит сама Хаксель, решил я. Я-то знал, о каком обычае идет речь: в клинике, перед первым нашим утренним сеансом, я всегда ненадолго останавливался перед дверью ее палаты, чтобы инопланетянка успела привыкнуть к моему присутствию и внешнему виду, которого, как мне тогда казалось, она совершенно не помнит.

- Валяйте, появляйтесь, - сказал я.

Неподалеку от нас, прямо посреди того, что выглядело глубоким космосом, отворилась дверь (значит, стена там все-таки была), и в Звездный зал вплыло поразительное существо. Кто-то из нас даже ахнул - не исключено, что я сам.

- Я рада снова видеть вас, доктор. Добро пожаловать и вам, и вашим блистающим спутникам.

- Хаксель?..

- Да, это я.

Несмотря на знакомый голос, я не мог не задать этот вопрос. Это существо напоминало мою лжепациентку не больше, чем спелая виноградная кисть похожа на сушеный изюм. Полупрозрачные покровы-мембраны Хаксель развернулись и разгладились, превратившись в многочисленные, тонкие, как паутина, крылья, переливавшиеся густыми, сочными цветами, словно дорогое витражное стекло. Эти живые радуги окружали высокое и узкое цилиндрическое тело, чем-то похожее на колеблющееся пламя свечи.

- Мне кажется, - пробормотала Санни, - ты кое-что от меня скрыл!..

- Я сам никогда не видел ее... такой, - также шепотом ответил я. - Познакомьтесь, Хаксель, это моя жена Санни... Мой сын Алекс... Мой друг и коллега по работе Сделка-десяти-жизней.

- Я рада приветствовать вас на борту нашего корабля. С пятым членом вашей делегации я уже знакома.

- С пятым?.. - Я растерянно огляделся. Хаксель, насколько я мог видеть, не сделала никакого жеста, никакого движения, но звезды над нашей головой, мигнув, погасли, и я увидел высокий, куполообразный потолок. Наши тела, подсвеченные снизу, отбрасывали на него легкие, призрачные тени... и только моя тень была намного плотнее остальных.

На мгновение я застыл потрясенный.

- Гара? - спросил я мгновенно пересохшим горлом. - Ты что, сидишь у меня на

плечах?

- Все нет. Мой вес равномерно распределен по всей поверхности твоего тела, - был ответ, и я протяжно вздохнул. Я хорошо себе представлял, как моя ассистентка осуществила эту контрабандную операцию. Наверняка она заранее спряталась на парковке, притворившись обломком бетона, а когда я проходил мимо, двинулась следом, прицепившись к лодыжкам - так, чтобы все подумали, будто это моя тень. Заметить Гару можно было только здесь, в Звездном зале гуюков с его неоновым-светящимся полом, поэтому она истончила свое тело почти до полной прозрачности, вскарабкалась по моей спине и, цепляясь за мои плечи тончайшими усиками, зависла у меня над головой, полностью сливаясь с изображенным на потолке звездным небом.

- Будь так добра, слезь с меня, - проворчал я. - И кстати, что ты тут делаешь?

Почти тотчас мое тело стало намного легче, и Гару, приняв свой обычный вид, встала рядом со мной.

- Меня пригласили, - сообщила она с достоинством.

Я машинально кивнул. Мне было абсолютно понятно, почему Гару не сказала мне ни слова о приглашении. Я мог проболтаться Сделке, а Гару, которая полагала своим первейшим долгом защищать меня от «этого несносного торговца» (подозреваю, что сопровождать меня в столь далеком путешествии она согласилась именно по этой причине), справедливо считала, что ее задача намного облегчится, если последний не будет знать о ее присутствии. Должно быть, теперь она была очень недовольна, что Хаксель ее выдала.

Я повернулся к Хаксель, но моя бывшая пациентка заговорила первой:

- Мы бы хотели, доктор, чтобы вы чувствовали себя совершенно свободно и непринужденно, поэтому мы позволили себе создать для вас ваше привычное эмоциональное окружение - за исключением вашего секретаря Эла, который нужен для того, чтобы вести дела в клинике в ваше отсутствие.

- Привычное эмоциональное окружение? - переспросил я. - Вы имеете в виду мою «группу поддержки»? - Думать об Алексее в подобном контексте было немного странно, но я хорошо понимал, что имеет в виду Хаксель. При одном взгляде на сына я начинал чувствовать себя увереннее и сильнее.

- Что ж, весьма признателен вам за вашу предусмотрительность. Когда же отходит автобус в другую галактику?

- Через двое ваших суток. Сначала нам необходимо забрать еще двух судей, которые тоже живут в этой галактике. Мы отправимся в путь вместе, однако они и их «группы поддержки», - тут мне показалось, что Хаксель улыбнулась, хотя я понятия не имел, как улыбаются гуюки, - будут размещены отдельно. Вы не будете

с ними даже встречаться - это необходимо, чтобы исключить любую возможность формирования предвзятого коллективного мнения. А сейчас позвольте показать вам ваши жилые отсеки... Торговец, можете поставить эти чемоданы на пол.

И мы двинулись за Хаксель.

* * *

Хаксель немного ошиблась, когда назвала наше жилище на борту корабля «отсеками». Впрочем, для нее, возможно, это и были отсеки, но мне они показались настоящими хоромами. Разумеется, у нас, у Сделки и у Гары были отдельные многокомнатные каюты, где гюки создали идеальные для каждой расы условия. Кроме того, в нашем распоряжении была просторная кают-компания, где гостеприимные хозяева установили кресла-сиденья трех разных типов в полном соответствии с анатомическими особенностями людей, торговцев и витти.

Сделка в сопровождении Хаксель тотчас отправился осматривать свою каюту, а Гара последовала за мной в наш номер.

- Как твое самочувствие? Ты запасла достаточно энергии на весь путь? - спросил я с легким беспокойством: меня тревожило отсутствие солнечного света, необходимого витти для нормальной жизни.

- Разве ты не чувствуешь - воздух вокруг как будто пронизан активным излучением. Это просто поразительно, Алонсо! Я буквально купаюсь в энергии, которая нисколько не влияет на тебя. - Смысл ее слов, однако, противоречил интонации, с которой они были сказаны; Гара, похоже, чувствовала себя не слишком уверенно. - Кроме того, наши хозяева обеспечили меня сонарной картиной здешних интерьеров, включая космические декорации Звездного зала, за что я им весьма признательна. Это действительно, гм-м... впечатляет.

- Мне кажется, даже Сделка поражен тем, что он здесь увидел, - сказал я, оглядываясь по сторонам. Предоставленная в наше распоряжение квартира включала две большие спальни, просторную гостиную и ванную комнату. В спальнях стояло по широкой кровати с многоцветным пологом на столбиках, по одному шкафу для одежды, а также зеркальный туалетный столик специально для Санни. Как и обещала Хаксель, наши чемоданы уже были здесь - в каждой спальне по два, что не совсем правильно. Впрочем, откуда гюкам было знать, что из наших четырех чемоданов два с половиной набиты исключительно «нужными вещами» Санни?

Спальни и гостиная были отделаны в стиле «модерн - Арабские Ночи», но,

заглянув в ванную комнату, я увидел длинное, как корабельный трюм, помещение, которое освещали бесчисленные маленькие огоньки, размещенные на потолке плотными группами. Сначала мне показалось, что пол здесь устлан чем-то вроде соломы, но при ближайшем рассмотрении это оказались искусно сплетенные мягкие циновки. «Удобства» были совершенно обычные, «человеческие», но двух разных размеров: по-видимому, гюки с самого начала включили в свой полетный план и Алекса, причем подошли к вопросу серьезно и основательно. Не знаю, была ли привычная нам сантехника сделана из чистого золота, но по крайней мере выглядела она именно так.

- Мы здесь как трое владык, путешествующих в Восточном экспрессе, - сказал я. Санни рассмеялась.

- Я понимаю, что ты имеешь в виду. Нам предстоит терпеть лишения и неудобства среди роскоши.

- Как ты считаешь, - спросила Гара, когда мы один за другим вернулись в гостиную, - почему Хаксель пошла с торговцем?

Мой физиотерапевт устроилась в кресле-качалке, отнюдь не предназначенном для витти, что, впрочем, не причиняло ей видимых неудобств благодаря ее умению менять форму. Голос ее, однако, звучал довольно сухо, к тому же слова она выговаривала так отчетливо, что каждое из них казалось выточенным искусным мастером из какого-то благородного материала типа слоновой кости.

Я пожал плечами.

- Мне бы хотелось, - сказал я, - чтобы ты меньше беспокоилась из-за всяких пустяков.

- А мне бы хотелось, чтобы ты беспокоился больше, - парировала она. - К тому же кто может сказать, что пустяк, а что - нет?.. Я не знаю, какую игру затеял твой куратор, но одно мне давно и достоверно известно: стоит торговцу почуять выгоду, как он тотчас забудет об интересах других рас и начнет работать исключительно на себя.

Я немного подумал.

- А что, все витти до такой степени не доверяют тсф? - спросил я наконец.

- Только те, кто еще не утратил здравый смысл, - отрезала Гара, и я снова задумался. Если бы она относилась с подобным подозрением ко всем расам, я мог бы не обращать внимания на ее предостережения, однако сейчас в ее словах был смысл. Сделка - то ли нечаянно, то ли нарочно - поставил себя в положение, в котором он мог выдать себя за омбудсмена*²¹ всей нашей Галактики и попытаться

---

²¹ * Омбудсмен - человек, отстаивающий права обиженных, борющийся против нарушения гражданских прав отдельных лиц. В широком смысле - посредник,

заклучить с гуюками какое-то соглашение или договор. Я понятия не имел, о чем в данном случае могла идти речь и насколько высоки ставки, однако обеспокоенность Гары подействовала на меня не лучшим образом.

Потом я спросил себя, не содержит ли намеренно отчетливая дикция Гары некоего адресованного мне послания, не предназначенного для посторонних?

- Поведай же мне, о прекрасная витти-физиотерапевт, что ты предлагаешь? - Я пытался шутить, но мой вопрос прозвучал неожиданно серьезно.

- Я предлагаю тебе быть очень внимательным... особенно к пустякам, - сказала Гара, и Санни бросила на меня тревожный взгляд. Я ответил широкой успокаивающей улыбкой, хотя сам был далеко не спокоен. Пытаясь хотя бы отчасти привести нервы в порядок, я решил прибегнуть к самому простому способу - старой, доброй лести. В конце концов, разве я, опытный специалист-психолог, не разбираюсь в чужих характерах, пусть даже в характерах инопланетян, лучше подверженной приступам паранойи Хаксель? Да, у меня не было объективных причин безоговорочно доверять Сделке, но то же самое относилось и к Гаре. С другой стороны, я доверял обоим, и все же больше я доверял своей коллеге и помощнице...

Инопланетяне и доверие! Черт побери, похоже, сегодня я туплю даже больше обычного! Ведь ежу ясно, что высказанные Гарой соображения были адресованы не мне, точнее - не только мне. Очевидно, она предполагала или даже знала по каким-то видимым или, точнее, слышимым только ей признакам, что наши радушные хозяева нас подслушивают, и хотела внушить гуюкам недоверие к любым сделкам с торговцами. Интонации, к которым она прибегла, должны были послужить мне знаком, но я, по обыкновению, не сразу разобрался, что к чему.

Что ж, будем надеяться, что я ничего не испортил.

Тут мне пришло в голову, что мой собственный сын не произнес ни слова с тех самых пор, как мы приехали на парковку и вошли в первый портал. Это было настолько на него непохоже, что я снова забеспокоился. Бросив взгляд в сторону Алекса, я увидел, что он сидит с выражением крайней сосредоточенности на лице и даже не ерзает, не подпрыгивает и не стучит ногами по ножкам кресла.

Санни, должно быть, тоже заметила, что сын как-то подозрительно притих.

- Что-то ты молчишь, зайчик, - сказала она. - Как ты себя чувствуешь? Тебе нездоровится?

- Да все нормально, мам... - ответил Алекс своим «заговорщическим» тоном, что означало: он почти кричал, но шепотом. - Просто я все записываю на инфомат, чтобы потом показать ребятам в школе.

представитель.

- Молодец, парень, так и надо! - похвалил я. - Ты у нас настоящий репортер.

Гара плавным движением «стекла» с качалки.

- Я предлагаю перебраться в кают-компанию, где для всех найдется подходящее место для сидения, - сказала она. На сей раз мне не составило труда догадаться, что на самом деле стояло за ее словами. Я уже упоминал, что Гара умела изменять форму тела и не испытывала особенного дискомфорта даже в кресле, предназначенном для человеческих задов. В кают-компанию она пожелала перейти исключительно потому, что из нашей гостиной ей не было слышно ни слова из того, о чем говорили Сделка и Хаксель. Вероятно, Гара надеялась, что из общего зала она сумеет уловить хоть что-нибудь, но ей не повезло. Не успели мы устроиться в кают-компанию, как туда же вернулись и Хаксель с торговцем.

- Сейчас меня ждут другие дела, - объявила наша хозяйка. - Но если вам что-то понадобится, достаточно просто громко позвать меня вслух, и я тотчас явлюсь. Привычную пищу и волновое излучение, необходимое для питания народа витти, вы сможете получить в любое время, сделав заказ; соответствующие меню вот-вот будут доставлены в ваши каюты. Если понадобится еще что-то...

- Не могли бы вы ответить на пару вопросов, прежде чем уйдете? - торопливо спросил я. Мне не хотелось перебивать Хаксель, но я считал, что должен как можно скорее кое-что выяснить.

- Это зависит от того, какие вопросы вы намерены задать, доктор. Итак, что вы хотели узнать?

- Не могли бы вы несколько подробнее рассказать о моей роли в... гм-м... предстоящих событиях?

- Пока нет. Мы не хотим, чтобы какие-то мнения или концепции сложились у вас заранее. Это может повлиять на вашу объективность. Есть у вас еще вопросы?

- Да. Как вам удастся перемещаться из одной галактики в другую?

- Мне бы тоже хотелось это узнать, - вмешался Сделка. - Должно быть, каждый такой переход сопровождается колоссальным расходом энергии. И удастся ли вам как-то окупить затраты?

Хаксель немного поколебалась.

- Наш принцип межгалактических прыжков практически идентичен методике, которую используют тсф, - сказала она. - Разница, как всегда, в деталях, но в них я сейчас вдаваться не могу: чтобы дать точный и ясный ответ на заданный вопрос, мне необходимо сначала объяснить, в чем ошибается современная земная наука, а на это у меня сейчас нет времени.

- Что ж, объясните, когда сможете.

- Разумеется... Прежде чем я уйду, доктор, позвольте мне, в свою очередь, кое о

чем вас спросить.

- Сколько угодно, Хаксель.

- Как бы вы охарактеризовали человеческую расу с точки зрения морали, этики, способности к состраданию и конечных устремлений, если бы были посторонним наблюдателем?

Ну и вопросик!.. Я подавил желание почесать в затылке. Она что, действительно думает, что я сумею ответить ей одной-двумя фразами? Между тем радужные крылья Хаксель, которые до этого момента плавно вздымались и опадали, замерли совершенно неподвижно, и у меня появилось ощущение, что вопрос этот был задан неспроста.

Потом я задумался, что же мне все-таки ответить. Как обычно, в первую очередь мои мысли обратились к сугубо негативным эмоциям: к жестокости, эгоизму, алчности и холодному равнодушию, которые человечество не устает демонстрировать изо дня в день на протяжении всей своей истории. Даже сейчас люди на Земле умирали от голода, дети подвергались самому изощренному насилию, окружающая среда загрязнялась ядовитыми отходами, в политике процветали угрозы и шантаж, а большинство политиков, наделенных достаточной властью, чтобы изменить жизнь народов к лучшему, были озабочены лишь тем, чтобы удержать эту власть любой ценой. Ненависть, войны, убийства, разврат, нежелание и неспособность заглянуть дальше завтрашнего дня, разнообразные виды принуждения и бесконечная погоня за прибылью... унылая, безрадостная картина! В каждой социально-экономической нише хватает хищников, развратников, мошенников и ловкачей, готовых эксплуатировать в своих целях естественные человеческие слабости.

Впрочем, я готов был признать, что у человечества есть и светлые стороны. Изобретательность, тонкое чувство красоты и способность к творчеству, честь, самопожертвование, готовность бороться с мировым злом во всех его проявлениях, преданность идеалам, героизм, смирение и неисчерпаемые запасы любви... Иными словами, парабола достоинств и недостатков человеческой расы упиралась в бесконечность обоими своими ветвями.

- Если судить объективно, - медленно проговорил я, - можно сказать только одно: человечество еще очень молодо и в настоящий момент развивается несколько неравномерно. Мы еще далеки от совершенства, но наши недостатки, смею надеяться, - это просто неизбежные болезни роста. Если человечество будет развиваться так, как я думаю и надеюсь, результат может превзойти самые смелые ожидания.

Сияющие крылья Хаксель широко распахнулись, и мне показалось, что ее

сверкающее цилиндрическое тело слегка изогнулось в поклоне.

- Благодарю вас, доктор, за понимание и... искренность. Сейчас я должна уйти, но, надеюсь, мы расстанемся ненадолго.

Когда она ушла, я искоса поглядел на Алекса. Похоже, игра в Отважного Юного Репортера начинала ему надоедать. Еще немного, подумал я, и он начнет бегать по стенам.

Я и представить себе не мог, насколько в этот момент был близок к истине!

- Ну что, пойдём разбирать чемоданы? - сказал я Санни.

- Могу я попросить вас немного повременить? - сказал незнакомый гуюк, который как раз в этот момент появился в нашей кают-компании. - Хаксель сейчас весьма занята, поэтому мне было рекомендовано познакомиться вас с нашим вариантом процесса, который вы, люди, по непонятной причине называете «разборкой чемоданов». Благодаря имеющимся у меня сведениям, указанная «разборка» может быть осуществлена быстрее и с меньшими потерями. Если кому-то из вас вдруг захочется обратиться ко мне с вопросом, можете называть меня Лейке. Это, кстати, женское имя.

Я сразу подумал, что Лейке совсем не похожа на Хаксель, даже речь ее была совершенно иной - и лексически, и интонационно. Слова Лейке произносила коротко и отрывисто, но между предложениями делала довольно большие паузы. Поначалу подобная манера говорить серьезно действовала мне на нервы, но потом я решил, что ничего особенного здесь нет. Должно быть, после общения с Хаксель, которая за два месяца пребывания в клинике показала себя настоящей душкой (как говорили еще во времена оны, то есть еще тогда, когда большинство людей знали, что же такое «времена оны»), я подсознательно рассчитывал, что все гуюки будут такими же. Увы, моим ожиданиям, по-видимому, не суждено было сбыться.

Впрочем, несмотря на не слишком приятную манеру речи, Лейке сообщила нам довольно много полезной информации. Оказалось, буквально вся обстановка в наших комнатах имела голосовое управление, так что мы могли с легкостью менять цвет, фактуру и даже форму окружающих предметов. Любая поверхность по нашему желанию могла превратиться буквально во что угодно. Гуюки, впрочем, позаботились о нашей безопасности и сделали все, чтобы управляемая мебель не смогла причинить гостям вред или увечье. Чтобы продемонстрировать это, Лейке разбежалась и, часто взмахивая крыльями, стрелой взмыла к потолку. Она двигалась с опасно высокой скоростью, и я не на шутку встревожился, ожидая неизбежного столкновения, но ничего не произошло. Лейке продолжала бешено махать крыльями, но при этом не продвигалась ни на дюйм, остановившись в

воздухе без всякой видимой причины.

Должно быть, именно эта наглядная демонстрация навела Алекса на мысль, что пора бы ему перестать притворяться взрослым и немного поиграть. Придав своему лицу самый невинный и даже скучающий вид, он ушел в свою комнату, где мигом превратил стены и пол в горки и трамплины. Мы видели это очень хорошо, ибо как только Алекс исчез за дверью, Санни велела ближайшей стене превратиться в экран и показать нам комнату сына. На наших глазах Алекс оттолкнулся от пола и, высоко подпрыгнув, сделал попытку приземлиться вниз головой. Я и Санни (естественно!) поспешили в комнату сына, чтобы прекратить эти опасные эксперименты, но к тому моменту, когда мы туда попали, Алекс уже лежал на кровати и хохотал так, что я всерьез испугался, как бы у него не треснули ребра.

- Послушай, - сказал я достаточно громко, чтобы перекрыть его смех, - у нас впереди долгий путь. Может быть, тебе не стоит пытаться свернуть себе шею в первый же день?

- Все в порядке, па, не волнуйся! - прохихикал Алекс. - Смотри!

И прежде чем мы успели ему помешать, он снова подпрыгнул к потолку и перевернулся вниз головой. Мы с Санни инстинктивно бросились к нему на выручку, но из-за непривычного покрытия пола проделали это не слишком ловко и в результате едва не столкнулись лбами. Я уже мысленно был готов к тому, что мы сейчас здорово треснемся, но в последнее мгновение между нами возник какой-то невидимый упругий барьер, который уберег нас от серьезной травмы. Алекс между тем продолжал падать вниз головой, однако, когда до столкновения оставалась всего пара дюймов, его тело вдруг замерло в воздухе, потом развернулось горизонтально и мягко, как перышко, опустилось на пол.

Возвращаясь в гостиную, мы с Санни чувствовали себя довольно глупо и в то же время испытывали облегчение от того, что Алексу ничто не угрожает. Лейке дожидалась нас там.

- Я восхищаюсь вашими родительскими чувствами, - сказала она. - Впрочем, я здесь не только для того, чтобы снабжать вас информацией, которая, по-видимому, не вызывает у вас особого доверия. Помимо всего прочего, я ваше меню и ваш стюард в одном лице; в частности, мои крылья могут служить в качестве подносов, в чем у вас еще будет возможность убедиться. - Лейке повернулась к Гаре. - С вашим питанием, досточтимая витти, дело обстоит совсем просто, поэтому я позволю себе сосредоточиться на снабжении привычной пищей землян и тсф.

Гара, протянув к самому моему уху длинный и гибкий усик, шепнула:

- По-моему, эта Лейке владеет английским гораздо лучше, чем можно судить по ее речи. Я еще никогда не видела, чтобы живое существо было столь

саркастическим, столь догадливым и... столь многоречиво-занудным одновременно.

- Именно поэтому она мне и нравится, - также шепотом ответил я.

Когда Лейке наконец удалась, мы с Санни обустроили спальню по нашему вкусу, превратив ее в точную копию нашей комнаты на Земле - за исключением того, что потолок показывал звездное небо, а одна стена продолжала следить за Алексом. Одежду и всякие нужные мелочи мы разложили по ящикам шкафов и комодов, которые вышли весьма похожими на привычную нам мебель, после чего легли спать в надежде (во всяком случае, я на это надеялся), что после отдыха наши мысли придут хотя бы в некоторое подобие порядка.

* * *

Следующие два дня оказались не особенно щедры на разного рода экстраординарные события или откровения, однако их трудно было назвать скучными. И это оказалось по-своему даже неплохо, поскольку с точки зрения «туристической программы» остановки, сделанные нами в пределах Галактики, чтобы забрать еще двоих судей-экспертов, оказались совершенно непримечательными - как, собственно, и перелеты от одного мира до другого. Хаксель была совершенно права, когда назвала их «прыжками»: только что мы были возле самой Земли (по космическим меркам, конечно), а через мгновение - бац! - и мы уже в другой планетной системе. Еще прыжок - и вокруг снова новые звезды. Мы бы, наверное, даже не увидели миры, где жили выбранные гуюками судьи, если бы я не попросил Лейке дать нам возможность бросить на них хотя бы один быстрый взгляд. К сожалению, она поняла меня буквально. На потолке в гостиной, которую я уже окрестил нашим «планетарием», на целых три секунды появилось изображение странной ядовито-желтой с коричневыми пятнами планеты. Рассмотреть какие-либо подробности мы, разумеется, не успели. Возможно, Лейке не отказалась бы включить изображение еще раз, но я захотел узнать, как выглядят мои будущие коллеги-судьи. После этой моей просьбы Лейке сделалась сдержанной, почти хмурой. Довольно суровым тоном она объяснила, что даже созерцание физического облика других судей может привести к тому, что у меня сложится о них определенное - и наверняка предвзятое - мнение, а это, в свою очередь, повлияет на мою способность принимать верные решения... и так далее, и так далее. Одним словом, я так и не осмелился просить ее.

Но, повторяюсь, мы не скучали. Санни усердно работала над новым учебником по

праву, который она редактировала. Гара скрытно, как умела только она одна, просачивалась в комнаты Сделки, когда тот отсутствовал, и пыталась применить свою палеофонографическую технику к находящимся там предметам и материалам, но каждый раз возвращалась ни с чем. Сам Сделка то вел с гуюками какие-то частные переговоры, то глазел на Санни, когда во время перерыва в редакторской работе она устраивалась в кресле и брала в руки вязание (это занятие Сделка всегда считал удивительным и достойным всяческого восхищения). Алекс превратил свою комнату в подобие клетки для хомяков, где было множество лестниц, горок, трамплинов и качелей. Что касалось меня, то большую часть времени я проводил, пытаюсь переварить непривычную информацию, поступавшую ко мне широким потоком.

Начало этому потоку положила Хаксель, которая, как и обещала, вернулась, чтобы рассказать мне об открытом гуюками способе путешествовать между галактиками. При нашей беседе, разумеется, присутствовал Сделка. Я почти слышал, как он скрипит своими расположенными в желудке зубами, когда Хаксель преспокойно рассказывала мне о секретах, способных принести тсф огромные барыши.

- Все известные виды разумных существ, - сказала Хаксель, - неизменно ошибаются в своей оценке физической реальности, причем эти ошибки в подавляющем большинстве случаев напрямую связаны с устройством их собственных тел, со свойственными каждой расе сенсорными ограничениями и даже с эстетическими и религиозными воззрениями, выработанными ими в процессе биологической и социальной эволюции.

- Какие же ошибки совершили люди? - не удержался я от вопроса.

- Ошибки, основанные на стремлении людей к синтезу имеющейся информации.

- Стоп, - сказал я. - Мне уже непонятно.

- Попробую объяснить на примере. На протяжении многих ваших десятилетий земные ученые искали единую формулу, способную описать все виды энергии, которую люди воспринимают непосредственно или при помощи различных приборов.

- Вы говорите о создании Универсальной Теории Всего?

- Возможно, имея достаточный запас знаний и терпения, действительно можно создать теорию, которая будет объяснять все известные вашей расе физические явления, но такая теория будет ошибочной как раз из-за своей неполноты. Торговцы были столь любезны, что познакомили нас с вашей историей... - Готов поспорить, подумал я, что любезностью тут и не пахло. Ведь общеизвестно, что любезность - сердечное свойство, а торговцы во всем полагались на

быстродействующие счетные машины, которые лишь по недоразумению именовались мозгом. - Основоположники вашей науки считали, что все излучения, начиная от радиоволн и заканчивая гамма-радиацией, являются частью электромагнитного спектра и обладают вполне определенной длиной волны. На основе этого они создали теории, объявившие межатомные и электромагнитные взаимодействия явлениями сходной природы, а потом попытались вывести уравнение, которое связало бы их с гравитацией и временем.

Откровенно говоря, я не помнил, чтобы время тоже оказалось включено в Универсальную Теорию Всего, но, быть может, я просто отстал от жизни. Сделка, однако, направил на Хаксель буквально все свои чувствительные жгутики, реснички и рецепторы. Казалось, торговец буквально дрожит от возбуждения и азарта.

- Вы хотите сказать, что такого уравнения не существует?

- Человеческое желание упростить, унифицировать, делать сложные явления более понятными вполне естественно и объяснимо как с точки зрения вашей эволюционной истории, так и с точки зрения некоторой ограниченности ваших физических и умственных возможностей. Только недавно ваши ученые пришли к выводу, что разновидности энергии и материи, которые нельзя обнаружить ни с помощью ваших органов чувств, ни даже с помощью самых совершенных ваших инструментов, не только существуют, но и составляют большую часть физической вселенной. Мы, гуюки, помимо электромагнитного спектра различаем еще два... скажем, два «диапазона сил», хотя это выражение недостаточно точно отражает существующую реальность. Гравитация, инерция, время, энергия, излучение, материя и сознание существуют, однако любая попытка втиснуть их в некую унитарную модель бытия неизбежно ведет к заблуждениям и ошибкам.

- Это очень любопытно. - Я попытался представить себе, к какому спектру или «диапазону» может относиться гравитация, но потерпел вполне ожидаемую неудачу. - Но каким образом все это относится к вашей способности перемещаться между галактиками?

- Одно из свойств реальности, относящееся к неизвестному вам диапазону, мы называем расположением.

Я моргнул.

- Расположением?

- Чтобы перемещаться в космосе, достаточно только на краткий миг изолировать себя от Вселенной, после чего поменять параметры расположения достаточно просто. Вы, тсф, используете тот же принцип, не так ли, добрый торговец?

- Да-да, - прощелкал Сделка, как мне показалось, озадаченно. - Но мы пока не знаем, как применять его вне зависимости от соотношения между расстоянием и

затраченной энергией, что не позволяет нам перемещаться за пределы Галактики. Из каких источников берете энергию вы?

Тут я понял, чем конкретно вызван его жгучий интерес к затронутой нами теме.

- Соотношение, о котором вы упомянули, вещь довольно относительная, если не сказать - мнимая. Оно является следствием некорректного разделения энергии, времени и пространства.

- Но как вы отделяете что-то от чего-то? - вмешался я. - И как изолируете себя от Вселенной, в которой находитесь?

- Вы, вероятно, знаете, что существуют некие... позвольте мне назвать их «излучаемыми агентами», поскольку, когда речь идет о субатомных излучениях, само слово «частица» является в корне неверным. Так вот, существуют агенты различной природы, которые не взаимодействуют с привычной вам материей.

Я попытался припомнить то немногое, что когда-либо слышал о субатомных частицах, которые, если верить Хаксель, вовсе не были частицами.

- Как нейтрино?

- То, что вы, люди, называете «нейтрино», на самом деле состоит из нескольких категорий различных агентов. Многие из них никак не реагируют на известные людям силы и поля, включая гравитационные, но активно взаимодействуют с силами, которые вам пока неизвестны. Мы научились управлять ими. С их помощью мы окружаем наши космические корабли несколькими слоями агентов, которые надежно изолируют нас от материальной Вселенной.

Я яростно потер подбородок, но картина не желала проясниться.

- Пойдите, - сказал я, - мне бы хотелось проверить, правильно ли я уловил основную идею. Вы окружаете свои корабли темной материей, и это дает вам возможность свободно перемещаться куда угодно?

- В общем и целом - да.

Сделка, который весь извелся во время этой высокоученой беседы, снова не выдержал и вмешался:

- Раса тсф крайне заинтересована в более подробном изучении вашего метода. Нам так и не удалось достичь полной изоляции от окружающей Вселенной.

- На данный момент мы единственные из всех известных нам рас обладаем подобной технологией.

Если бы у Сделки были руки, он бы, наверное, радостно потер ладони.

- Существует ли что-то такое, - спросил торговец, - что уважаемые гуюки желали бы обменять на эту информацию?

Хаксель ответила не сразу.

- Я отвечу, достойный торговец, - промолвила она наконец. - Но отвечу только

после того, как состоится заседание коллегии выбранных нами экспертов и судей. От того, какой они вынесут вердикт, зависит очень, очень многое.

Ее последние слова, а точнее - тон, которым они были произнесены, показался мне очень серьезным, даже зловещим, но прежде чем Сделка или я успели задать очередной вопрос, Хаксель выпорхнула из кают-компании.

Таинственность, которой гюки окружили предстоящую мне работу, серьезно действовала на нервы. Еще одной причиной, осложнявшей мне жизнь, было мое собственное неуемное любопытство. Отчего-то мне не давали покоя мысли о еврейской традиции и о том, прав был Пипс или нет в своих догадках-«озарениях», поэтому еще до отлета с Земли я закачал в виртуальную библиотеку своего инфомата несколько виртуальных томов соответствующей тематики. В первые же сутки полета, когда мы, поужинав, уложили Алекса спать, я засел за чтение, которое оказалось на редкость сложным для понимания. Раньше я считал, что каббала представляет собой тайную и к тому же не слишком популярную мистическую доктрину, которая пыталась нащупать способ управления космическими силами с помощью заклинаний. Мысленно я относил ее туда же, где уже находились карты Таро, пентаграммы, телема, «Золотая Заря», столоверчение и Лицемерный маг^{*22}, но первая же виртуальная книга, написанная хасидским раввином (я начал с нее исключительно из-за многообещающего названия), убедила меня в том, что я ошибался. Похоже, Пипс случайно напал на самую настоящую золотую жилу.

Конечно, вещи, о которых писалось в книге, были странными, я бы даже сказал - чуждыми моему уму, воспитанному более или менее в христианских традициях, однако они обладали вполне определенной практической ценностью. Пипс сказал, что каббала есть учение о балансе «духовных потоков», и раввин в своей книге это подтверждал, однако подробности меня поразили. Так, например, я узнал, что сефирот организованы в виде расположенных одна под другой триад, каждая из которых может быть схематически представлена в виде повернутого острием вниз треугольника. Больше того, на каждом уровне две верхние идеально уравновешенные вершины такого треугольника обретают свое полное выражение в нижней вершине. Раввин также писал о трех «ментальных» и семи

---

²² * *Телема - современное синкретическое религиозное течение, развитое Алистером Кроули. Основными тезисами данного учения являются принципы «Твори свою Волю, таков да будет весь Закон» и др. Герметический Орден Золотой Зари - магический Орден, представляющий собой герметическую оккультную организацию, действовавшую в Великобритании во второй половине XIX - начале XX века. Лицемерный маг - персонаж серии комиксов «Клинок ведьм».*

«эмоциональных» потоках-сефиротах, ни один из которых я никогда не считал бы атрибутом эмоциональной или интеллектуальной сферы.

Так, на эмоциональном уровне сефирот самоотверженности и щедрости Хесед мог бы оказывать сильное негативное воздействие, если бы его не смягчал и не уравновешивал противоположащий ему сефирот Гебура, отвечающий за сдержанность, сосредоточенность и самодисциплину. Хесед, получив преимущественное развитие, мог вызвать у человека расточительность, бездумную трату внутренних ресурсов или же спровоцировать в окружающих ведущие к самоуничтожению процессы. Сефирот Гебура мог породить замкнутость, жадность и чрезмерную углубленность в себя, однако действуя вместе, должным образом уравновешенные Хесед и Гебура как бы включали третий сефирот треугольника Тиферет, ответственный за эмоциональную гармонию и красоту.

Кроме этого, в книге раввина я обнаружил концепцию Бога, которая показалась мне чрезмерно усложненной. Вместо седобородого старца, восседающего на золотом троне, Бог представлял как неделимая и вечная не-вещь, как сокровенная и священная пустота, беспрестанно сплетающая иллюзорное нечто из призрачного ничто. Эта концепция, с моей точки зрения, приходилась ближайшей родственницей «самости», которая встречается в недуалистической философии йоги. Сам я, как ни странно, никогда не рассматривал иудаизм как восточную религию, но некоторые параллели были слишком очевидны. Да и тот же раввин утверждал, что отвергнутые сыновья Авраама, действуя, впрочем, по отцовскому благословию, доставили семена тайных мистических знаний аж в Индию.

Как говорится, век живи, век учись...

* * *

Еще одним блюдом на моем интеллектуальном столе (грозившем вызвать серьезное несварение желудка) стал вопрос, который Гара задала мне после очередного тайного визита в каюту Сделки. Вероятно, именно попытки «разговорить» находящиеся там предметы напомнили ей о работе над программой «Возвращение Баха», в ходе которой Гаре удалось восстановить некий религиозный спор, вызвавший ее недоумение. Насколько я помнил, полемика между двумя мужчинами происходила на языке, который ученые после некоторых колебаний определили как «один из германских диалектов начала XVIII века». Тогда, впрочем, нас куда больше интересовало не содержание теологического диспута, а тот факт, что нам удалось вскрыть правильный сурдовременной слой.

Сейчас Гара вдруг спросила, почему люди тратят столько сил и времени на обсуждение вопросов, связанных с верой. В ответ я прочел ей коротенькую лекцию о человеческой природе и той роли, которую играют религиозные убеждения в человеческой жизни. Точнее, я хотел, чтобы лекция была короткой, однако опрометчиво употребил незнакомые ей понятия, а именно - «поквартирное миссионерство» и «адвокат дьявола».

Гара потребовала объяснений.

- Видишь ли, - начал я, - когда миссионеры обходят квартиры, раздают брошюры, проводят беседы и собирают пожертвования, эта работа направлена, в первую очередь, на укрепление их собственной веры. Что касается «адвоката дьявола», то это... ГМ-М... почти то же самое, что «адвокат ангела».

Все это были элементарные вещи - элементарные для нас, людей, но Гара разглядела в этой новой для нее информации возможности, которые меня удивили. Немного поразмыслив, она пришла к выводу, что торговцы наняли для работы в клинике именно ее, а не другого физиотерапевта-витти, из-за ее личного отношения к тсф.

- Торговцы с самого начала знали, - сказала Гара, - чем больше я стану в них сомневаться, тем ревностнее ты начнешь их защищать. Это обусловлено чисто человеческими особенностями твоего характера, и тсф, конечно, это учли.

Спорить с этим было довольно трудно, и все же я чувствовал себя человеком, из-под которого внезапно выдернули, стул. Тсф с самого начала обнаруживали весьма тонкое понимание нашей психологии; подобный ход, насколько я знал, был вполне в их духе, и все же мысль о том, что торговцы исподтишка манипулировали мною, была мне крайне неприятна. Плохо, когда тебе вдевают в нос кольцо и ведут туда, куда тебе не хочется, но еще хуже - вовсе не знать о том, что у тебя в носу кольцо.

* * *

Мне, наверное, было бы куда проще пережевывать мою интеллектуальную жвачку, если бы обстановка в наших «отсеках» была более спокойной. Увы, рассчитывать на это не приходилось. Напряженность в отношениях между Сделкой и Гарой продолжала расти не по дням, а по часам, так что в конце концов даже Алекс это почувствовал. Как-то мальчуган спросил меня, что я буду делать, если они подерутся. Я, конечно, заверил его, что подобное никогда не случится, к тому же гюки позаботились, чтобы никто из гостей не пострадал. В конце концов мне

удалось не только успокоить сына, но и убедить самого себя в том, что нам нечего опасаться. Я действительно верил в то, что говорил, и все же один случай едва не привел к открытому столкновению. Сделку посетила идея попросить «планетарий» продемонстрировать нам пункт нашего назначения. Как только он произнес слова команды, стена-экран мгновенно почернела, и торговец громко пожаловался, что гююки, как всегда, опережают его на один-два шага. По-видимому, Сделка никогда не задумывался о том, что нас могут подслушивать.

Гара тут же спросила, что же он увидел на стене, и когда Сделка ответил - ничего, заявила, что его чувства не обладают «должной остротой». Сама витти утверждала, что стена-экран просто не могла быть пустой, так как она ясно ощущала исходящую от нее симфонию очень тихих, но весьма сложных шумов. Возможно, Сделка был огорчен своими последними неудачами в бизнесе, а может, просто плохо выспался; как бы там ни было, торговец высказался довольно резко, заявив, что его органы чувств воспринимают реальность куда лучше, чем у витти, и что шум, который якобы слышала Гара, несомненно исходит от работающего видеоборудования. Гара, в свою очередь, заявила, что шум начался только после того, как торговец скомандовал показать ему конечную цель нашего путешествия, а до этого все было тихо. Сделка ответил какой-то колкостью, витти не осталась в долгу, так что препирались они довольно долго.

А я с каждым часом все сильнее волновался из-за предстоящей работы. Впрочем, страшила не столько необходимость принимать решение, сколько ответственность, которая могла оказаться для меня непосильным бременем. Кто я такой, чтобы судить о чем-то, что имеет колоссальное значение для целой инопланетной расы - в особенности для расы, которая является куда более... космополитичной. С другой стороны, человеческая психология такова, что судья непременно начинает чувствовать свое превосходство над «подсудимым», а я не хотел оказаться в таком положении по отношению к гююкам. Раньше я об этом как-то не думал, а ведь это нешуточная опасность.

Вот почему я испытал огромное облегчение, когда на третьи сутки полета Хаксель появилась в нашей кают-компании и объявила, что решающий час настал. До сих пор гююки прилагали значительные усилия, стараясь оградить меня от посторонних влияний, поэтому я был уверен, что мою «группу поддержки» ни за что не допустят на само заседание. Каково же было мое удивление, когда Хаксель практически настояла на том, чтобы меня сопровождали не только семья, но и Сделка с Гарой, что предполагало наличие у гююков довольно необычной концепции личности.

Сначала мне показалось, что Хаксель ведет нас назад, в Звездный зал, но либо

я ошибся, либо за время полета это помещение изрядно раздалось вширь. Если раньше зал был просто очень большим, то теперь казался бесконечным, хотя его выгнутые наружу, как бочарные клепки, стены были сейчас отчетливо видны.

В зале мы оказались не одни. Сотни гуюков плавно скользили по нему во всех направлениях, словно радужные призраки; одни из них гораздо меньше Хаксель, другие, напротив, крупнее, и у каждого на крыльях был свой рисунок - я, во всяком случае, не заметил и двух похожих орнаментов. Все вместе гуюки давали столько света, что даже если бы стены зала оставались прозрачными, я бы, наверное, не разглядел за ними ни единой звезды.

- Апельсинами пахнет, правда, па? - шепнул Алекс.

Ответить я не успел. Хаксель неожиданно заговорила звучным и сильным голосом, какого я никогда раньше у нее не слышал.

- Эти гуюки, - сказала она, - прибыли сюда как свидетели. Вы можете говорить с ними на вашем родном языке.

Я нервно сглотнул.

- Для меня большая честь познакомиться с вами, - начал я неуверенно. Обращаться к такому многочисленному собранию, состоящему к тому же из одних инопланетян, мне было в новинку. - Я готов приложить все свои силы и способности, чтобы выполнить возложенную на меня задачу, однако прежде чем мы начнем, я должен повторить: вы сделали не самый лучший выбор, назначив меня судьей в вашем деле. На Земле, откуда я прибыл, хватает более достойных людей. Впрочем, я думаю, что никто из моих соотечественников не является идеальным кандидатом для этой работы. Мы, люди, во многих отношениях гораздо более примитивны, чем большинство рас, свободно путешествующих в космосе. Наши технологии далеки от совершенства; достаточно сказать, что мы до сих пор не вырвались за пределы нашей Солнечной системы, поэтому требовать от нас какой-то особой мудрости было бы...

- Вы недооцениваете человечество, доктор, - перебила меня Хаксель. - Технические достижения не могут служить мерилom мудрости. Кроме того, многие используемые вами технические решения выглядят весьма перспективными.

- В самом деле? - удивился я. - Какие же?

- Вы первые из встреченных нами разумных существ, которые додумались соединять предметы с помощью связующих материалов. Я имею в виду ваши адгезивы различного назначения. Разве вам неизвестно, что торговцы получают огромные прибыли от экспорта земных клеев?

Я посмотрел на Сделку. Сенсорные жгутики торговца были устремлены куда-то в пространство, и я слегка пожал плечами.

- Теперь известно.

- Можете не сомневаться, - продолжала Хаксель, - мы выбрали вас не потому, что вы в чем-то нас превосходите или мы считаем вас равным себе. Мы вообще не принимаем во внимание подобные субъективные вещи. Вы нужны нам для того, чтобы отыскать как можно больше вариантов выхода из той критической ситуации, в которой мы оказались. Да, мы нашли свое решение, но не уверены, что оно единственно правильное. Вы должны его оценить и, быть может, предложить свой путь. Проблема, дорогой доктор, очень серьезная.

Видно, подумал я, проблема действительно важная, если гуюкам пришлось искать помощи на стороне.

- Я сделаю все, что могу, - повторил я. - Но вы не должны принимать мое решение как единственное.

- Мы сравним его со множеством других. Итак, вы готовы начать?

Я снова сглотнул.

- Да.

Тотчас все гуюки пригасили свое радужное сияние и сложили крылья, завернувшись в них, как в плащи, - теперь они не светились, а только тускло мерцали. Выгнутая стена зала как будто исчезла, но никаких звезд я не увидел: передо мной была темнота, очень похожая на ту, которую показал нам «планетарий», когда Сделка попросил предъявить пункт нашего назначения.

Хаксель слегка отступила, ее соплеменники тоже раздались в стороны, и мы оказались как бы на небольшом темном пятчке, окруженном кольцом тусклого света.

- Сейчас мы развернем судно. - Голос Хаксель доносился теперь с некоторого расстояния. - Пожалуйста, смотрите внимательно.

Самого разворота я не почувствовал, но на стене-экране появился яркий объект, отдаленно похожий на засахаренную лимонную дольку или на убывающую луну. Это, однако, была не планета, как я подумал в первые секунды. Приглядевшись, я понял, что таинственный объект состоит из мириад мерцающих и вспыхивающих огоньков. Картина была настолько прекрасной и величественной, что у меня захватило дух. В немом восхищении я смотрел, как сверкающий полумесяц выплывает в центр экрана. На фоне непроглядного, чернильного мрака его сияние казалось особенно ярким и красивым.

Наконец сверкающий объект остановился - по-видимому, наш корабль завершил разворот.

Сделка первым пришел в себя.

- Как жаль, Гара, что ты не видишь эту красоту! - прощелкал он, и я испытал укол

почти физической боли. Такая реакция меня глубоко огорчила; конечно, Сделка принадлежал к расе, которая славилась своей меркантильностью, но мне всегда казалось, что ему не чуждо чувство прекрасного. Я не мог понять, как он мог использовать этот величественный момент, чтобы лишний раз поддеть Гару. Но, обернувшись, чтобы бросить на Сделку укоризненный взгляд, я увидел, что все его сенсорные жгутики и реснички направлены в сторону открывшегося нам великолепного зрелища, а мощные щупальца благоговейно трепещут. Сделка говорил от души, и мне стало стыдно, что я заподозрил друга в подобной мелочности.

- Наши уважаемые хозяева транслируют мне в высшей степени подробный сонарный вид, - ответила Гара, также совершенно искренне. - Я тоже сожалею, что вы не слышите того, что слышу я.

Если это галактика гуюков, то она, без сомнения, одна из величайших во Вселенной, подумал я. Ее бесчисленные звезды не были похожи ни на что, виденное мною прежде. Они казались очень крупными и почему-то овальными (возможно, впрочем, этот эффект был результатом стремительного вращения галактики), к тому же многие из них были окружены странными газовыми облаками самых невероятных оттенков и цветов. С той точки, где мы находились, эти сверкающие эмпиреи казались довольно сильно вытянутыми в длину. Как я уже упоминал, галактика своей формой напоминала половинку нашей луны, но только сейчас я разглядел, что «рога» полумесяца выглядят не острыми, а слегка закругленными. В самой широкой его части преобладали голубовато-синие оттенки, но чем дальше от центра, тем более пестрой становилась картина, словно в гуюкском спектре было не семь основных цветов, а втрое больше. Концы полумесяца и вовсе как будто окунули в переливающиеся жидкие краски, которые разлетались во все стороны тончайшими струйками и цепочками капель. Несколько самых крупных звезд (должно быть, они просто были намного ближе к нам, чем остальные) испускали широкие рассеянные лучи уже совершенно невиданных оттенков.

- Ух ты! - сказал Алекс, и я не мог с ним не согласиться.

Хаксель снова приблизилась, на ходу разворачивая крылья. Только сейчас я обратил внимание, что остальные гуюки совершенно погасили собственный свет, чтобы мы могли лучше рассмотреть великолепную картину на стене... или за стеной.

- У вас, вероятно, возникли вопросы, - проговорила Хаксель.

Мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы заговорить:

- Это, я полагаю, ваша галактика?

- Нет. Перед вами галактика, которая состоит из галактик. Одна из них - ваша.

У меня снова захватило дыхание, а Санни сильнее сжала мою руку.

- Вы хотите сказать... - Я не сразу понял, что почти шепчу. - Вы хотите сказать: мы видим Вселенную?

Прежде чем ответить, Хаксель пропела какую-то коротенькую мелодию из четырех или пяти нот.

- Если это Вселенная, доктор, тогда где, по-вашему, находимся мы? Нет, это не Вселенная, но... Ни в одном известном нам не гуюкском языке нет слова для обозначения подобного феномена. Может быть, вы что-то придумаете или предложите термин из человеческого языка?

- Веретено! - тут же выпалила Санни, которая словно дожидалась этого вопроса. - Посмотрите, ведь правда похоже? И форма, и все... К нему даже как будто нитки тянутся!..

- Это хорошее предложение. Просто отличное, - сказала Хаксель, и я согласно кивнул, поглядев на Космическое Веретено новыми глазами.

- Сейчас мы увеличим изображение. Смотрите внимательно.

Веретено на экране дрогнуло и приблизилось, но даже теперь, при сильном увеличении, я с трудом постигал, насколько сложно оно устроено. Странные вытянутые звезды, которые так озадачили меня поначалу, оказались целыми галактиками - более многочисленными, чем я мог себе представить, причем некоторые из них имели весьма причудливую форму. Разноцветные потоки искристого света распались на отдельные светила. Крупные звезды, которые, как мне казалось, находятся к нам ближе остальных, обернулись целыми звездными скоплениями. Я попытался представить себе подлинные масштабы встающей передо мной картины - и не сумел: мне казалось невероятным, что я способен окинуть эту сверхгалактику одним-единственным взглядом. Она была огромна, она была величественна, и чем дольше я на нее смотрел, тем прекраснее она выглядела. Открывшаяся мне красота заполняла собой душу, питая ее и делая особенно восприимчивой.

Но оказалось, что Хаксель еще не закончила.

- Вы готовы, доктор, увидеть еще кое-что?

- Если вы имеете в виду другие, э-э-э... конгломераты...

- Сначала скажите, различаете ли вы какие-то другие, удаленные источники света помимо Большого Веретена?

- Нет.

- Я их слышу, - подала голос Гара. - Но очень слабо.

- Так и есть, уважаемая витти, они очень слабы... Приготовьтесь, доктор. Сейчас

мы изменим масштаб изображения и слегка его откорректируем, чтобы вам было удобнее.

Картина на стене-экране дрогнула и изменилась. Поначалу я даже не понял, что произошло: казалось, будто она многократно расширилась одновременно во всех направлениях и сделалась еще прекраснее. Только потом я сообразил, что гигантская мегагалактика, которая всего пару минут назад представлялась мне целой Вселенной, уменьшилась и сдвинулась куда-то в сторону, уступив место десяткам и сотням таких же веретенообразных объектов. Все они были примерно одинаковой формы, и лишь некоторые имели вид сложных спиралей или колец.

Если предыдущая картина была слишком грандиозной, чтобы я сумел полностью ее осмыслить, то теперь мне пришлось напрячь все воображение, чтобы хотя бы приблизительно осознать, насколько велика на самом деле открывшаяся передо мной панорама. Это был даже не вид и не зрелище, а своего рода визуальная симфония, охватить которую целиком при помощи одного лишь слабого человеческого разума было практически невозможно. Я мог лишь пытаться разобраться в ней, причем не сразу, а по частям, и все же каждый фрагмент этого колоссального целого наполнял меня... нет, у меня нет слов, чтобы выразить все, что я испытывал. В какой-то момент даже показалось, что чувства отказывают - голова закружилась, а перед глазами все расплылось, словно от подступивших слез. Было в том, что я увидел, нечто непостижимое, почти божественное - что-то такое, чего я не мог и представить.

Наверное, каждый человек когда-то смотрел на звездное ночное небо и чувствовал себя крошечным, как песчинка на бесконечном океанском берегу. Но сейчас передо мной сияли не звезды, а мегагалактики, подлинные размеры которых ни один человек не способен ни выразить в цифрах, ни вообразить. Кто-то может подумать, что от этого зрелища мое представление о себе и всем человеческом роде съежилось до размеров даже не песчинки, а жалкой субатомной частицы, для которой не придумано названия. Но на самом деле все было не так. Как ни парадоксально, я не чувствовал себя жалким и ничтожным; напротив, я ощутил внезапный прилив радости и гордости от сознания того, что и я, и все человечество являемся полноправной частью этого огромного и прекрасного мира.

Пока я размышлял, вокруг Веретена, расположенного рядом с тем, которое я увидел первым, появился светящийся белый кружок.

- Мы, гуюки, обитаем в галактике, которая находится внутри этого конгломерата миров, - пояснила Хаксель, и я машинально кивнул. Она только подтвердила то, о чем я и так догадывался: ее соплеменники прилетели к нам из другого мира.

Хаксель, однако, то ли не заметила моего кивка, то ли истолковала его неправильно.

- Возможно, доктор, вы слишком потрясены тем, что сейчас узнали, поэтому я обязана спросить: вы уверены, что готовы услышать о нашей проблеме и разобраться в ней?

- Конечно. - Я снова кивнул, но не из голой бравлады. Мне просто необходимо было что-то, что... более или менее вернуло бы меня на землю. В прямом и переносном смысле.

- Выкладывайте.

- Позвольте сначала еще один вопрос. Не напоминают ли вам эти Веретена некие объекты из вашего мира?

Что, кроме веретен, могут напоминать веретена, спросил я себя. Разве что...

- Может быть, свечи? - промолвил я не слишком уверенно.

- Нет, я имею в виду объекты несколько меньшего размера и к тому же принадлежащие к миру живой природы.

Интересно, что имеет в виду Хаксель?.. Я попытался припомнить всех светящихся рыб и животных, которых мне доводилось наблюдать в иллюминаторы моего подводного кабинета, но ни планктон, ни медузы не походили на эти яркие космические объекты.

- Как насчет еще одной подсказки, Хаксель?

- Когда ваша жена назвала эти конгломераты «веретенами», я не зря назвала ее выбор более чем удачным. Вспомните вашу специальность, доктор...

Я озадаченно нахмурился. При чем здесь моя специальность?

- Кажется, в мозгу есть нервные клетки с таким названием, - припомнила Санни.

Я кивнул.

- Да, конечно, но... Веретенообразные нейроны устроены намного проще, чем то, что мы видим перед собой. И конечно, они не светятся как новогодняя елка.

- Наши светятся, - поправила меня Хаксель.

Я посмотрел на нее, жалея, что у нее нет лица, выражение которого я мог бы попытаться прочесть.

- Вы хотите сказать, что в мозгу гуюков имеются аксоны и дендриты и, помимо всего прочего, они еще и светятся?

- У нас есть эквиваленты нервных волокон, которые вы назвали. Все развитые расы в процессе эволюции вырабатывают сходные биологические механизмы. В особенности это касается нервных тканей. Вам, доктор, конечно, известно, какую функцию выполняют ваши веретенообразные клетки?

- Известно, иначе какой же я после этого доктор? - Давно, когда я еще учился в

университете, наш профессор биологии сравнил веретенообразные клетки человеческого мозга с ячейками сетей сотовой связи. Увы, современные студенты, избалованные имплантированными инфоматами последних поколений, вряд ли сумели бы понять эту шутку.

- Веретенообразные нейроны нужны для дальней межнейронной связи, вот почему они развились только у тех земных видов, которые обладают сравнительно большим мозгом... Эй, постойте-ка!

- Что случилось, Алонсо?! - встревожилась Санни.

Теоретический прыжок, который я мысленно совершил в этот момент, был настолько велик, что в мире физическом я мог бы запросто шагнуть из одной галактики в другую.

- Ничего, дорогая, просто голова закружилась. Сейчас это пройдет... уже прошло, - быстро ответил я и снова повернулся к Хаксель. - Скажите, может быть, вы, гуюки, считаете, что Веретена - это своеобразные клетки космического мозга, между которыми происходит обмен информацией?

- Нет. Мы не сомневаемся, что Веретена предназначены для связи, но в данный момент никакой коммуникации между ними не происходит. Мы верим, что наша цель, высшая цель существования нашей расы, заключается в том, чтобы помочь Веретенам связаться друг с другом и таким образом создать универсальный объединенный разум.

Я понял, что мое недавнее прозрение, казавшееся мне гениальным, даже не приближалось к действительности, о которой мечтали гуюки.

- Это весьма любопытная идея, - пробормотал я. - Но каким образом вы намерены соединить Веретена между собой? Ведь не с помощью же молекулярных мостов! К тому же почему вы так уверены, что в данный момент они никак не связаны между собой?

- Связь подразумевает обмен энергией, однако самые тщательные наши опыты и наблюдения не выявили ничего, если не считать случайных электромагнитных полей и потоков обычного излучения. Такое излучение можно обнаружить в любом участке пространства, но в его направленности и внутренней структуре не прослеживается никакой четкой системы.

Она замолчала, давая мне время подумать.

- Как насчет видов энергии, о которых вы пока ничего не знаете? - спросил я после паузы. - А может быть, послания от одного Веретена к другому телепортируются, как ваши космические корабли?

На мгновения крылья Хаксель вспыхнули ярким белым светом - и снова погасли.

- Вы оправдываете наши ожидания, доктор! Мы не ошиблись в выборе, когда

пригласили вас, но... Выдвинутые вами гипотезы нам давно известны. Мы, разумеется, не можем совершенно сбрасывать со счетов силы, которые нам неизвестны, однако если учесть, насколько глубоко наша наука проникла в природу пространства и материи, само существование таких сил вызывает серьезные сомнения.

Что касается вашего второго предположения... Мы неплохо изучили большинство Веретен и установили их основные свойства, которые связаны с балансом энергии и материи и являются строго индивидуальной характеристикой. Любой обмен энергией изменил бы этот баланс, но ничего такого мы не обнаружили, несмотря на длительные и тщательные наблюдения.

- Вы упомянули электромагнитные поля и потоки излучений различной природы, которые якобы «бессистемно» пересекают космическую пустоту. Имеются в виду потоки энергии, испускаемые Веретенами?

- Да.

- А какие именно потоки способны нести максимум информации?

Духовные, сказал бы Пипс, но его не было рядом, а жаль. В теологическом споре я бы, наверное, чувствовал себя куда увереннее, чем в этой дискуссии о физике пространства.

- Обычные потоки волновой природы - например, свет - движутся слишком медленно, чтобы служить эффективным средством объединения Веретен в достаточно функциональный космический разум. Поэтому мы сосредоточились на поисках энергий высшего порядка, пригодных для внепространственных переходов.

Эти слова стремительно преодолели космическую пустоту в моей голове, не вызвав у меня никаких идей или ассоциаций, кроме одной... Почему-то мне привиделся плоский камешек, который, будучи пущен умелой рукой, прыгает по поверхности воды в пруду. На минуту я представил, как камешек зарывается в волну - то есть переходит в другое измерение. Вот если бы вода была менее плотной, чем воздух, подумал я, камешек улетел бы дальше... Но что нам это дает? Да ничего! Я покачал головой и почти услышал, как внутри задребезжали пресловутые шестеренки.

- Мне было бы очень любопытно узнать обо всем этом побольше, - сказал я. - И поверьте, я сердечно благодарен вам за то, что вы взяли на себя труд доставить нас туда, где не бывал еще ни один человек, однако мне кажется, мы забыли о главном. Вы упомянули не только о вставшей перед вами проблемой, но и о ее решении, которое, собственно, я и должен был оценить. В чем же заключается это решение?

Прежде чем ответить, Хаксель широко распахнула крылья, и ее молчаливые

соплеменники, которые так и стояли кольцом вокруг нас, беззвучно приблизились.

- Речь идет о выводах, которые мы сделали. Гуюки - очень древняя раса, до сих пор мы не встретили в космосе народ, который был бы старше нас. Кроме того, мы процветающая раса: наша численность растет, а наука и техника движутся вперед, однако мы не можем не признать, что наше главное достижение, а именно способность достигать полного общественного согласия по самым важным вопросам, существенно ограничивает нашу объективность. Нам понадобилась тысяча ваших земных лет, чтобы выработать некое решение - весьма непростое и довольно болезненное. Должна отметить: несмотря на то что его признают все члены нашего общества, мы не осмеливаемся его реализовать, боясь ошибки.

- То есть вам необходимо знать мнение третьей, незаинтересованной стороны?

- Мы хотели бы выслушать все сколько-нибудь заслуживающие внимания суждения.

В горле у меня пересохло, и я испугался, что не смогу произнести ни звука. Тем не менее, я все-таки выдавил:

- И все же что это за решение?

- Приближается... важная дата, - сказала Хаксель, и я невольно подумал, уж не пытается ли она в очередной раз уйти от прямого ответа, что навело меня на еще одну неожиданную идею. - Мы начали работу по объединению Веретен в единую систему одну Большую Эпоху назад - это примерно семнадцать миллионов лет по вашему счету. За это время мы обследовали столько галактик, что уже потеряли им счет, и в каждой способствовали зарождению жизни и появлению разума. В проекте участвовала вся наша раса - буквально вся, вплоть до последнего гуюка... Ну, теперь вам ясна наша проблема?

Я немного помолчал, от души надеясь, что ошибся.

- Вам кажется, что вы потерпели неудачу?

- Мы предпочли бы самый жестокий провал тому, к чему в итоге пришли. Ведь даже самая серьезная неудача не исключает успеха в будущем, тогда как...

- Пожалуйста, скажите же мне наконец, в чем дело!

- Мы обнаружили, что нам не суждено стать полноправными участниками Большого Пробуждения. Наше истинное предназначение, которое мы столько времени понимали неверно, состояло в том, чтобы, засеяв галактики семенами разумной жизни, отойти в сторону и дать другим возможность довести дело до конца.

Я уставился на Хаксель, чувствуя, как от страха у меня все сжимается внутри.

- Вы сказали: «отойти в сторону»...

- Я имею в виду основной эволюционный принцип: для любого развития

требуется свободное пространство.

Я кивнул. Кажется, я ухватил суть, но мне это совсем не понравилось.

- Вы считаете, что новые высокоразвитые расы не смогут появиться, пока гююки не уйдут со сцены?

- Долгие и тщательные исследования в панкосмическом масштабе позволили нам установить, что во Вселенной существуют своего рода экологические ниши. А как известно, ни один новый вид не может полностью развиваться и занять такую нишу, если там уже обитает другой вид живых существ.

Я слегка пожал плечами. Это звучало полным бредом, и я никак не мог поверить, что гююки относятся к этому настолько серьезно. С другой стороны, я уже привык к тому, что от инопланетян можно ожидать чего угодно.

- Уж не хотите ли вы сказать, что гююки намерены совершить коллективное самоубийство, чтобы уступить дорогу другой, более способной расе? - уточнил я.

- Мы не планируем мгновенное всеобщее самоубийство, - был ответ. - Мы просто прекратим воспроизводство. Срок нашей жизни гораздо продолжительнее, чем у вас, но он намного короче, чем у некоторых известных нам народов. Через три-четыре ваших столетия мы исчезнем, однако можно не сомневаться, что образовавшийся экологический вакуум очень скоро заполнится другим, более жизнеспособным видом.

При этих словах меня буквально мороз продрал по коже, однако, несмотря на это, я ухитрился покрыться испариной.

- Но почему вы не можете просто перестать соединять Веретена в общекосмический мозг? - спросил я. - Почему вы предпочитаете этому медленную смерть вашей расы?

- Будущие поколения могут забыть о том, что помешало нам. Рано или поздно они заново осознают необходимость создания всекосмического разума и продолжат напрасную работу. Кроме того, гююки весьма и весьма многочисленны. Одно это способно помешать более перспективным расам развиваться в миллионах планетных систем и галактик, которые сейчас занимает наш народ. Да, доктор, в космосе обитают триллионы и триллионы моих соплеменников.

Успокойся, Алонсо, сказал я строго, ты не несешь никакой ответственности за эти триллионы жизней. И все же я никак не мог поверить, что это не так, и мне было очень не по себе.

- Так значит, это и есть решение, которое я должен оценить?

- Всех судей-экспертов мы просим только об одном: они должны отыскать убедительную причину, чтобы отказаться от найденного нами выхода. Если такой причины не окажется, мы будем считать наше решение единственно правильным.

- Эй, послушайте!.. - Если бы не пересохшее горло, я бы, наверное, выкрикнул эти слова, а так только неуверенно сипел. - Вы обещали вернуть меня на Землю через неделю. Сами вы занимаетесь этой проблемой миллионы лет - и теперь вы хотите, чтобы я нашел вам другое решение за пять паршивых дней?!

- Не беспокойтесь, вы окажетесь на Земле в обещанный срок. Прежде чем подойдет очередь высказать ваше мнение, нам предстоит выслушать и вернуть по домам других судей, но это не займет много времени. На размышления у вас есть целых два дня. Если решение не будет найдено, все гюки стерилизуют себя.

- Как... два дня? Почему?

- Через два дня истекает Большая Эпоха. Это срок, который мы себе поставили.

- Но это не... - начал было я и не договорил. Слишком много «не» пришло мне на ум одновременно: «неразумно», «нелогично», «неправильно» и так далее.

- Мы сознаем, что два дня - не слишком большой срок, - добавила Хаксель. - Но мы компенсировали это, собрав значительное количество судей-экспертов. Смотрите, вот наш флот... - Она сделала жест, указывая на стену-экран, на которой появилось множество гюкских космических кораблей. Их были тысячи; многие находились так далеко от нас, что выглядели как яркие светящиеся точки, но некоторые оказались сравнительно близко, и я смог разглядеть их очертания. Космические корабли гюков были настолько похожи на сямских бойцовых рыбок, что я побоялся бы посадить их в один аквариум.

- И мы сейчас тоже внутри такого корабля? - спросил я.

- Да. Каждое судно везет сразу нескольких судей, так что наша экспертная коллегия действительно многочисленна. Когда все закончится, я смогу назвать вам точную цифру, но не сейчас... Я, кажется, уже говорила, как важно для нас, чтобы вы, с одной стороны, не испытывали слишком большого груза ответственности, а с другой - не считали свои идеи банальными. По этой же причине мы не станем отвечать на дальнейшие вопросы, которые могут у вас появиться. Сейчас мы просим вас вернуться в каюту и начать размышлять.

. Я только пожал плечами - сказать было нечего. Внутри меня все как будто онемело. Я знал: сколько бы судей-инопланетян ни решали судьбу гюков вместе со мной, часть ответственности все равно ложится на меня. Гюки сами загнали себя в угол и теперь надеялись, что кто-то сумеет указать им выход, но на их месте я бы не особенно на это рассчитывал. От меня, во всяком случае, им вряд ли стоило ожидать блестящих озарений. Едва ли существу невежественному и весьма ограниченному удастся что-то сделать.

- Ты справишься, - сказала Санни. - Я в этом абсолютно уверена. Вспомни, ты уже много раз находил выход из совершенно невероятных положений!

Да, до сегодняшнего дня я более или менее справлялся. Как врач я привык брать на себя ответственность за жизнь и здоровье своих пациентов, но еще никогда я не оказывался в положении, когда от меня зависели триллионы настоящих и будущих жизней.

* * *

Только когда мы оказались в нашей кают-компании, я набрался храбрости и спросил Хаксель, почему бы гуюкам не перебазироваться на несколько десятков или даже на одну единственную планету, освободив, таким образом, галактику для молодых, набирающих силу цивилизаций. Поскольку она сама сказала, что время вопросов прошло, я не особенно рассчитывал на ответ, но Хаксель, по-видимому, решила, что мне важно это знать.

- Мы отвергли эту возможность, исходя из особенностей нашего менталитета. На какое-то время это могло бы сработать, но наши потомки, скорее всего, снова заселили бы галактику и возобновили прерванную работу. И тогда спустя какое-то время наш народ снова оказался бы в тупике. Кроме того, какое бы убежище мы для себя ни подыскали, нет никаких гарантий, что оно не окажется тем самым миром, на котором мог бы развиваться новый разум, обладающий необходимыми качествами.

Таков был ее ответ. «Все или ничего!» - вот, что это означало, и я снова почувствовал себя слабым и беспомощным.

Весь этот день, до самого позднего вечера, я лихорадочно размышлял над проблемой гуюков, но так и не придумал ничего путного. Есть я не мог и был уверен, что заснуть мне тоже не удастся. Несколько раз я обращался к своим спутникам за советом и помощью, но результат оказался нулевым, хотя они действительно старались. Единственным положительным следствием коллективного «мозгового штурма» было то, что враждебность, которую Гара питала к Сделке, окончательно сошла на нет. Что ж, ничего удивительного: в конце концов, они мои друзья, и сейчас их объединяла общая забота об одном туповатом докторе.

Как прошла ночь, я не помнил. Кажется, мне все-таки удалось ненадолго забыться сном. На второй день Гара неожиданно задала очень полезный вопрос.

- Я слышу, - сказала она, - что ты очень хочешь спасти гуюков. С их уходом Вселенная действительно многое потеряет, но... почему ты так уверен, что они ошиблись в своих выводах?

Эти простые слова заставили меня еще раз как следует обдумать известные мне обстоятельства.

- Я вовсе в этом не уверен, - ответил я наконец. - Я сомневаюсь даже в том, насколько осуществима сверхзадача, которую они на себя взвалили. Объединить группы галактик в подобие вселенского разума - мне это напоминает беспочвенные мечтания кокаиниста. Похоже, духовно-этические убеждения гуюков находятся в конфликте с инстинктом сохранения себя как вида. При этом духовная сторона одерживает верх, но едва-едва...

- Мне это не совсем понятно. Поясни.

- Гуюки надеются, что кто-то из нас, чужаков, отыщет вескую причину, которая позволит им продолжать в том же духе. Чтобы собрать в одном месте несколько сотен или тысяч экспертов из разных миров, они потратили немало материальных ресурсов, не говоря уже о колоссальных энергетических затратах. Это, я считаю, является проявлением инстинкта сохранения. Но после того, как они нас собрали и изложили свою проблему, они не дают нам достаточно времени, чтобы найти решение - если, конечно, предположить, что решение существует.

- Хаксель говорила, что над проблемой работает множество разумных существ.

- Но даже для множества разумов времени слишком мало.

- Возможно, кто-то из экспертов умеет думать очень быстро.

- Хорошо бы...

Более тяжелого, гнетущего дня я не припомню. Даже Алекс, почувствовав мое настроение, забросил игры и бродил по комнатам грустный и подавленный.

К вечеру я совершенно извелся, ужасно жалел себя и готовился к новой бессонной ночи. Санни предложила мне помассировать шею - не самое любимое ее занятие, так как потом у нее всегда болят руки, но я нашел в себе силы отказаться. Пусть хотя бы она отдохнет, решил я.

Но Санни, видя, как я мучаюсь, не собиралась сидеть сложа руки.

- Слушай, - начала она, - я вдруг вспомнила, что ты сказал мне после того, как в первый раз побывал у тсф.

- Ну и что я такого сказал? - рыкнул я и сам же поморщился от собственного тона. Какой же я врач, если не умею держать в узде усталость и раздражение? К счастью, Санни не обратила на мой тон никакого внимания - во всяком случае, она не стала ни упрекать меня, ни выяснять со мной отношения.

- Ты сказал, что сумел вылечить пациентов-инопланетян только после того, как перестал твердить себе: мол, это все равно невозможно.

Я вздохнул:

- Понимаю, к чему ты клонишь, но в данном случае ситуация совершенно иная.

Найти решение проблемы гуюков невозможно в принципе.

- Пусть так, но... Я еще никогда не видела тебя таким взвинченным, Алонсо. Если ты ошибаешься, и ответ есть, как ты сумеешь его отыскать в таком состоянии? Вспомни, что ты сам всегда советуешь, когда я решаю какой-то сложный вопрос. «Подумай над ним и забудь... Когда ты снова вернешься к нему, ответ будет ждать тебя готовенький». Отдохни, а твое подсознание пусть поработает.

Нет ничего хуже, когда к тебе возвращаются напыщенные банальности, которые ты сам когда-то изрекал словно пророк или гуру.

- И почему обязательно ты? - продолжала Санни. - Ведь решение может найти кто-то из твоих коллег-судей; не зря же Хаксель сказала, что их очень много и они из разных миров. Неужели ты считаешь их всех глупее себя?

- Нет, не считаю, - пробормотал я.

- Вот и отлично, - кивнула Санни. - Теперь ты видишь: у тебя нет никаких особых причин изводить себя и окружающих. Возьми какую-нибудь книжку, почитай и, ради Бога, постарайся хоть немного поспать. Завтра ты будешь точно знать, что делать.

Как бы не так, подумал я, а вслух сказал:

- Ты мудрая женщина, и я послушаюсь твоего совета, как и подобает образцовому пациенту. - И, поцеловав Санни на сон грядущий, я откинулся на подушку и вызвал на инфомат еще одну книгу о каббале. Не помню, как я заснул. Но до утра мне снились какие-то текущие огни.

* * *

Меня разбудил искусственный рассвет, заглянувший в окна нашей клонированной спальни. Не вставая с постели, я попытался отыскать в своем мозгу долгожданный ответ на все вопросы, но ничего не обнаружил. Очевидно, чтобы созреть, решению нужно несколько больше времени, чем одна ночь. Чего-то подобного и следовало ожидать, и тем не менее я испытал глубокое иррациональное разочарование от того, что мои (и гуюков) проблемы никуда не исчезли.

Спустив ноги на пол, я прошлепал в туалет, как будто был дома.

По пути к «удобствам» я бросил на себя взгляд в безупречно чистое зеркало - и едва не споткнулся от неожиданности. Мне казалось, что за последние два дня я должен был состариться как минимум лет на сто, однако из зеркала на меня смотрело на удивление молодое, пусть и заросшее утренней щетиной лицо. Мешки под глазами, которые я холил и лелеял на протяжении последних десяти лет, почти

исчезли, тонкие морщинки на лбу разгладились, а волосы, в которых уже начали появляться серебряные нити, снова сделались темными и блестящими.

Я не узнавал самого себя!

Какого черта, подумал я сердито. Может, это освещение виновато?.. Нахмурившись, я поднял голову, чтобы рассмотреть похожие на галактики светильники у себя над головой. Все вместе они давали очень мягкий рассеянный свет, однако от каждого светильника на потолок ложились яркие, пересекающиеся друг с другом отблески-лучи. Глядя на эту световую паутину, я вспомнил, как Санни сравнила тянущиеся от Веретен светящиеся дорожки - каждая длиной несколько тысяч световых лет и более - с нитями, которые наматываются на настоящее веретено.

В классических комиксах существует один графический прием, который всем вам наверняка хорошо известен. Когда героя осеняет важная идея, художник рисует над его головой электрическую лампочку. Над моей головой вспыхнула, наверное, целая шаровая молния мощностью в миллионы киловатт. Она рассеяла мрак в моем мозгу, и я понял: ответ, который я так долго и мучительно искал и не мог найти, до обидного очевиден. Решение, что называется, лежало на поверхности, и я не сомневался, что мои коллеги-судьи уже наверняка его отыскали. Каких-нибудь два дня назад я и сам был на правильном пути; чтобы добраться до истины мне не хватило одного-двух шагов... Просто удивительно, подумал я, как гуюки не додумались до этого сами. Вероятно, это было уже из разряда чудес, которые мы, люди, называем «злыми».

Впрочем, я тут же подумал: не может ли оказаться так, что гуюки давно отыскали это решение, но отвергли в силу каких-то причин или особых соображений, о которых я не имел ни малейшего понятия? При мысли об этом моя радость несколько померкла, но я не желал сдаваться. Не беда, что половина воздушных шариков, на которых я собирался воспарить в небеса, сдулась или лопнула; чтобы вечеринка продолжалась, нужно просто наполнить гелием новые. Да и то сказать, я ни секунды не сомневался, что найденное мною решение правильное. Оставалось только убедить в этом гуюков, что само по себе было задачей, достойной Геркулеса.

Вернувшись в спальню, я увидел, что Санни тоже проснулась. Только сейчас мне бросилось в глаза (раньше я этого, наверное, просто не мог заметить), что и она выглядит как минимум на полтора десятка лет моложе.

Жена взглянула на меня и кивнула - не без некоторой доли самодовольства.

- Вот видишь, Алонсо, я же тебе говорила: все будет в порядке!..

Я присел на краешек кровати.

- Ты была права, дорогая. Как всегда.
- Твоя ирония неуместна, особенно с утра пораньше. - Она внимательно посмотрела на меня. - Ты отлично выглядишь, Алонсо. Вот что значит как следует выспаться.

- А ты выглядишь еще лучше, но, мне кажется, сон тут ни при чем. Должно быть, все дело в тех новых патентованных витаминах, которые мы перестали принимать, когда отправились в это путешествие.

Санни улыбнулась.

- Ну, давай рассказывай, что ты надумал.

- Идея была проста, как все гениальное, - скромно сообщил я. - Во всяком случае, я убежден, что нащупал верное решение.

- Но ты не знаешь, как отнесутся к твоему озарению гюки? Расскажи-ка поподробнее.

- Сейчас расскажу. Любопытно, что к этому решению меня привели самые разные вещи, о которых я в последнее время думал. Мне даже кажется: если бы не они, я бы вряд ли сумел найти ответ. В каббале есть несколько указаний на духовные...

В этот самый момент в нашей спальне внезапно появилась Хаксель. Можно было подумать, что это ее спальня.

- Прибыл корабль, который доставит вас обратно на Землю, поэтому я вынуждена пригласить вас в большой зал, где вы объявите о своем решении.

- Что, уже пора?

- Вы спали дольше, чем вам, возможно, кажется. Кроме того, я обоняю, что вы еще не ели... Прошу меня простить, но вам придется немного отложить ваш завтрак.

То, что у Хаксель, оказывается, есть обоняние, было для меня новостью. Что же касалось завтрака... Конечно, перед решающим выходом на сцену было бы неплохо чем-нибудь подкрепиться, однако я слишком нервничал, и у меня, наверное, кусок бы не полез в горло.

- Мне нужно одеться, - сказал я как можно тверже. - А пока я одеваюсь, моя жена успеет перехватить пару персиков или яблок.

- Да, конечно, но прошу вас - не мешкайте. Я сама разбужу вашего сына. Что касается ваших взрослых друзей, то они уже встали... - Хаксель выплыла из спальни, мы последовали за ней. «Вот идет испуганный человечек, - припомнил я популярный стишок. - Идет и мечтает о том, чтобы трудная работа поскорее закончилась».

Впрочем, из всей группы подавленность и испуг, похоже, испытывал только я.

Алекс, по своему обыкновению, скакал и подпрыгивал, опередив даже Хаксель. Санни двигалась легко и непринужденно; выглядела она, несмотря на отсутствие косметики, просто роскошно, и я вдруг подумал, что очень ее люблю. Гара и Сделка непринужденно болтали, словно старые друзья, но я не прислушивался к их разговору. В моей жизни вот-вот должна была наступить решающая минута, и я был к этому абсолютно не готов. На эти короткие мгновения я словно погрузился в хрестоматийный кошмар, когда взрослому человеку снится, будто он снова оказался в школе и вынужден сдавать экзамен по предмету, который никогда не изучал. Помочь мне не мог никто - разве что Сделка сумел бы предложить подходящую сбытовую стратегию, но сейчас спрашивать его об этом было поздно.

Не успел я и глазом моргнуть, как мы снова оказались в Звездном зале, в котором побывали два дня назад. Как и в прошлый раз, огромное пространство было заполнено гюками. Сейчас они не стали складывать крылья, поэтому каждый инопланетянин напоминал кусок витражного стекла на закате, и только их тела как-то странно мигали - точь-в-точь как старомодные флуоресцентные лампы, перед тем как перегореть. Возможно, подумалось мне, они тоже боятся. Одна стена в зале оставалась прозрачной, и за ней в черноте космоса сияли многочисленные Веретена. От одного их вида у меня захватило дух - я уже почти забыл, как они прекрасны.

Все же я постарался взять себя в руки и отыскать нашу родную Галактику - ту, которую Хаксель обвела светлым кружком, но не смог, поскольку большинство миров были похожи друг на друга. Кроме того, меня что-то беспокоило, но это была не сама открывшаяся мне картина, а что-то, относящееся к ней... Связанное с...

- Внимание! - воззвала Хаксель. - Уважаемый доктор, мы готовы выслушать ваше мнение. Удалось ли вам найти ошибку в наших выводах?

- Да, удалось, - ответил я и тут же поправился: - То есть я в этом почти уверен, но...

- В самом деле?! - Хаксель в крайнем волнении несколько раз взмахнула крыльями. При этом поднялся такой сквозняк, что я подумал: по меньшей мере три четверти гюков проделали то же самое. - Тогда прошу вас, не медлите! Расскажите скорее, что пришло вам на ум. Продемонстрируйте нам вашу идею.

«Продемонстрируйте нам идею» - пожалуй, ни один нормальный человек, если только он не высокопоставленный политик, не выразился бы подобным образом. Я, однако, знал, что слово «продемонстрируйте» было ключевым и трудности перевода тут ни при чем. В чудеса я никогда не верил, но сейчас ответы пришли ко мне точно по волшебству.

- А можно мне сначала задать один вопрос?
- Только если он будет коротким, и на него можно ответить коротко.
- Скажите, сколько моих коллег-судей принадлежат к расам, не сумевшим открыть метод межгалактического переноса, которым пользуетесь вы, гуюки?

- Трое. Теперь вы готовы вынести ваш вердикт?
Черт, подумал я, похоже, придется отдуваться одному. На двух остальных моих коллег надежды было мало.

- Когда вы пригласили меня принять участие в работе вашей судебной коллегии, вы сказали: мол, прежде чем вы объясните, что же именно мне предстоит судить, я должен кое-что увидеть... - Я показал рукой на прозрачную стену, за которой расстилалась бесконечная панорама космоса. - И это был совершенно правильный ход. Чтобы понять некоторые вещи, их нужно сначала почувствовать.

В зале стояла такая тишина, что можно было бы услышать, как упала булавка - если бы гуюки пользовались булавками. Ну, теперь главное - не останавливаться.

- Вам всем тоже нужно кое-что увидеть, чтобы понять, что я собираюсь сказать.
- Это потребует путешествия? Перемещения в пространстве?
- Нет. Ведь у вас есть этот замечательный экран... - Я снова махнул рукой в направлении волшебной стены. - Думаю, он нам поможет, если, разумеется, вам удастся заставить его показать то, что я прошу. - На самом деле я был почти уверен, что все получится как надо, поскольку мне было хорошо известно: стена-экран способна увеличивать изображение, а также снабжена некоторыми интерактивными и анимационными функциями.

- Что ж, опишите нам, что вам нужно.
Я облизал губы. Очень важно было подобрать точные слова и формулировки, чтобы предстоящая демонстрация выглядела как можно убедительнее.

- Мне нужно, чтобы вы отобразили на экране все путешествия, которые гуюки когда-либо совершали между Веретенами, но сделать это надо так, будто ваши экспедиции летели на простых ракетных кораблях, а не телепортировались из одного места в другое. Думаю, проще всего это будет сделать с помощью линий или световых лучей. Пятиминутной демонстрации, мне кажется, будет достаточно.

- Понятно, вам нужна линейная графическая схема всех осуществленных нами переносов. Это нетрудно - у нас имеются соответствующие записи. Дайте нам пару ваших минут...

Прошло, однако, всего несколько секунд, и на экране начали один за другим вспыхивать яркие световые лучи, которые тянулись от одной галактики к другой, соединяя Веретена между собой. Сначала их было немного, потом длинные острые лучи так и брызнули во все стороны, словно включился какой-то гигантский

стробоскоп.

Я осторожно перевел дыхание и вытер со лба выступивший пот. Мое сердце бешено стучало от волнения, но вместе с тем я испытывал прилив самого настоящего вдохновения.

За несколько мгновений до того, как на экране зажегся последний луч, я сказал:

- Наверное, у каждой расы, какой бы высокоразвитой она ни была, есть что-то такое, чего она не замечает или не понимает, когда речь заходит о ней самой, этакое своеобразное «слепое пятно», - начал я. - К вам, гуюкам, это тоже относится. Во всем «виновато» ваше умение достигать полного согласия на уровне всего народа, каким бы многочисленным он ни был.

- У нас действительно имеется подобное качество, - сказала Хаксель и беззвучно повернулась вокруг своей оси, а я подумал, что гуюки, похоже, умеют общаться при помощи своих крыльев, точнее - с помощью светящихся рисунков на них. - Я чувствую, доктор, что за вашей просьбой проиллюстрировать наши межгалактические путешествия, стоит какая-то цель, но не могу ее разглядеть, - добавила она.

- А вот мы отлично ее слышим, - вставила Гара, причем мне показалось, что она говорит от лица всех моих спутников, в том числе, возможно, и от лица Алекса. Ну что ж, пора...

- Гуюки - вот главная связь между Веретенами. Линии, которые вы видите на экране, тянутся от одного космического острова до другого, а ведь это проложенные вами маршруты. Галактики разговаривают друг с другом через вас. Панкосмический разум, о котором вы мечтали, существует; более того, в последние семнадцать миллионов лет он занимался огромной и важной работой, насаждая семена жизни и пестуя интеллектуальное развитие самых различных рас. А если взглянуть на этот процесс с другой точки зрения, то можно сказать, что гигантский космический разум занимался тем, что собирал и совершенствовал сам себя. - Тут я сделал небольшую паузу, давая гуюкам возможность осмыслить мои слова. Помнится, в детстве я представлял Вселенную как некую гигантскую машину, которая при помощи эволюционных процессов должна в конце концов породить Бога. Сейчас, после всего, что я видел и о чем подумал, эта гипотеза показалась мне вполне жизнеспособной и даже, кажется, обрела некий фактический базис.

И, набрав в грудь побольше воздуха, я разыграл свой последний козырь.

- Я могу доказать, что у гуюков имеется «слепое пятно», - заявил я. - Два дня назад, когда я спросил, может ли энергия в какой-то форме передаваться между Веретенами, мне ответили, что каждая из галактик уникальна с точки зрения своего энергетического и материального строения и что вам не удалось обнаружить

никаких следов энергий, которые могли бы попасть в такую сбалансированную систему извне.

- Продолжайте, - очень тихо сказала Хаксель. - Вы излучаете очень неожиданный свет, и нам трудно постичь его сразу.

Я выразил свои чувства улыбкой, подозреваю - довольно идиотской. На самом деле мне хотелось прыгать на одной ножке, колотить себя по голове и орать от восторга. В эти мгновения я был как никогда уверен, что сорвал банк.

- На самом деле, - сказал я, продолжая глупо улыбаться, - вы должны были обнаружить следы чуждых энергий во всех Веретенах, где вы побывали. Речь идет об энергиях, которые попадали в другие галактики вместе с вами, но вы об этом не думали. Это и есть то самое «слепое пятно», о котором я говорил.

После этих моих слов в зале снова наступила полная тишина. Потом гюки один за другим просияли (в буквальном смысле слова) и умили свой блеск только после того, как я вынужден был закрыть глаза, не выдерживавшие столь яркого света. Впрочем, это казалось мелким неудобством по сравнению с ощущением торжества, которое я испытывал.

* * *

Кое-кто может предположить, что на обратном пути на Землю мы - в полном соответствии с уже упомянутым мною принципом Отложенных неприятностей -. столкнулись с какими-то серьезными проблемами. Ничего подобного. На сей раз все складывалось крайне удачно, если, конечно, не считать нескольких досадных мелочей. Например, Алексу не хотелось (и это еще мягко сказано) покидать свою новую спальню, которую он превратил в игровую площадку. И ни пропущенные уроки, ни друзья, ни все чизбургеры с гамбургерами не могли заставить его передумать.

Нет, я вовсе не хочу сказать, что Алекс, будь у него возможность выбирать, мог бы остаться на гуюкском корабле без нас, однако факт остается фактом: он вовсе не стремился как можно скорее пуститься в обратный путь, о чем не преминул нам сообщить, причем довольно громко. Бог свидетель, я люблю этого мальчишку, и все же мне кажется, мой отцовский слух подвергся нешуточному испытанию.

К счастью, до прямого насилия дело не дошло.

Кроме того Сделка, сумевший заключить с гюками несколько выгодных торговых соглашений и пребывавший в связи с этим в состоянии глубокой эйфории, едва не поставил меня в крайне неловкое положение, попытавшись - якобы от моего имени,

но без моего разрешения и даже без моего ведома - обсудить с Хаксель вопрос о моем гонораре за оказанные услуги. Как выяснилось, гуюки придерживаются довольно необычных взглядов на то, как и когда следует вознаграждать кого-либо за выполненную работу. Помните, как мы прошли через два портала, когда поднимались на гуюкский корабль? Сделка был отчасти прав насчет первой двери - той, которая перенесла нас на дальний край парковочной площадки. Установленное там оборудование действительно идентифицировало наши личности и считало всю необходимую для создания привычных жизненных условий информацию, однако это было далеко не все. Оно также произвело тщательный по-настоящему тщательный медицинский осмотр и насытило наши тела энергией, способной притягивать изолирующие или «темные» нейтрино, что и произошло, как только мы вошли во вторую дверь. Так мы совершили «прыжок» с Земли на борт гуюкского межгалактического транспорта.

Розовый туман, в котором мы оказались, когда миновали вторую дверь, был чем-то вроде медико-санитарно-карантинного отсека. Странные ощущения, которые я тогда испытал, объяснялись тем, что мое тело подверглось многочисленным нанохирургическим вмешательствам. Десятки и сотни операций были проделаны за считанные минуты, а все, что я ощущал, это странное покалывание и легкий зуд.

Иными словами, я получил свое вознаграждение еще до того, как выполнил работу. Я полностью исцелился, и не только я, но и все, кто меня сопровождал. Хаксель переслала на мой инфомат полный список того, что гуюкам пришлось поправить в наших организмах. Как-нибудь, когда у меня выдастся свободный год, я прочту его до конца. Но самым главным в разделе, который касался непосредственно меня, было полное исцеление лейкопении - болезни, которая без постоянного нанохирургического вмешательства убила бы меня уже много лет назад. Узнав об этом, я готов был прыгать почище Алекса. Благодаря гуюкам я стал гордым производителем своих собственных белых кровяных телец!

В общем, вознаградили меня по-царски. Даже Алекс, который в отличие от нас с Санни не выглядел на десять лет моложе (и это, пожалуй, только к лучшему) буквально излучал здоровье. А Гара сказала, что мое тело звучит теперь как плавно текущая река, а не как порожистый горный ручей.

Да, если вам интересно... Я узнал, специально поинтересовался, что к решению своей проблемы гуюки привлекли 5832 судьи-эксперта. Это число казалось мне в значительной степени случайным, пока Сделка не сказал, что это восемнадцать в кубе. Многие судьи, кстати, привели немало оригинальных и весомых причин, по которым гуюкам не следовало совершать коллективное самоубийство, но Хаксель заверила, что только мои доводы показали ее соплеменникам в достаточной

степени убедительными. Это известие, впрочем, ничуть мне не польстило. Задним числом я даже немного испугался. А что если бы я ошибся? Или пришел к правильным выводам, когда было уже поздно? Я поделился своими мыслями с Санни, но она сказала, что пораженческие настроения, особенно после столь убедительного и блестящего успеха, меня не красят.

Когда мы уже собирали вещи, чтобы лететь домой, жена спросила, как именно я отыскал правильное решение.

- Знаешь, все это довольно-таки странно, - признался я. - Чтобы не гадать о том, что мне предстоит, и не мучиться неизвестностью, я старался думать о трех вещах. О каких - ты, наверное, сама знаешь...

Санни отложила блузку, которую аккуратно складывала, прежде чем запихнуть в чемодан.

- Так, сейчас подумаем... Ты читал книги о каббале и переживал из-за Гары, которая сказала, что торговцы остановили на ней свой выбор только потому, что они ей не нравились. Какая же была третья вещь?..

- Я пытался разобраться в особенностях метода, с помощью которого гюки прыгают между Веретенами. И в какой-то момент фрагменты мозаики встали на место. - Я загнул один палец. - В книгах, которые я читал, утверждалось, что каббала - это учение о потоках духовной энергии. - Я загнул второй палец. - Инопланетяне, которые используют для путешествий что-то вроде телепортации, вряд ли способны рассматривать каждый свой «прыжок» как линейное перемещение... То есть они, конечно, способны, просто в отличие от нас, людей, привыкших все упрощать и схематизировать, им это вряд ли пришло бы в головы. И, наконец, Гара... Кстати, я вовсе из-за нее не переживал... - Я загнул третий палец. - Гара заставила меня задуматься о «слепых пятнах», которые есть у каждой расы. То, что ее могли приставить ко мне только для того, чтобы укрепить мою лояльность по отношению к торговцам, просто не приходило мне в голову, и это было мое «слепое пятно». Ну а лучики света, которые я увидел на потолке ванной комнаты, просто помогли мне довести дело до логического завершения.

- Все понятно. Ты просто сложил два и два и получил правильный ответ. - Санни кивнула и улыбнулась мне улыбкой, из-за которой я в свое время на ней женился. - Чего же тут такого странного?

- Все вышло как-то уж очень легко. Словно само собой, понимаешь? Можно подумать, будто кто-то или что-то... привело меня к правильному ответу.

- «Рука Бога»?

- Пожалуй, хотя мне, конечно, нелегко в этом признаваться.

Конечным пунктом нашего обратного путешествия была все та же заброшенная

парковка, где мы садились на наш трансгалактический экспресс. Здесь нас встречали агенты Карл и Стивен да еще пара репортеров, которые, как видно, решили приехать сюда просто на всякий случай (никаких вице-президентов, естественно, и слава богу!). Увидев их, Сделка мгновенно переключил свою машину-переводчик на утрированный британский акцент. То и дело называя репортеров «шеф», он поведал «гиенам пера» (конечно, пользовавшимся отнюдь не перьями, а профессиональными инфоматами последнего поколения, благодаря которым речь Сделки мгновенно оказалась в мировых информационных сетях), что он в восторге от нашей поездки. «Я был просто на седьмом небе, шеф», - так он выразился. Увы, иногда торговцы тоже шутят не слишком удачно.

Потом мы все сели (ввалились, втиснулись, запрыгнули, словом, кто как мог) в уже знакомый серый фургон и тронулись в путь. Нам с Санни и Алексом ехать было ближе всех, так что уже через несколько минут мы оказались перед собственным домом. Когда мы выгрузились, Гара сказала мне на прощание нечто столь лестное, что я, пожалуй, не стану это повторять, чтобы не показаться нескромным. Сделка, со своей стороны, обещал похлопотать, чтобы мне повысили зарплату, что является у торговцев высшей похвалой.

Наконец фургон с нашими друзьями отъехал. Мы уже отпирали входную дверь, когда к нам подошла соседка Мэри. Она принесла адресованную мне почтовую бандероль, которую доставили три дня назад и оставили у нее, поскольку никого из нас не было дома. Я поблагодарил Мэри и вскрыл пакет. Внутри оказалась мягкая черная шляпа с широкими полями и отпечатанное на принтере короткое письмо.

«Дорогой доктор, - прочел я, - эту вещь прислали вам по моей просьбе мои друзья. Этот хасидский головной убор называется «любавич» и может при необходимости заменить вам зонтик (шутка). Ну а говоря серьезно: если вы именно такой человек, каким мне показались, вы простите мне словесные экзерсисы и поймете, что именно я имел в виду». В самом низу тончайшими каракулями было выведено от руки: «Ваш Пипс». Глядя на эту подпись, я только пожал плечами. До этой минуты я был абсолютно уверен, что э-делла-пэ не мог знать о своем прозвище.

Я подключил инфомат и поискал значение слова «любавич». Поисковая машина выдала мне целую кучу ссылок на иудаизм, хасидизм и... каббалу. Неужели, подумал я, Пипс, который прожил уже несколько столетий, но все еще считался младенцем, оказался мудрее большинства из нас, выбрав в жизни единственную стоящую стезю - поиск божественной гармонии? Или мой бывший пациент отличался острой интуицией и сумел каким-то образом передать свой дар мне? Интересно, можно ли развить интуицию до такой степени, чтобы использовать ее

постоянно как верный и надежный инструмент, подумал я. Кто знает?.. Во всяком случае, не я. Пипс, возможно, знал, но он теперь далеко.

- Знаешь, быть может, это была вовсе не «рука Бога», - сказал я, повернувшись к Санни. В том, что она помнит наш последний разговор на борту гуюкского корабля, я ни секунды не сомневался. - Но... что-то вроде этого, - добавил я после паузы.

Перевел с английского Владимир ГРИШЕЧКИН

© Rajnar Vajra. Doctor Alien and the Spindles of Infinity. Печатается с разрешения автора.

Повесть впервые опубликована в журнале «Analog» в 2012 году.

СЕРГЕЙ БУЛЫГА

НЕБЕСНАЯ МЕХАНИКА

В одном из далеких созвездий вокруг одной из многочисленных звезд вращалась одна-единственная планета. Звезда была небольшая, планета невзрачная, никто на эту звездную систему особого внимания не обращал. Ее, конечно, внесли в звездный каталог и даже номер ей присвоили. А напротив номера поставили крестик, который означал, что ничего примечательного там нет.

Конечно, куда интереснее, если вокруг исследуемой звезды вращается десяток самых различных планет, когда звездная система полным-полна астероидов, комет и метеоритных скоплений. Тогда все это напоминает сложный, четко отлаженный механизм: планеты вращаются по строго определенным орбитам, астероиды своим движением время от времени нарушают сложившееся в данной системе равновесие - и происходят любопытные магнитные возмущения, орбиты отклоняются в разные стороны, а после вновь возвращаются к норме. Вот это

картина! Чудесно! А то еще планеты возьмут да и выстроятся в одну ровненькую линию, и тогда начинается так называемый парад планет. А еще случаются затмения, противостояния, планеты, словно бегуны на сверхдальней дистанции, мчатся по своим невидимым дорожкам то быстрее, то медленнее. Пытливый наблюдатель смотрит на все это, восхищается, предсказывает возможные изменения - и радуется, когда его предсказания сбываются. А если не сбываются, то наблюдатель все равно доволен, потому что он тогда узнает что-то новое в этом красивом и до конца еще не понятом движении, которое называется небесной механикой. И совсем неудивительно, что, наблюдая за строго согласованным движением планет, ты невольно представляешь себе, будто перед тобой пусть и непонятная, но по-своему разумная жизнь. Не то что там, где вокруг одной звезды вращается всего одна планета.

Но в том-то и дело, что та единственная и никому не интересная планета была разумная, живая! Как вы, как мы и как те, кому вы об этом расскажете.

Да, планета была живая. Вся - от раскаленного ядра до холодной атмосферы. Как зародилась в ней жизнь, планета не знала. Если по человеческим меркам, то ей ко времени нашего рассказа было лет пятьдесят. Она хорошо помнила свои зрелые годы, помнила юность и детство. А вот раннее детство было для нее как в тумане, вспоминались только какие-то мелкие и совсем неинтересные детали. Ну а рождение? Она его совсем не помнила. А кто из людей может похвастаться тем, что помнит, как он родился?! Но людям об их рождении и первых днях жизни потом рассказывают близкие, друзья. А где у планеты друзья, где близкие? Другой планеты рядом с ней, как уже было сказано, не было, ну а звезда... А что звезда? Она светила, дарила планете жизнь и тепло, а больше ничего. Ведь звезды не разговаривают, они только светят. Планете было скучно, одиноко, и поэтому ей ничего другого не оставалось, как только и дальше молча вращаться вокруг своей неразговорчивой звезды и размышлять о том, кто же она, планета, такая, для чего она явилась в этот мир и как же все-таки стала разумной. Планета размышляла, размышляла, размышляла...

И, наконец, пришла к выводу, что все это было примерно так. Поначалу она была неживая, просто большой кусок холодной и беспомощной материи, и больше ничего. И лишь затем уже под воздействием благодатных звездных лучей на ней появилась простейшая, еще не разумная, примитивная оболочка, кора. Шло время, прибывало сил, кора становилась все крепче и сложнее, и вот уже планета научилась отличать свет от тьмы и жар от холода. Затем, оберегая себя от губительного космического излучения, она укрылась атмосферой. А потом, по прошествии еще некоторого времени - и этот случай она прекрасно запомнила! -

планета заметила, что свет от звезды согревает ее, и ей захотелось согреться сильнее. Недолго думая, планета собралась с силами и сдвинулась с орбиты... но тут же вернулась обратно - жар от звезды едва не сжег ее. Вот так она выросла и умнела. Ни учителей, ни советчиков у планеты не было, и поэтому до всего ей приходилось доходить самой, так называемым методом проб и ошибок. Случалось, что планета угадывала нужное решение с первого раза; случалось, что подолгу ошибалась и лишь потом делала правильный выбор. И старательно запоминала его, обогащала свою память, набиралась опыта, познавала себя.

А потом пришло и такое время, когда ей захотелось познать уже не только себя одну, но и мир окружающий. И вот тогда-то, наблюдая за далекими звездами, планета сделала предположение, что там, вокруг далеких звезд, тоже вращаются планеты. И именно не одна, а множество планет вокруг каждой звезды. Потому что, как она понимала, живительного света от каждой звезды хватит на несколько планет. Это лишь по воле случая она была одна.

И, конечно же, только от одиночества, а вовсе не от недостатка разума, планета не научилась говорить. Ей это было ненужно, она ведь была одна. А самой с собою разговаривать - это последнее дело.

Планета только мыслила.

Мысли у нее были самые разные. То она рассчитывала скорость, с которой вращается вокруг звезды, то размышляла о том, куда же движется галактика - она давно уже заметила, что окружавшие ее звезды подвижны, - то строила предположения о том, что из себя представляют те далекие туманности, которые так непохожи на звезды...

То вдруг замедляла свой бег и начинала прислушиваться к себе - а все ли там в порядке, не беспокоит ли, не ноет, не болит. В последнее время планета все чаще и чаще стала прислушиваться к себе. Вот и старость приходит, обычно думала она в таких случаях и грустно улыбалась. И тогда, чтобы хоть на время отвлечься от невеселых мыслей, планета начинала быстрее вращаться вокруг своей оси, пристально смотреть по сторонам и считать звезды. Обычно это ее успокаивало. Но бывали и такие случаи, когда охватившее ее волнение никак не проходило. Тогда планета всерьез прислушивалась к себе. Она прислушивалась, долго размышляла над тем, что же ее так тревожит... А после мысли как-то сами по себе переходили на другое, возможно, совсем ей в данном случае неважное - и планета снова успокаивалась.

Но однажды она, уже скорее просто по привычке, опять задумалась над причиной своего необъяснимого волнения...

И вдруг поняла, что она замерзает! Но почему? Она ведь вращается на той же

самой орбите, на которой ей до этого всегда хватало тепла, звезда ей светит как и прежде...

Но так ли это?

Нет. Звезды, подумала она, горят... и постепенно сгорают. То есть со временем тепла от них становится все меньше. Человеческий век слишком короток, мы этого не замечаем, но те, чьи жизни измеряются миллиардами лет, ощущают угасание звезд очень даже явственно - и прекрасно понимают, чем это им грозит. Вот почему, как только планета догадалась о том, в чем же причина ее беспокойства, она тут же, не теряя времени, вновь собралась с силами, сошла со своей привычной орбиты и приблизилась к гаснущей звезде. На новой орбите она быстро согрелась, и беспокойство исчезло. Планета знала - если вновь станет холодно, она еще раз сменит орбиту и будет вращаться еще ближе к звезде, потом еще, потом... Думать об этом не очень-то хотелось, и тем не менее планета подсчитала, на сколько же ей хватит звездного тепла. Получилось, что надолго. И планета продолжала вращаться, время от времени выбирая себе все более короткую орбиту.

А звезда остывала. По расчетам планеты получалось, что она будет остывать еще полтора миллиарда лет, за это время вполне можно что-нибудь придумать...

И вдруг звезда взорвалась! Она вспыхнула ярче целой галактики! Планета, подхваченная мощной взрывной волной, полетела куда-то прочь, в бесконечные просторы пустынного космоса. Поначалу планета испуганно оглядывалась на ослепительно горевшую звезду, а потом... Она ослепла. Да-да! Потому что ее атмосфера, не выдержав свирепого космического холода, замерзла, превратилась в лед, сплошной панцирь которого лишил планету зрения. Теперь она не видела, а только чувствовала, как поначалу взрывная волна, а затем уже и сила инерции все дальше и дальше уносят ее в неизвестность. Планета даже не могла себе представить, куда она летит и что ждет ее впереди. Ах, думала она, если бы не было на ней атмосферы, то, может быть... Но, с другой стороны, тогда космический холод давно бы уже проник до самого раскаленного ядра и остудил его, планета бы замерзла и погибла, а так плотный панцирь замерзшей атмосферы пока сохранял ей жизнь. Но вот надолго ли? Планета не некоторое время задумалась, произвела несложные расчеты и поняла - ненадолго. Вот так! А о том, что будет с ней потом, планета старалась не думать. Можно было, конечно, поразмышлять о прошлом, вспомнить безбедное детство, юность, зрелые годы. Можно было отчаяться, пожалеть себя, обвинить во всем взорвавшуюся звезду... Но планета - разумная, живая планета - ничего этого себе не позволила. Она решила последние свои часы провести как обычно - в размышлениях. О чем? Да хотя бы о причине взрыва,

погубившего звезду.

Поначалу планета вообще не могла понять, как это могло случиться. Она ведь не раз наблюдала за тем, как гаснут звезды. Сгорая, они постепенно становились все меньше, а свет от них все слабее, потом звезда вообще переставала гореть и остывала, угасал последний луч, а звезда становилась темной точкой на фоне черного неба. Вот и всё. А здесь... И планета задумалась над тем, а почему же это она не постепенно, а как-то сразу почувствовала холод. Почему?

... А! Так вот оно что! Звезда поняла, что она догорает, испугалась и стала светить слабее, чем могла, она хотела продлить свою жизнь, сэкономила силы, но только ее внутренние силы не подчинились ей - и вырвались наружу, и взорвались! Вот в чем причина, да-да-да! Довольная своей догадкой, планета улыбнулась... и тут же нахмурилась. Ведь если звезда и взаправду испугалась, то значит, она хотела жить. Значит, она была живая, разумная! Так что же тогда получается? А то, что миллиарды лет разумная планета вращалась вокруг разумной же звезды. Вы только представьте - миллиарды, тысячи миллионов лет они прожили бок о бок и так и не поняли друг друга, не догадались о самом главном!

Сила инерции продолжала увлекать планету в бесконечный космос, застывшая атмосфера уже не защищала ее от холода, который проникал все дальше и дальше, добираясь до раскаленного ядра, которое, кстати, было уже не раскаленное, а просто теплое. Еще немного, и планета окончательно замерзнет. Что делать? Где искать спасение?

Да только планете было теперь все равно. Будь что будет, думала она, слепа так слепа, она же и прежде разве была зрячая, если не видела рядом с собой... А, что и говорить! Она, несомненно, сама виновата во всем, поэтому и не достойна иной участи...

Но тут вдруг какая-то неведомая сила подхватила планету и повлекла ее сначала в одну, потом в другую сторону, затем закружила... разогрела... обожгла! Застывшая атмосфера от этого жара очень быстро оттаяла и вновь окутала планету прозрачной легкой оболочкой. Вновь обретя долгожданное зрение, планета сразу приободрилась, осмотрелась...

И увидела незнакомую звезду, а вокруг нее одиннадцать планет, два метеоритных скопления и двести восемьдесят два... нет, двести восемьдесят три больших и малых астероида. Сама же разумная планета, захваченная силой притяжения этой незнакомой звезды, вращалась по пятой от центра орбите. Вот это да, вот это изменения! Ну наконец-то она не одна, наконец-то у нее появилась возможность встретить себе подобную, и уж тогда... Ого! И постепенно согреваясь под лучами незнакомой звезды, планета стала с надеждой рассматривать своих

новых соседей. Но, к сожалению, увы! Ни сама звезда, ни все одиннадцать ее планет, ни их многочисленные спутники, ни двести восемьдесят три астероида, ни даже оба метеоритных скопления не были разумными. Разумная планета сокрушенно вздохнула... И почувствовала, как нестерпимая боль пронзила все ее тело. Планета обеспокоенно прислушалась к себе...

И все поняла. Полет в бескрайнем космосе оказался для нее губительным. Атмосфера уже не спасала от жесткого излучения, гравитационные силы ослабли, планета разрушалась. Лопалась разумная кора, от полюса до полюса расползались глубокие трещины. Быть может, это оттого, что планета слишком резко перешла от холода к теплу, и, наверное, ей лучше на время несколько отдалиться от звезды, пока не поздно перейти на седьмую или даже на десятую орбиту? Она вытеснит оттуда неживую серую планету...

Но только зачем? Разумно ли это? Ведь если участь ее все равно решена, тогда не лучше ли...

Вот именно! А коли так, то она пусть и с большим трудом, но все-таки удержала свой бег, преодолела инерцию и стала пытаться перейти на новую, более близкую к звезде орбиту. Планета все продумала и просчитала. Как только она приблизится к четвертой от центра планете, произойдет магнитное возмущение, и четвертая планета получит новую орбиту - как раз точно такую, какую имела разумная планета, вращаясь вокруг разумной звезды. Быть может, тогда и на ней, на четвертой планете, родится жизнь? Это, конечно, совершенно необязательно, но все же стоит попытаться! И, теряя последние силы, разумная планета медленно, но неуклонно начала менять траекторию полета. Глубочайшие трещины раздирали ее на части, огромные куски отрывались от нее и улетали прочь, превращаясь в блуждающие, холодные, неразумные астероиды.

И тем не менее планета улыбалась! Ведь, как она считала, умирая, она дарит, передает свой разум, свой опыт, свои мечты и чаяния другой, пока что неживой планете. О, ради этого стоило жить! А умирать...

Но что это? Неужели все напрасно? На четвертой, избранной планете магнитные полюса расположились совершенно не там, где это ожидалось, атмосфера имела совсем другой состав, а сила тяжести...

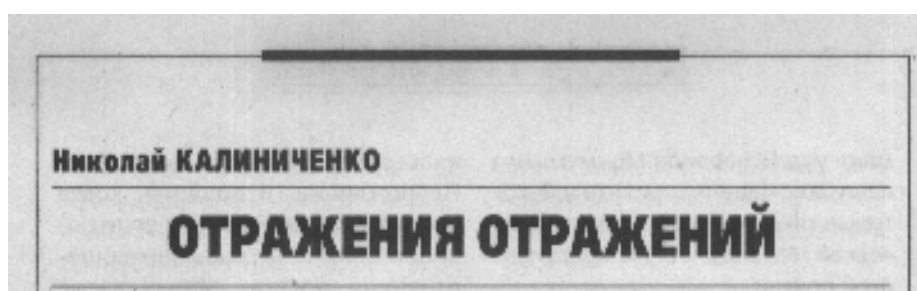
И все-таки еще совсем недавно мертвая планета оживала. На ней зарождалась способная к мысли кора, дышали горы, наполнялись моря. Да, вне всякого сомнения, там все было не так, все непохоже, но главное, что там формировался разум. Иной - и пусть себе иной, зато живой! Вот почему, уже окончательно распадаясь на астероиды, разумная планета с удивлением подумала о том, насколько же разнообразны и непредсказуемы бывают формы жизни в этом

безграничном мире. Но радости от этой мысли почему-то не было.

Николай КАЛИНИЧЕНКО

ОТРАЖЕНИЯ ОТРАЖЕНИЙ

Представьте себе автора - зачинателя традиции. Он один в пустом поле. Все дороги открыты. Где-то далеко, на горизонте, едва различимы редкие путники. Делай, что хочешь, иди, куда хочешь. Наверное, он испытывает страх, противоположный тому, какой ощущает современный автор, опасющийся за оригинальность своей идеи. А потом появляются подражатели - и возникают фанфики.

«Смотрите, принц: он снова к нам идет!»

Как-то раз сидел в тюрьме рыцарь. И от скуки писал истории. Звали благородного сидельца сэра Томас Мелори. Он был не первым среди беллетристов, да и среди рыцарей тоже. Зато адаптировал и переработал древнюю систему образов, явившихся из седой кельтской старины. История, искаженная «заказной» католической трактовкой, но не утратившая своей первобытной прелести, заиграла новыми красками под пером доблестного кавалера. Причем Мелори не просто трактовал легенду, но переосмысливал сюжет, вводил новых персонажей и даже реанимировал некоторые дохристианские образы. Артур Пендрагон умер, чтобы породить бурю художественных интерпретаций.

Конечно, британский рыцарь вдохновлялся работами своих французских коллег. Однако в текстах галльских авторов легендарная основа проявлена слабее и

выступает легким антуражем к сюжетным перипетиям. Появление цикла романов о короле Артуре и рыцарях Круглого стола знаменовало возрождение развлекательной литературы. Ведь кто бы что ни говорил, а художественная литература существует для развлечения не только читателей, но и авторов.

Был ли Мелори романтиком? Да ведь только романтик способен перейти от эгоцентризма к высокой экзальтации, за которой начинается созидание.

Шли годы, светская проза насыщалась сюжетами, черпая новые темы из всех доступных источников. Ветвились направления и стили, усложнялся язык. Формировалась порода. Мифологическая основа продолжала исправно служить авторам. Появились и те, кто использовал в качестве источника романы доблестного рыцаря. Тень легенды сама породила множество отражений. И мало кто помнил уже Гальфрида Монмутского и других священнослужителей, которые так усердно придавали языческой легенде облик христианской притчи.

Формирование неантичных классических текстов на литературном пространстве Европы шло последовательно, от простого к сложному. Минула всего сотня лет, и тонкие ценители, познавшие произведения еще одного уроженца графства Йоркшир - Уильяма Шекспира, свысока говорили о первых рыцарских романах как наивных, неумелых попытках написания изящной прозы. Между тем Шекспир черпал вдохновение из того же источника, удачно компилируя античную основу и позднейшую мифологическую традицию. Любил ли Шекспир рыцарские романы? Неизвестно. Вдохновлялся ли ими? Вне всякого сомнения. Вместе с тем ему было тесновато в рамках традиции, демонстрирующей рыцарей без страха и упрека. И Гамлет, и Макбет, и Лир предстают перед зрителями и читателями людьми, обуреваемыми человеческими страстями. Традиционный образ эволюционирует, но продолжает влиять на творчество драматурга.

Отбрасывает тень.

«И ворон крикнул: nevermore...»

Расцвет романтизма стимулировал развитие литературы небывалого. Это проявлялось и в эпоху Возрождения, и позднее, когда светская проза укрепила свои позиции и стала отражением общественной жизни. Мрачноватое здание готической литературы бестрепетно ассимилировало и наивный рыцарский роман, и древний европейский эпос, и позднейшие сюжеты. Из стрельчатых аркад, из-под карнизов с горгульями выбралась и расправила кожистые крылья новая традиция. На этой почве выросли писатели, задавшие темп дальнейшему развитию жанра. Мери

Шелли, Брем Стокер, Герман Меллвил, Артур Конан Дойл, Роберт Стивенсон, Густав Майринк - неполный список авторов, утвердивших фантастическую прозу как самостоятельный жанр.

Одним из первых почувствовал новый культурный «запрос» американский литератор Эдгар Алан По. Литературоведы часто ставят его особняком от других авторов, называя пионером декадентской и символической литературы, писателем, способствовавшим развитию научной фантастики. Может быть, дело в том, что По показал романтизм менее воздушным, максимально приближая тень к реальности?

К началу XX века тень предыдущих текстов стала столь плотной, что к ней неизбежно апеллировали практически все литераторы: от авторов любовных романов до последователей нового направления - фэнтези. Произведения Дж.Р.Р.Толкина и его коллег показали, что умелая компиляция древних мифов может дать блистательные результаты.

Иная ситуация сложилась в цехе научных фантастов. Вдохновленные бурным техническим прогрессом певцы стальных машин и космических путешествий с упоением принялись растрачивать запас идей и сюжетов. Не прошло и сотни лет, как два основных течения в фантастике сформировали свои пулы базовых текстов, о которых можно говорить как о классике жанра.

Да и дитя Второй мировой войны - постмодернизм возник как стремление собрать из разбитого чудовищным конфликтом социокультурного здания нечто новое и самобытное. Это удалось лишь отчасти. Очевидным стал растущий дефицит свежих идей и новых сюжетов. Тень прошлого накрыла большую литературу.

«Что в имени тебе моем?»

К началу третьего тысячелетия фантастика постепенно насытилась хмельным привкусом постмодерна. Еще вспыхивали сверхновыми неинфицированные тексты, но процесс диалога с классиками все больше затягивал авторов. Этому способствовало повальное увлечение мистицизмом, свойственное рубежным годам перехода из девяностых в нулевые.

Спиритические сеансы на литературном фронте привели к возникновению и распространению явления, которое одни именуют художественной интерпретацией, а другие попросту фанфиком.

Пришла пора оставить снобистские придирки к термину и принять его таким, какой он есть. Теперь и не поверишь, что когда-то просвещенный читатель

брезгливо морщился, едва заслышав определения «космическая опера», «киберпанк», «стимпанк». Ничего, привыкли. Большинству любителей фантастики сейчас не слишком интересна этимология терминов. Вспомните: беллетристика, которую мы все читаем, произошла от словосочетания *belle tristesse*, что в переводе значит «прекрасная грусть».

Большой успех имели затеи, напрямую обращенные к классике фантастики. Здесь можно вспомнить серию «Время учеников», авторы которых погружались в мир АБС, интерпретируя его.

В 2003 и 2008 годах в серии «Лучшее» издательства «Азбука-классика» вышли сборники «Герои. Другая реальность» и «Герои. Новая реальность», содержание которых составляли фанфики к различным фантастическим и сказочным сюжетам. А с какой неподдельной радостью включились в этот процесс практически все ведущие отечественные фантасты! Постмодернистской игрой проникнут еще один дуплекс «Убить/спасти чужого», посвященный непростым взаимоотношениям с братьями по разуму.

Нельзя не отметить концептуальные проекты издательства «Снежный Ком». Например, «Классициум» - сборник историй, совместивших в себе отсылки к большой литературе, метапрозу, а также историческую фантазмагорию с интерпретацией традиционных для научной фантастики образов.

Из недавно опубликованных книг стоит упомянуть роман Игоря Минакова «Обмен мирами», в который автор помещает целый пласт отсылок к фантастическим произведениям, посвященным освоению Марса.

В последнее время постмодернистский оттенок фантастическим текстам может придать даже простая символическая основа, относящаяся к одному из направлений литературы неведомого. Искушенный читатель без труда узнает пафосный, но слегка наивный стиль советской фантастики, легко определит отсылки к набившим оскомину фэнтезийным образам и безошибочно выявит имперские американизмы. Кстати, англоязычные фантасты работают с фанфиком дольше и плотнее. Взять хотя бы метапрозаическую «Машину пространства» Кристофера Приста - вещь изящную, увлекательную и возбуждающую приятные воспоминания о прочитанных в детстве книгах Герберта Уэллса. Рэй Брэдбери с явным удовольствием писал рассказ «Эшер-2» в составе цикла «Марсианские Хроники», отдавая дань таланту Эдгара По. Серия «Плоский мир» Терри Пратчетта переполнена аллюзиями. А могучий Конан-варвар, придуманный Робертом Говардом, и вовсе стал «сыном полка» для американских, европейских и российских писателей! Любители фантастики на территории бывшего Союза до сих пор помнят легендарную многотомную «Кониноу», в которой поучаствовало немало

авторов так называемой «Четвертой волны».

Сегодня большинство фантастов неизбежно уделяет время литературной игре, вплетая в свои произведения элементы классических историй. Так, выстраивая новую стену, античные зодчие часто использовали камни от разрушенных домов и храмов.

Мощнейшим источником литературных интерпретаций является интернет, содержащий огромное количество текстов, изрядная доля которых - фанфики.

«Я список кораблей прочел до середины...»

Коль скоро фанфики стали столь распространенным явлением, настало время уподобиться дедушке Линнею и заняться номенклатурой нового вида.

Сегодня без труда можно различить, как минимум, три вида: высокий, низкий и коммерческий. К высокому фанфику можно отнести большинство произведений проекта «Время учеников» или, скажем, диккенсовский экзерсис Дэна Симмонса (роман «Друд, или Человек в черном»). Высокий фанфик - это отличное литературное качество текста, а также непосредственная связь заимствований и интерпретаций с центральной идеей произведения.

Фанфик низкий включает в себя большинство сатирических произведений, к которым можно, например, отнести «Тошнит от колец» Кении и Бэрда. Основное отличие низкого фанфика - посредственное влияние заимствований на развитие сюжета и основной идеи. Иными словами, это цитата ради цитаты. Вот, например, роман Нила Геймана «Книга кладбищ». Отличное произведение, которое тем не менее относится к низкому фанфику, потому что попросту трансплантирует идею Редьярда Киплинга в нуарный антураж, литературная игра ради игры. Однако рассказ того же Геймана «Этюд в изумрудных тонах», объединивший конан-дойловские и лавкрафтовские мотивы, вне всякого сомнения, высокий фанфик.

Осталось рассмотреть последний и самый доходный вариант жанра - коммерческий фанфик. Это прибежище авторов-жизнелюбов. Все дело в элементарном умении паразитировать на популярных текстах. Одним из признанных мастеров этого древнего искусства можно считать Терри Брукса - поклонника и подражателя Толкина с невероятно длинным и бестолковым циклом «Шаннара», который тем не менее хорошо продавался. Из последних любителей «снимать пенку» можно вспомнить Дмитрия Емца и его серию книг про Таню Гроттер. Правда, стоит отметить, что определенные решения были навеяны Джоан Роулинг книгами еще одной англичанки - Дианы Уин Джонс и ее серией книг «Миры

Крестоманси». Словом, отражения отражений.

В связи с коммерческим фанфиком также нельзя не вспомнить об IP-проектах. Эта «погибель авторской книги» ориентирована на формирование и максимальное удовлетворение фанатской аудитории. Грамотно организованный проект ориентирован на читателей по всем возможным направлениям: через глаза, уши, кожу.

В случае, когда книга не является первоисточником для конструирования проекта, как это происходит с мирами студии Blizzard и ролевой вселенной Warhammer, текст, созданный по мотивам компьютерной или настольной игры, автоматически становится фанфиком.

«Жизней былых отраженья»

Возможно ли возникновение новых фарватеров в обмелевшем море современной фантастики? Развитие науки способно дать импульс рождению неожиданных образов, антуражей, прогнозов, а социокультурные трансформации - обогащению стилистической основы. Даже в нашей стране, где научная база долго и планомерно уничтожалась, люди все еще стремятся к новым знаниям. Однако багаж предыдущих текстов неизбежно повлияет на вновь созданные миры. И, конечно, их самобытность окажется под угрозой. «Хо-хо, - скажет Эллочка Щукина от литературы, - этого американского тушкана я уже читала. Знаменито!»

Интерпретация, трактовка, компиляция. Где-то это уже было. Да, пройдя длинный путь, мы вернулись к началу. В темных силуэтах современных авторов, склоненных над клавиатурой, угадываются черты славного британского рыцаря. Литература все больше уподобляется алхимическому змею Уроборосу, пожирающему самого себя. Однако при этом основная функция - доставлять удовольствие читателю - несомненно, сохраняется. Не исчезло и состояние экзальтации, которое свойственно всем романтикам.

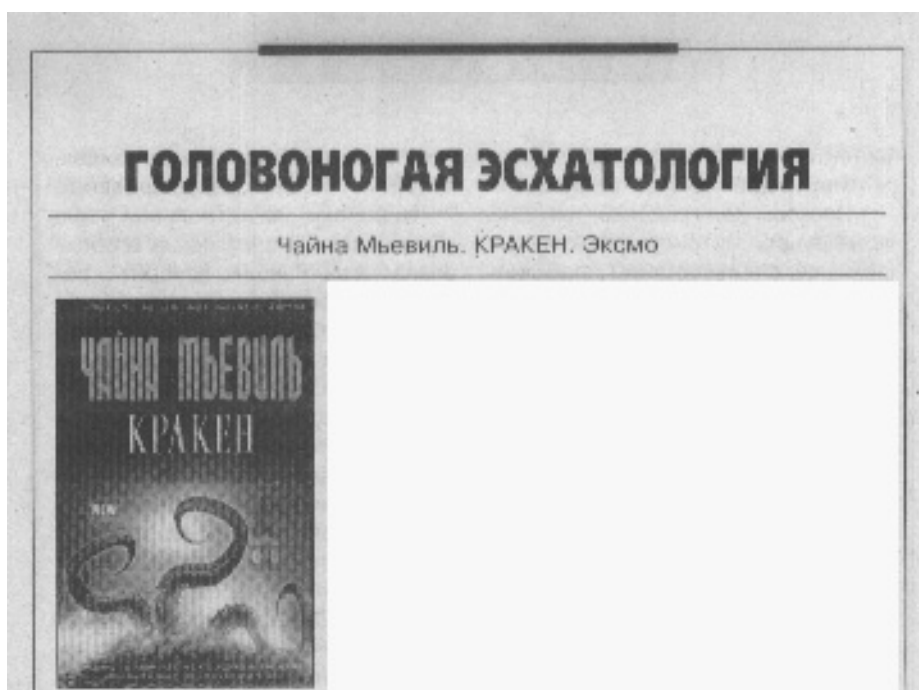
В завершение еще раз обратим взоры в прошлое. Давным-давно, еще до сэра Томаса, в Александрии Египетской горела библиотека. Тысячи папирусных свитков, наследие удачливых Птолемеев, превращались в пепел. Колоссальное количество сюжетов, целых миров, переставали быть. А теперь на мгновение представьте, что огонь достиг свитков случайно. Что измученный философ, сознающий довлеющую массу написанных историй, взял факел и...

Какой костер понадобился бы сейчас! Вряд ли у кого-то достанет сил и воли предать все это огню. И даже если хватит - не загорятся ли от этого пожара

соседние дома?

Это значит, что у современных авторов нет другого выхода, кроме как подниматься, расцветать и увядать в густой тени великих предков.

ГОЛОВОНОГАЯ ЭСХАТОЛОГИЯ

Чайна Мьевиль. КРАКЕН. Эксмо

Излюбленными декорациями или, выражаясь языком не театра, а геймдева, сеттингом для книг Чайны Мьевиль остается город: пространство, справленное линиями улиц и заставленное домами, между которыми находится место - площадь или укромный уголок - для сверхъестественного. «Кракен» продолжает линию, начатую в его дебютном романе «Крысиный король», действие происходит не в Нью-Кробюзоне - мегаполисе мифического Бас-Лага, а в Лондоне. Впрочем, странных существ и магических созданий, порожденных фантазией автора, от этого меньше не стало.

В «Кракене» наличествуют характерные для всего творчества Чайны Мьевиль

ингредиенты - яркие визионерские образы и классовая борьба. Однако на сей раз автор разлил старое вино в новые меха. Старт сюжетным перипетиям дает исчезновение из Дарвиновского центра Музея естествознания огромного спрута. Это похищение могло бы сойти за обычную кражу (со скидкой на необычные пристрастия злоумышленников), если бы не произошло в разгар рабочего дня. Да и сами размеры гигантского головоногого не позволили преступникам реализовать свой замысел «естественным» путем. А значит, в пропаже замешана магия.

Лондонская полиция ко встрече с необычным готова: в ее состав входит специальное подразделение - отдел Преступлений, Связанных с Фундаментализмом и Сектами, который и берется за поиски Architeuthis dix. Между тем работник музея Билли Харроу обнаруживает, что стал объектом чьего-то пристального и пугающего внимания.

Перед читателем полицейский детектив, который вполне можно было бы назвать классическим, даже невзирая на магические сущности: в конце концов, когда отброшены все иные сущности, отметить законы логики и ниспровергнуть дедуктивный метод им не под силу.

Однако по мере того, как читатель следует за автором и персонажами по страницам книги, все отчетливее и громче звучат уже не детективные, а эсхатологические мотивы. Близится Апокалипсис.

Поскольку для рецензентов, раскрывающих интригу детективных романов, с пришествием Апокалипсиса, а то и после него, наверняка заготовлены особые наказания, постараемся обойтись без преждевременных разоблачений. К тому же роман к ним не сводится. Мьевиль вообще писатель не из тех, кого читают ради сюжета и его поворотов. Осознанно или нет, сюжетом он, по обыкновению, пренебрегает, обращаясь с ним как с плотью, надетой на скелет текста: идеи и образы.

Таков и «Кракен». Незамысловатые коллизии из серии «они убегают - мы догоняем», чуть усложненные в детективной манере: кто кого и по каким мотивам догоняет до финала книги так и непонятно, но это позволяет автору высказаться на важные для него темы.

Любопытно, что главной из них является вовсе не классовая борьба, как можно было бы ожидать от неомарксиста и троцкиста, не скрывающего своих левых взглядов. Что ж, на эту тему Мьевиль открыто и исчерпывающе высказался еще в «Железном совете», продемонстрировав перманентность революционной идеи и буквально воплотив в тексте известные песенные строчки про то, что наш «бронепоезд стоит на запасном пути». На сей раз классовые противоречия разрешаются менее радикальным путем - через переговоры и стачки. Вообще

описание забастовки фамильяров, воплощенных в виде кошек, голубей и белочек, даже забавно.

Впрочем, магистральная тема «Кракена» не менее остра и социальна, ведь Мьевиль говорит о религии и вере. Роман начинается с исчезновения бога, который авторской волей предстает в виде насмешки над лавкрафтовскими монстрами, медленно разлагающимся, препарированным и забальзамированным трупом кракена. Так криминальная история похищения музейного экспоната превращается в историю богоискательства.

На поиски бога времени у героев немного. Ведь злоумышленники готовятся сжечь гигантское головоногое, а смерть бога, согласно пророчеству, повлечет за собой гибель всего мира. С присущим ему черным юмором фантаст описывает разрастающуюся конкуренцию за «конец света», когда каждая из многочисленных сект настаивает на своем варианте краха цивилизации. Многообразие сект - это религиозное отражение политики и практики мультикультурализма - включает в себя изобретенные автором группировки Иисусовых буддистов или Выводок, поклоняющийся черному хорьку - богу войны. Подобные ироничные вкрапления разбавляют в общем-то невеселые, мрачноватые картины жизни Лондона как Ересиополя. Пожалуй, лучшим (и уже упущенным) временем для издания этой книги был бы канун миллениума - Впрочем, с точки зрения майя, подойдет и 2012-й год от Рождества Христова. Атмосфера жизни в ожидании конца света хорошо передана автором. В процессе чтения на ум то и дело приходят сентенции о «закате Европы» и «смерти Бога». Показательно, что и сам автор недвусмысленно связывает в книге смерть бога и скорую гибель мира.

По мере приближения к финалу Мьевиль оставляет прикладную эсхатологию и обращается к более традиционным для фантастики и материализма (приверженность к последнему можно предположить, исходя из его марксистских взглядов) темам, а именно - столкновению креационизма и эволюции.

«Кракен» был взвешен и найден довольно увесистым. Например, для получения премии Locus Award за лучший фэнтезийный роман. Это, кстати, уже третий Locus в коллекции автора, на сей раз он оставил позади Джина Вульфа и Гая Гэвриэля Кея. Даже у столь нелюбимого Мьевилем Толкина награда Locus Award всего одна.

Увы, в контексте всего творчества писателя «Кракен» отнюдь не выдающийся роман. Конечно, и прочие его книги не отличались ни закрученным сюжетом (а детектив, пусть даже и мимикрирующий под жанр, все-таки требователен к интриге), ни глубоким психологизмом характеров. Но провокационные идеи и яркие визионерские образы с лихвой окупают эти авторские пробелы. В «Кракене» же идеи стали жертвой ненужного компромисса с развлекательностью, а образы

подзатерлись от частого использования.

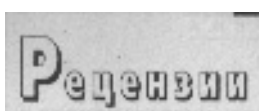
Для русскоязычного читателя в дело вмешиваются еще два отягчающих обстоятельства.

Во-первых, перевод «Кракена» не всегда стилистически убедителен.

Во-вторых, существенная часть специфического обаяния книг Мьевиля приходится на выбранные и любовно описанные локации, будь то выдуманный Нью-Кробюзон или реально существующий Лондон. В первом случае эффект на читателя производил перенос социальных и прочих реалий нашего мира в мир сказочный, волшебный. Схожий прием использовал Суэнвик в блестящей «Дочери железного дракона». Во втором случае срабатывал эффект обратного переноса: возникновение магических реалий в урбанистической обыденности - что вообще стало довольно расхожим и широко используемым приемом.

Трюк со столкновением реальности и магических воплощений, порожденных воображением и сном разума Мьевиля, просто не срабатывает. Ведь для этого необходимы, как минимум, два объекта: выдуманный и реальный. Вот только тот Лондон, что встает перед глазами русскоязычного читателя, подозреваю, примерно соответствует тому образу Лондона, который отобразил в «S.N.U.F.F.» Виктор Пелевин, попросту говоря является образованием полуиллюзорным. Когда отсутствует граница, оценить масштаб вторжения невозможно.

Сергей ШИКАРЕВ

Рецензии

Инна ЖИВЕТЬЕВА

ВЕЙН

Москва: Эксмо, 2012. - 640 с.

(Серия «Приключенческая фантастика»).

2500 экз.

Главные герои нового романа новосибирской писательницы действуют в условиях паутины пространств, позволяющей в особых местах - «узлах» -

переходить из одного мира в другой. Переход способны совершать люди, имеющие редкий дар. По «условиям игры» им дозволяется переносить с собой небольшой груз либо проводить одного-двух-трех человек. Стать «поводырем» большего количества означает крепко рискнуть своим здоровьем. Так можно и до смерти надорваться...

Эта конструкция игровой вселенной богата сюжетными возможностями и заставляет вспомнить яркие сцены межмирового путешествия из первой книги «Девяти принцев Амбера» Роджера Желязны.

Очевидным достоинством романа является жесткая этическая позиция автора. Дар вейнов дан им свыше. А потому прав тот из них, кто служит своим даром другим людям, лишенным его. И не прав тот, кто превращает свою чудесную способность в простой инструмент для наживы. В конечном итоге эгоистическое одиночество главного героя Дана Уффа не приносит ему успеха. И читатель понимает, что его более отзывчивый коллега Алекс Грин одерживает над ним нравственную победу.

Недостатки романа - обратная сторона его достоинств. Инна Живетьева располагает высокоразвитой «цепкостью» в описаниях быта. Автор романа с большим тщанием описывает вещи, помещения, природу, городской ландшафт. В любой сцене читатель имеет возможность четко представить себе окружающие персонажей предметы, звуки, даже запахи. Как ни парадоксально, недюжинное качество подобных картинок отчасти испорчено их количеством. Бытовых зарисовок, выпадающих и из пространства фантастики, и из сюжетной динамики, слишком много. Это явно переутяжеляет роман, добавляет ему лишнего объема.

Но добротный сделанный мир и четкая этическая установка автора явно перевешивают подобные недостатки.

Дмитрий Володихин

**Чери ПРИСТ
КОСТОТРИАС**

СПб.: Фантастика, 2012. - 384 с.

Пер. с англ. П.Женевского.

3000 экз.

Этот роман - словно сумка хозяйки, вернувшейся с рынка. Чери Прист взяла всего понемногу, чтобы соорудить для американских читателей произведение,

отвечающее духу времени. Перед нами текст, созданный в эстетике стимпанка и содержащий элементы индустриального нуара вкупе с трешевым постапокалиптическим бекграундом в виде отравленного ядовитым газом Сиэтла и орд хищных зомби, разгуливающих по улицам. Время действия - Гражданская война в США. В качестве отдаленной немирной силы выступают «злые русские», которые не дают честным американцам спокойно намыывать золото.

Сюжет определяет жанровую направленность. Читателя ждет очередной квест, развивающийся в динамике адреналинового экшена.

«Костотряс» первый роман проекта The Clockwork Century - являет собой классический образчик женской прозы. Мужчины здесь либо глупы, либо коварны, либо уже умерли, зато женщины сплошь положительные, сильные и независимые. Этим валькириям паровых котлов нипочем злые мертвецы. То, что это «проектная работа», становится очевидно, как только появляются первые клише: зомби, ограниченный стеной апокалипсис, зараженные районы Сиэтла - мир, вокруг которого можно раскручивать различные сценарии, от книжных до игровых и киношных.

Роман написан американкой для американцев, поэтому у книги имеются практически все необходимые для безболезненной публикации прогибы: многонациональность и порицание национализма, социальная направленность, реверанс в сторону религии, уважение к калекам, преклонение перед несгибаемым американским народом. Феминизм в звездно-полосатой нынче не порок, а добродетель. Не обнаружено разве что сексуальных меньшинств. Это, конечно, существенный просчет и потеря изрядного куса читательского пула. В остальном роман безупречен - на американский лад, конечно.

Николай Калиниченко

ТЕМПОРИУМ: Антология.

Составитель Эрик Брегис

Москва: Снежный ком, 2012. - 376 с.

2000 экз.

Аннотация извещает, что книга раскрывает тонкие взаимодействия человека со временем. Пожалуй, так оно и есть: привычных машин времени тут почти нет, псевдонаучные объяснения феноменов отнюдь не преобладают, зато «мистических» историй предостаточно.

Карамзин в рассказе Евгения Филенко «Пашквила» разглядел капиталистическое будущее, обрушившееся на Россию конца 1980-х, и не понравилось писателю-историку это завтра. «Пашквила» - несомненно, один из лучших текстов книги. В повести «Антонио» Александра Родсет через зеркала и сны соединяет знаменитого архитектора Гауди с медиумом нашего времени Эстер и... любовь побеждает все! Артем Белоглазов написал об «обмене судьбами», Ника Батхен - о секретной разработке спецводки, благодаря которой мы научились перемещаться во времени еще в годы Второй мировой. Герои «Закона сохранения» Александры Гутник научились растягивать/сжимать время с помощью антинаучного «временного элонгатора» из Древнего Египта; «Господин Одиночество» Тима Скоренко и вовсе лирическая история о человеке, получившем возможность возвращаться в собственное прошлое и менять его. Арина Трой изображает разумное Время, а Евгений Гаркушев доказывает, что темпоральные путешествия ничуть не труднее пространственных.

Состав сборника неравноценен по качеству. В числе наиболее интересных, художественно полновесных текстов стоит выделить рассказы маститого Александра Щеголева («Чего-то не хватает»), Юлии Зонис и Ины Голдин («Ignis Fatuus»), Юлианы Лебединской («Творцы и человеки»), Натальи Корсаковой («Господин кулинар»), Владимира Рогоча («Свет, звук и время»), Натальи Фединой («Письма из будущего») и сатирическую новеллу Ины Голдин и Александры Давыдовой «Алые паруса».

Сборник предлагает многообразие темпоральных сюжетов и в целом заслуживает читательского внимания.

Валерий Окулов

Ник ПЕРУМОВ

ГИБЕЛЬ БОГОВ-2.

Книга первая: Память пламени

Москва: Эксмо, 2012. - 384 с.

100 000 экз.

В начале 1990-х, когда многие отечественные авторы пытались сформулировать наш ответ зарубежной фэнтези, Ник Перумов взялся за фанфик к «Властелину Колец». Разумеется, ругали. Но успех был. Следом появился уже самостоятельные «Хроники Хьёрварда» и первый роман «Гибель богов» (1994) - пожалуй, лучшая

книга автора. Ее литературный уровень не уступает лучшей западной фэнтези, а главное - это бескорыстное, некоммерческое произведение. Автор вложил всего в одну книгу такое же количество сюжетного, идейного и образного контента, какой впоследствии с трудом умещал в трех-четырех романах.

И вот спустя 18 лет писатель сдувает пыль с потускневшего текста, превращая его в очередной затяжной цикл. Автор, который на протяжении долгих лет выдавал многотомные сериалы, не может перестроиться в одночасье. Верный себе, он деловито размазывает небогатый кусок масла по огромному ломтю хлеба. Туманные угрозы и странные предзнаменования заставляют богов и героев прийти в движение. Хедин Познавший Тьму и волшебница Сигрлинн отправляются в ностальгический вояж по старым адресам. Боевой маг Клара Хюммель острит свой меч в ожидании нового коварного врага. Тьма, как ей и положено, сгущается.

Поклонников Упорядоченного ждут полюбившиеся пространные диалоги, архаичная велеречивость героев и долгие рассуждения на тему космогонии. Боевки, конечно, тоже будут. Основная целевая аудитория - старые фанаты. Тем, кто подсел в поезд по дороге и не прочитал всей серии, возможно, сначала будет непонятно и скучно.

Перумов обещает, что ГБ-2 разрешит все накопившиеся загадки, подведет итоги и полностью раскроет карты. Нужно ли это читателям? Тут уж самому автору пора бы наконец разобраться с непомерно разросшейся вселенной. Хотя если в блогах и на тематических сайтах роман уже начали ругать, то, скорее всего, новому-старому циклу уготован успех.

Николай Калинин

журнал

ПРЕДМЕТЫ ИСКУССТВА

АНТИКВАРИАТ

И КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ

Ваш гид по рынку

Достоверная информация и реальные цены

Подписка:

- по каталогу ООО «Межрегиональное агентство подписки» (кроме Москвы) — индекс 99438;
- по каталогу «Пресса России» — индекс 45720;
- в отделе распространения, тел.: (499) 248-0890, факс: (499) 248-6819.

Адрес: 119435, Москва, Б.Саввинский пер., 9.
Тел.: (499) 248-0576 (редакция), тел.: (499) 248-0890,
(495) 585-7312 (отдел распространения),
www.antik.ru, e-mail: info@antik.ru (редакция),
sales@lubkniga.ru (отдел распространения).

ЖУРНАЛ

АНТИКВАРИАТ
ПРЕДМЕТЫ ИСКУССТВА
И КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ

Ваш гид по рынку

Достоверная информация и реальные цены

Подписка:

• по каталогу ООО «Межрегиональное агентство подписки» (кроме Москвы) - индекс 99438;

• по каталогу «Пресса России» - индекс 45720;

• в отделе распространения, тел.: (499) 248-0890,

Факс:(499)248-6819.

Адрес: 119435, Москва, Б.Саввинский пер., 9. Тел.: (499) 248-0576 (редакция), тел.: (499) 248-0890, (495) 585-7312 (отдел распространения),

www.antik.ru, e-mail: info@antik.ru (редакция),

sales@lubkniga.ru (отдел распространения).

Вл. ГАКОВ

ЧЕЛОВЕК ИЗ НАШЕГО КАРАССА

Вл. ГАКОВ

ЧЕЛОВЕК ИЗ НАШЕГО КАРАССА

Что означает вынесенное в заголовок понятие, всякому читавшему Курта Воннегута, объяснять не нужно. В этом месяце писателю исполнилось бы 90 лет, и всю свою литературную жизнь он обожал мистифицировать - всех и вся, включая, наверное, и себя самого. И, кстати, не раз отрекся от причисления его к фантастам. Но все истинные любители этой литературы сразу же, с первых переведенных и опубликованных в СССР произведений, без всяких колебаний поняли, ощутили: этот писатель - наш!

Курт Воннегут родился 11 ноября 1922 года в Индианаполисе (штат Индиана) в семье потомственных архитекторов - немецких иммигрантов в третьем поколении. Кровь предков еще сыграет злую шутку с будущим писателем, но это будет не первым и далеко не последним абсурдом, которые сопровождали Курта Воннегута-младшего всю его долгую жизнь.

Начало биографии будущего писателя и ироничного философа, впрочем, не обещало в перспективе ничего экстраординарного. После школы способный подросток поступил на химический факультет престижного Корнеллского университета. Хотя уже на первом курсе определился со вторым увлечением, оказавшимся главным в жизни Воннегута: стал заместителем главного редактора университетской газеты.

Уже на втором курсе судьба студента-химика и начинающего журналиста явила свой первый «вывих» - из тех, которые постоянно швыряли во Времени самого любимого героя Воннегута - Билли Пилигрима. Японцы потопили в бухте Перл-

Харбор на Гавайях американскую эскадру, и Соединенные Штаты вступили в войну. Химик-второкурсник сразу пошел на призывной пункт добровольцем. Новоиспеченного «военспеца» направили обучаться инженерному делу в Технологический институт Карнеги.

А три года спустя мать Воннегута, наглотившись таблеток, покончила жизнь самоубийством - и сделала это во второе воскресенье мая, когда американцы празднуют День материнства...

Так что на фронт Курт Воннегут прибыл уже травмированным. Послали его в Европу, где войска союзников с запада давили немцев, вплотную приблизившись к границам Германии. Наступление не было легкой прогулкой, противник сражался отчаянно, как и на востоке, где наступала Красная армия. И даже пытался контратаковать: это произошло в Арденнах в декабре 1944-го. Во время немецкого контрнаступления американская 106-я пехотная дивизия оказалась отрезанной от основных сил, и часть солдат 423-го пехотного полка попала в плен к немцам. В их числе оказался и этнический немец Курт Воннегут. И чуть не погиб, но не от немецкой пули, а от бомб американцев! Вот она, абсурдная ирония истории, как, впрочем, абсурдна любая война. Это убеждение он пронес через всю жизнь.

* * *

Об обстоятельствах безумия, которое во многом сформировало писателя Воннегута, мы знаем в подробностях со слов его альтер эго Билли Пилигрима. Пленных свезли в Дрезден, определив на завод по производству... нет, не бомб и снарядов - витаминизированного солодового сиропа для беременных! Воннегута, говорившего на языке охранников и надзирателей, сделали старшим по группе. Но ненадолго. После того как он доступно объяснил конвоирам на их родном языке, что с ними произойдет, когда город займут русские, «умника», естественно, избили и тут же разжаловали в рядовые военнопленные.

По ночам пленных американцев запирали в помещении неработавшей скотобойни (номер ее, полагаю, напоминать не нужно?), а во время бомбежек загоняли в подвал, где раньше хранились мясные туши. Настоящих бомбоубежищ в Дрездене почти не было ввиду отсутствия сколько-нибудь значительных оборонных предприятий и прочих военных объектов. Мол, зачем строить убежища в городе, который все равно никто бомбить не станет!

Однако за два страшных февральских дня разбомбили так, что сравняли старинный город почти до основания. Это была акция устрашения (англичане

называли ее акцией возмездия за Ковентри - такой же мирный старинный город, «отутюженный» асами Геринга). Стратегической целью Дрезден, превращенный, по словам Билли Пилигрима, в «лунную поверхность», точно не был.

Ютясь в подвале скотобойни, Воннегут и его товарищи пережили настоящую бойню, творившуюся на поверхности. А потом свозили трупы в братские могилы под проклятья выживших дрезденцев и летевшие из толпы камни. Но трупов все равно было так много, что дело поручили закончить солдатам с огнеметами...

Освободили Воннегута русские части: а ведь он предрекал подобное развитие событий своим охранникам. Случилось это в мае 1945 года на границе бывшей Чехословакии и тогдашней немецкой Саксонии.

По возвращении на родину Воннегут был награжден медалью «Пурпурное сердце». Ну как после такого не стать писателем Воннегутом и не написать «Бойню номер 5»! И не снабдить название «фирменным» подзаголовком: «Крестовый поход детей».

* * *

Поступив в магистратуру Чикагского университета, демобилизованный ветеран войны начал работать над диссертацией по специальности «Антропология», одновременно перепахивая ниву журналистики в качестве криминального репортера в городском агентстве новостей. Диссертацию кафедральное начальство отвергло как «непрофессиональную» (кстати, в 1971 году на той же кафедре Курту Воннегуту присудили степень магистра антропологии, высоко оценив «антропологический аспект» его романа «Колыбель для кошки»), но диссертант не слишком расстроился.

Перебравшись в промышленный город Скенектеди в штате Нью-Йорк, он поступил на работу в PR-службу крупнейшей американской корпорации General Electric. Попал туда, можно сказать, по благу: в исследовательском отделе компании работал его брат Бернارد. А проживал в пригороде, сняв квартиру в доме, расположенном напротив пожарной службы, и на протяжении нескольких лет числился добровольным помощником местных пожарных. Письменный стол, за которым были созданы многие из ранних рассказов Воннегута, бережно сохранен в той самой квартире - с собственноручно вырезанным на нижней части выдвижного ящика «автографом» автора.

В середине 1950-х Воннегут недолго работал в штате популярного журнала Sport Illustrated. К тому времени он уже был автором десятка с лишним опубликованных

рассказов и одного романа, хорошо принятого в мире science fiction - сатирической антиутопии «Механическое пианино». Поэтому приглашение вести литературные курсы в Университете штата Айова его не слишком удивило.

А славу писателя, известного всей Америке, ему принесли бурные шестидесятые. Тогдашнему времени, ставшему эпохой, понадобился адекватный «выразитель» - и время отыскало Курта Воннегута. В канун десятилетия, когда произошли сразу три революции, затронувшие самые на тот момент важные для молодежи сферы жизни (Sex, Drugs, Rock-n-Roll), а война во Вьетнаме вызвала невиданную для Америки волну антивоенного движения, - накануне всего этого, в 1959-м вышел фантастический (правильнее было бы сказать, фантазмагорический) роман Воннегута «Сирены Титана». За ним последовали «Мать Тьма» («Матушка Ночь»), «Колыбель для кошки», «Дай вам Бог здоровья, мистер Розуотер». И наконец, «закрыл» десятилетие роман «Бойня номер 5».

Последняя книга сделала Курта Воннегута одним из самых популярных писателей в США, а затем и в мире.

* * *

Сразу после возвращения с войны Курт Воннегут женился на Джейн Мэри Кокс, в которую был влюблен еще в детстве. Но уже в 1970-м они расстались (хотя официально развелись лишь десятилетием позже), и до конца жизни писатель прожил со второй женой - фотографом Джилл Кременц. И, конечно, людям, хорошо знакомым с творчеством фантаста, трудно себе представить Воннегута в качестве отца семерых детей! Трое были родными - от первого брака, троих он усыновил - племянников (детей его сестры Алисы, умершей от рака, и ее мужа, за несколько дней до того погибшего в железнодорожной катастрофе) и еще один родился уже во втором браке. Можно добавить, что упоминавшийся выше старший брат писателя Бернارد стал известным ученым-физиком, специалистом по атмосферным явлениям, открывшим хорошо известный москвичам способ «разгона облаков» с помощью распыления йодистого серебра.

Когда литературные произведения начали приносить Курту Воннегуту первые деньги, он решил поселиться подальше от крупных городов и купил себе домик в штате Массачусетс, на загнутом вверх, как носок восточной сандалии, мысе Код. Но и там еще какое-то совмещал литературную деятельность с дополнительным приработком - основал первый в Штатах дилерский пункт по продаже шведских автомобилей SAAB.

Всю свою сознательную жизнь интеллеktуал, циник и абсурдист активно интересовался политикой. Он был либералом («политическим», а не «экономическим»)*²³, гуманистом и почти социалистом. Но не коммунистом - скорее, последователем известного американского политика, одного из создателей социалистической партии Юджина Дебса. Воннегут выступал против вьетнамской войны во времена президента Джонсона и против иракской во времена Буша-младшего («Единственное отличие Буша от Гитлера - то, что второй был действительно избран своим народом»), и его слово - ветерана войны! - дорогого стоило. Он также критиковал правительственную бюрократию администрации Никсона, промышленные корпорации, убивающие окружающую среду...

И всегда, во все времена и во всех своих книгах, статьях и публичных выступлениях не уставал разносить, высмеивать, изничтожать своей убийственной иронией главных, по его мнению, врагов человеческой цивилизации: доходящие до безумия и абсурда глупость и ограниченность тех, кто принимает решения, и тех, кто передает им право принятия этих решений. Наверное, ему было горько признавать, что первые и вторые и составляют, собственно, эту цивилизацию - за исключением не принимаемой в расчет горстки маргиналов-трезвомыслящих, к которым относился и сам Воннегут.

А еще он был меломаном. И завзятым курильщиком, всю жизнь дымившим как паровоз (исключительно сигаретами Pall Mall без фильтра). Воннегут называл это свое пристрастие «отличным способом самоубийства». Попытку добровольно уйти из жизни, как это сделала его мать, он предпринял в 1984 году. И неудачно... к счастью, для своих читателей.

Но умер писатель в 85 лет не от рака легких и не от обычных в столь преклонном возрасте сердечно-сосудистых заболеваний. В общем-то абсурдно, повоннегутовски. Упал дома с лестницы и скончался от полученных черепно-мозговых травм.

Такие дела - как сказали бы по такому случаю его любимые тральфамадорцы.

---

²³ * У нас в последние два десятилетия эти понятия часто путают, между тем «экономические» и «политические» либералы в отдельных случаях выступают антагонистами. Для либерала «экономического» главное - свободная (от государства) экономика, а всякие там права и свободы желательны, но не обязательны. Если государство не вмешивается в экономику, то можно «работать» и с Пиночетом. А для либерала «политического» все наоборот: права и свободы на первом месте. (Здесь и далее прим. авт.)

* * *

Расписывать подробно литературное творчество Курта Воннегута - занятие безнадежное. Не только из-за горы статей и книг о нем: сама специфика его литературы такова, что никак не поддается аналитическому скальпелю критика. Книги Воннегута проще прочитать, чем пересказывать. Писатель никогда не числился автором трудночитаемым, хотя легкость его прозы, конечно, обманчива, и это начинаешь со всей остротой осознавать, как только приступаешь к анализу. К неизбежным жертвам его мистификаций, сатиры и вселенской иронии можно отнести не только читателей, но и исследователей его творчества.

Поэтому ограничусь лишь напоминанием основных произведений Курта Воннегута. Да и то не всех, а лишь имеющих отношение к фантастике.

Но прежде «Восемь заповедей мэтра начинающему писателю»:

«1. Занимайте время абсолютно незнакомого тебе человека так, чтобы он или она не сомневались: это время потрачено не зря.

2. Подарите читателю хотя бы один образ, с которым он, читатель, смог бы себя связать.

3. Каждый персонаж в произведении обязательно должен чего-то желать - пусть даже стакан воды.

4. Каждое предложение в произведении должно выполнять одну из двух функций - раскрывать характер и двигать сюжет.

5. Начинайте произведение как можно ближе к финалу.

6. Будьте садистом. Каким бы сладким и невинным ни был ваш персонаж, устраивайте ему ужасную жизнь, чтобы читатель смог убедиться, что там у этого «невинного» внутри.

7. Пишите так, чтобы доставить радость одному-единственному читателю. Если вы широко откроете окно, чтобы осчастливить весь мир, ваш рассказ помрет от пневмонии.

8. Сообщайте вашему читателю как можно больше информации - и как можно скорее. К черту саспенс! Читатель должен понимать, что происходит, где и почему, чтобы самостоятельно добраться до последней страницы, а не оставлять ее книжным жучкам».

Ну что тут можно добавить? Только то, что сообщил сам Курт Воннегут - и без чего вышенаписанное не было бы воннегутовским! Дескать, Фланнери О'Коннор постоянно нарушала все заповеди, кроме первой, и что все великие писатели занимались тем же.

А еще любопытны оценки, которые он сам поставил собственным книгам. Условно переводя с американской системы отметок на наши, получается следующая картина: «пятерки» получили «Сирены Титана», «Мать Тьма», «Дай вам Бог здоровья, мистер Розуотер», «Бойня номер 5» и «Рецидивист»; «четверку» - «Механическое пианино»; «четыре с минусом» - сборник «Добро пожаловать в обезьянник»; «тройки» - «Завтрак чемпионов» и «Пальмовое воскресенье». И наконец, «двойкой» автор наградил свой роман «Балаганчик».

Также напомним, что первым опубликованным произведением Курта Воннегута был рассказ научно-фантастический - «Доклад об эффекте Барнхауза». Вышел он, правда, в 1950 году совсем не в журнале научной фантастики, а в солидном и уважаемом «литературном журнале Collier's, но и в дальнейшем вся фантастика Курта Воннегута проходила по разряду мейнстрима, а писателя чаще сравнивали с великими сатириками (от сатиры до фантастики, как известно, один шаг) - от Рабле, Свифта и Вольтера до Марка Твена, Анатоля Франса и Карела Чапека.

Но все же многие его произведения - такие, как рассказы «Гаррисон Берджерон», «Великое путешествие вон туда» (в русском переводе «Завтра! Завтра!»), «Как быть с Эйфи», «Любовь и смерть Эпикака», «Не готово к носке» (в русском переводе «Люди без тел»), и другие - по праву переиздаются в антологиях science fiction. И в упомянутых выше романах «Механическое пианино», «Сирены Титана», «Колыбель для кошки», «Бойня номер 5», «Балаганчик», «Малый не Промах», «Времятрясение» (можно добавить к ним поздние «Фокус-Покус» и «Галапагосы») любимая наша фантастика так или иначе присутствует. А там, где ее нет, есть ироническое «переходящее знамя» этой литературы - слегка чокнутый писатель-фантаст Килгор Траут^{*24}.

И, конечно, любое произведение, в которое забредал в своих бесконечных и бессмысленных блужданиях во Времени («по всей дуге его жизни и смерти») Билли Пилигрим, по определению, становилось произведением фантастическим. Это безусловное альтер эго Курта Воннегута, который на всю жизнь сохранил ужас дрезденской бомбежки и пережитой войны, страдая главным вопросом: что же это за высший замысел - создать венец творения и одновременно наделить его почти непреодолимой тягой к самоуничтожению? И пусть бы только себя, индивида, так нет же, всей человеческой цивилизации!

---

²⁴ * С единственным «произведением» которого, романом «Венера на раковине», мы могли познакомиться благодаря не Воннегуту, а его коллеге - покойному Филиппу Хозе Фармеру, написавшему эту пародию - подражание выдуманному автору.

* * *

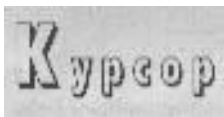
Особого разговора заслуживает отношение Воннегута к религии, к метафизическим «проклятым вопросам бытия».

Он воспитывался в семье нерелигиозной, да и ближайшие предки все, как назло, были людьми свободомыслящими. Их гены передались и Курту Воннегуту, в разные периоды жизни называвшему себя скептиком, свободомыслящим, гуманистом, «вселенским универсалистом», агностиком, атеистом.

А к концу жизни - не так, как у обычных людей, а по-воннегутовски! - облек свои убеждения в некую структурированную форму. После кончины Айзека Азимова, возглавлявшего, ко всему прочему, Американскую гуманистическую ассоциацию, занял его место в упомянутой организации. Поскольку термин «гуманизм», как и большинство других, в наше время употребляется всеми, кому не лень, стоит предложить мнение самого Воннегута: «Я - гуманист, что, в частности, означает мое настойчивое стремление вести себя достойно, без оглядки на возможное посмертное наказание за грехи».

Ну, а подробнее о том, во что он все-таки верил - или не верил... перечитайте «Колыбель для кошки». Все пассажи, приписываемые Боконому.

В интервью, опубликованном незадолго до смерти писателя, он ответил на не совсем деликатный вопрос, как себя чувствует и ощущает, разменяв девятый десяток. «Я схожу с ума от того, что старею, и оттого, что живу в Америке. А в остальном - все о'кей!»

Курсор

4

На Московской международной книжной выставке-ярмарке 5 сентября состоялся круглый стол на тему «Фантастика - нереальность, ставшая реальной. Разговор с фантастами о месте книги в мире гаджетов». В роли ведущего выступил Дмитрий Байкалов, участвовали писатели Вадим Панов, Ник Перумов, Василий

Головачев, Сергей Лукьяненко, Алексей Калугин и другие. В конечном итоге разговор свелся к болезненной проблеме: умрет ли бумажная литература под напором электронных книг и прочих гаджетов? Фантасты высказывали серьезную озабоченность отечественными масштабами электронного пиратства, когда любая книга уже через пару недель бесплатно распространяется в Сети и сводит издательский тираж к минимуму продаж. Писатели пытались смоделировать пути дальнейшего развития беллетристики в условиях «дикого» российского интернета, не признающего никаких правил или человеческих категорий и полностью игнорирующего понятное желание авторов, не участвующих в крупных кинопроектах, заработать хотя бы «на кусок хлеба».

 Юбилейный «Ворлдкон», которому в этом году исполнилось 70 лет, состоялся в начале сентября в Чикаго. В рамках конвента вручалось множество премий, в том числе и «Хьюго». Лауреатами последней, одной из двух самых престижных общемировых наград в области фантастики, стали: в номинации «лучший роман» - «Среди иных» Джо Уолтона; «лучшая повесть» - «Мост через туман» Кидж Джонсон, знакомая читателям «Если» по предыдущему номеру; «лучшая короткая повесть» - «Шесть месяцев, три дня» Чарли Джейн Андерс; «лучший рассказ» - «Бумажный зверинец» Кена Лю (писателя, впервые появившегося на российской сцене с рассказом «Исчисляемый» в «Если» № 8 за этот год).

Премия Sidewise за альтернативно-историческую фантастику получили повесть Иэна Маклауда «Проснись и спи» и рассказ Лайзы Голдстайн «Рай - это сад огороженный», уже известный читателям нашего журнала. Лучшей постановкой в «крупной форме» был признан первый сезон «Игры престолов», в «малой форме» - «Жена Доктора» («Доктор Кто»).

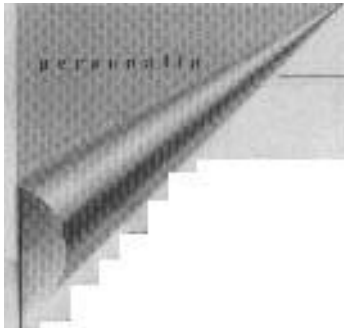
 Студия MGM приобрела права на НФ-роман «Метро 2033» российского писателя Дмитрия Глуховского. Продюсировать проект, сценарий которого поручен Ф.Скотту Фрейзеру, будет Марк Джонсон. Роман 2005 года, рисующий постапокалиптические картины нашей столицы, переведен на тридцать пять языков, обрел воплощение в виде компьютерной игры и в России представляет собой межавторский сериал из двух десятков книг.

4 **Названы победители** ежегодных наград «Золотая утка», вручаемых за научную фантастику для детей и юношества. Премией им. Элеанор Кэмерон награждена повесть-игра «Худший сценарий последнего приключения: Марс!» Хены Кан и Дэвида Боргенича. Премию им. Хола Клемента за НФ для юношества поделили романы «Прекрасная дружба» Дэвида Вебера и «Долгий, долгий сон» Анны Шихен.

4 **«Шаннара» Терри Брукса**, многотомный фэнтези-цикл, обретет телевоплощение. Компания Sonar Entertainment купила права у автора на экранизацию и совместно с Farah Films планирует снять высокобюджетный телесериал, претендуя на лавры «Игры престолов». В основу положен второй роман цикла -«Эльфийские камни Шаннары».

| **In memoriam** | 16 сентября в Днепропетровске на 76-м году жизни скончалась Валерия Александровна Маторина - знаменитая переводчица с английского и польского языков. Она была настолько известна в среде любителей фэнтези, что обычно ее именовали просто инициалами - ВАМ. Ее переводы произведений Толкина считаются одними из наиболее адекватных оригиналам. Валерия Маторина родилась в 1937 году в Нижнем Новгороде. Получила два образования, включая филологическое, жила и работала в Горловке, Запорожье и Днепропетровске. Переводить начала в конце 1970-х годов. В начале 1980-х к ней попали микропленки с оригиналами «Хоббита» и «Властелина Колец», но на русском языке эти эпические тексты дошли до читателей только в начале 1990-х. С тех пор Маторина стала «штатной» переводчицей Профессора, дружила с сыном Толкина Кристофером. Ее переводы насчитывают десятки переизданий.

Агентство F-пресс

personalia

БУЛЫГА Сергей Алексеевич

(Библиографические сведения об авторе см. в № 5 за этот год)

Корр: В конце восьмидесятых годов прошлого века белорусская фантастика была на подъеме. вспомнить хотя бы о том, что первый профессиональный НФ-журнал общесоюзного звучания «Фантакрим МЕГА» был создан в Минске. Каковы сейчас позиции жанра в Белоруссии?

С.Булыга: Мне так кажется, и это, конечно же, сугубо личное мнение, что в начале десятых годов нынешнего века белорусская фантастика стала категорией почти исчезнувшей. Правда, иногда проскальзывают слухи, что кто-то где-то как-то напечатался. Вполне возможно, что это правда, а может, и фантастика, утверждать не берусь. Что же касается первого НФ-журнала, то время от времени мы собираемся старым проверенным МЕГА-составом и хорошо сидим, беседуем. Как там у классика? А, вот: бойцы вспоминают минувшие дни, да-да, вот именно. И занавес.

ВАДЖРА Раджиар

(Библиографические сведения об авторе см. в № 2 за этот год)

Серия повестей Р.Ваджры о докторе для чужаков оказалась самым заметным явлением в творчестве автора: о ней говорят критики, к ней обращено пристальное внимание читателей. В одном из блогов читательница написала следующее: «Это, наверное, самое глубокое и неожиданное произведение на тему экзопсихологии (и экзопсихиатрии), которое мне попало на глаза за последнее десятилетие. Прочитав анонс в номере «Analog», я с интересом открыла повесть и проглотила ее за один присест. Не сомневаюсь, что отныне буду следить за каждой новой работой этого автора».

ГЭННОН Чарлз
(GANNON, Charles)

Американский писатель-фантаст и ученый-филолог профессор Чарлз Гэннон после окончания университета работал сценаристом и продюсером в Нью-Йорке, затем преподавал во многих университетах (включая чешский), работал по специальности в университетах Англии, Италии и Нидерландах, а с 2007 года полностью посвятил себя литературной деятельности. В фантастике Гэннон дебютировал в 1994 году рассказом «Дар волхвов». С тех пор опубликовал три романа в «межавторских» сериях (все в соавторстве) и десяток рассказов и повестей, а также несколько книг non-fiction.

Многодетный отец Чарлз Гэннон проживает с семьей в Аннаполисе, посвящая свободное от работы время многочисленным хобби: карате, фехтованию, стрельбе в тире и прочим.

ДЕЛЭНСИ Крейг

(Биобиблиографические сведения об авторе см. в № 2 за этот год)

О себе американский писатель и ученый-философ Крейг Делэнси сообщает на своей домашней странице в интернете следующее:

«Я в первую очередь философ, а потом уже писатель. Мои философские интересы в настоящее время касаются приложений колмогоровской теории сложности алгоритмов, философии мышления (особенно проблемы возникновения эмоций) и «экологической этики». Что касается литературной деятельности, то пишу я в основном художественную прозу и пьесы. Как охарактеризовать мои литературные опыты? Может, математические фантазии? Да, действительно, я написал одну пьесу про Геделя, на очереди произведение, посвященное Тьюрингу, а за ним еще одно - о Канторе».

КЮНСКЕН Дерек
(KUNSKEN, Derek)

Канадский писатель Дерек Кюнскен закончил университет в штате Онтарио по специальности молекулярная биология. Он занимался исследовательской работой в Университете Мак-Мастер в Оттаве, а затем неожиданно поступил на работу в канадский МИД и провел пять лет в Центральной Америке (в основном в Колумбии), где принимал участие в гуманитарной программе помощи беженцам и

бездомным. В настоящее время живет в Оттаве и работает в отделе гражданства и иммиграции МИД менеджером по вопросам переселения беженцев.

Писатель дебютировал рассказом «Под освещенной солнцем мелью» (2008), с которым читатели «Если» уже знакомы (под заголовком «На глубине»), и с тех пор опубликовал еще несколько рассказов, один из которых представлен в нынешнем номере.

МАКДЕВИТТ Джек

(Биобиблиографические сведения об авторе см. в № 1 за этот год)

В интервью, данном на традиционном ежегодном банкете Ассоциации научных фантастов США (на котором присуждается премия «Небьюла»), американский писатель Джек Макдевитт рассказал, как он, пришедший в научную фантастику еще до начала Большой Космической Гонки сверхдержав, относится к сворачиванию программы Space Shuttle и американским перспективам в деле освоения космоса:

«Гонка, о которой вы говорите, началась в 1957 году, когда я играл с мальчишками в бейсбол в нашем дворе на юге Филадельфии. Как сейчас помню, ясными ночами выходил в тот же двор, чтобы понаблюдать за первым советским спутником. Что касается программы «космических челноков», то я никогда не был ее горячим сторонником. Мы пришли на Луну по чисто политическим причинам, а затем закрыли программу. И «космический челнок», несмотря на все свои практические преимущества, был ясным знаком нашего поражения - ухода с Луны. В конце концов мы осознали, что войны имеют тенденцию пожирать все средства, которые можно было бы направить на достижение каких-то иных целей. Подозреваю, что когда-нибудь мы сможем без предубеждения взглянуть на наше недавнее прошлое - чтобы обнаружить, что и тогда, если бы мы серьезно относились к управляемым космическим полетам, дверь для них оставалась бы открытой».

НИМАНН-РОСС Марк (NIEMANN-ROSS, Mark)

Программист, джазмен и писатель Марк Ниманн-Росс окончил Университет Денвера и Университет штата Висконсин в Стауте с дипломами инженера-менеджера и специалиста по компьютерной графике, дизайну и фотографии.

В 2005 году он дебютировал как писатель-фантаст, опубликовав в соавторстве с Ричардом Лореттом рассказ «Сетевые щенки». С тех пор Ниманн-Росс выпустил

вместе с тем же соавтором еще три произведения короткой формы, два из которых были признаны читателями журнала «Analog» лучшими в своих номинациях за год.

Марк Ниманн-Росс - знаковая личность в компьютерном мире, он является разработчиком графических программ в известной каждому пользователю компании Adobe, В свободное время играет в джаз-ансамбле в городе Портленде (штат Орегон), где и проживает.

ПАРДОМ Том (PURDOM, Том)

Американский писатель Томас Эдуард Пардом родился в 1936 году. После окончания колледжа Лафайетт в Истоне (штат Пенсильвания) и службы в армии сменил несколько профессий: служил агентом по бронированию авиабилетов, вел музыкальную колонку в различных газетах, писал научно-популярные статьи и книги, преподавал литературу (в том числе научную фантастику) в ряде университетов.

Первым НФ-произведением Пардома стал рассказ «Горевать из-за человека» (1957). На сегодняшний день на счету писателя более полусотни рассказов и повестей (один рассказ и одна повесть номинировались на премию «Хьюго») и пять романов - «Желание звезд» (1964), «Три лорда Иметена» (1966), «Пятеро против Арлана» (1967), «Сокращение вооружений» (1971) и «Бароны поведения» (1972). В основном Том Пардом пишет приключенческую фантастику, увлекательную и хорошо «закрученную»; его герои, как правило, земные колонисты на далеких планетах. Несколько в стороне от других стоит роман «Бароны поведения», в котором действие происходит на Земле, где установлен тоталитарный режим. Кроме того, Пардом составил антологию «Приключения открытий» (1969).

В 1970-1972 годах Пардом был вице-президентом Ассоциации американских писателей-фантастов. В настоящее время проживает в Филадельфии.

Подготовил Михаил АНДРЕЕВ

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ПОВЕСТИ

Евгения ЛУКИНА
«ТЕЛО, КОТОРОМУ СЛУЖИШЬ»
Адама-Троя КАСТРО
«НЕЧИСТЫЕ РУКИ»

РАССКАЗЫ

Карла ФРЕДЕРИКА, Рика ВИЛБЕРА,
Кайла КЁРКЛАНДА, Пола МАКОУЛИ

СТАТЬИ

Вл. ГАКОВА, Эдуарда ГЕВОРКЯНА,
Глеба ЕЛИСЕЕВА, Дмитрия ВОЛОДИХИНА

ЧИТАЙТЕ ДЕКАБРЬСКИЙ ВЫПУСК ЖУРНАЛА

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

К сожалению, вы не найдете «Если» в подвисных каталогах на следующий год. Ввиду прекращения деятельности издательства, выпускающего журнал, и в силу финансовых трудностей, переживаемых нашим изданием из-за стремительного увеличения числа «пиратских» сайтов, выкладывающих его номера в Сети, и задолженностей розничных фирм-распространителей, «Если» в 2013 году выходить не будет.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ПОВЕСТИ

**Евгения ЛУКИНА
«ТЕЛО, КОТОРОМУ СЛУЖИШЬ»
Адама-Троя КАСТРО
«НЕЧИСТЫЕ РУКИ»**

**РАССКАЗЫ
Карла ФРЕДЕРИКА, Рика ВИЛБЕРА,
Кайла КЁРКЛАНДА, Пола МАКОУЛИ**

**СТАТЬИ
Вл. ТАКОВА, Эдуарда ГЕВОРКЯНА,
Глеба ЕЛИСЕЕВА, Дмитрия ВОЛОДИХИНА**

ЧИТАЙТЕ ДЕКАБРЬСКИЙ ВЫПУСК ЖУРНАЛА

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

К сожалению, вы не найдете «Если» в подписных каталогах на следующий год. Ввиду прекращения деятельности издательства, выпускающего журнал, и в силу финансовых трудностей, переживаемых нашим изданием из-за стремительного увеличения числа «пиратских» сайтов, выкладывающих его номера в Сети, и задолженностей розничных фирм-распространителей, «Если» в 2013 году выходить не будет.

